Ярослав Иосселиани

ОГОНЬ В ОКЕАНЕ

OZON.ru

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Записки Я. К. Иосселиани «Огонь в океане» носят автобиографический характер. Капитан первого ранга, Герой Советского Союза, прославленный подводник Ярослав Константинович Иосселиани родился и провел детские годы в горной Сванетии. Грузины по происхождению, жители горной Сванетии в силу многих исторических, географических, и социальных причин оказались в отрыве и от высокой грузинской и от могучей русской культуры. Октябрьская революция принесла в Сванетию свободную и полнокровную жизнь, о которой веками мечтали свободолюбивые сваны. Жизненный путь героев книги — частный, но убедительный пример торжества ленинской национальной политики. Некоторые события и факты, о которых рассказывается в предлагаемой читателю книге, прежде были использованы автором в его произведении «Записки подводника», также построенном на автобиографическом материале. Однако в книге «Огонь в океане» они изложены по-новому, развернуто, в художественно обобщенной форме, рамки повествования значительно расширены. Имена и фамилии героев книги в том числе наших доблестных подводников, за очень немногими исключениями, подлинные.

-
- Часть l. Мальчик из Лахири
  - У очага
  - Открытие нового мира
  - Кто же прав?
  - Все боги выдуманы
  - Законы крови
  - В неизвестность
  - Непрошеные гости радуют сердце неожиданностью
  - Хорошее место
  - Ажара
  - Председатель сельсовета
  - Путь в широкие страны
  - Один
  - Помощь товарища
  - Коллектив отвечает
  - Самодеятельность
  - Комсомол
  - В училище
  - Первые шаги

- Часть II. Огонь в океане
  - Страшное слово
  - Неудачи
  - Командир подводной лодки
  - «Малютка»
  - Тупым ножом...
  - Бледные лица
  - Черная опасность
  - Порт Констанца
  - Прощай, Черное море!
  - К берегам Англии
  - Очень прилично
  - Состязания
  - Огонь в океане
  - Уходим в море
  - Послесловие
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

Посвящаю моим детям Косте, Кате, Тане, Гиви и жене и другу Галине Павловне Иосселиани (Смирновой), оказавшей мне большую помощь в работе над этой книгой.

Часть 1. Мальчик из Лахири

У очага

Село Лахири со всех сторон окружено снежными вершинами. Кажется, будто оно провалилось в огромный сугроб.

Вершины гор как бы срослись с небом. Вечером хорошо знакомые мне хребты принимают совсем новые, причудливые очертания.

Холодно. Тоскливо мычит корова. Ей вторит бычок Балду, мой четвероногий друг.

В доме горит очаг.

Здесь, у очага, как и обычно в длинные зимние вечера, собралась почти вся наша многочисленная семья. Не хватает только моего отца Коции и дяди Кондрата. Они на заработках в Мингрелии.

На тяжелой закопченной цепи висит большой котел с варевом на ужин. Около него хлопочет моя мать — Кати.

Мужчины курят трубки, время от времени подкладывают в огонь дрова и степенно беседуют. Женщины сидят поодаль на низенькой длинной скамейке. Бабушка Хошадеде, проворно двигая сухими длинными руками, месит тесто для лепешек.

— Если через неделю не потеплеет, пропал скот... Во всём Лахири ни у кого сена не останется, — вздыхая, говорит дядя Андеад.

— Да, затянулась зима... Боги гневаются на нас, — вполголоса отзывается дедушка Гиго. Он с ногами взобрался на сакорцхвил — так называется кресло, занимаемое старшим в доме мужчиной.

Дедушке почти сто лет. Все — и взрослые и дети — с почтением относятся к нему. Но особенно дорог он нам, детям. Когда взрослые уходят работать, мы часами сидим с ним и слушаем его рассказы. Он все знает, наш дедушка, и мы считаем, что мудрее его людей на свете нет.

— Не послушали меня!.. — восклицает бабушка Хошадеде и сердито бросает очередную лепешку на каменную плиту.

— И хорошо сделали. Пропали бы мы, если б тебя слушали... Совсем пропали, — беззлобно замечает со своего кресла дедушка.

— Пожалели быка, — укоризненно продолжает бабушка, не обращая на дедушку внимания, — для богов пожалели — позор!.. Поп говорил, люди говорили... Вот теперь погибнет скот. Не послушали меня...

— И правильно сделали, — все тем же мягким спокойным голосом вставляет дедушка.

Он беззаботно относится к советам бабушки и постоянно

подтрунивает над ней; Я не помню случая, чтоб он хоть в чем-нибудь с ней согласился. Бабушка привыкла к этому и редко сердится на дедушку за его насмешки.

— Мама, — осторожно вмешивается дядя Андеад, — ведь многие уже пожертвовали богам, а весна все не приходит.

— Вот они за нас и страдают. Не могут же боги одним посылать весну, а другим не посылать. Нам божья помощь не полагается, — объясняет бабушка.

— Помолчи! Двенадцать молний на твой длинный язык! — не выдерживает дедушка.

Он поспешно вылезает из сакорцхвила, встает на колени лицом к востоку и принимается молиться.

— Божья помощь нам не полагается? — слышится между молитвами его голос. — Более преданных христиан, чем я и мои дети, нет на свете. Господи, помоги нам во всех наших делах! Не слушай глупую старуху. Она слишком долго жила на свете, лишилась рассудка. — Дрожащая старческая рука взлетает в воздух, тяжело опускается на лоб, скользит по груди, описывает зигзаги.

Мне нравилось, как дедушка молится, и я много раз пытался подражать ему, делая такие же зигзаги. Но бабушка сурово порицала меня за это и терпеливо показывала, как надо креститься и класть поклоны.

Вслед за дедушкой и другие стали на колени.

В этот вечер был мой черед поддерживать огонь в ламуголае — треножнике, служащем для освещения дома. Это была неприятная обязанность: ламуголай установлен напротив двери, и дым от очага, тянувшийся к выходу из дома, разъедал глаза.

Воспользовавшись возможностью присоединиться к молящимся, я отошел от ламуголая и опустился на колени рядом с дедушкой.

— Из-за глупой старухи приходится лишний раз молиться богу, — проворчал дедушка, вставая и отряхивая пыль с колен.

Пока Хошадеде усердно клала поклоны и истово крестилась, несколько лепешек пригорело. Переворачивая их, бабушка обожгла пальцы, и это очень рассердило ее.

— Ты, безбожник, ленишься лишний раз помолиться. Из-за этого мы счастья не видим. Ты во всем виноват, ты!.. — срывает она свою злость на дедушке.

В разговор снова вмешивается дядя Андеад.

— Я не имею права указывать вам, старшим. Но вот наш сосед Акофа сделал в прошлом году самые богатые жертвоприношения святому Квирику, а потом похоронил дочь,

жена заболела, кормить семью нечем... — Дядя Андеад обвел всех добрыми, недоумевающими глазами.

Бабушка постаралась предотвратить опасные размышления по этому поводу:

— Молчи, сын мой, ты говоришь нехорошо... Господи, образумь его, темного человека! — И она снова подняла вверх измазанные тестом руки.

Мне надоело следить за разговором старших. Сестра Вера играла новой самодельной игрушкой. Это был вырезанный из коры человек с большим крючковатым носом. Достаточно было слегка нажать пальцем на его голову — и нос начинал приподниматься. Мне захотелось подойти к Вере, поиграть вместе с ней, и я выискивал предлог, чтобы снова оставить ламуголай. Но осуществить свое намерение не успел. Кто-то сильно застучал в дверь. Все насторожились. Дедушка приподнялся в своем кресле.

Вошел мой двоюродный дядя Ираклий. Он снял войлочную шапочку, стряхнул ею снег с архалука и сел к очагу, прикрыв от дыма глаза растопыренными пальцами. Лицо у дядя было встревоженным.

— Что случилось? — не вытерпела бабушка.

— На Латпаре погибли Кецхва, Дедаши и еще трое... Обвал.

Женщины запричитали. Руки дедушки, лежащие на подлокотниках кресла, задрожали. Маленькая Вера, бросив свою игрушку, подобралась поближе к очагу. Всегда спокойный, медлительный дядя Андеад швырнул в огонь палку, которой весь вечер рисовал на пепле замысловатые фигурки, и заходил по мачубу (так по-свански называется жилое помещение нижнего этажа).

— Яро, ламуголай! — упрекнул меня дедушка. Поддавшись общему волнению, я совсем забыл о своих обязанностях, и в помещении стало совсем темно.

— Все погибли? — спросил дедушка Гиго, недовольно покосившись на причитавших женщин. Он, кажется, один из всех взрослых членов нашей семьи сохранил самообладание.

— С ними Напол был. Я его сегодня видел в Мужале... Наши шли со следующим караваном. О наших никто не знает, — глухо ответил дядя.

Только теперь я понял, что моему отцу и дяде Кондрату грозит опасность. Мы ждали их с заработков со дня на день.

Я знал, что зимой переход к нам из Широких стран труден, что на горных перевалах людей подстерегают многие опасности. Слово «обвал» в нашей семье всегда произносили со страхом. Что грозит отцу? Мне стало страшно, по лицу покатились слезы.

Дедушка взял меня на колени, прижал к себе.

— Плакать не надо. Никто из наших не погиб. Твой отец умный и осторожный человек. Я за него не беспокоюсь. И за Кондрата не боюсь. Вот погибших жаль. Кецхву я крестил... Семь человек теперь сиротами остались. Подумать только: семь человек!..

Я тоже считал, что отец умный и осторожный человек. Слова дедушки успокоили меня.

— -Дедушка, какие они, обвалы? Страшные? Расскажи, — попросил я.

Хотя дедушка и сказал, что он спокоен за моего отца и дядю, но, наверное, в глубине души он все-таки был встревожен. И, может быть, потому именно принялся рассказывать об обвалах восьмилетнему ребенку, что не хотел вступать в серьезный разговор со взрослыми. Жестом он приказал моему двоюродному брату Ермолаю, сыну дяди Кондрата, чтобы тот занял мое место у ламуголая.

— Нашу маленькую страну бог, говорят, создал в самом плохом настроении...

— Опять ты говоришь глупости! У бога всегда хорошее настроение. Да поможет он нам! — сквозь слезы проворчала бабушка.

— Аминь! Да поможет он нам! — недовольно покосившись на нее, подтвердил дедушка Гиго. — Так вот, дорог в нашу маленькую страну нет. Чтобы попасть от нас в Широкие страны и из Широких стран к нам, надо идти по опасным тропам. Вот если бы у нас была соль, может, и не пришлось бы зимой ходить по ним. Хотя у нас не только соли, а и многого нет…

Дедушка умеет интересно рассказывать. И хотя взрослым все это хорошо известно, а мужчины и сами переходили через перевал — все слушают его очень внимательно. Даже у женщин высохли слезы.

— Коция и Кондрат знают на проклятом Латпаре каждый камень, они умные люди. А Коция и ученый человек. Он не полезет под снег, как какой-нибудь баран, — говорит дедушка.

Мой отец немного умел объясняться по-русски, и это имел в виду дедушка, когда говорил о его учености.

— Думай, о чем говоришь, старый. По-твоему, все, кто погибает под снегом, бараны?!

Дедушка пропускает мимо ушей замечание бабушки.

Я сижу на его коленях, он гладит меня по голове и щекочет мое лицо седой бородой.

— Твой отец выждет хорошую погоду. Терпение, мой Яро, — великое дело. Если ты будешь нетерпеливым и

нерассудительным, пропало твое дело. Ничего у тебя не будет получаться, и всем ты будешь в тягость. Обвалы и снег, Яро, надо уметь самому победить, боги не всегда помогают....

— Господи, ты совсем заговариваешься! Разве можно так много говорить о тех, кто попал в опасность? Пустые разговоры навлекут на них беду.

На этот раз бабушка попала в цель: у сванов существовал обычай не упоминать о тех, кто в горах рискует жизнью. Богиня Деал, хранительница неустрашимых и удачливых охотников, не терпит этого. Сваны очень любили богиню Деал, и мысль о том, что пустые разговоры могут рассердить ее, заставила дедушку замолчать.

— Вот если б дорогу построить! — прервал неловкое молчание дядя Андеад.

Дедушка постучал чубуком по спинке сакорцхвила, мелкие искры посыпались на пол.

— Обманули нас с дорогой. Да что дорога, соли даже нет. А налоги платим...

Разговор снова умолкает. Женщины вынесли из-за шкафов длинные узкие столики, расставили их перед очагом. Мама накладывает в деревянные миски тушеные бобы. Они не соленые, за зиму весь запас соли израсходован. Бабушка возле каждой миски кладет по горячей лепешке.

Мужчины садятся по одну сторону очага, женщины — по другую. Я пристраиваюсь возле дедушки. Мама, нарушая обычай, садится рядом со мной. Видно, что ее мучает тревога за отца.

Бобы дымятся, от них идет аппетитный запах. Вот если б немного сала... Я вопросительно смотрю на маму. Она хорошо понимает смысл моего взгляда, поднимается и достает из шкафа кусок пожелтевшего сала. В детских мисках расплываются маленькие кусочки жира.

После ужина мужчины снова разожгли чубуки, в огонь подбросили дров. Вера, привалившись головой к моему плечу, заснула. Мне хочется еще посидеть у очага, послушать разговоры взрослых, и я боюсь, как бы мама не уложила меня спать. Я не шевелюсь, чтобы не разбудить Веру, и с опаской поглядываю на маму. Но она занялась мытьем мисок. Лицо у нее печальное, задумчивое. Сейчас ей не до нас.

Дядя Ираклий приоткрыл дверь. Холодный воздух и стая пушистых снежинок ворвались в мачуб.

— Нужно что-нибудь придумать. Погибнет ведь скот, — говорят дядя Ираклий. В его голосе звучит решимость.

К его словам в нашей семье относятся серьезно. Он не привык кидать слов на ветер. Все насторожились. Даже дедушка вскинул

голову и внимательно посмотрел на племянника.

Но дядя Ираклий уклонился от разъяснений, оказав только:

— Ночью подумаем, а завтра поговорим. Говорят, абхазцы, когда туго с кормами, кормят скот рододендронами.

— Рододендроны у нас не растут, сын мой, — уточняет бабушка Хошадеде.

— Зато растут в Лахамуле...

Дядя по сванскому обычаю поклонился и вышел из дома.

— ...растут в Лахамуле! — передразнил его дедушка. — На спине корм не переносишь, сам ноги протянешь.

Тетки принялись раздевать и укладывать детей. Я подошел к дедушке, чтобы помочь ему снять чувяки. Ему самому было трудно это делать.

Дедушка и бабушка спали рядом с нами на деревянной, похожей на катафалк кровати. Мы, дети, располагались все вместе. Кровать была низенькой и не слишком широкой. Лежали мы, чтобы не занимать много места, головами в разные стороны. Частенько ночью приходилось испуганно вскакивать, получив по голове удар ноги одного из братьев. Спасали нас довольно высокие борта, окаймляющие кровать. Иначе кто-нибудь из нас неизбежно досыпал бы ночь на полу.

В эту ночь я заснул не сразу. Думалось о снежных обвалах, об отце, которому трудно приходилось сейчас.

Я ворочался с боку на бок, вздыхал... Нет, не мог погибнуть отец!.. И я представлял его героем, обманывающим страшный обвал, бодро шагающим по отвесной тропе. Вот он уже подходит к дому, стучится... Нет, это шумит ветер.

Потом я услышал шепот:

— Безбожник ты! Два сына в опасности, а ты жертву жалеешь.

Я не сразу понял, что это шептала бабушка. Шепот оторвал меня от дум, заставил напрячь слух.

— Какой я безбожник? Всю жизнь только и делаю, что молюсь разным богам.

— Подсчитывай, подсчитывай свои молитвы, бессовестный.

— Ну, зарежем быка, а пахать как будем?

— Шалиани велик и всемогущ. Он поможет нам... В конце концов дедушка сдался. Завтра чуть свет он обещал пойти в церковь и дать обет в день памяти святых Квярика и Юлиты зарезать нашего бычка Балду. Святые, приняв жертву, избавят Нас от затянувшейся зимы, несчастных случаев на перевале, от болезней и всех несчастий.

Ночью мне снилось, что я бегаю с бычком по всему Лахири. Потом Балду куда-то пропал, и я долго повсюду искал его.

Открытие нового мира

Проснулся я позже всех. Дедушка лежал в своей кровати и тихо стонал. У него болела голова. Бабушка Хошадеде лечила его святой водой.

Это средство она приготовляла сама. Бабушка снимала со стены одну из икон, клала ее в миску с водой, несколько раз крестилась, затем вешала икону на место, а вода в миске после этого считалась святой.

— Долго ты спишь, Яро, — произнес дедушка довольно строго. — Нельзя в детстве столько спать — обленишься. А если обленишься — тогда пропал, совсем пропал.

— Меня не разбудили, — попробовал я оправдаться.

— Не разбудили? Хотели соседей на помощь звать да раздумали. Ох-ох!.. Голова болит, — застонал старик.

— Выпей еще святой воды. Господь велик, поможет, — предложила бабушка.

— Нет, больше не могу. Икона, наверное, грязная была, что-то живот начинает болеть...

— Господи, — подняла вверх руки бабушка, — не гневайся на старика, он очень темный человек!

Я принялся натягивать на себя холщовую рубаху и узкие шаровары из домотканого материала, а поверх них шерстяные гетры. Потом приступил к обуванию. Это было нелегкое дело. Чулок и носков мы зимой не носили. Нужно было на голые ноги натягивать чувяки, предварительно набив их до отказа травой, называемой цереква. Без этой спасительной травы ноги мерзли.

— Есть такие люди, дохтура называются, — заговорил дедушка, то и дело прерывая свою речь стонами. — Когда я был молодым, в Мингрелии видел дохтура. Он мне лекарство дал, и голова сразу перестала болеть. Вот это было лекарство!

— Пьяница какой-нибудь, — решила бабушка, накладывая дрова в очаг. — В Мингрелии все пьяницы... Они всех сванов обманывают и тебя обманули.

Я быстро помылся, съел кусок холодной лепешки и побежал во двор.

— Никому не говори, что орошал, — вдогонку предупредил дедушка, — засмеют.

Было солнечно и необычно тепло. Снег уже не хрустел под ногами, а сочно чавкал. С крыш падали капли.

На пороге сидела мать. Она грелась на солнце и вертела свою прялку. Около нее копалась Вера.

— Наконец-то, Яро! — укоризненно сказала мама и

притянула меня к себе.

Я прижался к матери. От нее пахло свежими лепешками, дымом и еще чем-то несказанно родным.

— Возьми санки. Твои приятели уже давно на Свипфе. Смотри, снег тает.

— Значит, скот не погибнет? Сена теперь хватит? — обрадовался я.

— Теперь даже дети думают с нами вместе, — вздохнув, проговорила подошедшая к нам тетя Кетеван. — У всех одна забота...

— Думаю, что теперь скот не погибнет.

Мама посмотрела на сверкающие в лучах солнца заснеженные вершины гор и тяжело, очень тяжело вздохнула.

— Ничего, мама, не беспокойся. Папа скоро вернется. Он ведь у нас умный, — попробовал я успокоить ее. И тут же, почему-то смутившись, побежал к околице.

Северная окраина нашего села как бы влезает на одну из довольно крутых гор, где сходятся все улицы. Это и есть Свипф. Здесь мы играли, обсуждали новости, катались на санках.

Мои сверстники собрались под вековым деревом и оживленно о чем-то беседовали.

— Что слышно о твоем отце? Говорят, на перевале погибло много людей. Твоего папы нет среди них, скажи, Яро? — обратился ко мне соседский мальчик Иламаз. Его сутулая, не по возрасту рослая фигура, длинное лицо с горбатым носом, глаза, пристальные и добрые, — все застыло в тяжком, недетском ожидании.

Тревога за отца с новой силой охватила меня.

— Дедушка говорит, что с папой ничего не случится, — едва сдерживая подступившие слезы, ответил я.

— Дедушка Гиго так сказал? — с особой значительностью в голосе переспросил кто-то из ребят.

— Он у них гвеф, ребята. Если он так сказал, то с Коцией действительно ничего не случится. Это точно! — уверенно подтвердил Иламаз.

Дедушку на селе многие называли гвефом. Это означало, что в него вселилась нечистая сила. Считалось, что гвеф все знает и может отвратить кары, посылаемые злыми духами на его семью.

— А что он говорит о других, погибли они или нет? — спросило сразу несколько голосов.

— Никакой он не гвеф, и ничего он не говорит. Он заболел сейчас, — вступился я за дедушку.

Подозрение в гвефстве, как и всякая связь с нечистой силой, считалось оскорбительным.

— Слышите? Он даже заболел, — обратившись к товарищам, сказал Иламаз. — Теперь ясно. Ему нелегко было предотвращать беды на перевале. Молодец Гиго! Он добрый человек. Он, наверное, многих спас. Когда он заболел?

Заметив, видимо, на моем лице обиду, Иламаз потрепал меня по плечу и добавил:

— Да ты не обижайся, Яро! Ведь дело идет о жизни наших отцов, а Гиго полезный гвеф. Он только хорошее делает. Это все знают.

Иламаз пользовался среди ребят весом. Он был самоуверенный и неглупый мальчик. Ростом он был выше всех нас.

Я почувствовал, что ребята поверили Иламазу. Раз он говорит, что дедушка Гиго гвеф — значит, так оно и есть. Спорить с ребятами было бесполезно, и поэтому мне ничего не оставалось, как повернуться я уйти. За собой я услышал торопливые шаги. Обернувшись, увидел расстроенное лицо Иламаза.

— Яро, дорогой, не сердись. Я не хотел обидеть твоего дедушку. Наоборот, это очень хорошо, что он гвеф. Ведь многие из нас сейчас мучаются. Вон у Гаму отец на перевале, у Арсена тоже. А мой отец даже неизвестно где. Спроси у дедушки, узнай, где мой отец... Пожалуйста!

Иламаз был готов расплакаться. На лице его застыло умоляющее выражение. Мне стало жаль его.

— Ты подожди меня здесь, я спрошу и вернусь. А санки возьми...

Войдя в мачуб, я, как обычно, несколько секунд постоял на пороге, привыкая к темноте. В мачубе было лишь одно маленькое оконце, вернее не оконце, а отверстие, напоминавшее бойницу. Поэтому зимой, когда входная дверь была закрыта, здесь всегда стоял полумрак.

Дедушка, поджав под себя ноги, сидел на кровати и курил.

— Зачем вернулся? — спросил он.

— Меня просили... — сбивчиво начал я. — Меня просили... Иламаз просил... С его отцом ничего не случилось?.. На Латпаре?

Я очень боялся обидеть дедушку. Но дедушка добродушно рассмеялся:

— Хе-хе-хе! И дети меня гвефом считают. А это, пожалуй, хорошо. Иногда можно людей успокоить. Свану многого и не требуется, ты его обнадежь — и все... Ты, Яро, тоже думаешь, что я гвеф?

— Нет, я не верю, — не очень уверенно отозвался я.

— Я, бывает, ворчу из-за этих разговоров, но по-настоящему

не обижаюсь. Вижу, что добро могу иногда сделать, вот и не обижаюсь. Если дам правильный совет — говорят сила гвефства, не дам — не хотел, говорят, правду сказать... Эх-эх-эх, темнота наша!.. Какой я гвеф? А Иламазу скажи, что отец его жив, здоров, скоро придет. Пусть мальчик не страдает...

Поцеловав дедушку, я побежал на Свипф.

Когда я сообщил Иламазу слова дедушки, радости его не было предела. Он обхватил меня своими длинными руками, крепко прижал к себе, затем, вдруг отпихнув, убежал. Конечно, он торопился сообщить дома радостную новость. Мне в эту минуту захотелось, чтобы дедушка был настоящим гвефом.

Компания распалась. Я поплелся домой.

Мама по-прежнему сидела на камнях у дома. Солнце освещало ее. Вся она была какая-то легкая. Длинные русые косы лежали на ее груди. Я всегда считал, что моя мама добрая и красивая, но сегодня под молодыми лучами весеннего солнца она показалась мне необыкновенной красавицей. Славно бы о ней рассказывал мне дедушка в своих сказках.

Мама отняла руки от прялки, прижала меня к себе. Я взял конец ее косы и стал перебирать ее пальцами.

— Что же ты, мой мальчик, сегодня не катаешься на санках?

— Сегодня, мама, никто не катается. Все только и говорят о Латпаре...

— Да, сынок, все ждут своих... — тихо произнесла она и задумалась. — Так каждую весну. Ведь по обычаю наших предков все сваны к Черному понедельнику[1] должны быть дома. И тебя, сыночек, будут когда-нибудь ждать. Такая у нас жизнь тяжелая.

Мне стало невыносимо жаль мать. Ее большие серые глаза заволоклись слезами, и страстная жалоба снова зазвучала в ее словах:

— Вот так и проходят эти дни. Мужчины сидят на башнях и смотрят на дорогу, а мы, женщины, не сходим с порога. Говорят, это облегчает путь ожидаемым. Пока, слава Шалиани, спасал он наших людей, не обижал нас. Все возвращались невредимыми.

— И с нашей башни можно смотреть на дорогу, она ведь у нас самая высокая в Лахири? Мама, пусти меня на башню!

— Давно уже никто туда не забирался. Но если дедушка тебе позволят, то, пожалуй, можешь слазить. Да ты ведь не знаешь, куда надо смотреть? — И она указала мне точное направление.

Я отправился к дедушке. Подумав с минуту, он махнул рукой в знак того, что не возражает.

Разрешение влезть на башню было неожиданным для меня. Нас, детей, туда никогда не пускали — это считалось не совсем

безопасным.

У входа в мачуб, в небольшом коридоре, заваленном дровами, начиналась лестница в верхний этаж дома — дорбаз, где жили только летом. Вернее, это была не лестница, а большой пласт шифера со специальными зарубками.

Дорбаз закрывался тяжелой дубовой дверью, утыканной камнями. Ни выломать, ни расколоть топором дверь было невозможно, топор везде бы наткнулся на кремень. Дверь служила хорошей защитой от нападения.

С трудом приоткрыв дверь, я вошел в дорбаз. В зимние месяцы здесь хранилось сено. Но сейчас дорбаз был почти пуст. Лишь в одном углу лежало немного корма для окота.

В некоторых сванских домах башни расположены обособленно от дома и соединяются с ним крытым мостиком. В случае, если враг подходил непосредственно к башне, то мостик при помощи специального приспособления рушился. В такие башни детей совсем не пускали. В темных, иногда довольно длинных переходах легко было оступиться.

В нашем доме башня была пристроена к дорбазу.

Ощупывая ногами и руками зарубки, я добрался до третьего яруса. В глаза ударил яркий свет. Он шел из бойниц, вырубленных в полутораметровых стенах,

Я забрался в одну из них. Толщина стены была больше, нежели мой рост, поэтому, когда голова моя дошла до внешней кромки, ноги уже находились в щели.

Третий ярус оказался недостаточно высок, я видел лишь дома соседей да четырехугольные башни. Я насчитал их семь. Они гордо стояли на страже села, серые, огромные, неприступные...

Немного полюбовавшись на открывшуюся передо мной картину, стал взбираться выше, почти по вертикальному бревну, имевшему зазубришси только для большого пальца ноги,

На самом верхнем этаже не было даже и бревна. В потолке здесь было четыре отверстия, и под каждым с одной стороны стены находился камень, и выемка — с другой. Я наметил себе одно из отверстий, встав на камень, ухватился за края потолка и вскарабкался на верхнюю площадку.

Первое, что я увидел здесь, это... ноги человека, торчавшие из бойницы.

«Деав!» — мелькнула мысль. В Сванетии в те времена все верили в существование лешего — деава. Не мудрено, что я шарахнулся вниз, оступился, грохнулся о каменный пол и потерял сознание. Но, видимо, я быстро пришел в себя и вскочил на ноги. Деав заговорил человеческим голосом:

— Сгинь, нечистая сила! Крест тебе на шею!..

— Дядя! — вскрикнул я. Передо мной был Андеад.

— Ты что здесь делаешь, озорник? — спросил дядя, недоумевая.

— Я думал, что ты деав, — признался я.

— Да и я принял тебя не за ангела. Копошится кто-то в темноте, со свету-то не сразу рассмотришь.

Оба мы рассмеялись.

Дядя поднялся на башню с той же целью, что и я: наблюдать за дорогами, ведущими с перевалов.

— Ты залезай в ту бойницу, оттуда увидишь село Жамуж, а за ним реку и мост. От моста вверх идет дорога, затем площадка, — учил меня дядя, — потом дорога идет вверх по лесной чаще. Вот на этой дороге должны появиться...

Я впервые смотрел на наше село из бойницы. С двадцатиметровой вышины дома казались совсем маленькими, игрушечными. Вокруг каждой крыши виднелись каменные ожерелья оград. Кое-где копошились крохотные фигурки людей.

Вскоре мне удалось выделить из общего белого фона дорогу, о которой говорил дядя. Долго лежал я в бойнице, не сводя с нее глаз. Затем по сигналу дяди вылез из каменного отверстия.

— Пойдем вниз, сегодня уже не придут, поздно.

— Разреши мне остаться. Я еще немного посмотрю, вдруг придут, — взмолился я.

— Нет, пошли!

— Ну разок, еще только разок, — упрашивал я.

— А ну, быстро вниз! — скомандовал дядя. — Без всяких разговоров!

— Яро! — вдруг послышался чей-то голос снизу. — Яро!

— Здесь он! — откликнулся за меня дядя и стремительно прыгнул вниз. — Ты слышишь, это голос Коции! Да, да, это его голос!..

Оказалось, что мы наблюдали за дорогой в то время, когда увидеть на ней отца уже было невозможно: он подходил к дому.

Через минуту я очутился в объятиях отца.

- Ну, как добрались? Все ли благополучно? Какие новости? — засыпал его вопросами дядя Андеад, пока мы пробирались по темному коридору.

— Наш караван добрался благополучно, но впереди почти все погибли. В Широких странах много новостей. Говорят, большая революция, у богачей отнимают власть.

. — Ну?! — перекрестился дядя Андеад. — Неужели наш Шалиани смилостивился над нами, бедными людьми?

— Насчет Шалиани ничего не слышал, — усмехнулся отец.

Он всегда относился к религии с прохладцей, чем очень

огорчал бабушку Хошадеде.

Мачуб уже был битком набит людьми, пришедшими послушать известия из Широких стран. Дядя Кондрат оидел в центре сборища и горячо говорил о чем-то. Он поцеловал меня, уколов своими короткими щетинистыми усами.

— Ты что-то мало вырос, дорогой мой, в чем дело? Говорят, тебе сена на зиму не хватает? Так?

— Я не сено, а лепешки ем, — очень серьезно отозвался я.

— Разве не ешь? — удивленно переспросил дядя.

Мы, дети, любили дядю Кондрата. Невысокого роста, коренастый, он был балагур и любил развлекать нас всевозможными интересными историями. Злые языки называли его большим ребенком.

Женщины во главе с бабушкой Хошадеде устроились около мешков, принесенных отцом и дядей, и распределяли подарки. Но подарков оказалось немного. В основном мешки были наполнены гвоздями и солью.

Мне дали ботинки. Сестра Вера получила слоника из леденца. Ермолаю определили кепку, маме — ситцевый платок. Он очень шел ей, и мне хотелось всем сказать, чтобы посмотрели на маму, но все были заняты. И мамой восторгался я один.

Кроме того, нам, детям, дали по кусочку сахара.

Несколько дней хранил, я этот кусочек в кармане, все время предвкушая его сладость. Из ослепительно белого, как наши высокие горы, он превратился в грязно-серый. Но от этого, как мне показалось, сахар стал еще вкуснее.

— Мало привезли, — неожиданно заявила бабушка Хошадеде, когда мешки опустели. — Пять месяцев отсутствовали, а привезли мало... Ну, ничего, слава Шалиани, что вернулись домой!

— Соли много, — попыталась оправдать мужчин тетя Кетеван.

Интерес к подаркам был исчерпан. Я перешел к мужчинам послушать новости.

— Эх, боюсь, ошибка опять получится, тогда мы пропали, совсем пропали! — говорил, дедушка. Он сидел не в сакорцхвиле, а рядом с моим отцом на скамейке.

— Какая ошибка? — встревожилась мать, тоже подошедшая послушать мужчин.

Дядя Кондрат стал объяснять:

— Это было лет четырнадцать назад, — начал он. — Прошел у нас слух о том, что в Широких странах революция...

— Кто такой?

— Это не человек, Кати, это... время... событие такое, —

пытался объяснить дядя. — Во время революции прогоняют всех богатых... князей... А кто сопротивляется, даже убивают...

— Уй, помогите боги, зачем убивают, кто убивает?

— Не только убивают, иногда и режут, — вмешался в разговор стоявший рядом, опершись на свою палку с железным наконечником, наш сосед Теупанэ. Когда он пришел, я не заметил. — Вот князей Нижней Сванетии Гардабхадзе вырезали всех, дома их сожгли. Говорят, это было совсем недавно...

— Уй, помогите боги! — хором воскликнули женщины. — За что их убили?

— Конечно, за плохие дела. Меня, например, никто убивать не будет, если даже попрошу, — с усмешкой ответил Теупанэ.

— ...Прошел слух о том, что везде революция, — продолжал дядя. — Сваны поверили этому. Взяли оружие и прогнали пристава, некоторых князей.

— О, помню, как же! Только ничего тогдй не получилось, — перебила Хошадеде.

— Не получилось потому, что нас кто-то обманул. Как потом оказалось, сваны дрались одни. Царь прислал войска и помог князьям.

— Сколько людей тогда пропало!.. В Сибирь скольких сослали, все пропали там, — заохала Хошадеде.

— Как же вы, дети мои, не узнали точно, убили царя или нет? — сокрушался дедушка. — Если он, бессовестный, жив — все равно до нас доберется. Надо Аббесалома и Ефрема остановить — пропадут, жалко!.. В Сибирь сошлют.

Меня взволновали слова относительно судьбы дядей Аббесалома и Ефрема. Дядя Аббесалом был довольно суров с нами, детьми, почти никогда не разговаривал и даже не замечал нас. И все-таки каждый его приход к нам был для меня праздником. Я бросал все свои игры и не отходил от него. Мне нравился его мужественный спокойный голос. Я часто не понимал, о чем он говорит, но мне нравилась какая-то необъяснимая сила, свойственная только ему. Да и вообще он был не такой, как другие мужчины, с которыми мне приходилось встречаться в детстве. Он был таинственным, что-то, казалось, всегда носил в своем сердце несказанное.

Дядя Ефрем у нас не бывал. Он жил в селе Мужал, находившемся в восьми или десяти километрах от нас. Но я знал, что дядя Ефрем человек тоже хороший и умный.

Наклонившись к отцу, я тихонько спросил:

— Скажи, папа, почему пропадут дяди?

— Почему пропадут? Это дедушка всегда говорит страшные вещи. Просто он боится за них.

Большего я не смог добиться от отца.

Слова «в Сибирь сошлют» были мне знакомы. Я знал, что брата моей матери Григория пристав угнал в Сибирь. Из Сибири он не вернулся, там и умер.

Да и вообще в детстве я все время ожидал каких-то страшных событий. То грозили те или иные опасности родителям или родственникам, то скоту яли хозяйству. Я привык к этим ожиданиям. Но угроза ссылки кого-нибудь из родных в Сибирь меня пугала более других опасностей. Я не совсем точно представлял, что такое Сибирь. По рассказам дедушки получалось, что там очень холодно и нечего есть. Мое детское воображение дорисовывало картину Сибири. Мне представлялось, что это огромная ледяная гора, на которую сажают людей. Там нет домов, а люди ходят почти без одежды.

Я уже успел надеть новые ботинки — вернее, даже не новые, а первые, так как всю жизнь ходил в чувяках. Кусочек сахара лежал у меня в кармане. Мне не терпелось сбегать скорее на Свипф и похвастаться своими подарками перед ребятами, но было уже поздно. Пришлось ждать утра.

Взрослые говорили о приставе. Разговор становился все более горячим и громким. Наш сосед Оти и хромоногий Джевете старались перекричать других, уверяя, что ничего не нужно предпринимать и с приставом ничего не делать. Они уверяли всех, что новости, принесенные отцом и дядей Кондратом, — только слухи.

— Ждать нельзя! — решительно возражал отец. — Может получиться так, что мы, сваны, лишний десяток лет ишаками прослужим приставу. Везде будет свобода, а у нас?! До прихода Петра с Павла, говорят, шкуру сняли. Так может и у нас получиться.

— Правильно говоришь, сын мой, очень правильно, — подтвердил Теупанэ. — С ними там Сирбисто. А он знает, что надо делать, он ученый человек, пусть хранят его боги! Сирбисто в плохое дело не ввяжется.

Дедушка Гиго поддержал Теупанэ:

— Да, я тоже думаю так. Если он прикажет, всем надо взять оружие и пойти в бой за свободу! Когда это было, чтобы наши предки трусили перед врагом? Жизнь труса презренна. Не к лицу сванам трусить! Кто испугается, пусть сбреет усы, пусть будет облит грязью, пусть наденет женское покрывало!..

Бабушка Хошадеде подошла к дедушке и стала тащить его за руку на кровать, ворча, что больному нельзя так расходиться, нужно опять лечь в постель. Но дедушка и слушать ее не хотел.

Бабушка Хошадеде начала сердиться, отчего родинка на ее

правой щеке задвигалась вверх и вниз.

— Помогите, боги! — всплеснула она руками. — Ты всегда был бунтарем, заводилой. Иди лучше в постель, болей себе спокойно. Не было ни одной власти, которую бы ты любил... Иди ложись!

— Что мне ложиться, я притворялся больным, — сердито ответил дедушка.

— Боги мои, не сводите с ума старика! Зачем он притворялся больным! Зачем?!

И вдруг я вспомнил разговор дедушки и Хошадеде, подслушанный этой ночью. Наверное, дедушка Гиго спасал своей мнимой болезнью Балду.

Гости стали расходиться. По обычаю все они подходили к дедушке и бабушке и еще раз поздравляли с благополучным возвращением сыновей.

— Отдыхай, Коция, теперь, — сказал уже с порога Теупанэ. — Если в Сванетии наступит эртоба*, может быть, мы с тобой подадимся в Широкие страны. Трудно жить у нас в горах.

* Эртоба — свобода, равенство.

— Аи-аи, если бы только скорее наступило, — покачал головой отец. — В Сванетии всегда трудно было жить. Но что поделаешь, куда денешься?

— В Дальской долине, говорят, хорошие земли. Теупанэ ушел. Отец несколько минут смотрел

вслед «слезливому абрегу», так мы, дети, называли Теупанэ за его вечно слезящиеся глаза, которые как-то странно выглядели на его всегда улыбающемся лице.

За ужином взрослые говорили о том, как поступить с солью. Дядя и отец принесли всего два пуда. Отец и дядя Кондрат предлагали выменять один пуд на бобы. За пуд соли можно было получить двенадцать и даже пятнадцать пудов бобов. Это спасло бы нашу семью на некоторое время от голода.

Бабушка Хошадеде не соглашалась с ними. На ее стороне была и мама. Они говорили, что один пуд соли невозможно растянуть на целый год. Соль была нужна не только людям, но и скоту.

— У соли много врагов, — подвел итог дедушка, — а достать ее негде. Но ничего не поделаешь, придется с одним мешком расстаться.

Другого выхода не было. Все замолчали.

Отец долго сидел, наклонив голову и отсутствующим взглядом наблюдая за пламенем, то затухающим, то вновь вспыхивающим в очаге, упорно раздумывая о чем-то. Мать то и

дело с тревогой посматривала на отца.

Поднявшись со своего места и пройдя несколько раз от одной стены мачуба до другой, отец, наконец, заговорил о том, что нужно уйти с гор в село Дали, там много хлеба, богатые выпасы. Мать почему-то принялась ругать его, говоря, что пусть она умрет с голоду в Сванетии, но никуда не уйдет с тех мест, где жили и похоронены ее предки. Я не мог понять ее упрямства.

Под эти разговоры я заснул, не сходя со своего места. Сонного, мама перенесла меня на кровать.

Это были дни моего прощания с детством. Детским умом я понял, как трудно было прокормиться нашей семье. Эти дни стали для меня вехой, отделяющей мир детских игр, забав и проказ от суровой действительности жизни.

Горько сознавать, что безмятежность детства была утрачена мной слишком рано. Я стал интересоваться всеми делами нашей семьи. На мои детские плечи легла нелегкая ноша, но она не потушила для меня красок жизни. Мне хотелось скорее подрасти и сделать все, чтобы легче жилось. Казалось, что с той минуты, как я смогу уходить вместе с отцом на заработки, наступит счастье в нашей семье. И я представил себе, как мы с отцом вернемся из Широких стран, и за плечами у нас будут полные мешки соли, и бабушка Хошадеде тогда не скажет, что соли принесли слишком мало. О большем тогда я мечтать не мог.

Кто же прав?

Наконец-то пришла весна. Снег почти весь стаял, сохранился он только в ложбинах.

Все жители на полевых работах. Дома остались лишь грудные дети и старики.

У нашей семьи траурный день. В соседнем селе умер старик Зураб. Тетя Федосия упорно твердит, что умерший — ее дальний родственник, но степень родства она определить затрудняется.

Обычаи требуют, однако, чтобы на похороны даже отдаленного родственника вся семья явилась в полном составе. Но весенние работы не терпят промедления, и на семейном совете было решено отступиться от традиций и послать дедушку Гиго, меня и тетю Федосию. Одевшись в черное, мы отправились в село Жамуж.

Высокая и сухопарая фигура дедушки была несколько согнута старостью. Но пригнанные по талии чоха и архалук, огромный кинжал, аккуратная войлочная шапочка и узкие гетры из домотканого материала придавали ему молодцеватость. И, если бы не медленные движения и не длинная муджвра, о которую он временами слегка опирался, никак нельзя было бы сказать, что он уже глубокий старик.

Улочка сделала последний крюк, и мы вышли из Лахири. Уже виднеются белоснежные башни села Жамуж. Кое-где они сливаются со снеговым фоном гор. Мне всегда нравилось смотреть на башни Жамужа, их белая окраска придавала селу нарядность и величавость.

Кажется, что до соседнего села совсем близко, но это не так. Дорога огибает гору, петляет, и село то скрывается из глаз, то появляется вновь.

— Дедушка, а зачем нужны башни? — этот вопрос меня интересовал уже давно.

Отец объяснил мне не совсем вразумительно: для обороны их строили. Для какой обороны? Кто нападал на нас и наших соседей?

— Сейчас я расскажу тебе, Яро. Давай присядем на камень и немножко отдохнем.

Дедушка, крякнув, опустился на поросший пушистым мхом камень. Достал свою прогоревшую, ставшую совсем черной трубку, попыхтел ею немножко, окутывая меня едким дымом, и начал:

— Когда я был мальчиком, я тоже спрашивал у своего дедушки, зачем их строили. Так вот, дедушка слышал от своего

дедушки, что Сванетия когда-то была большой и богатой. Она была в Широких странах. Правил нами царь, двенадцать молний ему на язык! Плохой, наверное, был человек. Я царям больше не верю, обманщики и мошенники они. Звали того царя Эаргищди. Он много воевал со всеми, всем житья не давал. Тогда соседи собрались и напали на него. Эаргишди куда-то бежал, а сванов всех изрубили.

— Как всех? А мы откуда же взялись?

— Сохранилась лишь горстка людей. Они оставили Широкие страны и запрятались сюда, в эти горы. Тогда-то и стали строить неприступные башни, чтобы защищаться от врагов...

За поворотом дороги послышался человеческий голос, громкое сопение и фырканье быков. Дедушка поднялся с камня, за ним вскочила тетя Федосия, и мы тронулись в путь.

— Ну, начинай теперь плакать, только тихо, про себя, орать не нужно, — скомандовал дедушка. — Идет кто-то...

Навстречу медленно выползла пара быков, влача сани с высокой длинной корзиной (колесного транспорта в Сванетии не было).

— Добрый путь, Гиго! — приветствовал дедушку человек, погонявший быков.

— Удачи тебе в работе, — ответил на приветствие дедушка. — Печален мой путь, иду хоронить Зураба...

— В рай ему дорога, хороший был человек! Господь, помоги ему в рай попасть! — отозвался встречный — осанистый человек с козьей шкурой на плечах шерстью наружу — и снял с головы свою маленькую шапку.

Я занялся своим делом. Выбрал на дороге камушек и стал подбивать его ногами, стараясь попадать им в какой-нибудь намеченный мной впереди камень.

Пройдя совсем немного, дедушка снова присел на камень, достал из кармана трубку, набил её табаком и стал чиркать ножом о кремень, приложив к нему хабед.[2]

Мне нравилось следить за добыванием огня. Никто в Сванетии понятия не имел о спичках, огонь всегда добывался таким примитивным способом. Обильно отскакивали искры от дедушкиного ножа, но немало времени прошло, пока одна из них задержалась на хабеде.

Я воспользовался передышкой, чтобы продолжить разговор о нашей башне:

— А наша башня? Около нее когда-нибудь сражались?

И дедушка, попыхивая чубуком, продолжил свой рассказ:

— Это было давно, тогда я был не старше тебя. На нас напали враги. Шалиани помог нам, слава ему, великому и могучему!

Дедушка говорил, как всегда, не спеша, после каждой затяжки сплевывая и морщась.

— Мужчины бросились защищать дверь в дорбаз. Врагов было много, наших же значительно меньше. Но надо было держаться, пока дети и женщины успеют перебраться на второй этаж башни. Двое моих дядей — путь им в рай, несчастным! — дедушка снял шапку и перекрестился, — расстались со своими душами у входа в дорбаз.

— Помогите им боги! — тихонько отозвалась тетя и тоже перекрестилась. — Путь им в рай, несчастным!

— Враг занял дверь в дорбаз, но вход в башню был надежно закрыт. Три дня и три ночи мы держались. Наши мужчины были стойкими и терпеливыми. Главарь врагов Цойкх, так говорили его имя, был нетерпелив и горяч, он дрался с нами до тех пор, пока не погубил почти всех своих и вынужден был «сверкать»...

— Что значит сверкать? — спросил я.

— Бежать так быстро, что даже не отвечать на выстрелы.

— Значит, наши их преследовали? Сумели их догнать? — не терпелось мне.

— Догнали, к сожалению, догнали. Тьфу, будь они неладны!

— Почему же плохо, что их догнали? — недоумевал я.

— Наши взрослые были с ними слишком жестоки. Они убили последнего наследника их рода. Всех убили. Никого не оставили...

— А за что мы с ними враждовали? — спросила тетя Федосия.

— За что? Да за какую-нибудь случайную обиду. Точно не знаю, но, очевидно, за пустяк. Так ведь у нас, сванов, часто бывает. Драться дерутся, а за что — никто уже и не помнит.

Дедушка замолчал, минуту посидел в глубокой задумчивости, с усилием поднялся на ноги.

Вот и село Жамуж. Оно, так же как и Лахири, располагалось в долине реки Ингур, но несколько ниже по течению.

Сванские села не лепятся по обрывам и кручам гор, — ведь за неприступными перевалами они и так в полной безопасности. Чаще всего села располагаются по отлогим склонам гор, создавая своеобразный амфитеатр. Сложенные из каменных плит дома, покрытые плоскими крышами из сланца, кажутся приземистыми от соседства высоченных квадратных башен. Поэтому издали домов почти не видно, и только по числу башен можно представить себе величину села.

Сванские селения не отличаются разнообразием красок. Серое и черное — вот основные краски, которые замечает глаз. Но зато как щедро дополняет сама природа эту бедность!.. Вечно

нарядны сверкающие снегами горные хребты. Множеством отч тенков переливается зелень горных отрогов. Говорливый Ингур соперничает своей голубизной с небом. А воздух Сванетии кажется видимым и осязаемым — так он чист и прозрачен.

Еще на окраине села Жамуж мы услышали причитания. По мере того как мы шли по селу, они становились все громче, пока не слились в один крик, от которого, казалось, стыла кровь. Я почувствовал, как затряслись колени. Идти дальше не хотелось. Дедушка, увидя мое замешательство, тихонько подтолкнул меня и буркнул:

— Ну, ну, не бойся!

Около дома покойника было особенно шумно. Сюда отовсюду подходили люди. У ворот все они принимались еще громче плакать, восклицать, бить себя по лицу руками. Женщины царапали щеки; у многих по лицу текла кровь.

— Теперь плачь как можно громче, — напомнил дедушка тете Федосии. — Чем громче, тем лучше. А ты, — обернулся он ко мне, — можешь не плакать, но и не проказь.

Напоминание это было излишним. Я и не думал проказить, меня обуял страх.

В мачубе на скамьях был установлен гроб с умершим. В помещении был полумрак, поэтому, войдя с улицы, я не мог рассмотреть лица покойного.

Дедушка подошел к гробу, постоял около него с минуту, затем трижды перекрестился, прося бога указать покойнику путь в рай, и вышел во двор.

Я поплелся за ним, а тетя Федосия присоединилась к женщинам, сидящим с распущенными косами полукругом возле гроба. Одна из них сообщала подробности из жизни умершего, а остальные через определенные промежутки громко всхлипывали.

Во дворе плакать не полагалось. Все стояли и молились богу, умоляя его указать умершему дорогу в рай.

Во двор вышел огромный сухощавый мужчина с длинным лицом. Голос у него был такой пронзительный и напористый, что все остальные голоса казались по сравнению с ним еле слышными. Козья шкура на его плечах от крика приподнималась, глаза выкатывались. Казалось, он хочет на кого-то напасть.

Я инстинктивно прижался к дедушке. Страшный человек прошел мимо нас.

— Габо идет, Габо! — прошептал стоящий рядом с нами старичок, показывая на страшного человека пальцем. — Вот у него голосок, так голосок. Настоящий мужчина!

Вернувшись из мачуба, Габо стал рядом с дедушкой, опершись о свою длинную муджвру. Я успокоился: человек этот

казался страшным только тогда, когда причитал. Он наклонился к дедушке и совершенно изменившимся, тихим голосом произнес:

— Хороший был человек покойник, да и в хорошее время умер. Многих в Сибирь пошлют, а там и хоронить некому. Как собаки мрут, их в реку бросают или волкам на съедение дают. Большевикам всем придется в Сибирь идти, всем. Уж с ними-то Игнатэ церемониться не станет, — продолжал Габо.

— Игнатэ и с другими церемонится только ради взяток, двенадцать молний ему на язык! От него милости не дождется даже собственная мать, — ответил дедушка.

— Что ты, Гиго! Посмотри, как хорошо мы живем сейчас, давно никого не арестовывали. А Игнатэ хорошо ко всем относится, — сказал Габо и посмотрел вокруг себя, как бы ища поддержки. Но все вокруг молчали.

Молчание прервал дедушка:

— «Поп сыт, думает, и дьякон сыт», — гласит пословица. Ты живешь хорошо, думаешь, что и все так? А нам сейчас уже все равно жить или не жить. Говорят, что в Сибири не хуже, чем у нас в Сванетии.

Услышав слова дедушки, несколько мужчин перекрестились. Кто-то громко произнес:

— Великий Шалиани, избави всех наших близких от Сибири...

— Эх, Гиго, Гиго, стар ты, а вразумить своих сыновей не можешь! Погубят весь ваш род Аббесалом и Ефрем. Большевики прокляты богом, — не унимался Габо.

— Эх, Габо, Габо, хоть ты и не так стар, как я, но зря связал свою судьбу с врагами сванов! Мудрая пословица говорит: «Не лезь туда, куда голова не лезет — голову потеряешь». Смотри, народ наш долго терпел. Может так случиться, что вместе с приставом и всех вас, подхалимов, уничтожат... Берегись!

— Ах ты, гвеф из гвефов! Как смеешь мне угрожать, безбожник! — закричал своим страшным голосом Габо.

Он сделал угрожающий жест, а дедушка, в свою очередь, схватился за рукоятку кинжала, отбросив в сторону муджвру. Не знаю, чем бы кончилось все это, но стоявшие вокруг напомнили, что надо уважать покойника, непристойно у гроба ссориться. Я поднял дедушкину муджвру и подал ему. Он никак не мог уняться и бросал вслед оттесняемому народом Габо:

— Вы все Абхалиани, вся ваша семья — враги бедных сванов. Придет время — в Ингур сбросим!

Габо, находящийся уже на другом конце двора, потрясая своей муджврой, кричал:

— А вы, Иосселиани, бунтари! Вы всегда против всех властей. Вас в Сибирь надо. Там ваше место!

— Добрый день, Гиго! — как из-под земли вырос Теупанэ. — Умер Зураб, а? Дорога ему в рай, хороший был человек... очень хороший!

— Да, хороший был человек! — отозвался дедушка, успокаиваясь.

— Зачем ты поссорился с Габо, ведь он завтра все передаст приставу, — покачал головой Теупанэ.

— Тысячу молний на голову его матери! Я уже стар, мне ничего, не страшно, со мной ничего сделать нельзя.

— А дети? Их жалко...

— За детей дети и отомстят. Их у меня много! — гордо ответил дедушка.

Где-то затянули протяжную похоронную песню — зеар. Песня была как живая; она то взлетала в высь, то замирала и была чуть слышна. Слов у нее не было, она была немой, но и без слов она звучала скорбно и взволнованно.

Зеар становился все громче и громче. Теперь пели во весь голос. Из мачуба показался гроб. Впереди процессии встали поп и дьякон. Все медленно направились к кладбищу.

Как только процессия вышла на улицу, к попу подошел пожилой мужчина, сказал ему что-то и сунул в его карман руку. Я сейчас же осведомился у дедушки, что же он делает. Дедушка ответил, что сейчас начнется разорение для всех родных.

Поп остановился, повернулся к покойнику и поднял свой крест. Теперь я мог хорошо рассмотреть его. Это был совершенно седой старик. Белые волосы его резко выделялись на черной с серебром рясе. Казалось, что он надут, так кругла была его фигура, на которой шаром лежала белая, непомерно большая голова.

— А что он хочет делать? — воскликнул я.

— Первый раз на похоронах? — спросил шедший рядом мальчик и, не дождавшись ответа, пояснил: — Он молиться сейчас будет, родственники платят попу, а он за это лишний раз просит бога, чтобы тот получше устроил покойного. Чем больше таких молитв, тем лучше. А на похоронах вкусный кабэаб,* очень вкусный, покушаем, — неожиданно переменил он тему разговора. — А ты что, из Лахири? Что все за дедушку держишься, боишься?

* Кабэаб — пресная лепешка.

Я утвердительно кивнул головой. Мальчик тихонько рассмеялся и сказал:

— Не бойся. Мужчинам нельзя бояться.

Поп побрызгал святой водой, и процессия пошла дальше. Потом вновь подошел кто-то из родственников, сунул попу в

карман деньги, и опять все началось сначала. Раз двадцать мы останавливались, пока дошли до кладбища. Под конец я со страхом смотрел на тех, кто делал хоть один шаг вперед. Мне казалось, что это новый родственник идет к попу. Остановки ужасно надоели.

По взглядам людей, шедших с нами рядом, я видел, что все устали и хотят есть. Обычно перед похоронами никто дома не ел, надеясь на сытное угощение.

Я принялся вслушиваться в слова молитв. Поп говорил все время что-то непонятное. Я не замедлил сказать об этом дедушке.

— Мы не знаем, на каком языке и что говорит поп, он может даже нас ругать, а мы ничего не поймем, — за дедушку ответил Теупанэ.

— А ведь верно, — спохватился дедушка, — двенадцать молний ему на язык!.. Хм, конечно, тех, кто не заказывает ему молитвы, он ругает и желает дорогу в ад. Ни у меня, ни у тебя нет на молитвы денег, вот он и ругается и просит бога, чтобы тот нас в ад направил.

Кладбища в Сванетии устраивались обычно в центре села. В Жамуже это была небольшая площадка, на которой кое-где виднелись почти сравнявшиеся с землей плиты черного сланца. Пока плита не покрывалась землей, родственники покойного приходили к ней и оплакивали покойного. На этих площадях-кладбищах устраивались всевозможные празднества и собирались сходки.

После того как все обряды были выполнены и гроб благополучно опущен в яму, вырытую недалеко от кладбищенской церквушки, все собравшиеся уселись вокруг могилы и принялись за еду. Угощение состояло из большого кабэаба и араки.

Стали произносить тосты с пожеланием покойнику попасть в рай и длительной жизни родственникам.

Дедушка, Теупанэ и я сидели во втором кругу, довольно далеко от могилы. Ели мы с аппетитом, но ни дедушка, ни наш сосед Теупанэ почти не пили. Дедушка брал передаваемые по кругу глубокие деревянные миски с аракой и, говоря: «Пусть наш Шалиани укажет дорогу в рай бедному Зурабу...», отпивал глоточек и передавал Теупанэ.

Теупанэ делал то же самое, после чего миска уходила дальше. А через несколько минут приходила новая миска.

Солнце уже успело проделать по небу довольно большой путь, подойти к вершинам гор и спрятаться за них. С каждой минутой становилось все темнее.

Послышался громоподобный голос Габо. Он приближался к

нам. Ему вторило несколько других голосов.

— Они, проклятые собаки, способны даже похороны превратить в пиршество. Ишь, как смеются, — проворчал дедушка.

И действительно, из темноты раздался приглушенный смех. Вскоре показалась высокая, худая фигура Габо. Он вел под руку сильно захмелевшего попа. За ними шествовало еще несколько человек; очевидно, это были дьякон и другие духовные лица. Один из них нес мешок с подарками.

— Ты очень устал, очень устал!.. Темные люди не знают, как трудно целый день разговаривать с богом. Как трудно уговаривать его, — напевал громовым голосом Габо попу.

Поп прижался к нему своим жирненьким телом и мелкими шажками продвигался за Габо.

— А мертвец-то старый был. Очень старый, грехов много-много, попробуй пошли его в рай. Это может сделать только наш Захэар, только Захэар, и больше никто другой!.. Кланяемся тебе в ноги, низко кланяемся, ты наш спаситель!

— Ничего, я все могу, все могу, — соглашался Захэар. — Ваше дело... ваше дело... умирать и больше ничего, остальное я сделаю... всех в рай провожу, всех... всех мулаховцев. А остальные пусть в ад идут, там тоже неплохо, я знаю, неплохо.

Медленно, покачиваясь, проползла мимо нас эта пьяненькая компания. Все проводили ее сдержанным молчанием.

— Да, трудно, конечно, попу тащить так много денег, полученных от родственников несчастного, — прошептал Теупанэ.

— Идем домой, — вдруг Сердито произнес дедушка и привстал, опираясь на муджвру.

Мы встали и пошли искать тетю Федосию. Кладбище уже окутала плотная темнота. Кое-где поблескивали огоньки свечей. Они колебались от движения людей и ветерка. Лица людей при тусклом освещении свечей перестали быть похожими на себя. У дедушки резче очертился нос, а борода потеряла свои очертания. У Теупанэ перестали слезиться глаза, они только блестели при мерцании свечей.

Тетя ждала нас у каменной ограды, держа в руках кулек, из которого выглядывал кабэаб. Родственникам покойного, не сумевшим быть на похоронах, полагалось посылать домой угощение. В этот же кулек мы с дедушкой положили недоеденные нами лепешки.

Из-за острых хребтов выплыла молодая луна. Казалось, она разглядывала землю, повернув к ней голову. Нежный свет луны голубил снеговые горы, т окружавшие нас плотным кольцом.

Холодный вечер-,ний ветерок пробирался сквозь одежду. Хотелось скорее домой, к очагу.

В начале нашей улицы мы сделали последнюю остановку. Всем четверым нашлось по камню для отдыха.

— Эх, много я хоронил людей на своем веку, и меня скоро возьмет земля! — вздохнул дедушка. — Только бы не этот поп-пьяница провожал меня в последний путь... проклятый!

— Этот будет, непременно этот... Сколько денег он соберет на наших похоронах! — вздыхает Теупанэ.

— Ты так говоришь, будто завидуешь ему, — сухо сказал дедушка.

— Да нет, это я так сказал, я не завистлив, — поспешил уверить Теупанэ.

— На моих похоронах поп много не соберет. Коция, Ефрем и Аббесалом ничего не дадут. А потом еще и не известно, кто кого будет хоронить. Я многих попов уже похоронил. Может, бог даст, и этого провожу в рай.

— Что это за бурдюки здесь валяются? — неожиданно раздался голос выросшего из темноты верхового.

— Это не бурдюки, а люди, — с обидой в голосе произнес дедушка. — Кто так оскорбляет нас, стариков?

Обозвать свана бурдюком издавна считалось самым большим оскорблением. Часто такое слово являлось причиной крупных ссор, иногда кончавшихся убийством, а, следовательно, и кровной местью.

Остаток пути был посвящен неизвестному всаднику, оскорбившему нас. Много слов было сказано о его невежестве, невоспитанности и трусости.

Но вот, наконец, и наш дом. Мы простились с Теупанэ и вошли во двор. Там разгружали мула. На нем мой дядя Ираклий, или, как мы сокращенно его называли, Еке, привез из горных долин дикие овощи. Эти вкусные, сочные овощи помогали сванам в весенние и летние месяцы. Они появляются сразу же после того, как земля очищается от снега, и продолжают свой путь в горы по мере таяния снегов. Летом их можно достать только высоко в горах, на грани вечных ледников.

Дедушка поспешил к дяде Еке.

— Наконец-то приехал! Много привез?

Потом подошел к мулу, потрогал по гладкому крупу, отдернул руку и, подняв свою муджвру, с силой опустил ее на спину Еке.

— Вот тебе, бездельник! Почему мула загнал? Смотри, пот с него так и льет ручьем. Никогда хорошего хозяина из тебя не выйдет... — Дедушка еще разочек угостил своего непутевого сына

палкой, потом, взяв его за подбородок, стал вглядываться в лицо. — Да не ты ли уж нас встретил на дороге и бурдюками обозвал? А, сознавайся!

Дядя Еке умоляюще смотрел на дедушку. Дедушка опять было замахнулся на него своей муджврой, да по пути задел ею лучинку, вынесенную тетей Кетеван. Лучинка бросила на землю несколько искр и погасла. Пока тетя ходила за огнем, рассерженный дедушка и несчастный Еке, освещаемые слабеньким, голубоватым светом молодой луны, разбирались в недоразумении. Дядя Еке оправдывался, говоря, что он уже полчаса как приехал домой и никого не встречал на своем пути, что это какой-нибудь хулиган случайно наткнулся на нас. Когда тетя Кетеван вынесла новую лучину, дедушка, успокаиваясь, заявил, что если бы это был Еке, то он не посмотрел бы на то, что он его сын, и всыпал бы ему так, как он это умеет делать.

В мачуб внесли большие корзины овощей. Тут были длинные стебли кисло-сладкого лецирия, кочны горной капусты — муквери, полые трубки кьща и много других вкусных листьев, корней, стеблей. Мама и тетя Кетеван разбирали их.

Ужин тянулся необычно долго — еды было много, можно посидеть, вкусно покушать и поговорить.

Дедушка рассказывал о похоронах и о столкновении с Габо.

Отец ел, опустив вниз голову. Его густые темно-русые волосы упали ему на лоб. Я видел, как чуть подергивались его коротенькие острые усики — это был признак недовольства, и старался догадаться, чем он был недоволен.

Отца все в доме уважали и любили. Его проницательные карие глаза, с легкой горбинкой нос, стройная фигура придавали ему молодцеватый вид.

Вдруг он не выдержал:

— По-моему, такие похороны просто безумие. Это от темноты нашей, только от темноты!

Слова отца были неожиданны. Бабушка даже перестала есть и с недоумением посмотрела на отца.

— Как это от темноты, сын мой? — спросила она. — Это обычаи наши. Так поступаем мы, а раньше поступали наши отцы и деды.

— Да, к сожалению, у нас такие обычаи. Их никак нельзя обойти. Обойдешь — на век опозорен. Если в семью приходит смерть, то для всех наступает разорение. Разве это дело? Хороший был человек Зураб, всю жизнь он трудился пуще всякого ишака, создал гнездо свое, худо-бедно, но имел свой дом, хозяйство. А тут пришла смерть, похоронили. Пришлось созвать всех жителей Жамужа, Лахири, Мужала. Всех угощать нужно, —

продолжал отец. — А денег откуда взять? Продали все, а завтра начнется голод для оставшихся в живых. Горе, нужда, долги...

В мачубе стояла напряженная тишина.

— Что и говорить! — продолжал отец. — Только ради того, чтобы бежать от этих наших обычаев, стоит уехать все равно куда, лишь бы уехать, пусть даже в Сибирь.

— Помогите, боги! — воскликнули женщины и начали креститься.

— Ты хочешь уехать в Дали, — тихо произнес дедушка после продолжительного затишья. — Об этом можно поговорить, но кто тебе разрешил ругать наши обычаи?

Дедушка старался сдержать гнев. Говорил он медленно, тихо.

— Коция прав, — поддержал отца дядя Кондрат. — Обычаи наши слишком дики. Сколько семей, да почти все, после похорон становятся нищими.

— И ты заодно! — вдруг не выдержал дедушка и закричал: — Я вас обоих проучу, больше и заикаться об этом не будете! Опозорите мой дом, щенята!

Бабушка Хошадеде стала, разумеется, на сторону дедушки.

— В Дали никто не поедет, пока я жива. Еще не хватало, чтобы мои дети бродяжничали по всему свету!

А дедушка между тем расходился все сильнее. Досталось даже женщинам. Им в укор он ставил то, что они мало обращают внимания на своих невоспитанных мужей.

Слушая суровые слова дедушки, я совал в очаг палку. Когда она загоралась, я тушил ее, потом снова совал в огонь.

Мне стало жаль отца. Уж слишком жестоко дедушка ругал его. Я привык всегда верить и дедушке и отцу. «Кто же из них прав? Наверное, все-таки отец, — решил я. — Если можно жить иначе, чем мы, не испытывая таких лишений, не отказывая себе во всем, то почему так не жить?»

Наконец бабушка Хошадеде остановила дедушку, прикрикнув на него:

— Хватит тебе! Если тебя обидел Габо, так ты с ним и должен был посчитаться. Нечего на детях отводить душу. Коня не догнал, седло бьешь! Наши дети не хуже других... Поздно уже, давайте спать.

Вскоре в мачубе воцарился покой. Легли и мы, дети. Завтра нужно было вставать до рассвета и идти на полевые работы.

Все боги выдуманы

Узкая тропа резко поворачивает влево. Перед поворотом Балду внезапно, словно прощаясь, оглядывается назад, туда, где шумит неугомонный Ингур.

За Балду следует отец, от которого не отстаю ни на шаг и я. Бычка решено принести в жертву богам. Много слез было пролито мною перед этой тяжелой дорогой. Много просьб помиловать Балду было высказано. Но ничего не помогло. Бычок обречен. Отец объяснил мне, что надо смириться, все желают нам добра и считают, что если мы принесем жертву богам, то благополучно доберемся до нового места жительства.

Собственно говоря, это обстоятельство и послужило причиной того, что Балду должен быть принесен сегодня в жертву богам. Я знал, сколько трудов стоило отцу добиться согласия у дедушки и бабушки на переезд в Дали, где, по общему мнению, нам будет хорошо. Знал также, что отец против этой жертвы, но идти наперекор обычаям и суеверным законам не мог.

За нами шествуют дядя Кондрат и Ермолай. Они ведут мула Реаша, груженного двумя большими медными котлами, которые, точно половинки огромной луковицы, прилипли к его бокам.

Мул, или, как его называют по-грузински, катер, то и дело задевает поклажей камни и кусты, тогда раздается колокольный грохот или неприятный металлический скрежет.

За Реашем следуют все остальные члены нашей семьи, кроме бабушки Хошадеде и тети Кетеван. Они остались дома, в Лахири.

— Слава тебе, всемогущий Льягурка! — первым заметил открывшийся из-за мыса монастырь святого Квирика и Юлиты отец и, как было принято, начал креститься.

Вскоре все стояли на коленях и молились Шалиани. Все лица были обращены туда, где ястребиным гнездом среди мохнатых елей, густо облепивших вершину горы, виднелся монастырь. Внизу, под горой, бесился в своем каменном ложе седой Ингур.

Нам, детям, позволяли молиться без слов. Брат Ермолай и я стояли на коленях рядом с отцом. Взрослые что-то шептали про себя; причем почти все говорили одно: «Наш Шалиани, наш Шалиани...»

Шалиани, Льягурка, Квирик, Юлита — это боги. Им все молятся, чего-то у них просят. Но почему говорят «наш Шалиани» и отдают ему предпочтение, я не знал. Как-то попробовал спросить об этом у Ермолая, но он ответил, что этого никто не знает, а если поинтересоваться у взрослых, то немедленно же получишь подзатыльник. Я не решался нажить лишний

подзатыльник. Сегодня же можно было не бояться этого, отец мне все расскажет, учитывая, мое горе.

— Почему все говорят, что Шалиани наш? — спросил я, дернув отца за рукав старой чохи.

— Почему наш? Дело тут в одной из икон святого Льягурки, которая находится теперь в церкви Квирика и Юлиты... Когда-то, в глубокую старину, один сван, по имени Шалиани, был на заработках у царя Имеретин. Царь объявил, что даст любую награду тому, кто выкосит за один день без отдыха весь Гегутский луг. Эта работа была невыполнима для одного человека. Обычно этот луг косили сто косарей за десять дней. Шалиани же выкосил луг за один день без отдыха. В награду он попросил у царя чудотворную икону Квирика и Юлиты. Царю пришлось выполнить свое обещание...

— А дедушка говорит, что цари всегда врут, они обманщики, — перебил я отца.

— Ха-ха-ха! — разразился отец звонким смехом. — Цари в жизни, конечно, врут и обманывают, но в наших сказках они справедливы, даже очень справедливы.

«Му-у-у», — замычал Балду и ускорил шаги. Уши его стояли топориком, он высоко поднял рогатую голову.

— Что случилось? Держите быка! — пронзительно закричала какая-то женщина. — Держите, иначе он упадет в обрыв!

— Слава нашему Шалиани, он принимает жертву! Балду это почувствовал, — и дедушка, встав на колени, стал креститься.

Остальные последовали его примеру.

Пришлось и нам с отцом опуститься на колени. Балду же быстрее обычного пошел дальше один. Отец недовольно проворчал:

— Ничего он не почувствовал. Впереди идет скот, вот он и взволновался.

Пока мы молились, Балду ушел далеко вперед, нам с отцом пришлось долго догонять его.

Дорога проходила по еловому лесу. Деревья были столь высоки и густы, что свет с трудом проникал в лес.

Отец продолжал свой рассказ:

— Так вот... Получив икону, Шалиани понес ее в Сванетию, но по дороге один из князей хитростью и обманом завладел драгоценной иконой. У него ее таким же способом отобрали князья Дадешкелиани. Дадешкелиани, ты знаешь, всегда были врагами вольных сванов. Оставить эту икону у них было невозможно. Тогда один из наших предков, некий Иосселиани, выкрал ее у князей и спрятал у себя дома в Лахири. Дадешкелиани не успокоились и начали против Вольной

Сванетии войну. Они пробились до Лахири, обыскали все дворы сверху донизу. Но наш Иосселиани сумел ловко спрятать икону. Найти ее дружинам князя не удалось. Так появилась у нас икона Шалиани, а потом ее поместили вот в этом монастыре.

Отец показал на монастырь, как раз в этот момент снова показавшийся в прогалине. Он был совсем близко. Я хорошо видел его строгие контуры на фоне голубого неба.

— Вот поэтому Шалиани и Льягурке и молятся у нас. А мы, Иосселиани, считаемся спасителями чудотворной иконы...

Мы были уже на вершине горы. Среди зелени далеко позади мелькнуло платье мамы, сверкнула пышная борода дедушки.

Мы остановились, поджидая отставших и рассматривая монастырь.

Шпили монастырской церкви уходили в чистое небо. Вокруг монастыря шла добротная каменная стена с бойницами.

Память Квирика и Юлиты праздновалась 15 июля по старому стилю. Это был самый большой и торжественный праздник в Сванетии. Трудно было найти свана, который бы пожалел принести в жертву святому Квирику своего последнего быка, овцу, козу или другую живность.

Позже я понял, что христианские обряды смешивались здесь с языческими, отделить одни от других было невозможно.

Дождавшись, когда вся наша семья собралась, мы подошли к монастырской стене. С внешней стороны она вся сплошь была облеплена трапезными, напоминавшими пастушьи балаганчики.

Выбрав одну из них, мы стали готовиться к пиру. Дядя Кондрат разгрузил Реаша. Отец и я принесли из родника воды. Женщины чистили котлы. Остальные запасали дрова.

Точно такими же приготовлениями были заняты и другие семьи, пришедшие на празднование.

Потом я и Ермолай вместе с дядей Еке направились во внутренний двор. Пройдя через массивные ворота, мы услышали звуки богослужения. Через открытие двери и щелевидные окна церкви вырывался запах ладана.

Я думал, что мы пойдем в церковь, но дядя Еке остановил меня:

— Туда сейчас нельзя. Мы будем смотреть состязания.

Действительно, в одном углу двора собралась кучка людей. Подойдя ближе, мы увидели, что у стены лежат огромные камни, и рослый длиннорукий мужчина старается поднять один из них.

— А, безбожники пришли, — показывая на нас пальцем, сказал Габо. Я сразу узнал его по громоподобному голосу. — Посмотрим, насколько они сильны. Вот мяч, а вот и поле, Еке!

— Мы не безбожники, а люди Шалиани! — сурово отозвался

дядя Еке. — Попробуем и силу показать. Держись, болтун Габо!

Он подошел к камням, выбрал самый большой из них, взял его в руки, затем медленно поднял на плечо, прошел с ним несколько шагов, развернулся и положил камень на прежнее место. Никогда раньше я даже и не предполагал, что дядя обладает такой силой.

— А ну, Габо, покажи теперь и ты силу своих мускулов. Силу твоего языка мы уже знаем, показывать не надо, — засмеялся дядя Еке, оглядывая собравшихся.

— Что ты меня оскорбляешь? — закричал Габо, вытаращив на дядю бесцветные глаза.

— Иди в Кутаиси и пожалуйся своему сбежавшему приставу. Да попроси его сменить белье и приехать скорее обратно в Сванетию, — под общий хохот произнес дядя Еке.

— Пристав не сбежал. Кого ему, вас, что ли, голодранцев, бояться? Он уехал по делам в Кутаиси, скоро приедет. Вот тогда и посчитается с кем надо!

— Знаем, какие у него дела в Кутаиси! Боится он, твой пристав, слишком много хороших дел на его совести. Как бы кто свой кинжал о его сердце не поточил... Смотри, и ты будь поосторожней!

— Пустите меня, я покажу ему, бунтарю, как издеваться надо мной! — рванулся Габо к дяде Еке, но его мигом окружили и вытолкали из церковного двора.

Габо все выкрикивал угрозы, его голос заглушал церковную службу и эхом отдавался в огромном лесу.

— Смотри, будь осторожен, там мои братья, они могут тебя принести в жертву Шалиани, как барана! — на прощанье крикнул, в свою очередь, дядя Еке.

С уходом Габо состязания продолжались. Дядя предупредил нас, чтобы мы далеко не отходили от него, так как Аблиани, близкие родственники Габо, могут отомстить за него.

Из борьбы дядя также вышел одним из первых и, таким образом, стал общим победителем. Мы с Ермолаем тоже попробовали побороться со сверстниками, но оказались побежденными, чем очень огорчили дядю.

— Я так и знал, что вы проиграете, — ворчал он. — Вы только хлеб есть мастера да спать... Надевайте женские платки, зачем вам шапки, разве вы мужчины? Эх, позор, позор! И черт меня надоумил тащить вас на позорище!..

— Ты чем огорчен? — спросил отец, когда мы подошли к костру, где в котлах кипятилась вода.

За меня ответил дядя Еке:

— Да никуда эти два дармоеда не годятся, оба проиграли.

Позор!

Отец добродушно рассмеялся:

— Ну, ничего, первый раз все проигрывают. Сюда приходят люди подготовленные, а вы сразу. Я тоже первый раз проиграл.

— Нам проигрывать нельзя, мы люди Шалиани, мы должны быть сильнее других, — не унимался дядя Еке.

— Шалиани не поможет, если сам не подготовишься, — махнул рукой отец.

— Что ты говоришь, сын мой? — вмешался в разговор дедушка, сидящий рядом с отцом у костра и куривший трубку. Сам он тайком от бабушки иногда поругивал богов за несправедливость, но от других таких упреков выслушивать не любил. — Шалиани всегда нам помогает, если бы не его помощь...

Дедушка не договорил. Видимо, пример не приходил ему в память.

Отец незаметно усмехнулся и сказал дяде Еке:

— Пойдите и попробуйте посостязаться еще раз. Теперь я уверен, получится значительно лучше, — причем я заметил, как он подмигнул дяде.

Я не имел никакого желания снова принимать участие в состязаниях, но, боясь, что меня заподозрят в трусости, поплелся вслед за дядей Еке и братом Ермолаем.

Не успели мы войти в ворота, как раздалась протяжная, монотонная молитва. Из ворот показалась процессия.

Мы сняли шапки и начали креститься. Монах, выйдя из ворот, начал кропить святой водой направо и налево, медленно пробираясь среди быков, баранов и козлов, пригнанных для жертвоприношения.

Первыми ему попалась под руку пара хорошо откормленных быков, на рогах у которых горели восковые свечи. Он брызнул на них и на державших их людей. Затем монах подошел к другой группе людей, стоявших около своих быков.

Я старался рассмотреть нашего бычка Балду, но его нигде не было видно, — мы слишком далеко отошли от своего костра.

Люди привели к монастырю быков, козлов, баранов, петухов. Всех их монах брызгал святой водой.

Животные, видимо, чувствовали запах крови, сохранившийся от прошлых жертвоприношений, предчувствовали скорую гибель, надрывно выли и кричали. Крики эти сливались с голосами людей и молитвенным пением.

Дородный монах с круглым, лоснящимся от жира лицом горящей свечой крестообразно опалял шерсть обреченных животных. Небрежные и высокомерные жесты, независимый и гордый вид монаха говорили о том, что он придает своему делу

великое значение. Окончив его, он повернул к монастырским воротам.

Тотчас же лес огласился множеством разноголосых криков и предсмертным воем. Началась резня скота.

Рядом со мной два дюжих парня схватили за рога крупного тупорылого быка, а третий опытной рукой вонзил в него кинжал. Бык свалился на землю. Свечи на его рогах вздрогнули, но продолжали гореть.

Мне представилась картина смерти бычка Балду. Слезы брызнули из глаз.

— Что ты? Разве можно сейчас плакать? Шалиани рассердится, молись скорее! — прикрикнул на меня дядя Еке.

Я принялся молиться. Раздался дикий, душераздирающий вой. Невдалеке от нас рухнул на землю еще один бык.

Хотелось зажать уши. Я было сделал такую попытку, но дядя Еке больно ударил меня по рукам.

Густая зеленая трава покрылась лужами крови.

Кровь растекалась по траве. Телят, козлят и баранов убивали прямо на руках.

Собаки лакали теплую кровь, ворча от жадности и удовольствия. Маленькие ребятишки хлопали по ней своими пухлыми ручонками, пачкая себя с ног до головы.

Вот показалась долговязая фигура монаха. Он сделал свое дело и теперь шел по лужам крови обратно. Полы его ризы были уже не золотыми, а кровавыми. Кругом валялись туши убитых животных. Их начали разделывать.

Религиозная часть празднества закончилась. Но народное веселье, состязания в ловкости, силе, грациозности продолжались.

Мужчины, свободные от разделки туши, стали водить хороводы. Они держали друг друга за пояса и танцевали простой, но необыкновенно бодрый и веселый танец. Все одновременно они приседали на одну ногу, выбрасывая при этом другую вперед, потом поднимались и опять приседали в такой же фигуре. Танец сопровождался пением.

На плечи танцующих вскочила новая группа людей. Образовался как бы второй этаж. Верхние танцоры правой ногой стояли на левом плече внизу стоящего, а левой на его правом плече. У некоторых костров танцевали даже в три яруса. Дядя Еке оторвал меня от этого увлекательного зрелища, дернув за рукав.

— Повернись, видишь, монах идет? Креститься надо.

Я повернулся, и стал креститься.

— Сын мой, — обратился ко мне монах, — креститься надо не левой рукой, в ней сатана, а правой.

Я увидел рядом с собой холодные глаза монаха с жирным лоснящимся лицом. Эти пустые, холодные глаза так и остались у меня на всю жизнь в памяти и всегда вспоминались, когда я видел что-нибудь жестокое, бессмысленное, дикое.

— Это родственники большевиков, они даже и креститься-то не умеют, — проговорил внезапно появившийся около нас Габо.

Я тут же отметил про себя, что у этого человека была особенность появляться внезапно, из-за угла, выбирая удобный для него момент.

— Каких большевиков? — монах глянул на длинное лицо Габо, нервно моргнув выцветшими ресницами.

— Ефрема и Аббесалома Иосселиани, зачинщиков, кого же?

— Он врет! — гневно воскликнул дядя Еке и сделал шаг по направлению к ненавистному Габо.

Габо отскочил назад.

— Вы родственники Ефрема и Аббесалома? — сурово спросил монах.

— Родственники, — односложно ответил дядя.

— Так значит не врет? — монах захихикал, отчего его толстые щеки затряслись, точно студень, но глаза оставались все такими же холодными и неживыми. — Да поможет вам Шалиани образумиться, — все тем же суровым голосом проговорил монах и брызнул на всех нас святой водой.

Дядя сквозь зубы бросил вслед Габо:

— С этим шакалом я рассчитаюсь!

— Ты не знаешь, что такое большевик? — тихо спросил меня Ермолай, когда мы подходили к своему костру.

— Это хорошие люди, раз Ефрем и Аббесалом с ними и раз их так не любит Габо, — ответил за меня дядя Еке.

— А монах их почему не любит? — спросил Ермолай вполголоса, чтобы окружавшие нас не расслышали.

— Наверное, потому, что они не пьют араку, а кто араку не пьет, того монах не любит, ругает. Я так думаю.

Дядя Еке пожал плечами: вероятно, он не был уверен в справедливости своих слов.

У нашего костра сидели женщины и дедушка Гиго. Мужчины были рядом на площадке в хороводе.

Я бросил беглый взгляд на дымящийся котел и понял, что нашего Балду уже нет в живых.

Дедушка привлек меня к себе.

— Ничего, мой Яро, зато путь ваш будет счастливым! Пойди посмотри, как твой папа здорово танцует и поет.

Отец действительно хорошо танцевал. На его плечи взобрались два ряда других танцоров, однако он с легкостью

двигался в такт танцу, свободно и громко пел.

Трехэтажный хоровод кружился и пел. Все три этажа его состязались друг с другом в исполнении припевок. Чаще всего в них говорилось о танцующих в хороводе. Почти после каждой припевки раздавался веселый смех зрителей и танцующих.

Много было пропето смешных припевок. Я уже стал подумывать о том, когда же, наконец, хоровод остановится. Вероятно, отец, да и стоящие с ним на первом этаже устали. Вдруг нижний ряд по какому-то непонятному сигналу сбросил верхних танцующих на землю. Танцоры встали, отряхнулись и продолжали смеяться.

Больше всех почему-то смеялся наш сосед Али, прозванный Хромым. Было непонятно, почему его так прозвали, ходил он совершенно нормально и танцевал не хуже других.

— Мне порвали штаны, — хвастался он, подходя ко всем и показывая выдранный во время падения с плеч другого танцора кусок материи. — Это очень хорошо, я буду в этом году счастливым...

— Я штаны каждый год рву, а счастья пока что то не вижу, — посмеиваясь, бросил отец, направляясь ко мне.

Он тяжело дышал и беспрестанно вытирал с разрумянившегося лица обильный пот. Отец поднял меня на руки, поцеловал в обе щеки и повел к нашему костру.

— Папа, а разве Хромой Али в этом году не будет счастливым? — спросил я.

— Что ты, Яро! Если бы рваные штаны помогали найти счастье, то на этом празднике давно бы все ходили в лохмотьях. Я бы и сам разорвал не только штаны, но и подштанники.

— А почему он так говорит? — не унимался я.

— Каждый чему-нибудь верит. Вот, например, мы, сваны, верим во всемогущество Шалиани, а мингрелы говорят, что это чепуха. Грузины просто смеются над нами, что мы молимся какому-то работнику князя Имеретинского. Вот так... Ну как, победили вы второй раз на состязаниях? — спросил он меня, когда мы подошли к костру. — Нет? Ну ничего, не огорчайся. Нужно практиковаться, все время практиковаться, тогда будешь побеждать. А если бы ты сегодня и победил, то твоя победа была бы очень дешевой. В другой раз ты наверняка проиграл бы.

Дядя Еке рассказал отцу о выходке Габо, назвавшего всех Иосселиани бунтарями и безбожниками. Отец нахмурил брови.

— Надо его сегодня побить. Как ребенка побить, надрать ему уши и мордой ткнуть в грязь.

Побить взрослого, как ребенка, считалось самым страшным оскорблением. Убийство почиталось благодатью по сравнению с

таким наказанием.

— Побить нельзя, — возразил дедушка, — все его однофамильцы сегодня здесь, они заступятся...

Отец и дядя Еке не возразили дедушке. Видимо, в душе они согласились с ним и подыскивали другие способы расправы.

Женщины разложили мясо и праздничные лепешки, разлили в большие деревянные миски араку. Пир начался.

Первый тост произнес дедушка. Он многословно говорил о всемогуществе Шалиани и Льягурки, всячески восхвалял их. В заключение молодцевато встал на правое колено и, держа миску с аракой в левой руке, три раза перекрестился и выпил ее до дна. Его примеру последовали все мужчины.

Передо мной тоже поставили миску с аракой, но отец даже и пригубить ее не позволил.

— Нельзя тебе. Я и сам ее пью как наказание. Хочу, чтобы и ты так же к ней относился. Запомни: полюбишь араку — не увидишь счастья в жизни!

И действительно, отец не любил спиртных напитков. Если ему и приходилось по какому-либо поводу выпить, то делал он это с неохотой.

— А я видел пьяного попа. Он шел по кладбищу с Габо и шатался. Значит, поп пьяница? Бабушка говорит, что он хочет всем счастья, а сам пьяница! — рассуждал я.

— Все попы и монахи, мой Яро, пьяницы и пройдохи. В попы порядочный человек не пойдет.

— Чему ты учишь ребенка, да еще в такой день? — всплеснула руками мать. — Побойся бога!

— Так вот, арака, мой дорогой Яро, — желая переменить тему разговора, снова начал отец, — зло. Большая доля урожая уходит на ее приготовление. А урожай у нас, ты это знаешь, скудный.

— Да, это так, — подтвердила мать. — Араку любят мужчины с женским сердцем и женщины, лишенные женских качеств.

— Пусть счастье и богатство сопутствуют вашему дому! Помоги вам, всемогущий Льягурка! — как из-под земли выросла у нашего костра долговязая фигура монаха с лоснящимся лицом.

За ним шли служки с корзинами, бурдюками и мешками.

— Счастье тебе, добрый Онисимэ! — приветливо отозвался дедушка.

Мы все по примеру дедушки поспешно поднялись на ноги.

— Я вижу, вы еще не успели охмелеть, люди Шалиани? — продолжал монах, растягивая в недоброй улыбке свои червеобразные губы. — Кому-кому, а вам-то следует показать, как нужно пировать на великом празднике.

— Мои дети сегодня не хуже других веселились, добрый Онисимэ, а пить араку они не любят, — мягко ответил дедушка.

— Ты не прав, добрый Гиго, на празднике святого Квирика грех не выпить, не повеселиться, — монах перекрестился и вскинул к небу свои неживые глаза.

Женщины тем временем были заняты расплатой за святые услуги. Они укладывали в мешки мясо, лепешки, а в бурдюки выливали араку. Получив дань, монах сразу не ушел.

— Да, добрый Гиго, — вспомнил он, — правду ли говорят, что твои племянники выступили против правительства?

— Не знаю, добрый Онисимэ...

— Аббесалом и Ефрем одни выступили против правительства или с ними еще кто-нибудь? Вы не знаете? — вмешался в разговор отец.

— Это твой сын, добрый Гиго? — обратился монах к дедушке, сверля отца своими прозрачными глазами.

— Да, это мой сын Коция, он ученый человек, по-русски знает, в Широких странах бывал, — охотно ответил дедушка.

— Я вижу, бывал... бывал... — со скрытой угрозой произнес монах, переглянувшись со своими молчаливыми спутниками. — Нет, они не одни, к сожалению. Их совратили Сирбисто Навериани и некоторые другие отступники от святой веры. Они обманули многих людей. Разве ты не видишь, как мало сегодня пришло на праздник?

Я невольно оглянулся вокруг себя. Не было ни одного клочка свободной земли. Везде пир был в разгаре.

— Посмотри, мой сын, вот за этой полянкой уже никого нет, — сказал монах, как бы отвечая на мой невысказанный вопрос. — А раньше? Места не хватало и там, за полянкой. Сам пристав приходил, а теперь он уехал по делам в Кутаиси.

— Значит, не одни Аббесалом и Ефрем выступают против правительства, а весь народ? Так ведь, по-вашему, получается?

Глаза монаха гневно сверкнули.

— Это ты собираешься в Широкие страны? Твой путь, Коция, будет роковым, берегись!..

— Ты слишком долго у нас задержался, другие тебя с нетерпением ждут, святой отец, — холодно произнес отец.

— О великий Шалиани, помоги образумиться людям! — бормоча что-то про себя, монах отошел.

Все сели на свои места, но до еды никто не притрагивался. Несколько минут стояла напряженная тишина. Все поглядывали на дедушку, ожидая его гнева.

— Мне показалось, что он обиделся на нас, — робко произнесла, наконец, моя мать. — Если он будет молить против

нас Шалиани, тогда...

— Шалиани не его бог, — прервал ее отец, — этот монах забыл своего бога. Его бог — Иисус Христос. А Шалиани выдумали сваны, он их бог. Иисус Христос против всякого Льягурки и Шалиани. Монах — темный человек, так что ты ничего не бойся. Его молитва — чепуха.

— Что ты говоришь, да еще в такой день! — заохала мать.

Ей вторила тетя Федосия. Дедушка сидел, нахмурившись, исподлобья оглядывая всю семью.

— Я пошутил! — отец поднял свою миску с аракой. — Давайте лучше выпьем за Аббесалома и Ефрема! Где-то они теперь?

Пришел дядя Кондрат. Он вымыл руки и сел за стол. Тетя Федосия подала ему кусок мяса и миску с аракой. Он пригубил напиток и стал с удовольствием есть мясо. Не сказал ни единого слова, ел и пил молча.

— Теперь твоя очередь, Коция, — обратился дедушка к отцу.

— Нет, не пойду! — решительно сказал отец. — Перед этим невеждой я на коленях ползать не буду.

— Тебе виднее, ты ученый человек, — не стал настаивать дедушка. — Но не забудь, что ты переселяешься со всей семьей, благословение нужно получить.

Оказалось, дядя Кондрат был в церкви и справлял какой-то обряд. После этого он должен был молчать целый день. Оказалось также, что он долго не соглашался на этот обряд, но Хошадеде строго приказала подчиняться всем законам религии, в противном случае она не пустит своих сыновей попытать счастья в Широких странах.

— Ох, мой Коция, испортил тебя Георгий! — вздохнул дедушка. — Ты ни одному богу не веришь.

Дедушка имел в виду путешественника, к которому в молодости мой отец нанялся проводником.

Путешественник полюбил моего отца и увез его сначала на Украину, а затем переехал с ним в Батуми. По словам отца, Георгия преследовала полиция, и он вынужден был жить под чужим именем. В Батуми он определил отца в ремесленное училище. Однако вскоре Георгия арестовали, а отца сразу же после этого выгнали из училища.

Все же отец научился говорить кое-как по-русски и по-грузински. Близкое знакомство с таким человеком, как Георгий, не прошло для отца бесследно. Его кругозор был значительно шире, чем кругозор других сванов, к которым он вернулся после ареста своего покровителя.

— Да, папа, все боги выдуманы кем-то, иначе зачем же им

скрываться на небесах? Давно бы дали о себе знать людям.

— Никому этого не говори, — замахал руками дедушка. — Бог, может, и простит, если услышит твои слова. Но люди не простят. Прошу тебя, никогда так не говори!

Дедушка и отец говорили негромко, чтоб чужие люди, проходящие мимо нашего костра, не расслышали этого разговора.

Веселье вокруг продолжалось, но дедушка велел нам собираться домой. Мясо, лепешки, араку погрузили на Реаша. Часть груза взвалили на себя мужчины.

— Я понимаю, Коция,, за сто лет я много понял, очень много понял, — продолжал в пути дедушка разговор с отцом. — Я понимаю, что монахи и попы служат обману. Обман им нужен, чтобы забрать у нас последнюю лепешку, последнего быка, последнюю араку.

— Потерпи, папа, скоро что-то должно случиться, должно все стать по-другому... Недаром Аббесалом и Ефрем ушли куда-то.

— Эх, Коция, я всю жизнь терплю и жду! Мне ничего не надо, я жизнь свою прожил, а вот им жить, — только теперь он, казалось, заметил мое присутствие и похлопал меня по плечу. — Их хочется видеть счастливыми!

После этого отец и дедушка очень долго молчали. Оба они шли, опустив головы, с мрачными лицами.

Около дома дедушка наклонился ко мне и, строго глядя в глаза, произнес:

— Бабушке не говори, о чем слышал сейчас. И никому не говори, слышишь? .

Законы крови

Лето было на исходе. Поспели хлеба. Началась уборка урожая.

Женщины жнут хлеб. Мужчины скирдуют, кладут на сани или просто в мешках за плечами доставляют домой.

На дворе тоже кипит работа. Дедушка Гиго, Ермолай и я молотим. Молотилка — массивная дубовая доска, густо утыканная камнями.

Мы расстилаем колосья по очищенному от грязи двору, а затем единственный оставшийся в хозяйстве бык Годжу таскает доску по двору. Острые камни вышелушивают зерна из колосьев и одновременно разрезают на куски солому, которая зимой идет на корм скоту.

Мы с Ермолаем сидим на доске — это увеличивает ее вес. Когда у нас был еще и Балду, на доску садился и дедушка. Но теперь дедушка лишь наблюдает за обмолотом. Одному быку нелегко волочить тяжелую доску да еще троих людей.

Сначала нам нравилось кататься на доске, потом от кругового движения начинает кружиться голова. Дедушка заменяет нас.

Солнце стояло над нашими головами и горячо обжигало все тело, но воздух был свеж и легок. А ветерок изредка даже заставлял поеживаться.

В этот-то день и в этот час к нам пришел неожиданный гость — Хромой Али. В Сванетии во время уборки в гости не ходят. Только событие чрезвычайной важности могло понудить человека не считаться с обычаем.

Гость стал о чем-то говорить с дедушкой.

Я спрыгнул с доски на солому. Прыжок не удался, и я упал, но тут же поднялся, отряхивая пыль.

Годжу свернул с обычной дороги и бросился было за мной. Наш бык Годжу терпеть не мог, когда видел кого-нибудь бегущим или падающим. Работа расстроилась.

— Ты зачем балуешься?! — закричал на меня дедушка Гиго. — Бык тебя убить мог!

Он довольно сильно ударил меня по спине муджврой.

- Бык его не догнал, так муджвра сработала, — заметил, скупо улыбнувшись, Хромой Али.

— Садись здесь, рядом, раз не умеешь себя вести.

— Больно тебе, наверное? — участливо спросил Хромой Али.

— Нет, не больно, — коротко ответил я, усаживаясь рядом с дедушкой. Хотелось плакать, но я сдержался, чтобы не унизить себя слезами перед чужим человеком. Для мужчины считалось

позорным плакать из-за боли.

— Я к тебе по делу, Гиго, — заговорил Хромой Али, когда вопрос со мной был улажен. — Ты самый уважаемый человек в Лахири. Не поможешь ли моей семье? Беда грозит нам... Смерть ходит где-то рядом. Я и на поле не могу выйти уже больше недели...

— Что случилось, дорогой Али? — заволновался дедушка.

Я забыл о боли и весь превратился в слух. Али был озабочен и невесел.

— Говорят, приехал мой враг Сорех. Охотится за мной. Он очень опасен, я его знаю. Прошу тебя, будь посредником, предложи ему помириться. У меня трое маленьких детей.

— Постой, мой Али, откуда у тебя может быть враг, ты и зайца не обидишь?

— Эх, добрый Гиго, я-то не обижу, но дед, сто раз ему перевернуться в могиле!.. Он же убил отца Сореха. Теперь Сорех стал взрослым... Вот и пришел взять кровь.

— Да, да, помню, помню... Сорех, говорят, стал злой, как кошка. Ну, попробую... Где его найти?

— Я не знаю. Может, ваш племянник Гелахсен поможет его разыскать...

— Что смогу, то сделаю. Будь проклята наша темнота! — сокрушался дедушка, то и дело по своей привычке сплевывая в сторону. — И приставам и стражникам нет дела до нас, и такой царь не пришел, чтобы запретить наш закон крови.

— Где там запретить, говорят, наоборот, Игнатэ, уезжая в Лечхум, гостил у Сореха и советовал ему, собачий сын, взять кровь, понимаешь? — горячился Хромой Али. — А сейчас такое время, что за убийство и не арестуют. Разве такого пристава можно назвать приставом? Это убийца, только убивает он не своими руками, а чужими.

За изгородью неожиданно и зло залаял наш пес Гурбел.

— Кто-то идет! — испуганно оглянулся на лай Хромой Али.

— Наверное, наши хлеб везут, — вмешался я и побежал к воротам.

Но, к моему удивлению, за изгородью никого не было. Да и вся улица была пустынна. Только Гурбел стоял в конце забора и, глядя куда-то вперед, лаял. Я проследил за его взглядом и опять-таки никого не заметил. Пришлось вернуться обратно на крыльцо.

— Трудно, мой Али, сказать, сколько на своем веку закон крови уничтожил самых сильных наших мужчин. Ох-ох-ох! — покачал головой дедушка, дымя своей трубкой. — Иди домой, никуда пока не выходи. Сореха я знаю, он родственник наших

соседей. Придет с поля Гелахсен, схожу к ним. Буду считать себя в раю, если напоследок еще один мир установлю. Иди, Али!

Год назад дедушка примирил нашего соседа Беткила с его кровными врагами. Все в деревне говорили тогда, что только дедушкино вмешательство решило дело положительно, что Беткил и разговаривать не стал бы с другим, менее уважаемым человеком. Сваны редко соглашались на мировую. Поэтому дедушка после этого случая стал героем.

Тогда же был назначен суд, состоявший из двадцати с лишним человек. В него входили поровну сторонники Беткил а и его врагов.

В назначенный день Беткил, как обиженная сторона, устроил обильное угощение. Лепешки, мясо, арака в обилии были расставлены на столах, полукругом стоявших во дворе Беткила.

Примирители, члены суда, уселись за столы и начали допрос истца Беткила. Беткил стоял, опершись о муджвру и глядя вниз. За все время допроса он ни разу не поднял головы. Позади него, немного поодаль, стояли ближайшие родственники. Они также со всеми подробностями рассказывали об обидах, нанесенных враждебной стороной. Ни Беткил, ни его родственники не принимали участия в угощении.

Суд вызвал свидетелей, проверил показания. Мне тогда надоело смотреть и слушать всю эту длинную процедуру, и я несколько раз убегал от забора, через который следил за судом. А когда возвращался, видел, что допрос продолжался. Только вечером закончилось судебное пиршество.

На другой день точно такая же процедура происходила в доме обидчиков Беткила, и была назначена торжественная присяга.

Все село собралось на Свипфе. Одними из первых, конечно, прибежали туда мы с Ермолаем. Народ напряженно гудел. Все ждали, чем кончится примирение, не будет ли пролита новая кровь?

Наконец все мужчины обеих сторон были выстроены друг против друга. При этом руки у них лежали на рукоятках кинжалов, глаза метали недобрые взгляды. Казалось, одно неправильное слово, опасный жест, и кинжалы засверкают.

Это был действительно очень опасный момент. Такие моменты часто оканчивались трагически. Чтобы избежать нового кровопролития, обычно послом, начинающим дело примирения, выбирался всеми уважаемый человек. И дедушка Гиго был именно таким человеком.

Приговор оказался суровым. Враги должны были заплатить Беткилу цор — выкуп за убийство стоимостью в десять быков — и

дать одну десятину пахотной земли.

Объявление суда присутствующие встретили по-разному. Кто ликовал, кто насупился.

Но примирение уже произошло, присяга была дана. Отныне эти два рода должны были забыть о кровной мести.

Так было год тому назад. Вспоминая все это, я подумал, как же бедный Али сможет заплатить Сореху большой выкуп?

Дедушка, видимо, думал о том, как примирить Хромого Али с его врагом, брови его были насуплены.

- Дедушка, я устал,. — вдруг взмолился Ермолай.

— Хорошо, останови, я сяду. — Дедушка встал , с места, выбил о стену дома пепел из трубки, заткнул ее за пояс.

В ту же минуту на улице раздались крики. Исступленно залаяли собаки.

— Неужели Сорех? — сам себя недоуменно спросил дедушка и проворно выбежал на улицу.

За ним побежали Ермолай и я.

Невдалеке от нашего дома, там, где улица поворачивала на Свипф, валялся в луже крови Хромой Али. Вокруг него собрались женщины и старики. Среди толпы выделялась долговязая фигура Габо.

— Не трогайте мертвого! — распоряжался он. — Его должны унести родственники, это по закону. По закону нужно!

— Ты откуда, как ворон, к нам прилетел? Что тебе не сидится в своем Жамуже? — зло сверкнув на Габо глазами, спросил дедушка. — Почему родственники? Раненому помочь надо!

— Ты лучше смотри, чтобы у твоей ограды людей не убивали, старый Гиго, — не остался в долгу Габо.

Хромой Али вздохнул в последний раз и умер...

В правой его руке виднелась рукоятка окровавленного кинжала. Значит, убийца не ушел безнаказанным. Но где он, где же Сорех? В том, что это был именно он, сомнений не было. Стало ясно, почему зло залаяла собака во дворе нашего дома. Сорех, выслеживая Хромого Али, не отступал от него ни на шаг и настиг его вот здесь, на этой улице, рядом с нашим домом..

И действительно, через несколько минут стало известно, что в конце улицы в предсмертных судорогах мучается Сорех.

Сорех, видимо, страшно страдал, но никого к себе не подпускал. Кинжал его был готов проколоть каждого, кто посмеет приблизиться к нему.

— Вы все, лахирцы, безбожники! Всех вас убить нужно! Всех, всех! — кричал он, страшно скаля зубы, порозовевшие от крови.

Он долго метался, хотел встать, но каждый раз беспомощно падал на землю. Наконец ему удалось подползти к забору.

Напрягая уходящие силы, он сумел, прижимаясь к забору, вытянуться во весь свой рост, встав лицом к народу. После этого он швырнул кинжал в сторону толпы и тут же упал на землю.

Стоящие вблизи слышали, как он призывал на помощь Габо.

Все решили, что Габо причастен к убийству несчастного Али. Но что за смысл ему было вмешиваться в это дело? Кровных врагов у него в Лахири не было. Сореху он не приходился родственником, а с Хромым Али даже и знаком не был.

В те дни в Лахири было много разговоров о Габо. Когда эти разговоры приняли угрожающий для него характер, спас его поп Захэар.

Поп якобы спросил бога, в чем смысл слов Сореха, и тот пояснил, что Сорех, умирая, вспомнил имя самого непогрешимого, самого честного человека, а этим-то человеком и оказался Габо. Сорех хотел перед смертью просить Габо помочь ему очиститься от грехов, а их, по словам Захэара, у Сореха было немало.

Нелепость такого объяснения была ясна каждому. Однако открыто сомневаться в том, что сказал Захэар, осмеливались далеко не все. Работы на нашем дворе прекратились. Дедушка рассказывал о случившемся отцу и дяде Кондрату, привезшим с поля хлеб. Ермолай стоял в стороне, держа на поводке быка, и, открыв рот, внимательно слушал дедушку, будто он сам не был всему свидетелем.

Смерть несчастного Али перевернула всю мою детскую душу. Страх с такой силой сковал меня, что я не мог говорить, губы дрожали, руки и ноги не слушались меня.

Отец, увидев мое состояние, решил взять меня с собой в поле.

— Испугался? — спросил отец, когда мы вышли за калитку дома.

— Очень Хромого Али жалко. А Сорех... он кричал так страшно!

И я рассказал о том, что видел и слышал.

— Надо скорее уходить отсюда, — выслушав, сказал отец. — Здесь ни за что в любую минуту могут тебя пропороть кинжалом. Уберем урожай — и айда в Дали! За нами и другие пойдут, посмотрят, как живут люди в Широких странах, и сами станут жить по-новому.

— Как — ни за что? — удивился дядя Кондрат. — Сорех мстил за своего отца. Закон мести нужен, очень нужен. Ты здесь, Коция, не прав.

— Тебя не переубедишь! — махнул рукой отец.

— Уезжать-то отсюда нужно, — наконец прервал молчание дядя, как бы извиняясь из свое несогласие с отцом. — Ни у кого

нет таких жалких полей, как у нас.

Он показал рукой на крохотные участки земли, которые буркой можно накрыть, как говорили горцы. Все поле было расчерчено на желтые, коричневые и зеленые квадратики. Чьи хлеба уже поспели, чьи нет, а кое-кто уже и собрал урожай. Каждый квадратик принадлежал, как было принято говорить, одному дыму. В Сванетии на дым приходилось не более одной десятины пахотной земли и менее десятины покосов.

Такого понятия, как пар, у жителей Лахири и окрестных селений не существовало. Ежегодно приходилось засевать всю землю.

— Уйдем, непременно уйдем. Все уйдем. Убрать только урожай! — продолжал отец. — Только бы правительство не препятствовало. Сваны ведь уже давно хотели переселиться, да не дали им устроиться на новом месте. Вот говорят, что правительство переменится. Тогда можно будет ожидать больших изменений.

— Что-то об этом люди перестали говорить, — заметил дядя. — Силен русский царь, он и Германию победит и революцию уничтожит.

— Нет, — возразил отец, — война уже кончена, сейчас идет революция! Эртоба должна победить!

— Мало я верю этому. Если бы дела шли хорошо, то слухи бы дошли и до нас. Проиграна война, скорее всего...

Что такое война, я знал со слов отца. О том, что существует много государств и что они часто воюют между собой, я тоже знал. Но о том, что и сейчас идет война России с Германией, я слышал впервые.

От царя мы не видели ничего хорошего, но теперь, узнав, что он дерется с Германией, я очень захотел, чтобы царь победил.

— Папа, кто победит — Германия или царь? — . спросил я отца.

— Не знаю, — серьезно, как взрослому, ответил мне отец. — Из Широких стран давно уже не было новостей.

Недалеко от нашего участка Вера и другие дети строили на ручье плотину. Я включился в игру.

Строительство столь сложного сооружения продолжалось до вечерних сумерек. Мама застала нас за этой увлекательной игрой и позвала домой. Жаль было оставлять неоконченной нашу работу, но пришлось идти. К остальным детям тоже пришли родители и увели их по домам.

Домой вернулись в темноте. Черными силуэтами вырисовывались принесенные отцом и дядей снопы хлеба. Посередине двора возвышалась гора зерна. Утром мы должны

будем просеять его на ветру.

Это была нелегкая работа. Зерно приходилось много раз подбрасывать вверх лопатами. С одного раза, как бы силен ни был ветер, зерно очистить не удавалось.

Просеивали зерно мой отец, дядя Кондрат и дядя Андеад. Трудились до самого вечера. Но отдохнуть им не удалось. Нужно было сходить в дом к убитому Али, высказать свое сочувствие семье несчастного и оплакать его. Кроме того, начиналась подготовка к марьебе — большому празднику поминания умерших.

Дело в том, что у сванов считалось, что покойники — невидимые члены их семейств. В определенный день (в каждом роду он был в разное время) покойники приходят в свой дом, и их надо как следует встретить.

Возвратившись с работ, женщины, мужчины и даже дети принялись за уборку. В доме должно быть чисто, чтобы покойники не могли рассердиться на хозяев.

В дом Хромого Али первыми пошли дедушка Гиго и бабушка Хошадеде.

Когда они вернулись, бабушка принялась ругать дедушку. Оказалось, что он во время оплакивания Али нещадно ругал не только Сореха, но и его родственников как живых, так и мертвых.

— У тебя не голова на плечах, а гнилое ольховое дупло, — изощрялась в ругательствах бабушка. — Слишком долго ты живешь на свете, ум у тебя уже умер, а ты все еще ноги носишь. Ты сегодня нажил своим детям врагов, да каких врагов!.. Все знают, что это люди кошачьей породы.

— Я же нечаянно...

— Как можно нечаянно, скажите, дети мои, как можно нечаянно болтать такие нехорошие вещи?

Долго еще ворчала, бабушка. Остальные не смели вмешаться, но чувствовалось, что они на стороне бабушки и разделяют ее опасения. Дедушка не оправдывался. Он сидел с низко опущенной головой и дымил своей трубкой.

Следующими пошли в дом Али дядя Кондрат и тетя Кетеван. Их тоже предупредили об осторожности. Но все было напрасно. Тетя Кетеван, никогда прежде не ругавшая своего мужа, вернувшись домой, бранила его последними словами. Она почему-то называла его все время «пень дубовый без сучьев». Я никогда не слышал такого странного ругательства и не смог удержаться от смеха, за что получил увесистую оплеуху от дедушки. Ермолай, который тоже хихикнул, убежал от возмездия.

— Да как же не ругать, собачьего сына? — оправдывался дядя Кондрат. — Приехал, убил человека, который никого и никогда

не обижал.

— Он приехал мстить за убийство своего отца, — вмешалась Хошадеде, прервав уборку дома. — Ты бы не мстил вместо него? Тоже мстил бы!

— Если бы было хорошее правительство, оно навело бы порядок и наказывало само, — задумчиво и тихо произнес отец.

Никто не отозвался на его слова.

Когда уборка была закончена, посуда перемыта, мебель вытерта, мои родители, дядя Андеад и тетя Федосия ушли оплакивать покойного.

На этот раз все обошлось благополучно. В доме Хромого Али не было произнесено ничего запретного.

Только поздним вечером семья собралась за празднично накрытыми столами. По углам их были расставлены горящие восковые свечки. . Все встали на коленях в темном углу мачуба. Наступил час встречи умерших. Дедушка пошел к двери, открыл ее, затем тоже встал на колени и, постояв так несколько минут в абсолютной тишине, полушепотом ; начал свое обращение к пришельцам с того света:

— Божья забота вам, несчастным. Вечная добрая память всем вам! Слезно просим, не сердитесь на нас, бедных. Берегите нас от беды и несчастья. Дайте всем живым долгую жизнь. Вреда никому не делайте, делайте только добро, только добро... Угощайтесь, от всей души прошу...

В этот момент дядя Андеад начал играть на чунире. Извлекаемые смычком из трех волосяных струн звуки напоминали жужжание мухи.

Дедушка продолжал говорить уже под аккомпанемент чунира:

— Коция с семьей и Кондрат тоже с семьей собираются переселяться. Пожалуйста, посмотрите там за ними, дайте им счастья, просим вас!

Дядя Андеад начал издавать на своем инструменте такие жалобные звуки, что мне стало тоскливо и жутко.

— Добрый Доменти, сын Отиа, кушай, дорогой! Мы за тебя отомстили, у тебя должно быть спокойно на душе. А ты, наш Кишвард, сын Омеха, рано умер...

И дедушка стал называть всех покойников по имени и коротко сообщать историю их смерти. Он перечислял их так долго, что у нас, детей, колени онемели от усталости.

Из этого перечисления я понял, что в нашем роду очень много было погибших от рук врага, только самая незначительная часть мужчин умерла от болезней. Сразу ожили опасения сегодняшнего вечера. Неужели и теперь у нас будут кровные

враги?

Вспомнилось распластанное в луже крови тело Хромого Али. Вот так же и к нам теперь могут прийти несчастье и смерть. Захотелось скорее уйти в Широкие страны. Там, по рассказам отца, не было кровной мести.

Дедушка окончил свой разговор с покойниками, подошел к столу и из каждой кружки с аракой по нескольку капель вылил в огонь. Считалось, что эти капли выпиты покойниками.

На этом прием душ умерших и их угощение были закончены. Мы сели к столам и начали угощаться той же снедью.

После ужина полагалось слушать игру на чунире. Дядя Андеад снова взял свой инструмент, погрел его около очага, чтобы чище был звук.

На этот раз он затянул песню «Нишгвей Лигхрал».

Сваны считали эту песню своим гимном. В ней говорится о битвах и походах в дальние страны; о скитаниях и притеснениях, о страданиях и лишениях, о тяжелой участи народа. Слушали ее всегда в глубоком молчании.

Дядя играл очень долго. У соседей был траур, поэтому веселых песен играть было нельзя. Но мертвые гости требовали музыки. Обижать их тоже нельзя. Поэтому-то дядя и вынужден был бесконечно продолжать «Нишгвей Лигхрал».

— Да, много пришлось пережить нашему народу, — благодушно вздохнул дедушка, когда песня была окончена.

Он велел мне подать огоньку. Я подал ему горящий уголек и подсел к нему.

— Я тебя не больно ударил сегодня? — Дедушка всегда сокрушался после того, как ему приходилось применять свою палку.

— Совсем не больно, — соврал я.

— Ну, больно-то было. Я небольно не бью. Молодец, что не обижаешься, когда тебя взрослые бьют, не плачешь... Молодец!

— Ничего, Яро, чем больше бьют, тем лучше. Меня до сих пор угощают иногда муджврой.

Дедушка молча покосился на отца и усмехнулся.

— Папа, почему так много наших родичей убили враги? — спросил я отца и потянул за рукав, чтобы он присел к нам на скамейку.

— Откуда ты взял? — сказал отец, садясь.

— Дедушка перечислял...

— Ты наблюдательный. Так и надо, — отец взял меня на колени. — У нас школ нет, грамоте нас никто не обучает. Мы должны быть наблюдательными, чтобы нас не обманывали все кому не лень.

— Да, нас все обманывают, — подтвердил дедушка. — Вчера приходил торговец, продал нам платок и почти все деньги забрал.

В Сванетии магазинов в те времена не было. Мелкие торговцы, таскавшие на себе товары, были единственными людьми, осуществлявшими товарообмен. Торговали они баснословно дорого. К тому же брали в основном не деньгами, которых у сванов было немного, а требовали шкуры зверей, особенно куниц. Естественно, что торговцев у нас недолюбливали.

— А что такое школа? — заинтересовался я новым для меня словом.

— Это такой дом, куда приходят дети, и ученые люди обучают их грамоте, делают умными.

— А где же дети живут? — недоумевал я.

— Они приходят в школу только днем, а вечером их отпускают домой.

Отец улыбнулся. Под правым глазом у него был шрам. Он получил его на охоте. В те времена в ходу были только кремневые ружья. Стрелять из такого ружья было довольно опасно. Из казенной части в сторону стрелявшего вырывалось пламя, которое нередко обжигало лицо стрелка. Жертвой неудачного выстрела и был мой отец.

Когда он улыбался, шрам исчезал, скрывался в складках кожи. Поэтому-то я и любил его улыбку. При улыбке лицо отца становилось красивым, молодым, приветливым.

— Если в Дали удастся послать вас в школу, вы будете учеными людьми, — вслух мечтал отец.

— Правительство переменится — будут школы, — заключил дядя Андеад, осматривая свой нехитрый музыкальный инструмент.

В этот момент дверь тихо приоткрылась, и в мачуб как-то необычно тихо прокрался один из наших соседей — Беки. Стучать в траурный вечер не полагалось.

— Тихий покой вашим несчастным гостям! — приветствовал он вполголоса.

— Счастье тебе, добрый Беки! — так же тихо ответило сразу несколько голосов. Все привстали со своих мест. — Что нового?

— Еще один человек оставил сегодня бедных мужалцев, — он снял шапку и, закатив глаза, перекрестился.

— Кто же, кто?

— Нашего бедного Бекирби убили... Дорога ему в рай, несчастному.

— Кто убил? У него же не было кровных врагов?

— Говорят, были, добрый Гиго. Где-то в Джоркваре были

старые кровники, — ответил Беки.

— Э-э-эх, теперь начнутся убийства, самых лучших сынов Сванетии уничтожат... Каждый день будем слышать о смерти... Стоит только одному отомстить, и другие начнут вспоминать свои обиды.

В неизвестность

Солнце еще не успело показаться над вершинами гор, оно лишь облило острие Тетнульда холодным розовым светом. Остальные горы казались голубовато-сизыми.

В ущельях чуть заметно передвигался туман.

Проснулся я, когда все взрослые были уже на ногах.

Наскоро оделся, выбежал на двор, где стояло ведро для умывания.

В воде плавали осколки льда, за ночь покрывшего воду. Холодно... Ночи в Сванетии всегда холодные. Как бы днем ни было жарко, за ночь горные ледники, будто гигантские холодильники, остужают воздух.

В наш дом начали приходить провожающие.

На проводы пришло все село. Родственники прибыли даже из окрестных сел — Мужала, Жамужа и Чолаша.

Не было среди провожающих только дядей Аббесалома и Ефрема. Наверное, они даже не знали о нашем переселении.

Дальское ущелье находилось всего лишь в ста километрах от Лахири, но при полном бездорожье преодолеть их было трудно. На этот путь обычно требовалось несколько дней; причем надо было проходить два горных перевала и несколько опаснейших мест, расположенных над кручей, где того и гляди можно было сорваться в пропасть.

Нелегко было моим родителям уходить с насиженного места. Да и будущее было неопределенным.

Слезы в это раннее утро текли без стеснения из всех глаз. Плакали женщины, мужчины и, конечно, мы, дети. Только маленькая Верочка оставалась безучастной к нашим переживаниям.

Это обстоятельство было отмечено суеверными людьми.

— Ребенок не плачет, будет все хорошо! Не бойтесь, — прошамкала старая Даурхан, вытирая слезы рукавом. Седая, с распущенными волосами, с круглыми большими глазами навыкате, она напоминала филина.

Даурхан была самой старой женщиной в Лахири, и поэтому к ее словам всегда прислушивались.

— Да, раз ребенок не плачет, все будет хорошо.

Когда отец и мать вышли со двора, плач родственников перешел в крик. Было похоже на то, что нас хоронят заживо. Со всех сторон слышались душераздирающие выкрики:

— Уай, куда вы идете? Несчастные!

— Зачем покидаете отчий дом? Бедные вы, бедные, помогите

им, боги!

— Несчастный Гиго, каких детей сегодня теряет! Остановите их, куда они идут, безумные!

Впереди вели осла Реаша, груженного скарбом. За ним на некотором расстоянии шел мой отец в сопровождении мужчин. Часть вещей, считавшихся наиболее ценными, он нес на себе в гудре[3]. Мать вместе с провожающими нас женщинами шагала позади.

За околицей нас встретил дедушка Гиго. Поднявшись еще до зари, он вышел вперед, чтобы первым встретить нас в пути, благословить на дорогу и одарить чем-нибудь. Это предвещало счастливое будущее.

Дедушкины глаза как-то необычно ярко сверкали. Он многократно расцеловал отца и вручил ему несколько медных монет. Большего дать он был не в состоянии.

Потом он расцеловал мать, меня и Верочку и, резко повернувшись, поплелся домой, сгорбившись, тяжело ступая старческими ногами. Провожать нас дальше ему не полагалось.

Я то и дело оглядывался на удалявшегося дедушку. Как ни заманчива была перспектива дороги, как ни интересно было посмотреть место нашего нового жительства, но расставание с дедушкой Гиго было для меня тяжелым горем. Невольно в голову приходила мысль, что больше я, наверное, никогда не увижу его.

Дедушка не обернулся ни разу, но я видел, как его сгорбленная спина вздрагивала. Дедушка плакал.

— Идем, Яро! — потянула меня чья-то сильная рука. — Не плакать, а радоваться надо. Ведь ты идешь в Широкие страны! Не у всех на это смелости хватает. А твой отец молодец. Ты ему за это еще не раз в жизни спасибо скажешь!

Меня держал за руку Теупанэ. Его лицо с маленькими, вечно слезящимися глазками дышало весельем и спокойствием. Мне радостно было видеть его именно таким.

Он стал уверять меня, что люди плачут от радости больше, чем от печали. Конечно, расставаться с нами добрым людям не весело, но все знают, что в Широких странах нам будет легче и лучше жить. Ведь мы первые, кто осмелился переселиться в Дали. Если с нами будет все в порядке, то те, кто оплакивает нас сегодня, последуют нашему примеру.

— Я сам скоро приду к вам, так что ты не бойся. Там русские живут, с ними хорошо, — в заключение сказал Теупанэ и пошел вперед, к мужчинам.

Я был благодарен ему за поддержку, но так и не понял, почему не следует бояться, раз Теупанэ скоро придет к нам.

Фигура дедушки уже скрылась из виду. Я повернулся в

сторону новой дороги и пошел вперед.

В Жамуже к шествию прибавилось еще немало провожающих. Начались новые крики и причитания.

Наконец мы подошли к мосту через реку Ингур. Здесь мы должны были остаться одни. Долго я обнимал Ермолая, долго обнимала меня бабушка Хошадеде, дяди и тети, знакомые. Но вот настал и конец прощанию.

Отец, мать, я и Вера на руках отца да Реаш прошли по покачивающемуся под нашими ногами мосту. Ингур разделял нас теперь от стоявших и машущих руками родных, близких, знакомых. Криков провожающих в реве реки не было слышно.

Мы пошли берегом вниз по течению. Перед тем как дорога повернула в лесную чащу, я обернулся, чтобы в последний раз посмотреть на наше село. Оно было разбросано у подножья седых гор и издали казалось беспорядочной кучей камней. Только башни говорили о том, что там живут люди.

Потом и село скрылось из глаз. Мы вошли в темный лес. Здесь пахло сыростью и прелью. Пели птицы. Глухо доносился рев Ингура.

Что нас ждало в Дали, толком никто не знал. Не знал этого и отец. Было только известно, что земли там много, ее не надо покупать, как в других местах. Леса там никем не охранялись. Деревья можно было рубить и использовать по своему усмотрению. От Теупанэ я знал, что там живут русские и что они справедливые, честные люди.

До местийского моста мы дошли без приключений и даже без усталости. И вот уже открылась столица Сванетии Местия.

Более сорока башен поднималось над долиной, втиснутой между Ушбой и Тетнульдом — двумя высокими горами. Эти горы были видны из Лахири. Говорили, что это разлученные злыми духами жених и невеста. И действительно, Тетнульд напоминал укутанную белоснежной фатой невесту.

Около моста нам встретился вооруженный, обвешанный патронами человек. Он оказался знакомым отца. После обычных приветствий человек рассказал, что на Бальском перевале засели бандиты и грабят всех прохожих.

— Помогите нам боги! — воскликнула мать. — Надо вернуться домой.

— Никуда мы не вернемся, — властно возразил отец. — Что они могут взять у нас? Мясо тура?.. Так пусть берут!

Накануне нашего ухода из Лахири дядя Еке принес убитого тура. Часть мяса, по обычаю, была разослана соседям. Оставшуюся половину отдали нам.

Весть о том, что наша семья уходит в Дали, достигла и

Местии. Не успели мы подойти к околице, как нас встретили люди. Опять слезы, причитания, уговоры не ходить дальше.

Особенно рьяно уговаривал моего отца длинный и худой человек с закрученными вверх усами. Он взял отца под руку и сказал:

— Коция, прошу ко мне в дом, — и показал рукой на едва ли не самую высокую башню в Местии, — хлебом-солью не побрезгуй... Поговорим... Дальше идти нельзя. На перевале бандиты.

— Дорогой Георги, бандиты меня должны бояться, а не я их, — попытался пошутить отец.

Но шутка никем не была поддержана.

— Коция, шутки плохие, время баламутное, погибнуть можно как муха, — сказал кто-то.

— Не упрямься. Подожди у меня несколько дней, пока бандиты уйдут, — настаивал Георги. — Ты сын Гиго, а он всегда был упрям, как вот этот твой спутник.

Он показал на нашего Реаша, который уже успел прилечь на дороге. Реаш был действительно на редкость упрямым.

— Ждать, когда в Сванетии не станет бандитов, — это все равно, что ждать пока Ушба обнимет Тетнульда, — ответил отец, показывая на горы.

— Да, не раньше, пожалуй, — подтвердил кто-то.

После долгих споров и уговоров большинство сошлось на том, что следует нас проводить за Бальский перевал.

— Я сам с бандитами справлюсь, — возражал отец, хотя единственным его оружием был кинжал, обязательная принадлежность каждого свана.

Все же Георги и еще несколько мужчин проводили нас. Всю дорогу они наставляли отца, как вести себя с бандитами, если они попадутся на нашем пути.

Наконец провожатые повернули домой.

Тропа, по которой лежал наш путь, узкой лентой вилась вдоль Ингура, то слегка отдаляясь от него, то подходя вплотную к обрывистым берегам. И тогда мы даже говорить друг с другом не могли, так яростно бесновался внизу в каменных объятиях злой Ингур.

Тропа была узкой, идти можно было только по одному. Когда же она проходила над обрывом, нам, детям, запрещалось смотреть вниз, чтобы не закружилась голова.

Возглавлял нашу процессию Реаш. За ним шел отец, за отцом я. Сзади, держа за руку Верочку, — мама.

В одном месте тропа была особенно опасной. Даже отец с облегчением вздохнул, когда мы миновали этот узкий карниз и

вышли на небольшую площадку, расположенную между двух крутых скал.

— Стой! — вдруг послышался откуда-то сверху властный голос.

Мы все подняли головы.

— Стой! Убью, если тронешься с места! — повторил свое приказание невидимый человек. Было слышно, как он щелкнул затвором винтовки.

Мы застыли на месте. И только Реаш, который не признавал ничьей власти, кроме власти отца, продолжал невозмутимо двигаться дальше.

— Подержи осла! — распорядился тот же голос. Отец подбежал к Реашу, схватил его за уздечку и хотел было повернуть назад, но Реаш, видимо, иначе понял намерение отца и лег поперек дороги, издав при этом звук, похожий на вздох облегчения. Отец стал бить его по спине, но Реаш не шевелился.

— Не трогай осла, пусть отдыхает, — вновь приказал невидимый человек.

— Это не осел, а катер, — неожиданно тихо сказал отец.

— Катер, да? Ну пусть он нас извинит за оскорбление, — сказал неизвестный человек и спрыгнул со скалы, нависшей над нами.

Следом за ним появился и другой. Оба они были вооружены.

Одеты бандиты были так, как обычно у нас одеваются охотники. Маленькая шапочка, короткая чоха, домотканая рубашка, такие же штаны и гетры, на ногах чувяки. Внешне они были обыкновенными людьми. Меня это огорчило. Я считал, что бандиты должны быть обязательно страшными, лохматыми, в оборванной, грязной одежде.

Как только бандиты спрыгнули со скалы, Верочка немедленно залилась слезами. Глядя на нее и на растерявшихся родителей, захныкал и я, прижавшись к маминой юбке.

— Они у тебя всегда плачут, когда видят настоящих мужчин? — спросил отца один из бандитов. Он был несколько выше своего товарища и, судя по манерам, старшим.

Отец буркнул в ответ что-то непонятное. Затем неизвестные осмотрели наши вещи, ничего не взяв, к нашему великому удивлению, и даже помогли нагрузить их снова на Реаша.

— Хотите что-нибудь взять себе? — все же спросил отец подавленным голосом.

— Что ты мелешь? За кого ты нас принимаешь? — обиделся высокий. — Мы ищем оружие. Князья охотятся за нами, натравливают всех на нас. А твой хабур-чубур пусть послужит тебе... и этим плаксам.

При этом он довольно сильно сжал мой нос двумя пальцами. Хоть слезы и готовы были вновь навернуться на мои глаза, но вместо плача я разразился смехом. Дело было в том, что я заметил на закрученных в трубочку усах высокого муху, чистившую себе лапки. Вид этой мухи и заставил меня расхохотаться.

— Вот видишь, они, оказывается, и смеяться могут, — сказал высокий своему товарищу.

— Спасибо, батоно абрег, — вежливо поблагодарил отец.

— Это мы бандиты? — возмутился товарищ высокого. — А что, Виктор, если я все-таки пошлю одну маленькую пулю в его глупую голову?

— Не шути, — строго прервал его высокий. — Подумают, что мы и впрямь абреги.

— Я не знаю, как вас именовать... — начал было оправдываться отец и тут же замолчал.

— Кто вы? Куда идете? — после минутного молчания спросил высокий.

— Я — Иосселиани Коция. А это моя семья. Идем в Дали на новое местожительство...

— Аббесалома и Ефрема знаете? — спросил высокий, переглянувшись со своим товарищем.

— Они мои двоюродные братья. Не знаю, где они сейчас, за них трудно отвечать, — начал было оправдываться отец.

— Мало у вас имущества, очень мало! Как же так можно переселяться? С голоду помрете, — участливо сказал высокий.

Отец пожал плечами и ничего не ответил.

— Счастливого пути, Коция! — начал прощаться высокий человек. — Увидишь своих братьев, привет им передай. И никому ни слова не говори, что нас тут встретил... Понял?..

— Понял, батоно, но в Местии все знают, что... бандиты на Бальском перевале засели. Нас даже не пускали... отговаривали... Ограбят, говорят.

— Ах, собачий сын этот Габо, это его работа! Ах, собака! Только он знает, что мы здесь, — начал браниться товарищ высокого. — Видал, Виктор, а?

— Простите, какой Габо? Я знаю Габо Аблиани. Он очень плохой человек, — удивился отец.

— Да, Габо Аблиани шпион и обманщик. Мы его поймали было недавно, но он ускользнул, собака. Старался нас даже подкупить, кошелек с деньгами сунул, а когда понял, что нас не купишь, прыгнул вот сюда.

Высокий показал рукой на высокий обрыв, под которым неумолчно шумел Ингур.

— Он, конечно, погиб? — воскликнул отец.

— Уай, боги мои! — всплеснула руками мать.

— Нет, видать, выжил, — развел руками Виктор. — И опять продолжает запугивать нами народ. Хотел по заданию князей нас поймать, выслужиться, а поймали его мы, да вот упустили... Ну, ладно, где кошелек? Отдадим Коции, ему деньги пригодятся.

— Что вы? За кого вы меня принимаете? Деньги не возьму ни за что, — упорно отказывался отец.

— Не отказывайся. Разве можно с семьей так переселяться? — Тут высокий подбросил в руках пухлый кошелек. — Деньги очень старые, не знаю, имеют ли они силу за горами. Но попробуй. Может, пригодятся.

Он сунул отцу кошелек и вместе со своим товарищем снова полез на скалы.

Когда мы были на значительном расстоянии от места встречи с неизвестными, отец начал о чем-то вполголоса говорить с матерью. Всего я услышать не мог, но одна фраза, сказанная довольно громко, долетела до меня:

— Они, наверное, борются за равенство, а я их принял за абрегов... Эх, темнота!

— Почему он сказал, что старые деньги плохие?

— Не знаю, — глухо отозвался отец.

Мы проходили Бальский перевал. Это была граница Вольной и княжеской Сванетии.

— Вот, Яро, посмотри, — подозвал меня отец. — С этого камня начинается княжеская Сванетия. Все наши предки боролись, чтобы дальше него князей не пустить. И не пустили! А князя Путу Дадешкелиани, который старался хитростью и обманом покорить вольных сванов, ушгульцы убили.

На повороте лежал большой камень, означающий границу. Он ничем не отличался от других камней.

— Коция, расскажи про Путу Дадешкелиани, — попросила мать. Видимо, ей хотелось отдохнуть и дать передышку нам, детям. Да и сама она, наверное, была не прочь послушать отца.

— Давай присядем, расскажу. Солнце уже на закате, а мы ни разу не отдыхали и не ели ничего.

У ближайшего родника устроили привал. Мать дала всем по лепешке и по куску мяса.

— Ну, слушайте, — начал отец. — Ты ведь, Яро, наверное, знаешь, как в песне поется: «Ушгульцы звери, ушгульцы чудовища! Почему вы убиваете старого Путу?»

— Знаю.

Мать тоже утвердительно кивнула головой.

— Ну вот, эта песня о Путе Дадешкелиани, — продолжал

отец. — Давно это было. В 1547 году. Все свободные сваны знают тот год. Хитрый князь Пута Дадешкелиани вздумал обманом покорить вольных сванов. Но сваны раскусили его хитрость и решили отомстить за коварство. Они пригласили к себе в гости Путу. Князь долго не соглашался и пошел только на том условии, что ушгульцы оставят у него в доме двадцать заложников во главе с сыном ушгульского старшины. Угостили его на славу. Вино лилось рекой.

Но тем временем в церкви, что стоит на ушгульском холме, шли приготовления. Каждый ушгулец отрезал кусочек свинца от своей пули, и из этих кусочков была отлита одна пуля. Весь народ, все село брало на себя позор за нарушение законов гостеприимства. Пулей этой зарядили ружье и укрепили его в церкви, а к его курку привязали длинную веревку.

Пир был в разгаре. Князь пил вино, а из церковной двери оружие ждало только сигнала. Много хитрых и лживых слов сказал Пута ушгульцам. Наконец встал тамада, приказал: «Подайте нам красного вина, хозяева!» — и ушгульцы потянули за веревку смерти. Княжеская кровь обагрила лужайку у церковной ограды.

С тех пор на страх всем, кто посягает на нашу свободу, в той церкви хранится одежда Путы Дадешкелиани, или, как его зовут у нас, Дачкелиани. Хранится и веревка, которой тянули за курок ружья. И с того года никто не мог сломить свободы нашего народа. Только царь сумел опять-таки хитростью добиться от нас присяги. С тех пор пришли к нам эти проклятые приставы.

— Несчастный Пута, где же его похоронили? — как всегда, сердобольно спросила мать.

— Не знаю. — Отец встал с места. — Я на том пиру не был, и слава богам, что не был. Ведь это происходило триста с лишним лет назад.

Отец принялся готовиться в дальнейший путь.

И опять началась длинная, опасная дорога. Впереди снова шел Реаш, следом за ним гуськом все наше семейство.

Шли очень долго. Все молчали. Я думал о дедушке и бабушке. Наверное, они говорят о нас. Дедушка сидит в своем кресле, вздыхает, кротко приободряет бабушку, а сам печально смотрит своими выцветшими глазами куда-то в темный угол.

— Где будем ночевать? — спросила мать, когда стало темнеть.

— Скоро дойдем до села, там и переночуем, — спокойно ответил отец.

Тропа снова подвела нас к обрыву. Опять приходилось отворачиваться от головокружительной кручи. Наконец мы

вышли на небольшую площадку, которую пересекал хрустально чистый ручей.

— Остановись! Убью!..

Я услышал металлический звук. Это щелкнули затворы винтовок. Два дула смотрели на нас со скалы.

Все остановились. Только Реаш, как и в прошлый раз, пошел дальше.

— Останови осла! — приказал тот же грубый голос.

Отец побежал останавливать нашего неразумного катера. В это время из ложбины показался человек, старательно укутанный башлыком. Лица его не было видно, сверкали только злые глаза.

Одет человек был по-свански.

— Коция, мы шутить не намерены! — неожиданно он назвал отца по имени. — Кто нас обманет, того ждет вот что, посмотри!

Бандит револьвером, который он держал в руке, показал в сторону от родника.

Под деревом валялись два трупа в окровавленной и растерзанной в клочья одежде. У меня в глазах потемнело,

На этот раз мы попали к настоящим бандитам. Правы были те, кто останавливал нас.

— Все, что вам нужно от меня, берите, пожалуйста. И нас не нужно будет убивать, — сказал отец неожиданно спокойным голосом.

— Давай деньги, да поживей!

— Пожалуйста, бери! — отец протянул все медяки, которыми снабдил его дедушка Гиго.

— Больше нет?

— Можешь обыскать, — отец высоко поднял руки.

— У аи, у меня есть! — испуганно воскликнула мать и протянула кошелек, подаренный Виктором.

— Ах ты, бессовестный обманщик, — обрушился бандит на отца. — Ты хотел провести нас, бедных людей! Где у тебя совесть? Молись богам, у тебя жена разумная!

— Вот бессовестная скотина! Вот безбожник! — заворчали бандиты, сидящие за камнями с винтовками наготове. — Убить бы его, да жена выручила.

— Извините, добрые люди, — Отец, видимо, извинялся вполне искренне. — Совершенно забыл о кошельке, он у жены был...

— Как можно забыть о таких больших деньгах, что мелешь? — бандит осмотрел кошелек и, увидев большую добычу, радостно подбросил его в руке, а затем уже спрятал в карман.

— Говорят, эти деньги не имеют силы, — как на грех добавил отец, — поэтому я и не обращал на них внимания.

— Ты опять нас хочешь обмануть? Мы убьем тебя! — воскликнул бандит и начал наводить на отца револьвер.

— Стой, не стреляй! — Из-за кустов вышел человек. — Ты забыл приказ Тенну?

— Счастье тебе сопутствует, Коция, — бандит опустил свой револьвер. — Иначе был бы ты вместе с ними, — он снова показал револьвером на трупы около родника.

Мы облегченно вздохнули.

— А ну, веди своего ишака вон туда, — скомандовал он, взмахнув револьвером в сторону родника. — Там вместе с другими ляжете и будете лежать, пока не позволим подняться. Не вздумайте между собой говорить — убьем, как собак!

Он повел нас за родник, мимо окровавленных трупов. На небольшой полянке, среди елей, лежало на земле лицом вниз человек десять. Нам было приказано лечь точно так же. Мы послушно исполнили приказание, только одна Вера долго не соглашалась ложиться вниз лицом и заработала несколько подзатыльников. Реаш спокойно развалился возле нас, не дожидаясь приглашения. При этом он, как всегда в подобных случаях, издал вздох облегчения.

Через некоторое время я, почти успокоившись после пережитых; волнений, уснул. На рассвете меня разбудили. Все мы беспощадно продрогли на голой земле.

— Нет, никого не видно! — крикнул кто-то.

— Ушли, богами проклятые, — разом проговорило несколько человек.

Оказалось, что, ограбив и уложив всех на полянке в стороне от дороги, бандиты спокойно убрались. Мы же, перепуганные, лежали до самого утра.

Ограбленный сван считает себя обесчещенным. Поэтому все пострадавшие встали, почистились от грязи и молча разошлись.

— Этот бандит тебя знает, — сказала мать, когда мы были снова в пути.

— Это, по-моему, люди Тенгиза Дадешкелиани.

— Ну, что ты опять говоришь вздор? — возразила мать. — Как может князь заниматься разбоем на дорогах? Он же князь!.. Ты, Коция, всегда говоришь опасные слова. Помни пословицу: «Никто про тебя не скажет так много плохого, сколько говоришь ты сам».

— Хе, опасные слова!.. Да ты знаешь ли, что .бессовестнее этих бандитов Дадешкелиани на свете нет, — махнул рукой отец.

— Замолчи, замолчи, — теребила его за рукав мама, пугливо озираясь вокруг, хотя услышать нас никто не мог.

— Они и друг друга убивают, травят, — не унимался отец. —

Они не знают ни родства, ни богов.

После полудня дорога увела нас в сторону от Ингура. Мы шли по могучему лесу. Вокруг в величавом спокойствии покачивались ветви елей, сосен, дубов, пихт. Стволы были затянуты плющом и ломоносом. Внизу подлесок и папоротник также образовали густые заросли, в которых легко было скрыться не только пешеходу, но и всаднику вместе с лошадью.

Только выйдя из леса, мы снова увидели яркий дневной свет.

Наш шумный спутник Ингур вновь приблизился к тропинке. Теперь его рычание было особенно яростным. Казалось, он злился на то, что горы сжали его в своих объятиях, он задыхался, бросал в них клочьями холодной пены, кричал, но горы были невозмутимы. Они не обращали внимания на неистовство реки.

Пахло сыростью. С почти отвесных скал падали ручейки. Это было мрачное царство камней. Чудилось, что мы попали к ним в плен. Куда ни глянешь — всюду камень.

Если раньше противоположный берег Ингура отходил от нас далеко, то теперь, казалось, протяни руку — и дотронешься до его уступов и скал.

От сырости, холода и страха мурашки забегали по спине.

Тропинка, выдолбленная в скалах, была здесь настолько узкой и пологой, что, казалось, могла вот-вот оборваться. И тогда мы неминуемо очутимся в объятиях разъяренного Ингура.

На тропе мог уместиться только один человек. Наш Реаш, груженный вещами, был в самом невыгодном положении.

Он каждую минуту мог задеть тюком за многочисленные выступы скал и упасть в пропасть. Его, скорее всего, спас спокойный характер. Он шел и не замечал опасности.

— Сурмилдаш — ворота в Сванетию, — пояснил отец каким-то необычным голосом, глухим, как бы тоже придавленным камнями. — Силой через них не пройдешь. Только хитрость могла проползти здесь в Сванетию. Обманом можно и через ушко иголки проскочить. В этом месте достаточно нескольких человек с ружьями, чтобы не пропустить никого.

Наконец Сурмилдаш остался позади. Мы приободрились. С отцовского лица градом катился пот. Мать была необычно бледна. Только Верочка да Реаш были невозмутимы...

Главные трудности остались позади. Теперь можно было без опаски смотреть по сторонам. Особенно привлекали мое внимание водопады. Их здесь было много. Около каждого водопада отец тормошил меня, торопя в путь. Но оторваться от сверкающей, разбивающейся в белую пыль воды было невозможно. Еще интереснее казалось мне стоять у подножья водопада и чувствовать его нежные брызги на своем лице.

Здесь и деревья были не такими, как у нас в Лахири. Прежде я не представлял, что, кроме дубов, сосен и пихт, есть другие деревья, такие, как лавровишня и платан.

У родника, выбегающего из камней, отец решил сделать привал. Не успели мы расположиться, как к нам подошли два человека. Я не знал их имен, но помнил, что они бывали у нас в гостях.

— Коция, добрый путь тебе! — в один голос приветствовали они отца. — Куда путь держишь в такое время да еще с птенцами?

— Доброго вам пути, дорогие Ило и Косда, — отозвался отец и повторил то же, что уже говорил многим людям.

— В Дали? — переспросили путники и переглянулись.

Отцу уже надоело рассказывать о цели нашего путешествия, высказываемые всеми опасения осточертели ему. Поэтому он молча разгрузил Реаша, отвел его на полянку, поросшую сочной травой, достал из хурджина[4] закуску и только после этого сказал:

— Да, в Дали переселяюсь.

— Ты знаешь, что все перевалы заняты бандитами? — спросил тот, которого звали Ило. У него были такие густые рыжие усы, что, когда он говорил, не было видно, открывает он рот или нет.

Но отец почему-то не обратил на это внимания, даже не улыбнулся. Я же не смог сдержать смеха. Отец цыкнул на меня и продолжал:

— Пусть грабят. У меня ничего нет.

— Убьют тебя и твоих птенцов. Бандиты — это княжеские сторонники, а братья твои, Коция, сторонники Сирбисто, — покачав головой, сказал Косда. — Об этом все знают...

— Если бы князья хотели меня убить, то сделали бы это сегодня, когда я проходил по их владениям, — возразил отец, поглядывая на мать, приготовлявшую еду.

— Ты говоришь, как поп, тебя не переговорить, — махнул рукой Ило. — Разве не знаешь, что они бьют только из-за угла? Зачем убивать при всех? Врагов нажить? Кровь задолжать? У князей совести нет, а ума хватит. Ну, как хочешь. Счастливого пути!

Путники надели шапки и, еще раз простившись, ушли.

— Давайте поедим последний раз мяса, пока бандиты не отобрали, — пошутил отец.

Но мать не была склонна к шуткам.

— Ты все шутишь. У вас в роду все такие. А я не хочу губить детей, — с необычайной решительностью проговорила она. — Завернем к моему брату Деавиту и переждем там до лучших

времен.

— Ты с ума сошла? — вытаращил глаза отец. — Что с тобой?

У матери был скромный, тихий нрав. Никогда ни в чем она не перечила мужу. А теперь вдруг стала командовать:

— Ни на какие перевалы я не полезу и детей не дам!

— Говорят, разъяренный ишак льва растопчет, — махнул рукой отец после долгих споров с матерью. — Не драться же мне с тобой. Айда в Ленкхери к Деавиту!

Деавит Чкадуа, брат моей матери, жил в Ленкхери — селе, расположенном на самой границе Сванетии и Мингрелии. Туда-то мы и повернули.

Непрошеные гости радуют сердце неожиданностью

В горы медленно прокрадывался вечер. Он зарождался внизу, у берега реки, переползал на крутые склоны гор, заросшие деревьями, цеплялся за каменные глыбы. Он успел уже покрыть сумраком горы, только вершины их еще купались в последних лучах солнца.

Сегодняшний вечер напугал нас, измученных тяжелыми переходами, — впереди было село Ленкхери, где мы должны были отдохнуть. Село вплотную подошло к реке Ингур, и хотя вечерние сумерки и поглотили его очертания, все же я отметил, что оно совершенно не похоже на наше Лахири.

Первое, что бросалось в глаза: в нем не было каменных башен. Домов сквозь густую зелень садов почти не было видно. Сады широко разошлись в обе стороны от домов.

Дорога спустила нас в село. Но и теперь дома разглядеть было трудно, и если бы не заборы, шагавшие вместе с нами по обе стороны от дороги, и не собачий лай, то трудно было бы догадаться, что мы уже в селе.

Все были измучены дорогой, но более всего досталось маленькой Верочке, хотя передвигалась она попеременно на руках то у отца, то у матери, а то и на тюке, привязанном к спине усталого Реаша.

— Уай, Деавит! — неожиданно воскликнула мать, обернувшись к проезжавшему мимо нас всаднику.

— Как? Это вы? — изумленный всадник мигом соскочил с лошади. — Я бы скорее мог ожидать здесь встретить обломки Ноева ковчега, чем вас. Куда вы идете?.. Ах, понимаю! — громко рассмеялся дядя, целуя то меня, то Верочку. — Вы, видно, идете вслед за приставом. Очень жалко кровопийцу, но далеко придется за ним идти...

— Подожди, не шути, — прервал отец, — О каком приставе ты говоришь, о нашем или вашем?

— О нашем. А может, и о вашем тоже, — продолжал смеяться веселый дядя. — Созвал нас сегодня пристав и давай заставлять присягать на верность царю, а потом вдруг прибежал один из его холуев да на ухо стал что-то шептать. Пристав как подскочит от страха, сел на коня и ускакал, а за ним и все его холуи. Вот я и решил, что вы тоже за ними...

— А ты не знаешь, почему он убежал? Что говорят?

— Черт и то, видно, не знает, почему.

— Пусть за приставом несчастья идут! — мрачно отозвалась мать.

— Понимаю, вы идете ко мне в гости, — спохватился дядя. — Давно бы так! А то Коция увез сестру в свое каменное Лахири и годами не показывает.

Дядя подхватил меня своими сильными руками и посадил в седло. Вслед за мной на лошадь посадили Верочку.

— Держись крепко, — предупредила мать.

Но Верочке почему-то не захотелось ехать на лошади. Она захныкала

— А у нее характер, оказывается, как у Хошадеде, — продолжал свои шутки дядя, усаживая девочку к себе на плечо.

Как только мы тронулись в путь, отец поведал дяде причину нашего появления в Ленкхери.

— Переселиться из ваших бесплодных мест в Дали — это ты неплохо придумал, — внимательно выслушав отца, сказал дядя. — Но сейчас перейти через Хварский перевал нельзя: вы из Лахири, а всё лахирцы — Иосселиани, бунтари и враги царя и приставов, об этом даже в Анакрии знают.

В Сванетии считается, что если о чем-нибудь известно в Анакрии, то, значит, уже весь мир знает, хотя этот небольшой поселок, находящийся на берегу моря у устья реки Кодор, расположен всего лишь в каких-нибудь ста километрах от центра Сванетии — Местии.

— Время такое, — продолжал дядя, — что князья, которых мы считали родственниками богов, оказались самыми обычными бандитами. Переживите у меня зиму, а потом продолжите путь. К тому времени эртоба закончится.

— Не надоедим ли мы тебе? — Отец пристально заглянул дяде в глаза.

— Как тебе не стыдно? — обиделся дядя. Его смуглое лицо покраснело. — Что с тебя взять, ты же из каменного Лахири! — махнул он рукой.

Я мерно покачивался в седле. Мне хотелось, чтобы лошадь пошла побыстрее, но она покорно следовала за дядей. Приходилось смириться. Вера удобно примостилась на широких дядиных плечах. Длинный путь не утомил и отца. Он шел бодро, с высоко поднятой головой. Только мать шагала тяжело и устало, прихрамывая на левую ногу.

— Чем ты собирался кормить семью в Дали? Ведь скоро зима.

— Устроил бы их, а потом с Реашем вернулся бы в Лахири за своей частью урожая.

— Пусть старики хоть один раз в жизни поедят вдоволь. У меня в этом году кукурузы, как никогда, много. На всех хватит и

даже останется, — дядя сверкнул своими карими глазами. — Вы мне только убрать ее поможете.

В Лахири, как и почти во всей Вольной Сванетии, кукуруза не вызревала, сеяли только рожь, просо, чечевицу и изредка пшеницу. В Ленкхери выращивали исключительно кукурузу. Остальные посевы уничтожались какими-то вредителями, бороться с которыми никто не умел. Единственный доступный сванам способ — молитвы не помогали, и люди перестали сеять что-либо, кроме кукурузы.

По обе стороны дороги, в прогалинах между деревьями и домами высокими желтыми ветлами торчали стебли кукурузы. Я с интересом рассматривал их. Дядя объяснил, где находятся плоды кукурузы, и я ждал того момента, когда слезу с лошади и поближе разгляжу эту диковинку.

Через заборы, прямо на середину улицы, свисали неизвестные мне плоды и фрукты. Дядя коротко пояснял: «Это груши... грецкие орехи... каштаны». Но объяснения эти звучали для меня загадочно.

У дядиного дома нас ждали серьезные неприятности.

— Уай, Кати! Коция! Яро! Вера! — как ураган налетела на нас неизвестно откуда появившаяся тетя Мэайно.

Невысокая, тоненькая тетя Мэайно никак не была похожа на жену широкоплечего, красивого дяди Деавита.

— У нас дома несчастье, Деавит, — возбужденно обратилась она к своему мужу.

— Что случилось? — спокойно, но как-то сразу посуровев, спросил дядя, придерживая лошадь, которая, почувствовав приближение дома, беспокойно рвалась вперед.

— Пришли... пришли... непрошеные гости...

— Ну так что же? — перебил дядя. — «Непрошеные гости радуют хозяев своей неожиданностью». Разве ты забыла эту пословицу, Мэайно?

— Нет, это не такие... Тенгиз и его товарищи пришли...

— О-ах!.. — в один голос воскликнули отец и дядя Деавит.

Я тоже был поражен этим сообщением. Уже не раз слышал я от взрослых имя молодого князя Тен-гиза Дадешкелиани. Имя это всегда произносилось со страхом и скрытой ненавистью. Князь был неограниченным повелителем княжеской Сванетии, куда входило и село Ленкхери.

Приход князя в чей-либо дом означал, что его многочисленную челядь приходилось кормить изысканными кушаниями, а это вело к разорению. Кроме того, князь был жестокий человек, появление его в селе почти всегда сопровождалось убийствами. Если кто-либо из семьи хозяина не

приходился ему по душе, то его избивали для потехи и даже убивали на глазах родственников. В этом случае никто не смел оплакивать и жалеть несчастную жертву.

— Да, ты права, такой гость радовать не может, пусть задавит его черный сатана! — выговорил сквозь зубы дядя. — Давно пришли, сколько их?

— Недавно... Человек десять. Приказали кур и барана зажарить. Вот я и побежала тебя искать. лошадь им нельзя показывать, заберут сейчас же... Я слышала их разговоры, далеко собираются...

— А кур и барана режет кто-нибудь? А то и лошадь нам с тобой не нужна будет, зарежут нас вместо барана...

— Режут. Варлам режет... Лошадь надо спасать, без лошади нам не жить...

Наступила напряженная минута. Все обдумывали, как разумнее поступить.

— Хорошо, сделаем так: ты, Коция, и ты, Кати, пойдете с лошадью и ишаком по кукурузнику. У опушки заночуете... Там есть чем животных накормить. Вам я еду пришлю... Детей возьму с собой: Яро сразу влезет на чердак, на сене переспит, а Верочка будет с нами.

— Да, да, ты прав, Деавит, — поддержал дядю отец. Отец, мать, лошадь дяди и наш Реаш исчезли в кукурузнике. Лишь верхушки кукурузных стеблей шевелились, выдавая их присутствие.

Мы вчетвером продолжили путь. Меня охватила тревога. Способствовало этому и то, что Верочка, сидевшая на руках у дяди Деавита, ревела во все горло и рвалась в сторону кукурузника, где исчезли наши родители, и то, что на улице стало почти совсем темно, а впереди ночь на сеновале, соседство страшных гостей...

— Полезай по этой лестнице. — Я увидел бревно с зарубками, прислоненное к стене дома. — На сене подождешь Варлама, он принесет поесть. Лежи тихо. Варлам придет и покажет, куда надо идти и что делать. Полезай!

Я проворно взобрался по бревну наверх. Видя, что и я куда-то исчезаю, Верочка вновь расплакалась. Она тянула ко мне свои ручонки и звала по имени. Зарывшись на чердаке в сено, я еще долго слышал ее тоненький голос.

На чердаке я постепенно успокоился. Появилось жгучее желание увидеть непрошеных гостей, так пугавших всех своим появлением. Князь мне представлялся высоким, худощавым, с большими, Закрученными усами, доходившими до сердитых глаз.

Не выдержав, я вылез из сена. Встать на ноги не решался,

поэтому ползком начал осматривать чердак, пытаясь найти окошко или щель, чтобы посмотреть вниз в комнату.

Изучив весь чердак, я понял, что нахожусь над пустым сараем а не над помещением с гостями, и решил потихоньку перебраться на, другой чердак, над помещением, где были гости.

Подойдя к лестнице, я столкнулся лицом к лицу с мальчиком, лезшим наверх. Это был Варлам, мой двоюродный брат, сын брата моей матери Григола, убитого кровными врагами. Я ни разу не видел Варлама, он рос сиротой без отца и матери, умершей вслед за мужем. Мальчика все родственники жалели и любили.

Мы молча обнялись и поцеловали друг друга. Затем он сунул мне горячий чурек и кусок сыра.

Закусив, я шепотом объяснил Варламу, что хочу посмотреть на князя и его свиту. Варлам признался, что и ему хочется на них посмотреть, хотя дядя и тетя запретили входить в помещение гостей.

После довольно долгого совещания мы решили осуществить свое намерение. Осторожно слезли на землю и ползком стали пробираться к чердаку, под которым было помещение для гостей.

Было очень темно, и нам казалось, что под каждым деревом, под каждым кустом нас ожидает засада. Но мы продвигались все дальше и дальше. Лестница уже была близка, как вдруг залаяла собака. Узнав Варлама, она сразу же замолчала и завиляла хвостом. Варлам отогнал ее. Однако собачий лай не прошел бесследно. На веранду вышли двое мужчин и начали пристально всматриваться в темноту. Мы распластались на земле и ожидали последствий неуместного интереса к нам глупой собаки. Собака могла опять подбежать и тем выдать наше присутствие.

На наше счастье, она накинулась на гостей. Сквозь лай мы услышали голос одного из стоявших на веранде:

— Ну и собака у тебя! Хорошие собаки не лают на тех, кто уже побывал в доме хозяина.

— Да, собака у меня глупая, — согласился дядя Деавит. — Закрыть ее в сарай, чтобы не беспокоила вас?

— Нет! — возразил тот же голос. — Пусть лает, пусть...

Мы еще несколько минут пролежали на земле, потом поползли. дальше.

Наконец добрались до лестницы. И снова залаяла собака. Это заставило нас стремительно подняться наверх. Теперь мы уже были в безопасности, пусть себе лает глупый пес.

Чердак был пуст. Он был выстлан не досками, а продольно распиленными бревнами. Ползти по ним было трудно и неудобно, сучки впивались в наши колени.

Не считаясь с бесчисленными занозами и царапинами, мы

искали щель. К этому прибавилась новая и, пожалуй, самая большая неприятность: едкий дым, шедший от очага снизу. Он разъедал глаза, щекотал в носу.

Но щель, наконец, была обнаружена, и мы одновременно прильнули к ней.

За щедрым угощением вокруг столиков сидели семь человек. Они ели дымившееся мясо, запивая его вином.

Около двери стоял дядя. Все молчали. Из комнаты доносилось только смачное чавканье. Тосты не произносились. Сидящий в центре стола поднимал свою кружку совином, обводил взглядом всех и враз осушал ее. Остальные равнялись по нему.

Вероятно, это и был грозный властитель Тенгиз. При тусклом освещении лучины и очага рассмотреть хорошенько его лицо мы не смогли.

Князь Тенгиз ел так же жадно, как и его сотрапезники. Он был в глубоко, до самых бровей, надвинутой шапке. Рукава чохи были засучены до локтей.

Мы с Варламом, не отрываясь и почти не дыша, следили за каждым жестом этого человека. Очень хотелось, чтобы князь поднял голову к потолку. Тогда можно было рассмотреть его лицо. Но он глядел в свою тарелку, слегка поднимая голову только для того, чтобы выпить очередную кружку вина.

Во дворе опять залаяла собака. Мы стали прислушиваться.

Однако собачьего лая испугались не только мы, его испугался и Тенгиз. Его рука с куском мяса задержалась. Затем он махнул этим куском в сторону дяди Деавита, приказывая ему удалиться.

Дядя вышел. Князь Тенгиз зло бросил кусок мяса на стол, вытер блестевшие от жира руки о гетры и встал.

— Джаку, Омех! — повелительным глухим голосом сказал он. — Посмотрите, что там лает собака. Кровь без моего приказа не проливать!

Те, кого он назвал Джаку и Омех, выскочили из-за стола, схватили карабины и выбежали из комнаты.

— Не нравится мне эта собака, лает подозрительно, — буркнул князь, посмотрев в сторону двери.

— Может, убить? — произнес один из спутников князя.

— Джондо, ты дурак! — резко оборвал его Тенгиз. — Собака нас охраняет, а ты говоришь — убить...

— Не собаку убить, хозяина, — понизив голос до шепота, произнес Джондо. — Мне кажется, хозяин нас предаст... Уйти и тихо убить. Другим будет наука...

Варлам впился своей рукой в мою горевшую от заноз и царапин руку. Казалось, что у меня глаза вылезут наружу от

напряжения, с которым я вслушивался в шепот этих людей.

Варлам даже попытался было отодвинуть меня от щели и приложиться к ней ухом, дабы не пропустить ни одного звука.

Но в этот решающий миг я не мог пожертвовать своей частью щели, и мы тесно прижались друг к другу.

— Ты осел, Джондо, — сухо произнес Тенгиз. — Ничего ты не понимаешь, хозяин не предаст нас... Он даже не догадывается, зачем мы здесь.

— О, мой господин, не верьте им, они все христопродавцы. Он все понимает, здешний хозяин.

— Молчи, безрассудный убийца. Убивать надо тоже с головой, — остановил его Тенгиз, топнув ногой. — С этим хозяином надо обходиться вежливо! Понял? Он живет на окраине села... рядом лес. Кто знает, что будет с нами, как сложатся наши дела? Кто тебя, дурака, будет кормить и укрывать?

— Мой господин, — влетел в дверь долговязый парень, посланный обследовать район, где лаяла собака, — на опушке леса за кукурузником обнаружены люди и лошади!

— Их надо уничтожить! — опередил князя Джондо.

— Много их? — спокойно спросил князь.

— По-моему, много. Омех следит за ними.

Я сразу понял, что речь идет о моих родителях. Они, конечно, мирно расположились на ночлег. И, разумеется, не предполагают, что над ними нависла грозная опасность.

Сердце заколотилось так громко, что я невольно прикрыл его рукой, чтобы оно не мешало услышать слова князя Тенгйза, которые должны решить судьбу родителей.

Если князь скажет страшное слово, то спасти моих родителей будет невозможно. Варлам стиснул меня за плечи, как бы стараясь удержать около себя.

Князь Тенгиз медлил с решением. Он встал из-за стола и прохаживался по комнате, о чем-то думая.

— Перестаньте вы жевать! — наконец крикнул он на двух своих товарищей. — Надоело слушать ваше собачье чавканье!

Те, к кому были обращены слова князя, выскочили из-за стола.

Все были теперь на ногах. Тенгиз остановился посреди комнаты.

Несколько секунд стояла тишина. Затем князь повернулся к стоявшему рядом с ним Джондо, смотревшему на своего господина так, как смотрят голодные собаки на хозяина.

— Вряд ли это наши враги, но будем осторожны. На сей раз придется просто уйти, быстро уйти без боя, но в другой раз и в другом месте, а не в этом селе, ух! — князь гневно взмахнул

рукой.

Он поспешно опустил засученные рукава чохи, взял висевший на стене карабин и приказал всем выходить.

— Ты, Джаку, сходи потихоньку за Омехом, только смотри, чтоб духа твоего они не почувствовали, убьют — не заступимся. Найдете нас на Большой дороге на Джвари. А ты, — обратился князь к Джондо, — пойди и дай за угощение деньги хозяину.

— Хозяину? Деньги?.. — протянул удивленный Джондо.

— Не будь дураком. Времена теперь изменились. Ясно ведь! Ох, с какими идиотами имею дело!.. Выходить будем налево, чтобы спутать хозяина.

Князь вышел, за ним выскочили все остальные, предварительно сняв со стены свои карабины.

Джондо, выходивший последним, задержал Джаку и громко зашептал ему на ухо:

— Если что, убивай. Надо запугать всю эту сволочь. Кровь научит их повиновению. Не жалей. Наш князь зря уходит, надо бы... — конца его фразы мы не дослушали.

Где-то звонко процокали лошадиные копыта, залаяло разом несколько собак — и все смолкло.

— Бежим к дяде! — схватил меня за руку Варлам. — Расскажем все!

— Бежим скорее! Скорее!.. — почти крикнул я, охваченный страхом за судьбу родителей.

Первым скатился с лестницы я, за мной слетел Варлам. Не видя ничего перед собой, я бросился бежать, сам не зная куда, и тут же наткнулся на дядю.

— Это ты, Яро? Чего ты несешься как сумасшедший?

Мы с Варламом наперебой стали рассказывать ему то, о чем слышали, притаившись на чердаке.

Дядя внимательно слушал. Когда мы рассказали о приказании кровожадного Джондо, он встрепенулся, резко повернувшись, побежал к дому, крикнув на ходу:

— Клянусь всеми богами, надо действовать, немедленно действовать!

Мы поспешили следом за ним. Вбежав в комнату, дядя рывком отбросил в сторону стоявшую в углу замысловатую кровать, раскрыл сундук, вынул кремневое ружье, тут же бросил его обратно со словами: «Пока его наладишь, выспаться можно». После этого он снял со стены длинный меч, попробовал ногтем лезвие и выскочил во двор.

— Сидите дома! Никуда ни шагу! Слышите! — крикнул он нам и исчез.

Что делать? Сидеть сложа руки и ждать событий было

невозможно. Бежать вслед за дядей мы не решались.

— Надо как-то помочь взрослым, — наконец произнес Варлам.

— Я тоже так думаю.

— Давай пока зарядим ружье, — предложил Варлам.

Ружье было очень старое, ржавое, как гвоздь, вытащенный из сгнившего бревна. Что с ним нужно было делать, ни он, ни я толком не знали. Некоторое время мы рассматривали ружье. Потом стали делиться воспоминаниями и наблюдениями, стараясь сообразить, как взрослые заряжают ружья.

Нашли небольшую кису и с дульной части ружья засыпали порох, заложили кусок свинца, найденный здесь же в сундуке, заткнули бумагой, чтобы пуля не выпала.

После этого Варлам насыпал немного пороха в отверстие, где расплющенный боек должен был ударить в кремень. Но оказалось, что кремень расшатался, и его надо было укрепить. Сделать это решили веревкой.

Пока Варлам искал веревку, я решил взвести курок.

Все кончилось бы хорошо, если бы в этот самый момент в комнату не вошла тетя Мэайно.

Увидев меня с ружьем, она подняла отчаянный крик. От испуга я случайно нажал курок. Казалось, что в комнате грянул гром и блеснула огромная молния. Я увидел ослепительный свет и полетел в какую-то бездну.

Когда я открыл глаза, в комнате стоял вонючий густой дым. Только после того как он немного рассеялся, я разглядел рядом с собой Варлама. Лицо у него было черным, как у негра. У двери на полу лежала тетя Мэайно.

Неожиданно с обнаженным мечом в комнату вбежал дядя.

— Что случилось? — крикнул он.

— Ружье... взорва... выстрелило, — виновато произнес я.

Тетя Мэайно очнулась и снова подняла неистовый крик.

— Перестань, — остановил ее дядя. — Зови Коцию и Кати, они в кукурузнике напротив веранды.

— Уай, Яро ранен! — вскрикнула тетя и выбежала.

— Я здоров, — пытаясь встать, сказал я. Но голова почему-то кружилась, ноги не слушались, болела спина. Дядя поднял меня на руки, вытер с лица кровь и сообщил, что я ранен в лоб.

Положив меня на пол, он принялся за обследование Варлама. Он оказался невредим.

Запыхавшись, прибежали отец и мать. Они бросились ко мне: мать со слезами, отец с расспросами. Но толком сказать что-либо я не мог. Кроме того, за стеной истошно визжала свинья. Визг ее заглушал человеческие голоса.

— Черт бы положил эту свинью на сковородку! — выругался, наконец, дядя. — Заткните ей глотку!

Тетя Мэайно ушла в хлев.

— Свинья смертельно ранена, — сообщила она, возвратившись обратно. — У нее вывалились кишки.

— Ха-ха-ха! Это Яро решил ее поскорее поджарить! — засмеялся дядя.

Меня вымыли. На рану положили какое-то снадобье, напоминавшее тесто. Я знал, что оно -приготавливается из соли, чеснока и древесного угля. Сверху лекарство накрыли лопухом тыквы, а затем все это завязали тряпками, причем забинтованными оказались и глаза. Спину смазали медвежьим салом и тоже перевязали. В таком виде меня и уложили в постель.

Соль беспощадно разъедала рану. Стерпеть боль мне, наверное, помогло только то, что я считал себя страшным преступником. Я мог безошибочно судить об этом, хотя бы потому, что на долю менее виноватого Варлама выпало немало колотушек от дяди.

Шесть дней пролежал я с перевязанными глазами. Все эти дни взрослые рано уходили на сбор кукурузы и поздно возвращались, усталые. Вместе с ними работал и Варлам. Дома, кроме меня, оставались Верочка и тетя Мэайно, готовившая пищу.

Дабы меня вновь не совращать, Варламу было запрещено разговаривать со мной до моего полного выздоровления. Как ни горько было, но пришлось со всем мириться. Я сам был виноват во всем.

Наконец, на седьмой день, в торжественной обстановке, в присутствии всех членов наших двух, семей отец снял повязку с моей раны. Рану долго рассматривали, советовались и решили, к моей великой радости, больше ее не завязывать. Дальнейшее лечение проводилось медвежьим салом, им в Ленкхери лечили почти все болезни.

На следующий день меня послали в сарай очищать кукурузу. Вместе со мной работала Верочка. Правда, за день она успевала очистить всего лишь два-три початка. Ей больше нравилось строить из кукурузы пирамидки, кучки или пытаться превратить кукурузный початок в куклу.

Время от времени забегала к нам тетя Мэайно. Она проворными привычными движениями моментально снимала с початка шелуху. Я старался подражать ей, но у меня это пока что плохо получалось. Тетя хвалила меня за усердие, но я не совсем ей верил. Вообще она была добрая и веселая женщина. Шутки ее были довольно остроумны.

— Хорошо, что ты со свиньи начал, — заявила как-то раз она, заскочив в сарай, вся измазанная в муке.

— Почему? — спросил я.

В те времена считалось, что каждый мальчик после двенадцати лет непременно должен убить нескольких животных. Начинать нужно было с курицы. В этом усматривалось мужество и твердость, подобающие мужчине. Разумеется, закалывать свиней ребятам никогда не поручали.

- Потому что свинья, по-моему, родственница князю Дадешкелиани, — по-детски захохотала она. — Вырастешь, может быть, не только свинью убьешь, но и ее родственника... А курицу — это всякий может!

«Действительно, почему же не убить князя? — раздумывал я. — Это же избавит всех сванов от несчастий и бед? А избавитель будет самым уважаемым человеком и в княжеской и в Вольной Сванетии... Его будут считать героем!.. А пристав? Но ведь и пристава можно убить... Их и надо убить двоих. Ведь сколько людей в Сванетии они послали в Сибирь!»

Вечером, когда в сарае собралась вся семья, я не удержался от того, чтобы не поделиться с отцом своими думами.

— Ты что, с ума сошел, что ли? — Отца огорчили -мои мысли. — Откуда у тебя такие кровожадные мысли? Кто тебя учит этому?

— Тетя Мэайно сказала, что хорошо бы князя убить.

— Ты, ангел-тихоня, чему ребенка учишь? Разве можно это говорить таким глупым головам! — упрекал отец тетю.

— Я думаю, что можно, Коция, даже нужно, — вмешался дядя. — Посмотри, какой у нас в этом году урожай хороший. Мы ночи не спим, спины себе ломаем. А князь придет, даже не специально, а так по пути забредет, да и отберет у нас все, и никто ему ничего не скажет. Уничтожать их, конечно, не детское дело, но...

В этот момент на дворе залилась собака. Все вздрогнули: не забылись еще недавние переживания.

— Иди встречай... — прошептала тетя Мэайно своему мужу.

Но не успел дядя подняться с места, как в дверях появился всем хорошо знакомый веселый Исма Цинделиани по прозвищу «Бурдюк новостей». Лохматый, и всегда небритый, широколицый и коренастый, он бродил по всей стране, охотясь на туров, медведей и дичь и повсюду рассказывая новости и занимательные истории, запас которых у него никогда не истощался.

Переступив порог сарая, Исма споткнулся.

— Добрый день, Исма, — приветствовал дядя гостя. — Плохие вести несешь, раз уже у порога падаешь?

— Неправильно, мой дорогой Деавит, — размахивая папахой, отозвался гость. — Во-первых, не добрый день, а добрый вечер, вы уж и день-то с ночью перепутали, а во-вторых, признаки твои врут, хорошие я принес вести. Свобода! Во всей Сванетии свобода, дорогие мои братья и сестры! — возвестил Исма.

Всем было известно, что в новостях, сообщаемых Исмой, почти всегда присутствовала выдумка — желаемое он часто выдавал за действительность. Но на этот раз его слова звучали так торжественно и убедительно, что отец и дядя переглянулись.

— Расскажи-ка подробно! — дядя показал Исме на пол рядом с собой.

— Подробно я и сам не знаю. Сирбисто теперь самый главный начальник.

— А какие доказательства? Доказательства у тебя есть? — спросил отец, подошедший к Исме, вплотную и теребя его за рукав.

— Какие доказательства? Ты, может быть, хочешь, чтобы я к тебе Сирбисто притащил? Ему некогда приходить тебя уговаривать. У него теперь дела поважнее. Сирбисто князя ищет. Говорят, убежал князь в лес...

— Такого еще не было в нашей стране, — объявил дядя, оглядывая всех — и детей и взрослых — загоревшимися глазами.

— Большое, огромное счастье, — задумчиво произнес отец, — если, конечно, Исма не врет...

— Вы вот поздравляете друг друга, — Исма лукаво усмехнулся, — а никто из вас не подумал, что для меня не все хорошо.

— Как так? Что не хорошо?

— Я же охотник, моя работа в лесу...

— Ну и что?

— Какому охотнику приятно в одном лесу быть с князем? Звери все разбегутся.

— Добрый шутник Исма, ты принес нам сегодня самые счастливые вести. Устроим праздник, выпьем за хорошее будущее. Хватит сегодня работать! — объявил дядя. — Жена, накрывай на стол! Варлам, лови кур!

Кукуруза была забыта. Надо было как следует угостить Иому, принесшего хорошие вести, — так требовал закон гор. Все хлопотали по хозяйству. Варлам залез в курятник и, провожаемый криками переполошившихся кур, вынес оттуда двух цыплят. Дядя Деавит тут же отрубил им головы. Мать накрывала на стол, тетя Мэайно принесла кувшин с аракой. Отец разжигал дрова. Я помогал ему.

— Теперь мы продолжим наш путь в Дали, — заключил отец,

подкладывая дрова в очаг.

— Нет, Коция, — возразил дядя, — в Дали ты все равно не пойдешь. Кукурузы у нас теперь никто отбирать не будет. Хватит всем с лихвой. Потом все обсудим, а сейчас будем пировать!

— Одно другому не мешает. Ты, Коция, хочешь вдти в Дали? Иди, иди, а мы тут попируем. По дороге, возможно, ты и князя встретишь, посмотришь на него еще разок... Он сейчас еще злее, чем раньше. Говорят, он теперь убивает кого только может. Эх, его бы на мою мушку!.. Я бы уж как-нибудь спустил курок! — мечтательно произнес Исма.

Стол был накрыт. Дядя поднял кружку. Вслед за ним все встали и тоже подняли кружки. Только мы с Варламом оставались сидеть: нам нечего было поднимать.

— За здоровье тех, кто дал нам, сванам, свободу! За здоровье Сирбисто Навериани!

Этот тост впоследствии стал на долгое время традиционным в маленькой горной Сванетии, навсегда покончившей с рабством и угнетением.

Хорошее место

Солнца еще не видно. Его заслоняют горы. Лиловые сумерки заливают ущелье.

Людей на улице нет. Слышатся только меканье коз и блеяние овец. Кое-где лениво лают собаки, кудахчут куры да кричат петухи.

Лишь в нашем доме все давно проснулись. Мы собираемся в путь-дорогу.

Вот наш Реаш, снова груженный скарбом. Он первым выходит из двора вместе с отцом. За ним дядя Деавит ведет свою лошадь, на нее взвалено два мешка кукурузы. Дядя дал нам ее в дорогу.

Перед выходом, как и в Лахири, пришли многочисленные родственники дяди провожать нас. Я иду рядом с матерью, окруженной ими,

Тетя Мэайно простилась с нами у околицы.

— В добрый путь, Коция, Кати, дети мои! Дальше мы не пойдем. Пусть вас боги провожают и охраняют от всяких бед!

— Пусть боги вас берегут! — подхватили другие и наперебой стали обнимать нас.

Старый Гвамал, сосед дяди трижды плюнул через плечо и только после этого поцеловал меня. Его короткая бородка больно впилась в мою щеку. То же самое он проделал с Верочкой. Та залилась слезами.

— Ребенок плачет! Нехорошо, аи-аи, нехорошо! — воскликнула какая-то старуха. — Не будет счастья, не будет!

— Да ей больно. Смотрите, как Гвамал ухитрился поцеловать ее, — отец указал на щеку Веры, где алело пятно.

— Да, да, если Гвамал свинью поцелует, то и та раскричится. Что вы хотите от такой крошки? — дядя поднял Верочку на руки.

Она тут же успокоилась.

— Что ты говоришь! Фу! — обиделся Гвамал. — Я со свиньей целоваться не собираюсь, сквернослов ты, невежа!

— Вот поэтому они и не кричат, а спят себе спокойно, — засмеялся дядя.

Плач ребенка расстроил провожающих. Все стали поспешно прощаться.

Наша семья и дядя Деавит, решивший сопровождать нас до Дали, пошли к дороге, тянувшейся вдоль реки по дну ущелья.

Мать была заметно взволнована. Ей явно хотелось повернуть обратно. Но как ни хорошо было у дяди, как ни весело было с новыми приятелями, мне хотелось поскорее добраться до этого сказочного Дали.

По моим представлениям, в Дали не могло быть плохо. Слишком долгий и нелегкий путь лежал туда.

— Не будет счастливого пути! Не будет! Плохие приметы, очень плохие... — не выдержала мать.

— Какие приметы? Что ты говоришь чепуху? — рассердился отец. .

— Верочка плакала на околице. Птицы поют с левой стороны. Собаки лают с левой стороны. Даже солнце и то взошло, когда мы еще не успели повернуть вправо.

— Кати, ты вспомни, — спокойно и рассудительно начал отец, — когда мы выходили из Лахири, ребенок не плакал, все птицы, и собаки, и даже свиньи были справа. Все говорило за счастливый путь. Но до Дали мы не дошли, пришлось всю зиму сидеть на шее у твоего брата. Пойми, Кати, эти приметы — вздор!

— Нет, Коция, ты не прав, не все приметы вздор, — вмешался в разговор дядя. — Некоторые приметы оправдываются. Вот когда пришел Исма и сообщил, что князья свергнуты, у меня зачесалась левая пятка. Ну, думаю, не к добру это. Так оно и есть: опять одолели князья, Сирбисто бежал...

— Князья одолели только здесь, в наших сванских горах и ущельях, — возразил отец. — Эртоба восторжествует, какая бы ни чесалась пятка. Дойдет свет из Широких стран и до наших гор.

Незаметно мы дошли до села Цицуар, расположенного в нескольких километрах от Ленкхери. Здесь жил Исма Цинделиани. Он встретил нас у калитки , своего дома.

Исма стоял, облокотившись левым локтем о частокол. Нога его была обмотана тряпками. Согнутая в колене, она беспомощно висела на костыле. В правой руке он держал рог с аракой.

— Да будет счастливым ваше путешествие! — приветствовал он нас. — Хорошо делаешь, Коция, очень хорошо, что идешь на новое место. Будет вам счастье сопутствовать на вашем пути! Пью за ваше счастье!

— О-о-о, добрый день, Исма! — хором ответили отец, мать и дядя, — Твои беды нам, да будет счастье в твоем доме!

— Что с ногой? — не удержался я от вопроса. Детям не разрешалось вмешиваться в дела взрослых, но вид забинтованной ноги заставил меня отойти от приличий.

— Эх! Мой мальчик! — с горечью ответил Исма. — Мою ногу угробила Маниай, проклятая колдунья! Ты, мальчик, никогда не доверяйся этим колдунам. Лучше нигде не лечиться, чем у них.

— Какая колдунья? Мы ничего не знали о твоей болезни.

— Никакой болезни и не было. Простой чирей вскочил. Таких чирьев у меня было больше, чем грехов у Дадешкелиани. Я их и

за болезнь не считал.

А тут, как назло, посоветовали обратиться к этой колдунье Маниай. Я, дурак, поверил. Моя голова, Коция, никогда не была туго набита умом, ты знаешь...

— Мы всегда считали тебя, — начал отец.

— ...глупым человеком, — не дал ему договорить Исма. — Если бы вы меня считали умным, то это плохо: значит, вы глупы. Но это не так. Глуп только я.

Он махнул рукой в знак того, что его утешать не нужно, он сам знает, какой он, и пригласил войти в дом.

Жена и дочь Исмы роздали всем по куску чурека с сыром. А Исма наполнил рог и передал отцу.

— Как можно считать меня умным? — не унимался Исма. — Я охотник, друг Деал и святого духа лесов, поверил беззубой Маниай. Она начала меня лечить заговорами. Долго прыгала, танцевала вокруг меня, бормотала что-то под нос. На третий день укусила меня за ногу около больного места. С тех пор и страдаю.

Отец произнес здравицу в честь Исмы, пожелал ему скорейшего выздоровления, отпил глоток и передал рог дяде. Тот проделал то же. Пить до дна не было принято. Идущие в дорогу ограничивались символическим изображением выпивки.

— Ну, нам пора, — заключил отец, когда обряд проводов был окончен. — Ты, Исма, ложись, выздоравливай.

— Счастливого вам пути! Дадут вам боги счастье! — попрощался охотник и, не выдержав напоследок, заговорил о том, что особенно волновало всех. — Коция, власть опять в руках князей. Но теперь они другие. Тенгиз заигрывает со сванами. Он — змея, сатана. Смотри, если его люди встретят тебя, будь осторожен. Говорят, он вербует сванов к себе против Сирбисто. И некоторые дураки поддаются на его удочку. Смерть им собачья в помойной яме!

— Нет, Исма, — решительно ответил отец, — на уговоры я не поддамся. Как ты мог подумать такое? Мои братья — товарищи Сирбисто. Да и сам я тоже кое-что понимаю...

Миновав село Цицуар, мы вошли в лес. Дорога и снова шла над обрывом. Внизу, как и раньше, бесновался Ингур. Сквозь редкие прогалины в густой листве он казался огромной массой мыльной пены, заполнявшей все Ленкхерское ущелье.

Дорога здесь была довольно широкой, и мне вместе с Верочкой поручили идти вперед. За нами плелся Реаш.

Из-за высокого, поросшего мхом, камня вышли два человека. Я вздрогнул от неожиданности.

— Остановитесь, — громко приказал незнакомец и подошел к нам. В руке он держал пистолет.

Третий раз нападали на нас. Я уже не ощущал страха. Была только злоба против этих людей, которые мешали нам идти в Дали, не давали нам начать новую жизнь, мечту о которой внушил нам всем отец.

Отец, дядя и мать остановились, растерянно глядя на человека с пистолетом.

Бандит прошел мимо меня. Я пристально посмотрел в его почему-то красные глаза, которые он не отрывал от взрослых. Верочка зачем-то дотронулась рукой до его чохи. Он ткнул ее свободной от пистолета рукой. Вера отскочила в сторону, прижалась ко мне и залилась слезами.

Бандит взял из рук дяди уздечку, ловким движением разрезал веревки, связывающие на спине лошади мешки с кукурузой. Мешки упали. Один из них тяжело перевернулся и шлепнулся вниз в кипящий Ингур.

— Ох!.. — тяжело вздохнул отец.

Бандит метнул на него взгляд и, опять-таки ничего не говоря, провел мимо нас повеселевшую после разгрузки лошадь.

После этого бандит вместе со своим товарищем скрылся за выступом скалы.

Все это произошло очень быстро. Ошеломленные, мы молча смотрели друг на друга.

Случай этот снова поставил нашу семью в тяжелое положение. Что делать? Идти назад в Ленкхери или продолжать путь? Отец настаивал на продолжении пути. Мать колебалась. Дядя принялся уговаривать возвратиться.

— Чем кормиться будете? Чем?

— Поголодаем, а позориться больше не буду. Назад не пойду, — упорно твердил отец.

Кто знает, сколько бандитов было еще на этих пустынных дорогах. Огонь гражданской воины охватил Широкие страны. Эхо ее докатилось и до наших гор. Много вооруженных людей бродило по тропам. Озлобленные на все и всех, они были готовы ко всему. Человеческая жизнь для них ничего не стоила.

Чувство страха боролось во мне с самолюбием. Если мы вернемся, как посмотрят на нас люди, провожавшие нас в путь? Как будут издеваться надо мной мальчишки с дядиной улицы!

Самолюбие победило чувство страха.

— Пойдем в Дали! — решительно вмешался я в спор взрослых.

— Тебя не спрашивают! — оборвал меня отец. — Ты забыл, что ты ребенок.

— Нет, почему же, — обнял меня за плечи дядя. — Яро уже большой мальчик, к его советам тоже надо прислушиваться. Ну,

ладно, коли и ты заодно с отцом, идемте.

Немало времени ушло на то, чтобы развязать вещи на спине Реаша, насыпать туда сколько оказалось возможным зерна, навьючить на себя. Все же в мешке еще оставалось порядочно кукурузы.

Из затруднительного положения нас вывела случайность.

К месту нашей вынужденной остановки подошел охотник из Мулажа старый Иванэ. Он бодро поприветствовал нас и тут же осведомился, что заставило нас остановиться в таком неудобном и опасном месте. Отец рассказал о случившемся.

— Продайте мне свою кукурузу, — предложил Иванэ. — Я ее здесь спрячу и перенесу за два раза домой. А вам дам за нее вот эту медвежью шкуру Ты, Коция, в Дали ее продашь и купишь муки. Хотя Дали и не относится к Широким странам, но находится на пути к ним, и жизнь там богаче, чем у нас кукурузу там всегда найдешь.

Иванэ выручил нас как нельзя лучше. Теперь мы могли спокойно продолжать свой путь.

Поздно вечером мы добрались до селения Чубер и заночевали у родственников дяди. А утром были невдалеке от последнего трудного перевала — Хвары. Он отделял Сванетию от Дальского ущелья. Шесть месяцев в году перевал был совершенно непроходим.

Последний этап пути наступил. Мать помолилась богам, перекрестила всех нас, и тропинка спокойно повела нас вверх. Кончились лиственные леса, началось царство хвои.

По обе стороны тропинки красовались великаны сосны и ели. К полудню стали редеть и они. Становилось все холоднее. Хотя солнце и жарко палило, но лучи его здесь не приводили к изнеможению.

Появились альпийские луга. Вокруг все было залито цветами. Большие колокола рододендронов, синие гиацинты, золотые шафраны, белые и голубые колокольчики и сотни других цветов, казалось, соперничали в красоте и грациозности форм. Среди цветов гудели шмели и пчелы.

— Вот, наконец, и перевал. — Дядя вытер с лица пот.

Он и отец несли на себе довольно большой груз, и поэтому они устали больше, чем остальные.

— Отдохнем, — предложила мать.

— Нет, отдыхать нельзя, — покачал головой отец. — Надо перевалить засветло. После захода солнца здесь очень холодно. Видишь, снег кругом...

Действительно, и слева и справа к тропинке подступали белоснежные горы. Они не выглядели высокими. Казалось, что

ледники были почти на одном уровне с ними.

— Вот, Яро, горные овощи, — показал отец на сочную траву.

Я сразу же узнал любимые лакомства.

Мы вплотную подошли к границе ледника. Точно огромной шапкой он накрывал, седловину перевала. Было очень интересно под палящим солнцем очутиться на льду. Я впервые в жизни видел ледник так близко. Отец сказал, что здесь следует ненадолго остановиться и набраться сил для самого трудного участка пути. Все сняли с себя ношу и повалились на траву.

То же сделал и я. Но соблазн собрать горных овощей был так велик, что я тут же поднялся и принялся рвать обильно росшие вокруг съедобные травы.

Вскоре у меня в руках была целая охапка овощей. Я роздал их взрослым и Верочке. Все с удовольствием начали есть. Это был наш первый за день привал и первая еда после завтрака.

Дальнейший путь лежал по леднику. Где-то далеко внизу под толщей льда была земля. Но даже думать о ней казалось странным. Лед ослепительно сверкал на солнце. Все щурились и поминутно вытирали набегавшие на глаза слезы. Холод проникал через потрепанные чувяки.

Соблюдая старинные правила, гласящие: любой шум, даже человеческий голос могут вызвать трещину или обвал, мы шли, не разговаривая друг с другом.

Этому обстоятельству более всего, видимо, удивлялся ленивый Реаш. На него теперь не сыпались проклятия. Без привычной ругани он отказывался идти по скользкой поверхности, и его приходилось почти беспрерывно угощать палочными ударами.

На льду тропинки не было. Приходилось идти наугад. Впереди следовал дядя, знавший эти места по описаниям людей, бывавших в Дали. Он заблаговременно тщательно и долго консультировался по поводу пути со всеми, кто был в этих ледяных краях. За ним тянулась вся процессия.

Достигли хребта, за которым начинался спуск. Все были до крайности утомлены. Радовало и придавало сил лишь то, что теперь придется не взбираться вверх по скользкому льду, а спускаться. Но и это, как оказалось впоследствии, было делом, нелегким.

Солнце над перевалом было окутано мглой. Оно напоминало лучину, Горящую в дымном мачубе. Стало совсем холодно.

Однако величественная картина, открывшаяся с Хварского перевала, не могла не сбросить с нас значительной толики усталости. Впереди виднелось Дальское ущелье. Оно даже сверху казалось намного шире Лемкхерскбго. За ним раскинулся густой

лес. Глаз не мог рассмотреть ни одного селения. Лес окаймляли вершины Хутия, Гванда, Нахар, Светэ, Тиш.

— Яро, не задерживайся, — шепотом поторопил меня отец. — На этих перевалах не один сван погиб. Надо торопиться. Переночевать можно только в пастушьем шалаше, иначе конец нам, замерзнем.

— А есть тут пастухи? — также шепотом спросила мать.

— Конечно, есть, — глухо отозвался отец. — Такие богатые пастбища даром не пропадают.

Поздно вечером, спустившись с перевала и пройдя через неширокую полосу горных лугов, мы вошли в лес.

Здесь нас сразу же обрадовал лай собак. Было уже совсем темно. Различить Дорогу стало невозможно. Шли на ощупь в направлении собачьего лая.

На полянке расположилась отара овец. Виднелись неотчетливые контуры пастушечьих шалашей.

Отец и дядя долго разговаривали с пастухами на непонятном для нас языке. Пастухи оказались не сванами.

Мать не выдержала, прервала затянувшуюся беседу:

— Что они говорят? Пустят нас ночевать или нет?

— Так они нас и ждали! Это богатые скотоводы. У них гостеприимство не принято и совести нет. Не хотят пускать... Платы требуют за ночлег.

— Уай, помогите, боги! — воскликнула мать. — Как можно гостя не пустить? Безбожники! Не пойду я к ним, если даже просить будут. Переночуем под деревом, не умрем.

Пришлось в темноте идти дальше. Пройдя немного, наткнулись на раскидистое дерево. Под его ветками сложили груз, расстелили медвежью шкуру, развели костер.

С первыми сумерками мы уже снова, были на ногах и продолжали путь вдоль реки Сакен.

Отец то и дело останавливался, брал в горсть комья влажной, жирной земли и подолгу мял ее в руках. Дядя внимательно и очень серьезно наблюдал за ним, но сам земли не касался.

Меня же заинтересовали птицы. Их было множество, и они весело распевали свои песни. То тут, то там я слышал новые для меня звуки. Таких птиц я не видел и не слышал ни у нас, ни в Мулаже, ни у дяди, в Ленкхерах. Я без конца вертелся, пытаясь увидеть их, спотыкался и падал.

Первый житель селения Сакен встретил нас радушно. В дремучем и, казалось, совсем необжитом лесу вдруг открылась прогалина, показался забор. За забором виднелись крохотное поле и домик. Мы были тоже очень рады встретить человека после долгих скитаний по необитаемым местам.

Поселенец, оказывается, заметил нас уже давно. Он бросил свою работу, спустился со склона горы и ждал нас у калитки с кувшином айрана — кислого молока, приготовленного по-карачаевски.

— О-о-о-о! Это, оказывается, Коция и Деавит! — воскликнул хозяин, когда мы подошли ближе. — О тебе, Коция, я, брат ты мой, уже слышал, но думал, что ты, брат мой, нашел где-нибудь гнездо.

— Пирибэ! Вот, оказывается, тебя куда занесло! — почти в один голос воскликнули удивленные взрослые.

Пирибэ тепло пожал всем нам руки, говоря при этом теплые слова. Речь его была густо усыпана словечками «брат ты мой».

— А о переселении Деавита в эти дикие места я, брат ты мой, ничего не слышал.

— Ты, Пирибэ, я вижу, неплохо устроился. Домик, земля, вода рядом. — Дядя оглядывался по сторонам, рассматривая хозяйство Пирибэ.

— Эх, Деавит, если бы ты пожил здесь! Во всем Сакене не было, брат ты мой, ни одного поселенца. Я первый, брат ты мой, житель этого дикого края. Никого я не вижу. И если бы, брат ты мой, не моя болтливая жена, и бы разучился говорить с людьми.

— Ну это ничего, медведи — те совсем не умеют говорить, а живут куда лучше нас, — посмеивался отец.

— Да, мой Коция, медведи, брат ты мой, тоже в лесу живут, но им не приходится лес корчевать. — Пирибэ рассмеялся тоненьким голоском, не вязавшимся с его мужественной, широкоплечей фигурой и бравыми усами. — Прошу угощаться, брат ты мой, но у меня ничего кроме кислого молока, нет.

— В Сванетии у тебя и айрана не было, Пирибэ, — заметил отец, отливая в деревянную миску немного айрана.

— Да, край хороший. Много, брат ты мой, земли, леса, трава вон какая, — подтвердил Пирибэ. — Князь нас здесь не найдет, это самое главное, брат ты мой...

Пирибэ упорно приглашал пожить у него и собирался было уже сбегать за женой, оставшейся на корчевке леса. Но отец и дядя запротестовали, говоря, что немного отдохнут на полянке и опять тронутся в путь. Все по очереди отведали вкусного, освежающего айрана.

— Ты вот расскажи-ка мне лучше, кто сейчас у власти здесь в Дали? — осведомился отец.

— Не знаю, Коция. Не знаю, брат ты мой, — сбивчиво ответил хозяин, покручивая усы. — В прошлом году, когда я был в Ажаре, кто-то нехороший у власти был. Его, брат ты мой, все ругали. Я тогда поскорее ушел домой. А в этом году, пока, брат ты мой,

работы не кончатся, я, брат ты мой, не пойду туда.

— А что за место Ажара, расскажи...

— Ажара, конечно, — это центр Дали, там даже русские живут. Большое село, очень большое.

— Далеко отсюда?

— Верст десять, нет, двадцать. Да, двадцать и даже больше будет. Да, да, больше, брат ты мой, больше, но не больше, конечно, тридцати. За один день можно туда и сюда пройти.

— А много жителей в Ажаре? — интересовался отец.

— Я был там недолго. Но потом по этой дороге много сванов прошло, — с относительной точностью сообщал Пирибэ. — Я отмечал фамилии зарубками на дереве. Но, брат ты мой, дерево бурей повалило и...

— Ну, а кто из наших знакомых приходил? — перебил отец.

Пирибэ стал перечислять общих знакомых, прошедших мимо его дома на новые земли.

— Больше, брат ты мой, никого не было, не считая твоего брата Кондрата и соседа Теупанэ. Вы о них, конечно, должны знать.

— Кондрат здесь? — воскликнули удивленные отец и мать. — Где он? Мы ничего о нем не знаем, ведь нам полгода почти пришлось пережидать у Деавита.

— Я, конечно, брат. ты мой, удивлен, что вы не знаете, где живут ваши родственники, — ухмыльнулся Пирибэ, откинув в сторону свои длинные усы. — Он, по-моему, поселился по правой стороне реки: от слияния реки Сакен и Гвандра образуется река Кодор. Отсюда верст десять будет до слияния. Надо перейти мост через реку Кодор и идти, брат ты мой, по правой стороне до мельницы, и вот где-то около мельницы в лесу, брат ты мой, поселился Кондрат.

Это было все, что нам мог сообщить Пирибэ о местопребывании нашего Кондрата. Новость нас очень обрадовала. Все становилось проще. Нужно было найти дядю Кондрата; он, наверное, уже успел устроиться на новом месте.

Следуя указаниям Пирибэ, мы тронулись в путь. Без труда нашли мост через Кодор, перешли по нему на другую сторону. Нашли и мельницу. Она работала, движимая водами Кодера, но. на ней, как и на любой сванской мельнице, никого не было. Муку здесь мололи без присутствия человека.

Посовещавшись, взрослые решили, что следует подождать немного у мельницы. Может быть, на наше счастье, кто-нибудь и забредет сюда.

Мама разложила еду. Чурек за три дня пути зачерствел настолько, что им можно было забивать гвозди в стену. Но от

этого он не стал несъедобным.

Прождали мы довольно долго. Незаметно подошли короткие сумерки.

Было решено заночевать у мельницы и завтра с утра начать поиски дяди Кондрата. Была уже вынута спасительная теплая медвежья шкура, за которую мать не раз уже воздавала хвалу богам и просила их дать долгую жизнь старику Иванэ. Отец принялся добывать огонь. Дядя собирал хворост для костра.

Неожиданно я услышал человеческий голос.

— Сойка, наверное, — определил отец.

Действительно, в дальских лесах соек было много, и крики их можно принять за человеческий голос. Все согласились с отцом и продолжали начатые работы. Но через несколько секунд до слуха нашего, теперь уже совершенно отчетливо, донеслась песня. Пел мужчина, явно приближающийся к нам. Все радостно насторожились и стали ждать.

В прогалине между липами появился человек. На нем была белая шапочка и серая чоха. Лица еще разглядеть мы не могли, но я почему-то сразу решил, что это и есть дядя Кондрат.

— Дядя! — громко крикнул я и бросился вперед.

— Ой, смотри ты! — вскрикнул человек и бегом начал спускаться к нам с холма.

Теперь уже все признали в нем дядю Кондрата и поспешили навстречу.

— Кондрат, родной!..

— Кондрат, брат!..

Посыпались поцелуи, начались горячие объятия. У дяди Кондрата был радостный вид, «будто он тура убил», как говорят в подобных случаях сваны. Он сверкал белоснежными зубами, без конца похлопывал всех по плечу.

— Ну, пойдемте теперь домой, хватит сторожить мельницу, с ней ничего не случится.

Реаш снова был нагружен. Мужчины вскинули на плечи мешки. Дядя Кондрат понес Верочку.

Тропинка, отошедшая от Большой дороги — здесь была проведена Военно-Сухумская дорога, — повела нас вверх по склону горы в дремучий лес.

Отец бегло рассказал дяде о наших злоключениях, о том, как на нас нападали бандиты.

— Вас не грабили, а щекотали, — ухмыльнулся дядя Кондрат. — А вот нас грабили по-настоящему. С меня даже штаны сняли. Пришлось дорогу в Дали проделать без штанов. Одна старуха из села Гинцвиши, увидев меня в таком виде, приняла за святого и долго молилась, называя ангелом небесным. Ну, я не

стал ее разочаровывать.

— Уай, помогите, боги! — воскликнула мать. — Как же это можно, с человека штаны снимать? Вот безбожники!.. .

— Я им тоже об этом сказал, но бандиты попались остроумные, ответили: «Давай попробуем!» — и сняли.

Все рассмеялись.

— Однако далеко ты выбрал свое жилье, — сказал дядя Деавит.

— Откуда далеко, от Лахири? — спросил дядя Кондрат, будто не поняв, о чем говорил Деавит.

— Нет, от Большой дороги, — доверчиво пояснил дядя.

— Это не я, это они дорогу далеко от меня построили. Да она мне и не нужна. На ней сейчас много плохих людей гуляет. Да и река может разлиться, затопить.

— Кто сейчас здесь у власти? — отца этот вопрос волновал все время.

— Не знаю, Коция. В Ажару я не хожу, никого не вижу. Гвозди и соль мне прислал один карачаевец, столько, что и тебе хватит. Зимой слышал, что эртоба победила, что мы свободны. Урожая никто у меня не отнимает. Думаю, что князьям конец. А что там, в Сванетии?

— Князей изгнали, а теперь бандиты опять гуляют по стране.

— Но бандиты уже не те, — вмешался дядя Деавит, — видно, эртоба в Широких странах победила, вот бандиты и чувствуют себя словно со сломанным хребтом. Лишнее сделать боятся.

— Это твой дом? — первой заметила мать аккуратный домик дяди Кондрата.

— Мой! — с заметной гордостью ответил дядя.

— Место хорошее! — пытливо обводя взглядом вокруг, медленно протянул отец. — Ровное, чернозем, буковый лес...

— Вот справа равнину оставил для тебя. Думаю, построишься с весной, — дядя указал на густой лес рядом со своим участком.

— Хорошее место, очень хорошее, — радостно отметила мать.

Видя, что все остановились, Реаш плюхнулся на землю, издав свой обычный вздох облегчения; причем сделал он это так неаккуратно, что отдавил, мне своим нагруженным до отказа боком ногу. Я заорал и одновременно принялся колотить неуклюжее животное. Освободить ногу удалось не сразу.

Было очень больно, но я не плакал, понимая всю торжественность обстановки. Вдруг я услышал возглас Верочки:

— Ой, кто это?

Рядом со мной появился, будто из-под земли выросший, мой двоюродный брат Ермолай. Следом за ним шла тетя Кетеван.

Мы дошли, наконец, до нового места жительства. Было много

произнесено шуток по нашему адресу, все смеялись над тем, что в Лахири нас провожала семья дяди Кондрата и она же встречает в Дали. Но как бы там ни было, наш нелегкий путь был окончен. Нужно было построить здесь домик, обзавестись хозяйством.

Это было в 1922 году.

Ажара

Отец сказал мне однажды:

— Урожай убран, слава богам, теперь можно и о других делах подумать. Завтра пойдем в Ажару. Село Ажара было центром Абхазской Сванетии, как позже стали называть поселение сванов в Дальском ущелье. До Ажары было не более шести километров, но никто из нас почти за целый год не был там.

Еще до нашего прихода в Дальское ущелье пожар выжег покрывавший склон лес. Под посевы выжженный склон был не пригоден. Зато на нем выросла сочная трава, и наша низкорослая коровенка паслась здесь все лето. С этой-то горки и было видно село Ажара с его деревянными домами, двухскатными крышами, казавшимися мне, привыкшему к пологим крышам сванских домов, странными. Сходить туда один я, конечно, не мог. Но Ажара давно манила меня. В селе было много народу, и жизнь там была какая-то иная, совсем не похожая на нашу, загадочная, непонятная.

Поэтому-то слова отца обрадовали меня. Я лег спать с мыслью об этой увлекательной прогулке и с нею же проснулся.

Нетерпение так овладело мною, что я, забыв о горских обычаях, стал торопить отца. И он, понимая мое состояние, не рассердился на меня, а напротив, в свою очередь, стал торопить мать, которая укладывала кружки самодельного сыра — сулгини. Сыр предназначался для продажи.

— Не забудь — нужны гвозди, иголки и лампа, — наказывала мать. — Смотри, сыр дешево не продавай, он очень хороший. И еще не забудь, что сванов всегда обманывают!

Отец без особого внимания выслушал мать, по обыкновению насвистывая какую-то песенку.

По всей вероятности, он тоже переживал определенное волнение. Без малого год он никуда не показывался и почти не видел посторонних людей. С первого же дня после поселения на новом месте наша семья была по горло загружена работой. Приходилось корчевать лес, строить хижину и сарай, заготовлять корма для недавно купленной коровы и двух овец, которых отец выменял у какого-то мингрельца на нашего Реаша. Обрабатывали землю самодельными лопатами. После посева сразу же приступили к прополке. А там подоспела и уборка.

Отдыхать нам почти не приходилось. Поначалу было решено не работать в воскресные дни, но и это оказалось невозможным. Работы было так много, и она была настолько однообразной, что мы сбились со счета дней и часто понедельник путали со

вторником, а субботу с воскресеньем. Мать, правда, беспокоилась, что боги обидятся на нас, ибо мы не соблюдаем воскресных дней, но отец отшутился на этот счет, сказав, что пусть мать побольше молится покладистому Шалиани, и он все простит. На этом мать и успокоилась.

И вот наступил день выхода в люди.

Отец шел обычным для горца легким и быстрым шагом. Я едва поспевал за ним. Незаметно мы дошли до Большой дороги, перепрыгнули через канаву и очутились на пыльной мостовой. Из-за поворота сразу же появился человек с дочерна загорелым лицом и такой спутанной бородой, что она очень напоминала разоренное птичье гнездо. Мы узнали нашего соседа Теупанэ.

— Коция, доброго, пути! — приветствовал он отца, привычным жестом вытирая слезившиеся глаза. — Как тебе не стыдно, так долго не подаешь о себе знать! Я слышал, ты давно уже здесь. Хотел тебя разыскать, да днем все занят, а ночью, боюсь волков, я уже стар.

— Эх, Теупанэ, дорогой! — ответил отец. — Я тоже о тебе много раз думал, да ведь дел-то сколько на новом месте, тружусь, не разгибая спины. Даже счет дням потерял... Есть ли сегодня базар в Ажаре? Хочу сыр продать, купить кое-что надо.

— Сегодня среда, базара нет. Да и вообще ты ничего в Ажаре не продашь, только неприятностей себе нажить можешь. Верь мне, не будь я Теупанэ, если не так. Там сегодня какие-то новые правители устраивают сход. Тебе лучше вернуться.

— Что это за новые правители? — недоуменно спросил отец.

— Не знаю. Мой приятель Бурал был там недавно. От него я и слышал. Не ходи туда, Доция, новые правители могут быть на тебя злы за твоих братьев. Они ведь большими людьми стали.

— Мои братья большие люди, говоришь?

— Эх, Коция, засел ты в своем лесу, как медведь, — покачал головой Теупанэ. — Аббесалом и Ефрем вместе с Сирбисто выгнали всех приставов и князей Дачкелиани. Целый год в Сванетии была свобода...

— Это я знаю, — нетерпеливо перебил отец. — А что сейчас?

— Говорили, что Сирбисто окончательно победил, — Теупанэ беспрерывно щурился.

Отец заметил, что ему неудобно стоять против солнца, и поменялся с ним местами.

— Да вот снова что-то произошло...

— Это ты точно знаешь? Или слышал от своего старого приятеля Бурала? Он мог и соврать.

— Точно, очень точно. Бурал своими глазами видел все это в Мулаже, только недавно пришел оттуда, рядом со мной

поселился. Приходи, сам поговоришь с ним.

— Раз так, надо пойти все узнать.

— Не наше дело вмешиваться в эртобу. Убьют ни за что ни про что...

— Всех не убьют...

Расставшись со стариком, к которому отец обещал непременно зайти, мы зашагали дальше. Отец молчал, напряженно раздумывая о чем-то.

— Да, нельзя оставаться в стороне, — неожиданно произнес он и как-то сразу смутился. Видно, слова эти вырвались у него случайно. Просто он забыл о том, что я иду рядом с ним.

По дороге навстречу нам катилось нечто непонятное: на скрипящих кругах громоздилось подобие ящика. Круги вертелись, приводимые в движение лошадью. Я опрометью кинулся в канаву. Отец остановил меня криком: «Яро, не бойся, остановись!»

Скрипящие круги поравнялись с нами. Оказалось, что лошадь ведет под уздцы щуплый, сухопарый мужчина. Он остановился около отца и обратился к нему на непонятном для меня языке. Такого языка я никогда не слышал. Речь его мне понравилась: она была спокойная, мягкая и мелодичная. Все же я держался поближе к отцу.

Велико было мое удивление, когда отец ответил незнакомцу на его же языке. Незнакомец оказался местным дрогалем Семеном Синьковым. Подвода и была страшилищем, которое меня перепугало. Дело в том, что я впервые видел колесный транспорт. У нас для перевозки грузов пользовались санями, колеса в Сванетии в те времена не знали.

Семен Синьков был первым русским человеком, с которым мне довелось познакомиться. Впоследствии мы с ним подружились, и он частенько катал меня на своей повозке.

Немного поговорив и крепко пожав друг другу руки, Синьков и отец разошлись.

Оказалось, что старый Теупанэ все перепутал. В Ажаре власть принадлежала большевикам. Об этом отцу сказал Синьков.

Через некоторое время мы были у деревянного здания сельского Совета. На площади перед сельсоветом толпились люди. Как я узнал впоследствии, происходил митинг (разумеется, в то время я этого слова не знал). Собравшиеся очень внимательно слушали то, что говорил им с балкона какой-то человек. Я прислушался. Разговор шел о школе. Человек, стоящий на балконе, призывал каждый двор внести свою лепту для открытия школы.

— Правильно! — вдруг крикнул отец над самым моим ухом.

Все стоявшие вокруг обернулись и посмотрели на отца.

Отец слегка смутился.

— Правильно! Правильно! — послышалось несколько голосов с разных сторон.

Поддержка явно ободрила отца.

Для школы нужно было реквизировать княжеский дом в Ажаре. Князей уже не было, но народ боялся трогать княжескую собственность. Все хорошо знали, как жестоко мстят князья. А вдруг они снова вернутся? Поэтому все дружно поддерживали предложение об открытии школы и отмалчивались, когда речь заходила о реквизиции княжеского дома.

Когда митинг закончился, к отцу стали подходить знакомые. Их оказалось немало.

— Добрый день, Коция, — первым пожал ему руку высокий сутулый мужчина с толстой короткой шеей. — Правильно ты поддержал Дгебуадзе, надо кончать с этими паразитами...

— Добрый день, Гудал. Давно хотел тебя повидать, — ответил отец, крепко пожимая его огромную руку.

Вслед за Гудалом подошел белобородый старец с муджврой. Он молча обнял отца и приветливо похлопал меня по плечу. Старик напомнил мне дедушку Гиго. Невольно вспомнилось родное Лахири, вечерние беседы у очага, сверстники... С усилием оторвался я от этих воспоминаний и стал вслушиваться в разговор взрослых.

— Если бы все были смелые, то дома князей отобрали, и земли, и все, — говорил старик.

Собравшиеся вокруг нас люди поддакнули ему. Возражал только один человек — низенький, с острой бородкой и маленькими, скрытыми под красными веками черными глазами. Его звали Семипал:

— Теперь большевики взяли верх, конечно, надо их поддержать. Но ведь они и проиграть могут.

Никто ему не возразил.

Мы с отцом пошли в гости к Гудалу и просидели у него до вечерних сумерек. Гудал подробно рассказал о последних событиях в Сванетии. Оказалось, что Сирбисто весной вместе с русскими солдатами прошел через Твиберский перевал и при поддержке народа прогнал князей Дадешкелиани. Сторонники, князей бежали в леса, к ним примкнул кое-кто из знати. Сторонники князей нападают на селения и мирных людей, жестоко мстят всем, кто выступает против них.

Солнечные лучи золотили вершины гор, все остальное покрылось тенью, когда мы с отцом тронулись в обратную дорогу.

На половине пути нас застала ночь. Стало так темно, что, как говорили в Лахири, невозможно было пальцем в собственный глаз

попасть.

Пришлось идти очень медленно, то и дело выкидывая вперед руку, чтобы не наткнуться на что-нибудь.

— Найдем мы тропинку домой? — спросил я отца.

— Найдем! — к моему удивлению, очень громко ответил, почти крикнул отец.

— Почему ты кричишь? — удивился я.

— Ты тоже говори громче. В лесу могут попасться волки и медведи, надо их пугать.

Встреча с медведем не предвещала ничего хорошего. Мне сразу же припомнился наш дальний родственник из Лахири Спиридон. Лицо его было так изуродовано медведем, что мы, дети, боялись его, хотя он был добрым, веселым и общительным человеком. Медведь повстречался с ним ночью и решил, как говорили шутники, «закусить мясом Спиридона». Спиридон обладал редкостной силой, и борьба человека с медведем длилась очень долго. Их нашли утром случайные прохожие. И человек и медведь были едва живы. Причем они так крепко обняли друг друга, что, несмотря на бессознательное состояние обоих, разнять их оказалось чрезвычайно трудно. Медведя тут же убили. Спиридона принесли домой и выходили. Но на всю жизнь он остался инвалидом. После этого события дедушка Гиго объяснил мне, что все было бы иначе, если бы Спиридон не испугался, не потерял самообладания. «Смелость, только смелость может победить медведя», — уверенно сказал дедушка.

Мне показалось, что смелости для схватки с медведем у меня хватит. И я наметил план действий на случай неприятной встречи: бить его по морде камнем. Для этого я потихоньку от отца поднял с дороги увесистый булыжник и решил согласовать свои действия с отцом.

Отец выслушал мой план и согласился с ним. Я не почувствовал иронии в его словах, когда он сказал:

— Значит, решим так: я схвачу медведя за уши, а ты в это время будешь бить его камнем по морде. Только бей сильнее и скорее, а то я долго его удержать не смогу. Хорошо?

Я согласился, но о том, что камень у меня в руке, не сказал.

В месте, где нам нужно было повернуть на тропинку, поднимающуюся на гору, зашуршали палые листья, раздался треск веток. Зверь явно шел нам навстречу. Сомнений в том, что это именно медведь, у меня не было. Я со всех сил швырнул булыжник вперед.

— Деавон![5] Деавон! Помогите! — раздался испуганный человеческий голос, и что-то тяжелое рухнуло на землю.

Я перепугался так, что сердце у меня, казалось, остановилось.

Рядом со мной в оцепенении стоял отец. Так простояли мы несколько секунд.

— Идем! — крикнул он и схватил меня за руку. — Идем скорее.

Мы бросились вперед и тут же наткнулись на человека, лежавшего поперек тропинки.

Отец присел на корточки и тронул голову лежащего без признаков жизни человека. Тот неожиданно вскочил на ноги и, заорав нечеловеческим голосом, бросился от нас наутек.

— Убежал. Какой-нибудь больной, припадочный, наверное.

Я колебался, сказать ли отцу о камне или не говорить. Решил, что не стоит его расстраивать. Все равно теперь уже горю не поможешь.

Мы быстро пошли вверх по тропинке.

Навстречу нам вышли дядя Кондрат и Теупанэ.

— Где вы так долго пропадали? — с укором, проговорила мать, когда мы вошли в дом.

— Почему ты плачешь? — удивился отец.

— Это слезы радости. А вот до этого плакала так плакала, — объяснил дядя Кондрат.

— Мы считали... — Теупанэ, непонятно как попавший к нам, перекрестился. — Мы боялись, что новые правители расправились с вами... Я как простился с вами на дороге, так и решил сегодня же навестить вас, узнать, какие новости в Ажаре. А ты вон как задержался.

— Это ты, значит, страху здесь нагнал, — посуровел отец, — Как тебе не стыдно, старый уже человек! Да и все на свете перепутал. Какие же у нас новые правители?!

— Теупанэ не виноват, он только плакать помогал, — улыбаясь, произнес дядя.

Но не успели мы сесть за ужин, как во дворе залаяла собака. Гурбел лаял с остервенением, явно на незнакомого.

Отец вышел во двор и вернулся с нашим старым знакомым Амдалом.

— Какой счастливый ветер принес тебя к нам в дом да еще в такую позднюю пору? — отец указал гостю на скамейку.

— Счастья тут мало, дорогой Коция. Посмотри, в каком я виде! Так бежал, что все разорвал на себе. Еле ваш дом нашел.

Вид у Амдала был действительно незавидный.

— Кто тебя обидел? — заволновались взрослые.

— В доме у вас есть крест? — осведомился гость.

— Конечно, есть! Уай! За кого ты нас принимаешь? — обиделась мама.

Считалось, что если в доме нет креста или иконы, то говорить

о злых духах небезопасно.

— Знаю, добрая Кати. Я на всякий случай спросил, — оправдался Амдал и сообщил, что встретил деавона.

— Так вот, слушайте, — начал Амдал, немного отдышавшись. — Я сегодня случайно задержался... Вы не заметили, что сегодня вечер наступил необычно рано?

Вопрос для всех был неожиданным. Стали вспоминать, когда же сегодня наступил вечер.

— Не заметили, — за всех ответил Теупанэ.

— Да, да, — продолжал Амдал, — еще даже солнце не зашло, а начало темнеть. Это сделал проклятый богами деавон... Эх, плохи наши дела, людей нехороших стало много, вот и появился у нас деавон. В Дали он очень опасен, церквей здесь мало, народ богов забыл. Плохо!

— Яро, принеси гостю помыться, — коротко приказал отец, видя, что Амдал уклоняется от главного, и давая ему возможность окончательно прийти в себя.

Но Амдал даже не посмотрел на кувшин с водой, который я принес.

— Как я уже сказал, вечер наступил очень рано, — снова заговорил он. — Иду я на пастбище, как вдруг... вижу, — Амдал закатил вверх круглые желтые, как грецкие орехи, глаза, — вижу... проклятый с горы ко мне идет в образе бесхвостого человека. Деавон! Потом он бросил мне камень в грудь. Я упал и не помню, что было дальше. Когда я проснулся...

— Как проснулся? Ты что, во сне все это видел? — разочарованно протянул Теупанэ.

— Нет, что ты, — возразил Амдал, — не во сне, конечно, а наяву, только я был в обмороке: деавон меня усыпил.

Но Теупанэ уже стал сомневаться в истинности слов Амдала:

— Это, наверное, был простой деав. Их на мельнице много. Я, правда, ни разу не видал, но люди говорили.

— Нет, нет, Теупанэ, я их знаю, — самоуверенно твердил гость, — я много их видел, и тех и других, проклятых,

— Дальше я все расскажу сам. Пусть он пока помоется, — вмешался отец. — Дальше было так. Деавон вместе со своим сыном подошел к тебе и хотел оказать помощь, но ты еще пуще испугался и начал орать, а потом бросился наутек. Яро был свидетелем тому. Скажи ему, Яро.

Пришла моя очередь во всем сознаться и внести окончательную ясность в ход событий. И я рассказал, как припас для медведя камень и как бросил его, заслышав шум.

Закончив свои признания, я опустил глаза, готовый покорно вынести упреки Амдала и родителей.

— Ты молодец, — неожиданно похвалил меня Амдал, — просто молодец! Крепкая у тебя будет рука. Как ударил меня!

Все засмеялись, и я понял, что за проступок мне не грозит никакой кары.

Закусив тем, что имелось в доме, гости стали собираться домой.

— Давай, Амдал, я провожу тебя на пастбище, — не без ехидства заметил Теупанэ, — а то тебя какой-нибудь мальчишка снова обидит.

— Ты сам благополучно доползи до своего дома, — рассердился Амдал. — Твоим слезливым глазам я не очень-то верю...

Когда мы остались одни и стали готовиться ко сну, мать спросила у отца:

— Ты, конечно, сыр так и не продал?

— Забыл. Да и сейчас там не до сыра. Ладно, давайте спать, сами съедим.

Председатель сельсовета

В Лахири весну ждали долго и тяжело. Когда она приходила, людям казалось, будто с них сняли каменную плиту, давившую на них долгие месяцы.

Близость к Широким странам облегчала зимнюю жизнь. В нашем доме появились такие удобства, о каких мы прежде, в Лахири, и думать не могли. Вместо лучины у нас теперь была роскошная, светлая лампа с пузатым стеклом. Очаг заменила печь. Дым выходил через дымоход, устроенный отцом. Одним словом, жизнь наша приняла совсем новые формы.

Сеяли мы главным образом кукурузу. Она давала на нашем скромном участке хорошие урожаи. Кукурузы не только хватало для питания, но и появилась возможность скармливать ее скоту. На нашем дворе хрюкали свиньи и визжали розовые поросята. В дом пришли некоторое довольство и сытость.

Разумеется, и на новом месте нас радовал приход весны. Дальское ущелье, густо поросшее липами, платанами, каштанами, кавказским дубом, грецкими орехами, превратилось в огромный цветущий сад.

Как-то мы с отцом, поднявшись до восхода солнца, чинили изгородь. Невдалеке от нас на дикой яблоне пел дрозд. Ему где-то вторил другой. Два маленьких певца принялись состязаться между собой. По мере того как поднималось солнце, в это состязание вступали новые птицы, и голоса дроздов потонули в птичьем оркестре.

— Хорошая весна в этом году! — Отец полной грудью вдохнул ароматный воздух. — Как-то сейчас там, наверху? Эх, стариков бы сейчас сюда!.. Да, Яро, весна здесь замечательная. И заметь, снег еще кое-где не растаял, а уже все в цвету, и птицы прилетели.

К полудню стало жарко, и птичий хор умолк.

— Завтра начнем пахать. Надо сегодня покончить с забором, — торопил отец скорее себя, нежели меня.

— Обязательно закончим, — кивал головой я, будто все дело было за мной.

— А сейчас пойдем обедать. Видишь, мать машет рукой?

Только мы собрались идти домой, как из леса вышли три вооруженных винтовками и револьверами человека.

— Симарэ![6] — окликнул отца молодой сван, перетянутый набитой патронами пулеметной лентой. — Дай воды!

Я побежал к дому за водой. Один из вооруженных людей стал пить. Винтовку он снял с плеча и поставил у изгороди. Я с

интересом рассматривал ее. Мне никогда не приходилось видеть такого оружия. Как я позже узнал, это была английская десятизарядная винтовка.

Оказалось, что эти люди идут с перевала. Человек, которому мы дали напиться, стоя у изгороди, долго разглагольствовал о том, что скоро в Ажаре, Дали и на всем Кавказе не останется большевиков.

— Никто теперь не заставит нас жениться на своих сестрах и ложиться спать всем селом под общим одеялом, — шныряя глазами по сторонам, говорил он.

Отец слушал молча, глаза его были холодны.

Затем он очень нелюбезно простился с вооруженными людьми, сказав, что у него срочные дела, и ушел.

Сторонники свергнутых князей и бандиты, поддерживаемые иностранными агентами, копили силы для борьбы с народной властью и одновременно вели среди населения подрывную работу, распуская всякого рода слухи и провокации. Бандиты усилили террор и грабежи. Они нападали на жителей, врывались в дома, грабили. В горах, при почти полном бездорожье, бороться с ними было трудно.

Одна из таких банд и проходила мимо нашего дома.

В тот же день, после обеда, пришел Теупанэ и взволнованно сообщил, что власть опять в руках царя,

Отец, разумеется, не поверил словам старика: новости Теупанэ почти всегда оказывались вздорными.

— Царя давно уже нет на свете, — попробовал успокоить его отец.

— Есть, Коция! Ты же сам говорил, что царю нельзя верить. Наверное, он соврал, что умер, просто распустил такие слухи, а сам спрятался в тихом месте, — привычным жестом вытирая с глаз слезы, твердил Теупанэ. — Да, да, Коция, завтра-послезавтра придут отбирать скот, кукурузу, имущество. Князья не могут без этого, — горестно качал головой старик.

Успокоить его отцу так и не удалось. Старик ушел от нас, бормоча что-то мрачное и чаще обычного вытирая свои больные глаза.

— Сегодня будем работать дома, Яро, — сказал на следующий день отец, — в поле не пойдем. Надо вырыть под домом яму. Вот здесь.

— Зачем? — удивился я, рассматривая очерченное лопатой место на полу возле очага.

— Времена изменились, надо кукурузу спрятать. Придут люди князя — отнимут, — ответил отец и начал копать лопатой слежавшуюся твердую землю. — Возьми корзину, поможешь

выносить землю.

Два дня мы почти без перерыва рыли яму. В нее можно было положить не только весь наш запас кукурузы, но и спрятаться в случае надобности самим. вверху яму накрыли досками, засыпали землей и прожили несколько мешков с кукурузой. Все это было делано с большим искусством.

Успокоил нас и наших соседей приветливый и веселый красноармеец-грузин. Пришел он почему-то не по тропинке через калитку, а перелез через забор и с карабином в руке зашагал по кукурузнику.

Пропотевшая, выгоревшая гимнастерка не очень складно сидела на нем, и вообще он мало походил на военного человека. Если бы не красная звездочка на фуражке и не карабин, никак бы не догадаться, что это красноармеец.

Отец пригласил гостя в дом. Красноармеец сел к очагу. Мать подала ему свежий чурек, лобио по-грузински и сыр. Гость с большим удовольствием все съел. Ни я, ни мать не поняли, о чем они говорили с отцом, но по тому, как они расстались, можно было сделать вывод, что они очень понравились друг другу.

После его ухода отец рассказал, что Советская Россия в помощь труженикам-горцам прислала отряд под командованием Максима, этот отряд поможет населению обезоружить банды и наладить спокойную жизнь, что большевики не дадут в обиду бедных людей и что в самое короткое время с бандитами будет покончено. Кроме всего этого, красноармеец-грузин позвал отца на сход, который созывался в Ажаре.

Ранним утром отец ушел. В доме наступило томительное ожидание. Работа не клеилась. Мать начинала какое-нибудь дело, но не могла докончить его, бросала, начинала другое, но и оно не шло. Потом она решила идти на поле и копать землю под кукурузу, но, покопав немного, сказала мне, что лучше заняться очисткой семян.

Вернулся отец вечером следующего дня. Грудь его была украшена двумя пулеметными лентами, крест-накрест перетягивавшими плечи. За плечами висел карабин.

— Меня выбрали председателем сельского Совета, — сообщил отец малопонятные для вас новости и стал снимать с себя оружие. — Мне же поручили отряд из тридцати человек для борьбы с бандитами. Теперь дел будет много...

Для матери стало ясным лишь то, что отец будет подвергаться опасностям. Это не могло не вызвать целую бурю упреков и слез. Да и не без основания опасалась она. В условиях Сванетии борьба с бандитизмом была делом нелегким. Не только бандиты будут врагами моего отца, но и их многочисленные

родственники станут нашими кровными врагами.

Отцу надоело хныканье матери, и он прикрикнул на нее:

— Нечего меня хоронить заживо! В конце концов бандиты — это такие же люди, как и мы с вами. Им только глаза надо раскрыть на все, и они уйдут от князей, перейдут на нашу сторону, да еще и всех княжеских главарей приведут на аркане. Кто же, по-вашему, должен делать это? Кто, если все будут отказываться? — горячился отец.

— Да, да, да, ты прав, Коция, прав, конечно! Но почему все же ты должен это делать, а не кто-нибудь другой? — спросил Теупанэ, с утра терпеливо ожидавший вместе с нами отца.

— Ты лучше поправь свои штаны, где ты их разорвал? Не с мальчишками ли дрался под старость?

— Какое там с мальчишками! — возмутился старик. — Это твоя собака меня разукрасила. Я каждый раз ухожу от тебя с одними неприятностями.

Дело было в том, что Теупанэ зашел к нам поздним вечером, чтобы справиться, какие новости принес отец. Наш пес Гурбел был на ночь спущен с цепи. Не узнав старика, он набросился на него и порвал штаны.

Теупанэ усадили за стол. К ужину пришел и дядя Кондрат.

— Ты правильно поступил, Коция. Именно ты должен делать, это. В Дали сваны тебя знают, верят тебе, человек ты ученый. Ты покажешь им, где правда, — говорил дядя Кондрат.

— Коция, а что это такое советская власть? — вмешался Теупанэ.

— Советская власть... это... власть народа, — просто ответил отец.

— Так-так, — закивал головой Теупанэ. — Эх, не люблю я араки, но за Коцию сейчас бы выпил!

— Нет, араку пить не будем, советская власть против араки, — не согласился со стариком отец.

— Ну, я немного бы выпил, — умоляюще посмотрел на отца Теупанэ. — Ты же знаешь, что я не люблю ее, но уж если такие события...

— Сегодня и немного пить не будем. Не за что. Я еще ничего не сделал такого, чтобы за меня пить.

Карабин и патронташи отец повесил в углу, где я всегда сидел. Трогать оружие руками он запретил, но смотреть, разумеется, можно было. Мы с Верочкой с любопытством рассматривали диковинные для нас вещи.

— Значит, ты теперь уже коммунист, — тяжело вздыхая, сказала мать. — Если только князья узнают, конец нам всем, конец.

— Ничего не будет, Кати. Ничего, верь мне, — успокоил ее Теупанэ, с аппетитом уплетая свежий чурек. — Все сваны пойдут за Коцией, вот увидишь...

— Сванам многого и не нужно, — задумчиво выговорил отец. — Но за свободу они даже на богов пойдут, если боги захотят ее отнять. Не могут они не поддержать советскую власть.

Залаял Гурбел. Я пошел открывать. За калиткой стоял бородатый старик с палкой в руке. Впоследствии, когда в опере «Русалка» я увидел Мельника, мне сразу же вспомнился тот нежданный гость, взлохмаченный, заросший, страшный.

— Добрый день, сын хорошего Копии! — сняв шапку, низко поклонился мне старик.

Я был очень удивлен. У нас не было принято, чтобы взрослые первыми приветствовали детей. Мне ничего не оставалось, как тоже поклониться старику и пригласить его в дом.

— Спасибо, спасибо, — отвечал старик, продолжая кланяться, — я не большой человек, я могу постоять и во дворе. А Коция дома? Он еще не ушел?

— Добрый день, Филифэ, — радушно приветствовал отец гостя. — Каким ветром тебя занесло? Старик низко поклонился.

— Ты что это кланяешься, как перед князем? — удивился отец. — Я ведь тебе в сыновья гожусь.

— Ты, великий Коция, — самый главный коммунист, от тебя мы все теперь зависим. Мы зайцы, Коция, а ты лев! — не унимался старик.

— Меня же выбрали. Завтра люди выберут тебя, — значит, я тогда тебе должен буду кланяться? Так мы и будем все друг другу кланяться без конца? Пойдем в дом, что стоять у калитки?

— Я думал, что ты другим стал, наш Коция, — сказал старик после того, как отец почти насильно втащил его в дом, — а ты все такой же простой.

Он высказал какую-то незначительную просьбу. Отец тут же обещал все для него сделать.

Видимо, старику очень понравилось, что новые власти не кичатся, не требуют поклонения, ничем не напоминают князей и пристава. Прощаясь, он долго тряс руку отца и желал ему счастья и здоровья.

Утром отец снова стал собираться в дорогу. Мама, как и прежде, заплакала, но остальные уже не плакали. Не плакал и я.

Отец крепко обнял и поцеловал мать, попросил дядю Кондрата почаще заходить к нам.

— Теперь, Яро, для тебя будут открыты дороги в Широкие страны. Ты скоро будешь учиться. Ты должен стать образованным человеком, не таким, как мы с Кондратом, — сказал мне на

прощание отец и зашагал в сторону Ажары.

Мне хотелось крикнуть ему, что я буду такой же, как он, когда вырасту, что он самый умный и образованный человек, но он был уже далеко.

Сильно и зло залаял Гурбел. В конце полянки, с восточной стороны дома, показались два вооруженных винтовками человека. Один из них был очень высоким и широкоплечим, а другой среднего роста. Они перешагнули через изгородь и направились к нашему дому.

— Уай, боги наши, помогите! Это, наверное, бандиты! — воскликнула в испуге мать.

— Надо вернуть Коцию, — решил дядя.

— Нет, нет! — запротестовала мать. — Бандиты могут его убить, а нас они не тронут. Вот тебе надо бежать! Беги, Кондрат, беги!

— Нет, что ты! — резко возразил дядя. — Когда это я был трусом! Я еще им покажу!.. — и схватив большое полено, валявшееся у забора, приготовился к встрече с бандитами.

Вооруженные люди тем временем подошли к нашему двору, и широкоплечий еще издалека крикнул:

— Это дом Коции Иосселиани?

— Да, его дом! — хором и довольно недружелюбным тоном ответили моя мать и Кондрат.

— Добрый день, друзья! — продолжал кричать незваный гость, — а Коция где?

— Ушел в Ажару.

— Уже ушел? Меня зовут Сирбисто Навериани, а это мой друг Вети.

— Уай, боги мои! Добрый вам день, доброго счастья! — оторопела от радости мать. — А мы не думали...

«Вот он какой, наш Сирбисто!» — подумал я, с интересом всматриваясь в незнакомца.

Я тогда еще не мог знать, что передо мной стоял национальный герой моей маленькой страны, человек, который сыграл исключительно большую роль в деле свержения княжеской власти и освобождения Сванетии;

Сирбисто был одет не совсем так, как одевались остальные сваны. На нем были серая кепка, гимнастерка защитного цвета, перетянутая широким ремнем. На боку довольно низко висел большой револьвер. Брюки были заправлены в высокие сапоги.

Он все время улыбался, слегка щуря свои выразительные, с искорками затаенного смеха, умные глаза.

— Наследник Коции? — спросил вдруг Сирбисто, погладив меня по голове.

— Да, сын, — ответила за меня мать.

— Будешь учиться, из тебя выйдет образованный человек, — заговорил Сирбисто. — Сваны будут учиться наравне с другими. Теперь у нас все люди равны.

— Да поможет эртобе бог! — отозвалась мать.

— Очень рад познакомиться с семьей нашего Коции. Мы идем с перевала, думали застать его дома... Давно не видел Коцию.

Мать и дядя стали приглашать дорогих гостей к столу, но те наотрез отказались, заявив, что у них очень мало времени, им надо повидать Виктора Дгебуадзе и моего отца, решить какие-то важные вопросы и ехать в Вольную Сванетию.

Сирбисто и его товарищ простились с нами и ушли в сторону Ажары.

— Помогут вам боги бедной нашей Сванетии! — пожелала им на прощание мать.

Путь в широкие страны

Отец теперь появлялся дома очень редко. Он с головой ушел в дела. Все работы по хозяйству легли на плечи мамы. Главным ее помощником стал я. Верочка тоже принимала посильное участие в работе.

Вставали мы до восхода солнца и шли на поле. Возвращались, когда становилось темно, уставшие, опаленные жарким солнцем. Но и на этом не кончался трудовой день. Маму ждали работы по дому.

Приходил отец чаще всего ночью. Его посещения были очень коронки. Придет, поцелует нас, спящих, и уходит опять. Меня не всегда будили. О приходе отца я узнавал только утром и очень огорчался, что не смог поговорить с ним.

Проходили месяц за месяцем. Незаметно подкралась осень. Началась уборка урожая.

В один из особенно знойных дней, когда даже птицы все куда-то попрятались и только шмели наполняли воздух знойным, напряженным гудением, мы обламывали созревшие початки кукурузы и в корзинах переносили в сарай.

— Яро, поскорее, — торопила мать, хотя я и без того спешил, как только мог, — к вечеру может дождик пойти, сгниет кукуруза на корню.

К полудню мы успели перенести в сарай сорок корзин. Мать очень устала.

— Давай отдохнем немного, — предложил я.

— Что ты, Яро, разве можно в такое время отдыхать? Посмотри, какой урожай! Вспомни пословицу: «Дурак только сеет, умный и сеет и жнет».

— Немного отдохнем, — настаивал я.

В это время из-за деревьев показался отец. Он зашел домой всего лишь на несколько часов. Оказалось, что его срочно вызывают в город Сухуми.

— Уай, — сокрушенно воскликнула мама, — что-нибудь плохое случилось?

— Ничего не случилось, — успокоил ее отец. — Бандитов почти не осталось. Тенгиз только где-то скрывается с двумя-тремя друзьями. В моем отряде все живы-здоровы. Школу скоро откроем. Все хорошо.

Мы уже привыкли к тому, что отец почти не бывает дома, но его отъезд был для нас делом совершенно новым и серьезным.

Уезжая, отец оказал, что вернется через неделю. Но мы день за днем насчитали уже две недели, а его все не было.

С каждым днем становилось все холоднее. Начались дожди.

В эти дни нас навестил Гудал. Он как-то изменился, постарел. Лишь бросив взгляд на его шею, я признал его. Шея у Гудала была очень короткая и толстая; казалось, что голова растет прямо из плеч. Мы в это время собирались садиться за стол. На столе румянился свежевыпеченный чурек, в миске стоял мацони.

У сванов в гости ходили под вечер, особенно строго это правило соблюдалось в воскресные дни, когда люди отдыхали. Гудал же пришел к завтраку. Он оглядел всех нас, вытер усы, точно собирался целоваться, и сообщил новость:

— Наших детей будут учить.

— А я-то думаю, какую новость сообщит ранний гость, — облегченно вздохнула мать. — Коции давно нет, никто не приходит к нам.

— Коция будет не скоро. Их, говорят, тоже учат в Сухуми. С ним уехал наш председатель Романов. Он передал, что всех, их задержат. Коция ученый человек у нас в Сванетии, а там он уже не такой ученый. Вот за него и принялись.

— Да, да, Гудал, он совсем неученый. Он иногда даже дни путает. Я говорю, сегодня уже воскресенье, а он говорит, что нет, еще только суббота, — поддержала Гудала мать, своеобразно понимавшая значение учености.

— Это зависит от пищи. Когда совсем не поешь или поешь плохо, тогда путаешься в днях, а на сытый желудок не путаешься, это я знаю. А ученость состоит в другом. — Гудал минуту подумал, но так и не объяснил, в чем же именно, по его мнению, она состоит.

Мать принялась было усаживать Гудала за стол, но тот решительно отказался, объявив, что послан к нам из школы и что завтра мне надлежит явиться туда.

Я так и подпрыгнул от радости. Учиться! Да еще и завтра!

— А кто учить будет, ты? — спросила мать.

— Нет, — протянул Гудал. — Я бы, конечно, стал учить, но анбан* не знаю. Меня в детстве немного учил дьяк молитвам разным, но анбан не учил, а теперь, говорят, анбан будут изучать. Так что я не могу. Учить будет Виктор, он очень ученый человек, анбан хорошо знает.

— А почему ты собираешь детей?

— Я начальник школы, по-русски это называется сторож, — не без гордости сообщил Гудал.

Мама сказала, что он стал большим человеком, и поздравила.

Гудал ушел, оставив всех нас в радости. Я пойду в таинственный дом, который называется школой.

И потом я буду ученым человеком, может быть даже более ученым, чем отец.

— Смотри, Яро, какое время настало. Дети будут учиться. И даже Гудал стал начальником. Как, он сказал, его пост называется?

— Сторож, — припомнил я.

Меня заинтересовало, что же Гудал будет делать на этом посту.

— Наверное, молитвам обучать, — высказала свое мнение мать. — Он говорил, что дьякон его учил.

— Кати, — послышался из-за калитки голос Гудала, — Кати, я забыл тебе сказать, что школа находится в доме Тенгиза, в Ажаре. Пусть туда идет рано утром твой сын.

— В дом Тенгиза, — расстроилась мать. — Он отомстит всем нам. Лучше бы я не знала, где эта школа!

Вечером дядя Кондрат подтвердил новость:

— В школу завтра детей требуют.

— Знаю. К нам Гудал приходил.

— А знаешь, что школа в доме Тенгиза?

— Знаю. Он никому не простит этого, — покачав головой, тревожно вымолвила мать и испытующе посмотрела на дядю Кондрата.

Дядя присел на пень, оставшийся после дуба. Дерево срубил отец два года назад, когда мы поселились на новом месте.

— Дело же еще в том, — сказал дядя, — что школа далеко. Обуви не напасешься. Да и провожать детей надо. Босиком в школу ходить нельзя.

— Можно по дороге босиком идти, а в школе надеть чувяки и сидеть на месте, — вмешался я.

— Вас посадишь, особенно тебя. Все время крутишься, покоя не знаешь.

После слов дяди я действительно стал замечать, что спокойно сидеть очень трудно, так и хочется сбегать то туда, то сюда.

— Я своего Ермолая не отпущу. Пусть дома работает, — твердо заявил дядя.

У меня мелькнула мысль, что дядя боится пускать Ермолая учиться в дом князя Тенгиза.

Когда он ушел, я хотел было поделиться своими соображениями с мамой, но вовремя остерегся. Ведь и в ней этот разговор может всколыхнуть страхи. А тогда — прощай школа!

— Я и зимой буду без чувяков ходить. А провожать меня не нужно, — заверил я мать.

— А если плохих людей в лесу встретишь? Дорога большая, — раздумчиво говорила мать. В тоне ее отчетливо

чувствовались волнение и мольба. Наверное, ей хотелось, чтобы я сам отказался от посещения школы. Настаивать же она не хотела, потому что по-своему, но понимала важность учения.

— Не бойся, мама, я от них спрячусь.

Делать было нечего. Да и мама знала, что все равно, когда придет домой отец, он безусловно отдаст меня в школу. Это его давнишняя мечта. О школе он думал еще в Лахири.

Утром, чуть только свет обрызгал землю своими первыми лучами, я был уже на ногах. Мама долго молилась, заставила помолиться и меня, хотя мы с отцом уже давно перестали это делать.

Выйдя из дому, я опрометью помчался вниз по тропинке. Это было мое первое самостоятельное путешествие в Ажару. Вот и Большая дорога. Как ни храбрился и ни успокаивал я себя, что никто из плохих людей по дороге мне не встретится, все же страх теплился где-то в моем сердце.

Но мне повезло. Позади раздался грохот, и, оглянувшись, я увидел повозку Синькова. За последнее время он сдружился с отцом и не раз бывал у нас дома.

Синьков сделал знак, чтоб я садился к нему. И я впервые в жизни покатился на колесной подводе, еще недавно так сильно меня напугавшей.

— В школу? — спросил на ломаном сванском языке Синьков.

Я помотал головой в знак подтверждения. Больше мы не разговаривали. Синьков гнал лошадь так сильно, что я опасался, как бы не опрокинулась подвода, да и грохот колес очень уж резко бил в уши.

Доехали до дома князя Тенгиза. Дом был большой и красивый, Он сверкал множеством застекленных окон и ласкал глаз нежной белой окраской. На длинном балконе я заметил странные столы с наглухо приделанными к ним сиденьями. Синыков, ссаживая меня с подводы и видя, что я с интересом разглядываю непонятные столы, сказал, что это парты. Я не без волнения поднялся на балкон, а Синьков дружески помахал мне рукой и погнал лошадь дальше.

Ни на балконе, ни около дома никого не было. В нерешительности потолкался я около столов, называемых партами, и сошел вниз. Походил около дома, думая, что, может быть, дрогаль меня не туда привез, и тут же услышал невдалеке чей-то кашель, а за ним знакомый голос:

— Кто это?

— Иосселиани, сын Коции, — ответил я, повернувшись на голос.

— А-а-а, сын Коции? — в углу балкона кто-то зашевелился и

появился человек, завернутый в серое одеяло. Это был Гудал. — Э-э-э! Сын мой, рано еще! — зевая, сказал он.

— А ты почему здесь? — спросил я.

— Охраняю школу.

— Охраняешь? От кого?

— От бандитов и воров. От кого же еще? — словно бы обиделся моей непонятливости Гудал. Он еще раз зевнул, потянулся и принялся собирать пожитки и складывать их в одну из парт.

— Дядя Гудал, а зачем эти столы? — поинтересовался я.

— Это княжеские. Говорят, Тенгиз тоже хотел учить детей грамоте и брать за это плату. Вот и купил где-то в Мингрелии. Только, думаю, хотел он своих учить, богатых.

Во двор вошел высокий и стройный мужчина, сильно прихрамывая на одну ногу. Сванская маленькая шапочка лежала на самой его макушке. Высокий лоб, живые веселые глаза на открытом лице как-то сразу вызывали симпатию к нему.

— Виктор идет! — толкнул меня в бок Гудал. — Учитель...

Я и без помощи Гуд ал а узнал Виктора Дгебуадзе, выступавшего на митинге во время нашего первого появления с отцом в Ажаре.

— Не сын ли это Коции? Похож, — Виктор приветливо улыбнулся.

— Сын. Яро его зовут.

— Ярослав, значит, да? — протянул мне руку Виктор. — Будем знакомы, меня звать Виктор. Учиться хорошо будешь? Хочешь учиться? А?

— Очень хочу! — ответил я.

— Это хорошо, всем надо учиться — и тебе, и мне, и Гудалу. Скоро к нам приедет настоящий учитель и будет нас учить. А мы все должны стараться.

— А дядя Гудал оказал, что ты нас сегодня будешь учить, — с досадой проговорил я.

— Я учить не умею. Жаль, но не умею, — снова добродушно улыбнулся Дгебуадзе. — Пока нет учителя, я вас научу только анбану. А дальше не могу.

Начали сходиться ученики. Когда солнце осветило здание школы, весь двор был усеян детьми. Их было так много, что в классной комнате все разместиться не смогли. Кроме трех парт на балконе, в большой комнате, отведенной под класс, было еще шесть парт, а желающих сесть за них оказалось что-то около сорока человек. В класс внесли с балкона все парты, но большая часть учеников должна была стоять.

Мне, как пришедшему раньше всех, дали сидячее место.

Для Виктора около самой двери поставили маленький столик. Он поздоровался с детьми и стал составлять списки. Потом объяснил, что в дальнейшем нас разобьют на смены и тогда не будет так тесно.

После этого он роздал каждому из нас по листку бумаги и один карандаш на двоих. В этот день я впервые приобщился к знаниям и увидел первые двенадцать букв грузинского алфавита — анбана.

Весь обратный путь я повторял эти двенадцать букв и изображал их палочкой на земле. А через несколько дней выучил и все остальные. Отец, вернувшийся из Сухуми, похвалил меня:

— Молодец, стараешься. Теперь такие времена, что все учиться должны. В Сухуми мне начальство сказало: «Вот тебе бумага, карандаши, книги, учитель — садись и учись! Новую жизнь должны строить не темные люди, а ученые».

— Ходить ему далеко, — с сомнением оказала мать.

— Совсем не далеко, — уверил я отца.

Да и в самом деле ежедневная двенадцатикилометровая прогулка нисколько не утомляла меня.

— Осенью на будущий год он поедет в Гагру, — решительно произнес отец и тут же пояснил: — Это город около Сухуми. Там есть школа, где ученики могут учиться и жить. Интернат это называется. Мне обещали взять туда Яро, если будет стараться.

Я научился немного читать и писать, кое-что знал и из арифметики. Учение увлекло меня. Учитель был мною доволен.

В конце августа было объявлено, что меня и ещё двух мальчиков, которым далеко было ходить в школу, пошлют в Гагру. Радости моей не было конца. Итак, я еду в Гагру!

Все это время я, как и прежде, помогал матери. Отец приходил домой раза четыре в месяц. С собой он приносил книги и тетради и занимался. Помогать нам он не мог. Да мы с мамой и не настаивали и сами справлялись с хозяйством.

В один из последних августовских дней отец сказал:

— Ну, Яро, завтра едем в Гагру. Тебя приняли.

— Почему так быстро? — воскликнула мать и тут же залилась слезами: опять дорога, длинная дорога, бандиты...

— Разве можно сейчас лить слезы? Радоваться надо! Наш сын будет учиться в Широких странах, ведь такого счастья еще не выпадало на долю ни одного свана. Бандитов не бойся. Тенгиз убит, какой-то его товарищ сделал это доброе дело. Один Габо сейчас в бегах. Ну, он теперь не опасен. Мать стала собирать меня в дорогу. Вечером, как у нас водилось, собрались родственники. Все они наперебой радовались моему счастью.

— Ты счастливый, Яро, — оказал мне Ермолай, остановив

около калитки. — Не забывай меня. О маме не беспокойся. А скот ваш буду я пасти. Вот только прошу тебя, пришли мне трубу, я животных приучу слушаться моих сигналов. А учиться не буду. Отец говорит, что мне уже поздно, да и ходить далеко. Ведь не всем же быть учеными, правда?

Я ничего ему не ответил. Мне стало жалко брата. Получилось так, что он должен остаться дома, потому что я еду учиться.

— Дорогой Ермолай, — обнял я брата, — я всегда-всегда буду тебя помнить, всегда буду тебе благодарен. А трубу тоже обязательно пришлю.

И я почувствовал острую боль. Жизнь разлучала нас, и неизвестно еще, когда нам доведется встретиться вновь, по каким дорогам пойдут наши судьбы.

Войдя в дом, я понял, что разговор шел обо мне, и уловил конец фразы, сказанной дядей:

— ...Яро должен учиться. Мы поможем тебе во всем.

Мама, видимо, переживала мой уход из дома. Но в моем сердце было слишком много ликования, чтобы понимать ее. До последней минуты я отгонял от себя мысль о расставании.

Когда наш дом опустел, я подошел к маме, чтобы оказать что-то нежное, успокоительное, но не нашел подходящих слов. Она помогла мне.

— Ничего, сынок,, не беспокойся. Поезжай, учись. Велик Шалиани, он поможет тебе! — Она подняла голову вверх. В ее глазах я прочел еще непонятную мне, ребенку, скорбь любящей матери, страх за своего сына.

— Мама, я всегда, каждый день, сто раз в день буду вспоминать тебя, — постарался я ее успокоить.

— У тебя сердце доброе, ты меня не забудешь, это я знаю... Но ты же один там будешь, кто поможет тебе добрым советом? Ведь в Широких странах много и плохих людей.

Мать крепко прижала меня к себе.

— Пора спать, ложись, мой мальчик, завтра тебе рано вставать, — наконец сказала она, выпуская меня из своих нежных рук.

Еще затемно отец разбудил меня. У сванов существовал обычай собираться в дорогу чуть свет, куда бы ни лежал их путь, пусть даже совсем недалеко. Горы еще не были освещены солнцем.

На Большой дороге нас ждали два моих будущих товарища — Сеит Мильдиани и Бидзина Гулбани. С ними был отец Сеита с лошадью. Тут же я увидел знакомую фигуру Теупанэ. Теупанэ по обычаю хотел благословить меня на дорогу, но отец воспротивился этому. Теупанэ ничего не оставалось, как только

поздравить меня с началом пути в Широкие страны.

— Пусть из тебя получится такой ученый человек, которого мы и не видели. Пусть ты будешь таким большим человеком, что цари будут тебе завидовать... Не у нас, конечно, у нас больше нет царей, поэтому ты и идешь в Широкие страны учиться, — пожелал мне добрый старик.

На Большой дороге началось прощание.

— Плачьте, плачьте, — говорил Теупана женщинам, — слезы — хороший признак, они означают будущее счастье.

— Молодец, Теупанэ! Молодец, на ходу выдумывает приметы, — рассмеялся отец. — А плакать не надо. Подумайте только: наши сыновья идут в Широкие страны учиться! Раньше сваны отправлялись туда или в кандалах в Сибирь, или с лопатой на плечах, чтобы заработать кусок хлеба.

Мать ничего не могла сказать. Я видел ее глаза, наполненные одновременно и страхом и счастьем, и почувствовал, что и по моему лицу, щекоча, побежали слезы.

Рядом, с матерью, держась за ее юбку, стояла Верочка. Взгляд ее удивленных глаз был устремлен на меня. Я крепко поцеловал ее в глаза.

Кончились тяжелые минуты прощания. Мы идем по пыльной дороге вперед, в далекие, манящие, таинственные Широкие страны, о которых я так много слышал в детстве.

Один

Меня разбудил солнечный луч, проникший сквозь листву пальмы. С недоумением оглянувшись по сторонам, я вскочил на ноги и через огромное, напоминающее дверь сванского дома окно увидел и пальму, и синее небо, и даже кусочек моря.

Все было новым для меня и странным. На полу большого помещения на матрацах спали Бидзина и Сеит. Посредине комнаты стоял широкий стол. На нем две внушительные, измазанные фиолетовыми разводами деревянные чернильницы. Между ними стоял бамбуковый стакан с аккуратно заточенными карандашами.

Мне захотелось хорошенько рассмотреть карандаши. Осторожно, чтобы не разбудить товарищей, я подошел к столу и дотронулся рукой до острия одного из карандашей. Сделал это я так неосторожно, что бамбуковый стакан упал на стол. Карандаши рассыпались по столу, часть из них упала на пол.

— Что такое? Что случилось? — вскочили с постели Бидзина и Сеит.

— Свалил... — виновато объяснил я.

— Собирай скорее. Еще подумают, украсть хотел, — торопливо одеваясь, проговорил Сеит. — Слышишь, шум какой! Сейчас войдут к нам.

Я принялся собирать карандаши, а мои товарищи тем временем стали одеваться.

Отца в комнате не было. Он куда-то ушел еще до нашего пробуждения.

Все вместе мы стали вспоминать, как очутились в этом помещении. Мы были раздеты, но кто нас раздел и уложил спать, не помнили. Это показалось нам постыдным. Ведь мы приехали в Гагру учиться, мы уже почти взрослые люди, а с нами возятся, точно с маленькими детьми.

Мы оделись, прибрали свои постели и хотели было направиться на поиски моего отца. Но едва я открыл дверь, как тотчас же попятился назад. Коридор был полон совершенно одинаково одетыми детьми. На каждом из них были светло-серые трусы и рубашка с красным галстуком, на ногах коричневые сандалии.

С нескрываемым любопытством разглядывали мы незнакомых мальчиков. Они окружили нас полукольцом и тоже принялись рассматривать. Наш сванский наряд: круглые шапки, широкие рубахи, заправленные в галифе, чувяки и гетры из домотканого материала — видимо, удивлял их. Из группы школьников

отделился рослый мальчик с живыми любопытными глазами и протянул мне руку.

— Коля! — сказал он, глядя мне в лицо.

Я не понимал, что он от меня хочет, и попятился.

— Дай ему руку. Он, наверное, хочет познакомиться, — прошептал мне в ухо Сеит.

— Нет, он просто издевается над нами, — хмуро произнес Бидзина.

Я был склонен думать так же, поэтому не подал руки навязчивому парню. Тот убрал ее и оказал что-то своим товарищам. Те отозвались дружным смехом.

Это показалось нам очень обидным, и мы готовы были ринуться в бой против значительно превосходящего противника, но, на наше счастье, в этот самый момент появился мой отец.

Он заметил накаленность обстановки, живо растолкал школьников и пробрался к нам.

Неугомонный Коля стал что-то с жаром ему рассказывать. К нашему удивлению, отец рассмеялся:

— Что же ты ему руки не дал, Яро? Он же хочет познакомиться с вами.

Так началось наше знакомство с детдомовцами, с которыми в дальнейшем нам предстояло провести вместе не один год.

Вместе с моим отцом и толпой сопровождающих нас ребят мы пошли к директору.

Кабинет директора поразил нас своей величиной и обилием света, лившегося из окон.

За широким столом, на котором свободно мог бы кружиться сванский двухэтажный хоровод, сидел убеленный сединами, крупный, крепко сложенный человек. На его строгом, правильном лице как-то не совсем аккуратно были прилеплены щетинистые усики. Серые глаза изучающе смотрели на нас изтза старомодного пенсне в золотой оправе. Это был директор школы Николай Николаевич Захаров.

Он медленно встал из-за стола и вышел нам навстречу. На нем был чесучовый пиджак и черные брюки, заправленные в сапоги, начищенные до блеска.

— М-да-а-а... — протянул он неопределенно и опять уселся за стол, пригласив отца тоже сесть. Но отец только поклонился в знак благодарности и начал о чем-то горячо разговаривать с директором.

Я сразу же преисполнился к директору уважением и страхом. Эти чувства и остались у меня вплоть до самого окончания школы.

Николай Николаевич вышел из-за стола и слушал отца,

прохаживаясь по комнате, время от времени посматривая то на меня, то на моих товарищей. Я же следил за тем, как на стеклах его пенсне то и дело вспыхивал золотой лучик.

Проходя мимо меня, он сделал попытку погладить мою вихрастую голову. Этот жест показался мне непонятным и крайне оскорбительным. Я молниеносно надел на голову шапочку, которую при входе в кабинет директора, по настоянию отца, снял.

Сделал я это настолько быстро, что Николай Николаевич вздрогнул от неожиданности.

— М-да-а-а... — опять неопределенно протянул он и пожал своими широкими плечами.

Отец густо покраснел. Я понял, что поступил дурно, но было уже поздно.

— Николай Николаевич сказал, что вы совсем еще дикари, но в общем вы ему понравились. А еще сказал, что ты, Яро, будешь сидеть во втором классе, а Сеит и Бидзина — в первом, — сказал отец, когда мы вышли из кабинета.

— Почему же во втором? — удивился я. — Я же ничего не знаю!

— Ты же анбан знаешь, читать немного умеешь... А потом директор говорит, что таких больших, как ты, стыдно сажать в первый класс. Там учатся вот такие, — отец показал на Сеита и Бидзину.

Я попытался было доказать, что не смогу учиться во втором классе. Бидзина же, которому было всего девять лет стал требовать, чтобы его посадили во второй класс, говоря, что он не знает анбана, но сможет его сразу же выучить.

Во время этого разговора к нам подошли две женщины, взяли нас за руки и повели куда-то вверх по лестнице.

— Жить будете врозь, — на ходу объяснял отец, шедший вслед за нами.

— Почему? — взмолился Сеит. — Нам вместе веселее...

— Вы сюда не веселиться приехали, а учиться. Директор не разрешает вам вместе жить, врозь скорее научитесь по-русски говорить.

Мы с Бидзиной уже поняли, что противиться старшим в этом доме нельзя, и поэтому смолчали.

Моя будущая воспитательница Ольга Шмафовна беспрерывно что-то ласково говорила мне, но я не понимал ее и хмуро молчал.

На третьем этаже нас развели в разные комнаты.

В спальне стояло двадцать восемь одинаково аккуратно заправленных постелей. На каждой койке висели белые дощечки, на которых значились фамилии учеников. На одной из них Ольга Шмафовна прочла мою фамилию. Мы остановились.

Ольга Шмафовна откинула назад свои пышные рыжеватые волосы и, обернувшись к отцу, сказала ему несколько слов.

— Ну, вот и твоя кровать. Хорошая, чистая, правда? — сказал отец, когда Ольга Шмафовна скрылась за дверью.

— Много очень незнакомых мальчиков. Стыдно как-то спать с ними, — сказал я, готовый почему-то расплакаться.

— Скоро привыкнешь, — успокоил меня отец.

Коренастый парень лет восемнадцати остановился около нас. Улыбка, казалось, застыла на его смуглом лице с черными густыми бровями. Парень, к моему удовольствию, говорил на грузинском языке, который я уже немного знал.

— Архип Лабахуа, будем знакомы, — протянул он отцу руку. — Я секретарь комсомольской ячейки интерната, а этот великан — Ипполит Погава, староста. Мы, так оказать, будем воспитывать вашего сына.

Ипполит Погава, подошедший вслед за Архипом, действительно показался мне великаном. Мне даже пришлось поднять голову, чтобы посмотреть на него.

— Батоно, — отец заметно волновался, — я отдаю вам своего сына... Я надеюсь...

Отец то и дело пожимал руку то Архипу, то Ипполиту и говорил очень сбивчиво.

— Мы будем заботиться о нем, как о родном брате, — сказал по-грузински Ипполит звонким басом. — Только вот зря вы нас обижаете.

— Я обижаю вас? — удивился отец.

— Ну да, обижаете, — продолжал Ипполит, — какие же мы батоно?

— Ну, а ты чего не знакомишься? — обратился ко мне Архип. — Мы уже слышали, как ты чуть в драку не полез, когда Коля с тобой хотел познакомиться. Ну, давай руку.

Я протянул Архипу руку. Он крепко пожал ее. Затем точно так же я познакомился и с Ипполитом.

— По-грузински говоришь? — спросил Ипполит.

— Мало говорю, — смущенно произнес я.

— То есть плохо говоришь, — поправил меня Архип. — Ну, ничего, сейчагс уверишь мало, а потом будешь говорить много.

Где-то в коридоре раздался пронзительный звонок, и наши новые знакомые оставили нас.

— Сегодня ваш сын получит форменную одежду, а завтра пойдет учиться. Вы спокойно уезжайте. Он скоро привыкнет ко всему, — сказал на прощание Архип.

Мысль, что скоро придется расстаться с отцом, огнем обожгла мое сердце.

Отец, вероятно, переживал предстоящую разлуку не менее, чем я. Он прижал меня к себе одной рукой и крепко поцеловал.

Я не заметил, как около нас очутился низенький, щуплый мальчик. Лицо его было почти черного цвета, толстые черные брови были насуплены.

— Обнимаетесь, значит? — как-то странно улыбаясь, бросил мальчик, подходя к одной из коек. — Эх, дикари, не знаю, что мне с вами делать!..

Слова его и тон, которым он произносил их, показали мне, что это, видимо, был еще один начальник.

Отец несколько удивленно посмотрел на него и спросил, о ком он говорит.

— Не о вас, папаша. Какие же вы дикари, вы культурные люди. Зачем же я вас буду оскорблять? Это я так, про себя разговаривал.

Он зачем-то приподнял подушку.

— Вы что, сына на учебу привели? — поинтересовался он. — Напрасно. Здесь его не выучат. Только нос разобьют, бока наломают, а толку не будет.

— Как так? Почему? — нахмурился отец.

— Почему? — передразнил темнолицый мальчик отца. — Хулиганы они, дерутся, бьют всех, иногда даже и убивают. Вот мы только вчера двоих детей похоронили: одного абхазца, другого мингрельца. А завтра, я узнал, собираются какого-то свана убить. Говорят, этот обреченный кого-то утром обидел. Что делать? Приходится жить с дикарями.

Мальчик печально покачал своей черной головой.

Для меня вопрос был ясен. Несчастный обреченный был я. Во-первых, я сван, а во-вторых, действительно утром обидел злополучного Колю не я тут же решил, что ни за что не останусь страшном доме.

Отец тоже взволновался. Он даже несколько побледнел.

— Мы никого не обижали, — нерешительно произнес он.

— Так сваны это вы? — удивился мальчик. Его брови поползли вверх, маленькие живые глазки сверкнули. — Вам надо бежать, — решительно произнес он и подошел вплотную к моей койке. — Сына можно иметь и неученого, но его непременно надо иметь живого. А мертвый какой же он сын? Вам надо незаметно бежать.

Я стал оглядываться по сторонам. Мальчик перехватил мой взгляд.

— Я вам помогу. Вот за этим окном, совсем рядом, водосточная труба. По ней вы можете спуститься, а там...

— Джих, ты что здесь делаешь? Уроки начались, а ты что,

звонка не слышал? Бездельник! — В спальню вошла сухопарая, высокая женщина с добрым круглым лицом и седыми волосами.

Джих посмотрел на нас, на женщину, несшую в руках форменную одежду.

— Неужели я опоздал? — спохватился он. — Я в уборной был... Бегу!.. Никому ни слова, я потом помогу вам бежать, ждите меня! — сказал он отцу на ухо и выбежал из спальни.

— Опять, наверно, курил? — спросила женщина, обращаясь к моему отцу. — Безнадежный парень. От рук отбился...

Женщина положила белье на мою койку. Оказалось, что это была кастелянша интерната:

— Кто этот мальчик? — поинтересовался отец, заметно повеселевший.

— Это, говорят, сынок какого-то важного человека, а озорник страшный. Как только земля таких держит!

Отец, искоса поглядывая на меня, продолжал выяснять истину.

— Этот озорник, как вы сказали, рассказал нам, что дети в интернате здорово дерутся... и... даже убивают друг друга.

— Что вы, что вы! — заохала кастелянша и замахала на отца руками. — Дети здесь хорошие. А его действительно били раза два, но драку затевал он.

На душе у меня стало легче.

— А он говорит, что меня... — начал было я и тут же стушевался.

— Вы его только послушайте, он вам такое расскажет! Это гнойник нашей школы, — глаза у женщины стали серьезными, почти злыми.

— Почему же его не выгонят? — удивился отец. — Его уже несколько раз выгоняли. Да что толку: отец прикажет, опять принимают.

Я почти совсем успокоился и принялся рассматривать лежащие на моей койке трусы и рубашку. Не было только красного галстука. Его, кстати сказать, не было и на Джихе.

— Пойдем со мной. Помоешься в бане и переоденешься. А вы подождите нас, мы скоро, — сказала, женщина отцу, и мы с ней пошли по коридору.

— Ну, иди, будь мужчиной, — похлопал меня по спине отец. — Начинай свою новую жизнь.

— А если такой опять встретится, что я буду делать?

— Делай то, что мужчины делают: если ударит, намни бока, чтобы запомнил нашу фамилию, а в разговоры с такими не вступай, обманут тебя. Что тебя — меня чуть не обманул, паршивец, взрослого человека чуть не заставил лезть по

водосточной трубе.

И я смело зашагал за высокой седой женщиной в белом халате. Мы спустились в подвал.

У входа в баню я встретился с Сеитом и Бидзиной.

Распоряжался баней старый армянин Айрапет Сейранян. Обошелся он с нами довольно бесцеремонно: что-то буркнул в свои висящие, словно мокрые усы и кивком головы показал на скамейки.

Затем он показал, как регулировать горячую и холодную воду, вручил каждому по кусочку мыла и вышел.

— Очень важный человек, — заметил Сеит. — Должно быть, ученый.

Я согласился с ним, но Бидзина резонно заметил, что если бы банщик был очень ученый человек, то не носил бы худые ботинки. В Сванетии считалось, что ученый человек должен непременно обладать богатством.

В бане не обошлось без происшествий. Бидзина резко повернул кран с горячей водой, и его моментально обдало кипятком. Он закричал. Все тело его стало красным как кумач. Мы с Сеитом, не зная, чем ему помочь, стали тоже кричать. Когда к нам пришли взрослые, то трудно, было определить, кто из нас пострадавший. Через минуту все мы были в медицинском пункте. Прежде чем я успел что-либо сообразить, половина моего тела была измазана какой-то черной мазью. И лишь когда прибежал запыхавшийся отец, мне удалось объяснить, что со мной и с Сеитом ничего не произошло, а что ошпарился Бидзина.

Доктор, осмотрев нас, отправил обратно в баню, а сам занялся Бидзиной.

В коридоре собрались ученики. Среди них был и Джих.

— Несчастные дети гор, их нагишом водят по коридорам, как обезьян, напоказ, — разглагольствовал он, со злорадной улыбкой поглядывая на нас.

— Замолчи ты, бурдюк с навозом! — одернул его стоявший с ним рядом крепыш, в котором я узнал Колю.

— Эх, если бы этого черномазого, который назвал нас обезьянами, да встретить где-нибудь подальше от этих мест! — мечтательно произнес Сеит. — Вот бы мы ему дали!..

— Да, — согласился я, — так бы дали, что наших фамилий он долго бы не забыл. — И я рассказал Сеиту о первой встрече с Джихом и о том, как он уговаривал нас с отцом бежать по водосточной трубе.

— Его надо убить, — заключил Сеит. — Мальчика, который может издеваться над взрослыми мужчинами, надо убить!

Банщик Айрапет теперь встретил нас хуже, чем прежде. Он

сам отрегулировал воду и следил за нами до самого конца нашего мытья.

В спальне шло приготовление к обеду. Раздалась команда: «Постройся на обед!» Все побежали в коридор и стали строиться в две шеренги. Я в нерешительности стоял на месте, не зная, куда стать.

— Идем, — кто-то схватил меня за плечо. Я обернулся и увидел того же Колю. — Чего стесняешься? Идем! — потащил он меня в строй. — Здесь все твои товарищи, никто тебе плохого не хочет.

— Да, не хочет, — усомнился я, — а вот Джих издевается и...

— Джих — дурак! — убежденно заявил Коля. — Его у нас так и зовут «Мешок с навозом». Таких, как он, у нас мало. По ним нельзя судить обо всех.

Мы строем пошли в столовую.

Ребята разместились за двумя длинными столами. Нас уже ждал приятно пахнувший борщ.

Под вечер отец уехал. Перед отъездом он долго наставлял меня, чтобы я ничего не замышлял против Джиха, что я приехал в Гагру учиться, а не сводить счеты с такими, как Джих, что для этого не нужно было бы сюда ездить, этим я мог бы заниматься у нас в Сванетии. Я не совсем понимал отца. Никаких счетов я сводить не собирался и, огорченный предстоящей разлукой q отцом, забыл о Джихе.

Провожать отца вышел и Сеит. Бидзина лежал в медицинском пункте.

Мы обогнули физкультурную площадку, обсаженную новыми для меня пышными, красивыми растениями. На ней, весело покрикивая, дети играли в мяч. Вышли к шоссе, как я узнал впоследствии, ведущему из Гагры в Сухуми.

Отец, единственный и верный защитник от всех бед и унижений, покидал меня. Вокруг было так много новых и незнакомых людей, которые могут, как я уже видел, и оскорблять и обманывать. Правда, подумав об этом, я тут же вспомнил и о Коле и о тех двух парнях, которые пришли с нами знакомиться в спальню. Но, может быть, и таких, как Джих, тоже немало?

Я долго крепился, но в конце концов из моих глаз вырвались слезы. Не выдержал и Сеит.

Отец утешал, нас, но видно было, что и ему нелегко. Когда он сел в автобус и в последний раз высунулся в окно, чтобы помахать рукой, я заметил, как две слезинки покатились по его щекам.

— Что это вы так надрываетесь, горные орлы! — услышали мы чей-то голос. — Ой, как стыдно! Хоть не говорите никому,

Ярослав, Сеит! Пошли, пошли домой.

К нам подошел неизвестно откуда взявшийся Архип Лабахуа. Он по-дружески пожурил нас, и нам действительно стало немного стыдно.

— Вы теперь детдомовцы, вам стыдно плакать. Вон посмотрите, сколько ребят играют в мяч; Они также провожали своих отцов и тоже остались одни, и, вероятно, кое-кто из них плакал, а теперь! Видите, как им весело и как они хорошо играют?

— Видим, — дружно, ответили мы.

— Ну вот, а они забыли не только слезы, но и письма перестали домой писать.

— Я буду писать каждый день, — решительно сказал Сеит.

И мы тут же стали осуждать мальчиков, способных забыть своих родителей и не писать им письма.

— Ну, смотрите, орлы, каждый день писать все равно не будете, времени не хватит. Но если будете редко писать, я первый поругаюсь с вами.

Помощь товарища

В коридоре раздался пронзительный свисток, и вслед за этим кто-то скомандовал: «Вставай! На физкультуру!»

Я видел, как мои соседи повскакали с мест, и последовал их примеру. Все стремглав побежали вниз. Я также побежал по лестнице, думая, что где-то поблизости пожар, и мы бежим тушить его.

Во дворе все построились и стали заниматься физкультурой. Мы проделывали, на мой взгляд, столь нелепые телодвижения, что я никак не мог сдержать смех.

— Ты что смеешься? — толкнул меня в бок Коля. — Смотри, увидит Ольга Шмафовна.

После утреннего чая в спальню вошла воспитательница. Она направилась к моей койке. Я немало перетрусил, решив, что Ольга Шмафовна действительно заметила на зарядке мой смех. Но ее улыбка рассеяла мои опасения.

Воспитательница повела меня за собой в класс. В коридоре было много учеников, одетых не в интернатскую форму. Я тогда еще не знал, что интернат существовал при девятилетней школе для детей из отдаленных местностей. Основную же массу учеников составляли дети местных жителей.

Около класса нас встретила женщина средних лет с коротко остриженными золотистыми волосами. У нее было строгое красивое лицо.

— Дагмара Даниловна, учительница, — пояснила мне Ольга Шмафовна.

Учительница, внимательно посмотрев на меня, о чем-то спросила воспитательницу и после этого подвела к двери класса и показала мне место за одной из парт.

Я с интересом принялся рассматривать учебники и карандаши, лежащие на моей парте.

Неожиданно в класс вбежал Джих. В зубах у него была папироса. Он положил ее на угол парты, глянул в мою сторону и тут же надулся.

— Я — турок, ты — сван, мы должны быть с тобой братьями, — произнес он после раздумья.

Так значит Джих — турок! У сванов религия проповедовала ненависть к мусульманам. Поэтому я, недолго думая, заявил ему, что не я, а волк должен быть ему братом. Я даже привстал с парты, готовый дать отпор Джиху, если он приблизится ко мне.

— Почему ты сердишься? Я же тебе плохого не хочу, — растянул в улыбке свои тонкие губы Джих. — Аи-аи! Как далеко

тебя посадили. Ты же не услышишь учительницу. Переходи на переднюю парту. Здесь все так делают.

Слова Джиха мне показались убедительными. Взяв тетради, книги и карандаши, я пересел на переднюю парту.

Постепенно класс наполнялся. Раздался звонок. Толпящиеся в коридоре ребята шумной гурьбой ввалились в класс и начали рассаживаться. Передо мной выросла тоненькая фигурка девочки лет десяти. Она подошла ко мне, непонимающе мигнула и знаками объяснила, что я занял ее место, показав при этом на надпись в нише парты «Тамара Пилия».

— Нет, мое! — грубо выпалил я весь свой запас русских слов.

Джих что-то крикнул. Весь класс залился дружным смехом. Я понял, что надо мной издеваются.

Задыхаясь от злости, я схватил чью-то увесистую сумку с книгами и бросился было на Джиха. Но путь мне преградил высокий парень. Он сильно сжал мою руку и усадил на место, сказав:

— Не обращай на него внимания. А сидеть ты должен со мной, а не с девчонками. Я уже и книги тебе достал, пойдем. Зовут меня Володя Дбар.

Володя очень понравился мне. У него было открытое, добродушное лицо и медлительные, плавные движения.

— Я тебе дам, обезьяна!.. — пригрозил Володя Джиху, после того как усадил меня на мое место.

Джих сразу же съежился от этих слов.

— В чем дело? Что, шутить, что ли, нельзя? — вступился за Джиха не менее рослый, нежели Володя, ученик.

— Так шутят только дураки. А дураков учить нужно, — зло ответил мой покровитель. — А ты, Гегия, молчи! А не замолчишь, так заставлю тебя это сделать. Все знают, что ты трус и холуй.

Гегия поднялся со своего места. Младшие ученики и девочки уже стали потихоньку вставать из-за своих парт и тесниться у двери, предчувствуя драку.

Так бы, вероятно, и случилось, если бы в класс не вошла Дагмара Даниловна. Все сразу же расселись. В классе водворилась тишина.

— Ребята, к нам прибыл новый ученик — Ярослав Иосселиани, — начала она.

— Встань, — подтолкнул меня в бок Володя.

— Вот он, познакомьтесь с ним, — продолжала учительница, медленно двигаясь между партами ко мне, — он из Сванетии. На прошлом занятии мы с вами говорили о том, что при царизме народы, населявшие Россию, враждовали между собой. Их натравливали друг на друга. А в наше время, при советской

власти, все народы друг другу братья. Вот у нас в классе учатся абхазцы, русские, грузины, украинцы, мингрельцы, эстонец, турок. Сегодня к нам пришел сван...

Дагмара Даниловна подошла ко мне, подняла за подбородок мою голову и посмотрела в глаза, как будто хотела в них что-то прочитать.

— Сваны очень свободолюбивый народ, — продолжала она. — Чтобы не подчиняться ненавистным царским законам, они еще в старину забрались в непроходимые горные места, куда не пускали своих поработителей. Все попытки поработить сванов не приводили ни к каким результатам. Поэтому царь натравливал на них горцев, распуская про сванов всякие нехорошие слухи. Эти царские наговоры еще живы в головах некоторых отсталых людей. Но таких людей мало, а скоро их и совсем не будет.

— Дагмара Даниловна, мы ничего не думали о Ярославе. У нас в классе нет отсталых людей, — прервал учительницу Джих.

— Джих, садись! Тебя не спрашивают, — нахмурилась Дагмара Даниловна. — Я еще не кончила говорить, а ты меня перебиваешь. Это называется невоспитанностью.

Джих сел и что-то шепнул на ухо своему соседу, остроносому Гегии, маленькие зеленые глаза которого при этом зло сверкнули, а рот искривился в коварной усмешке.

— Мы с вами, — продолжала учительница, — должны принять нового ученика в свою среду дружески, тепло, как и подобает советским детям.

Слова Дагмары Даниловны возымели действие. После урока все дети старались сделать для меня что-либо хорошее, показать свое расположение, разумеется, кроме Джиха и Гегии. Даже щупленькая Тамара Пилия подошла ко мне и благожелательно предложила занять ее место, если оно мне нравится.

— Извинись перед ней за грубость, — посоветовал мне Володя, — она хорошая девчонка.

— Я не виноват, — неуверенно возразил я.

— Как не виноват? Нагрубил — и не виноват. Ну, иди, догони и извинись. Язык от этого не отсохнет.

На мои извинения Тамара сказала, что это была просто ошибка и о ней не стоит вспоминать.

— Смотрите, смотрите, — нарочно громко оказал Гегия, указывая на меня, — сван сваном, а уже за Тамарой ухаживает.

— Замолчи, курита несчастный! — прикрикнула на него девочка и пошла прочь.

— Она тебя куритой называет, — расхохотался Джих, тыча пальцем в лоб ошарашенного Гегии.

Куритой в школе называли тех немногих учеников, которые

тайно курили. Кличка эта среди ребят считалась очень оскорбительной.

Гегия в ответ обругал Тамару.

— Гегия, стыдно тебе! — вмешался Володя.

— Лучше своими двойками займись, — скривил лицо Гегия. — Очень много внимания уделяешь девочкам!

Джих подхватил злорадный смех своего друга.

Володя хмуро смотрел на них. Я подошел к нему и был готов по первому его зову начать драку.

Но, к моему удивлению, когда, казалось, начать потасовку было уже делом чести, Володя взял меня под руку и увел в сторону.

— Идем, Ярослав, от этих хулиганов подальше, а то сами станем такими же. Мой отец правильно говорит: «Уголь всегда чернит».

Звонок окончательно разрядил обстановку. Мы все побежали в класс и через минуту сидели на местах, ожидая прихода учительницы.

Джих и Гегия были самыми старшими в классе. Оба они росли и воспитывались в городе в состоятельных семьях.

Дбар же происходил из простой крестьянской семьи. До детдома он помогал родителям вести хозяйство, много работал. Учение ему давалось с трудом, несмотря на прилежание.

Джих и его приятель тоже плохо учились, но здесь виноваты были только они сами. В классе все, кроме Володи Дбара, боялись их. Дело дошло до того, что когда нужно было выбрать старосту класса, Джих выдвинул кандидатуру своего закадычного друга, а класс не сумел возразить, и Гегия стал старостой.

Когда в классе появился я — такой же взрослый парень, как и они, Джих и Гегия увидели во мне своеобразного соперника, а Дбар, напротив, товарища.

Начался второй урок. В класс вошла Дагмара Даниловна. Все встали. Джих же не встал и нарочно с грохотом откинул крышку парты. Учительница заметила его очередную выходку.

— Джих, к доске, — сказала она. — Ты урок выучил?

— Я уроки всегда знаю, — нагловато заявил он.

— Перестань жевать! — повысила тон учительница. Джих действительно всегда что-либо жевал: конфету, шоколад, сушеную хурму.

— Хорошо, Дагмара Даниловна, не буду, — сказал он и тут же демонстративно сделал глотательное движение.

Класс засмеялся.

Учительница продиктовала небольшую задачу.

Джих долго стоял у доски, опустив свои не в меру длинные

руки. Затем он вдруг зашевелился и начал что-то неуверенно писать.

— Садись, — сердито заключила учительница, — на сегодня с тебя хватит. Получай двойку.

Следующим учительница вызвала меня. Услышав свою фамилию, я сначала не поверил своим ушам. Но Володя Дбар знаками показал, что я должен выйти к доске.

— Ярослав, решишь эту задачу? — с расстановкой спросила учительница.

Я посмотрел на условия, которые она заранее написала на доске, и ответил:

— Решишь.

Услышав мой ответ, Гегия залился смехом. Но никто, даже Джих, переживавший двойку, не поддержал его.

Арифметика мне давалась легко, и я без особого труда решил задачу.

Учительница похвалила меня, и я, торжествующий, пошел к своей парте.

Мой первый незначительный успех почему-то молниеносно разнесся по школе.

— Поздравляю, ты, оказывается, арифметику здорово знаешь, молодец, — оказал Коля, подойдя ко мне после уроков. — Значит, и все остальное постигнешь.

И не один Коля в тот день поздравлял меня. На душе стало сразу как-то теплее, и я уже перестал считать себя в школе чужим человеком.

После обеда уроков не было. Володя Дбар и Коля Кемулария, оказавшиеся тоже свободными, потащили меня на спортивную площадку.

Ребята играли в волейбол. Я не имел понятия об этой игре, но не хотел показать свою серость и тоже встал на площадку.

Я с таким остервенением бегал и прыгал, что со стороны, вероятно, казалось, что я играю только один. От меня шарахались все игроки, но все же получалось так, что они как-то успевали ударить по злосчастному мячу, а я нет.

— Спокойней, стой на месте, мяч сам к тебе прилетит, — пояснил мне шепотом Коля, стараясь не ущемлять моего самолюбия.

Но я не обращал внимания на увещевания друзей и, войдя в азарт, носился по площадке, а однажды даже перебежал за мячом под сеткой на другую сторону, чем очень обрадовал зрителей.

Игра окончилась для меня совершенно неожиданно. Я кинулся на пролетавший мяч и тут же кубарем полетел на землю, столкнув игравшего в одной команде со мной Гегию.

— Я так и думал, что этот сван сегодня кровь пустит, — сказал Гегия, вставая с земли. — Ведь я же с тобой на одной стороне играю... болван!

Я кинулся на Гегию, но меня окружили и отвели в сторону.

На площадке появилась Ольга Шмафовна. Она кинула на меня суровый взгляд.

— Мы шутили... играли... он не виноват, — пытался оправдать меня Коля.

— Тебя не спрашивают, Кемулария, — обрезала воспитательница.

— Да, шутили, а нос кто разбил? Хорошо шутили... — вмешался Гегия, вытирая кровь.

Воспитательница взяла меня за руку и повела к зданию школы.

В учительской воспитательница рассказала о случившемся учителю грузинского языка Георгию Хонелидзе. Тот с едва заметной улыбкой выслушал ее, изредка поворачивая ко мне голову с непомерно длинным носом, который, казалось, занимал большую часть его лица. Потом он стал долго и нудно говорить о недопустимости ссор и драк. Понурив голову, я терпеливо слушал учителя. Ольга Шмафовна время от времени перебивала Хонелидзе и по-русски что-то говорила ему.

Я признал себя виновным и обещал впредь хорошо себя вести. Меня отпустили. Володя и Коля ждали меня около двери. Узнав, что меня не оставили без обеда, они успокоились.

По пути в умывальную мы принялись обсуждать происшествие. Мои новые приятели стали уверять меня, что связываться с Гегией не следует ни в коем случае.

— Теперь все знают, что ты не боишься его, — говорил Коля, — поэтому Гегия при всяком удобном случае будет на тебя жаловаться. Я его хорошо знаю. Он такой противный, но ничего поделать нельзя. Придется терпеть.

Я не соглашался с ним, считая, что Гегию непременно надо побить. Володя был со мной согласен, только уверял, что самим начинать с ним драку не следует, а надо побить его тогда, когда он первый полезет.

После долгих обсуждений мы пришли к выводу, что драться все же с Гегией не стоит, но и мириться с ним тоже не будем.

С непривычки игра в волейбол меня сильно утомила, и я с удовольствием растянулся на своей койке и уснул. Однако долго отдыхать не пришлось. В шесть часов раздался звонок, и мы снова пошли по своим классам для вечерней самоподготовки.

Самоподготовкой мы занимались в классах. Вместо преподавателя с нами были воспитатели. Они наблюдали за

порядком и помогали в случае необходимости.

— Иосселиани, — обратилась ко мне Ольга Шмафовна, как только вошла в класс, — ты будешь заниматься со мной за столом.

Кто-то прыснул от смеха.

— Джих, в чем дело? Что тут смешного? — сердито произнесла воспитательница.

— Ничего, Ольга Шмафовна, я просто так, — едва сдерживая смех, произнес Джих, — Иосселиани такой большой, что мог бы и без вашей помощи заниматься.

— Ты тоже большой, однако учишься плохо. Сегодня двойку получил. Садись тоже ко мне и делай примеры.

Таким образом, я и Джих оказались за одной партой. Джих получил арифметические задачи, а я стал заниматься с воспитательницей русским языком. К концу самоподготовки я уже знал десятка два русских слов и принялся записывать их в тетрадку.

Неожиданно Джих сунул мне бумажку с примерами по арифметике и шепнул: «Помоги!»

Ольга Шмафовна в этот момент занялась с каким-то учеником в другом конце класса, но я не забыл обид, которые мне нанес Джих, и швырнул бумажку обратно. Ольга Шмафовна заметила это и спросила:

— В чем дело, Иосселиани?

Я промолчал.

Воспитательница подняла упавшую на пол бумажку, развернула ее. Все стало ясно.

— Вы видите, ребята, — обратилась она к классу, — Джих просит помощи у Иосселиани. Как же не стыдно ему было смеяться над беспомощностью Ярослава в русском языке?

— Ну что же, — спокойно отозвался Джих, — посмеялся, что же здесь плохого. А вот Иосселиани отказался помочь товарищу — это плохо. Очень плохо!

— Ребята, как вы думаете, кто прав? Иосселиани или Джих? — Ольга Шмафовна окинула пристальным взглядом класс, как бы стараясь прочесть на лицах учеников их отношение к этому маленькому событию.

Все молчали.

— Кто хочет высказаться? Никто? — прохаживаясь по классу, спрашивала Ольга Шмафовна. — Ну, тогда пусть первым скажет староста.

Гегия встал и решительно сказал:

— Конечно, виноват Иосселиани. Товарищу всегда надо помочь.

— Ну, а Джих прав? Как по-твоему? — опять обратилась к Гегии воспитательница.

— Джих тоже не прав, надо знать, у кого помощи просить...

— А я думаю, — воскликнула Тамара Пилия, — я считаю, что Иосселиани прав. Подсказывать не нужно. Джих поступил нехорошо. Он сначала поиздевался, а потом обратился за помощью. Стыдно так!

В классе зашумели. Кое-кто поддерживал Тамару, но были и сторонники Гегии.

Ольга Шмафовна остановила разгоревшиеся страсти, и я с интересом ждал, что же скажет она.

Володя перевел ее слова, и я убедился, что мой поступок действительно правилен, хотя в ту минуту я думал только о том, что помощь у меня просит ненавистный Джих.

Все же учение давалось мне с трудом. В Ажаре преподавание велось на грузинском языке, на котором я кое-как говорил. Для второго же класса русской школы моя подготовка была слишком низкой.

Однако упорные и настойчивые занятия давали свои плоды. Постепенно я начал понимать и изъясняться на русском языке. С Володей Дбар мы просиживали над учебниками целые вечера.

Наговорившись вдоволь по-русски, мы шли спать обычно в хорошем расположении духа, весьма довольные собой. Но на следующий же день мы убеждались, что наши успехи не столь уж велики.

Грузинская, абхазская и сванская речь не различает мужского, женского и среднего рода. Это обстоятельство меня совершенно сбивало с толку.

В определении рода в младших классах путались почти все, кроме, конечно, русских детей, которых было очень мало и которые были приходящими. Разговорной практики поэтому было мало. Абхазцы, мингрельцы и аджарцы подобно мне заменяли женский род мужским или наоборот, а средний обычно и вовсе не признавали. Но я почему-то не признавал и женского рода. Скоро мне присвоили прозвище «Мужской род». Сначала я смертельно обижался на него. Но постепенно смирился и беззлобно начал откликаться на свою нелепую кличку.

Первый «неуд» я получил именно по русскому языку.

— Письменную работу ты сделал неудовлетворительно, — сокрушенно оказала Дагмара Даниловна, вручая мне тетрадку, — но я уверена, что ты скоро все исправишь.

Весь класс, казалось, переживал за меня, когда я, опустив голову, возвращался к своему месту с тетрадкой в руке.

— Ничего, — первым обратился ко мне Володя, — мы скоро все исправим. Мне тоже тройку поставили, видишь, с четырьмя минусами. Это похоже на двойку.

Едва дождавшись конца урока, Джих не преминул поиздеваться надо мной.

— Давайте поздравим свана с «неудом», — обратился он к классу. — Повторяйте за мной: «Поздравляем Мужской род с неудом».

Несколько ребят хором вторили Джиху.

Я выскочил из класса. Терпению моему приходил конец. Я решил кровью смыть оскорбление. Однако прежде чем осуществить свое намерение, решил посоветоваться со своими

маленькими земляками.

Сеит и Бидзина тоже успели нахватать «неудов», но в классе над ними никто не смеялся. Оба они были моложе меня и любое горе быстро забывали. Тем не менее они поддержали меня и посоветовали поколотить Джиха.

— О чем тут совещаются сваны? — услышали мы вдруг всегда веселый голос Коли Кемуларии. — Наверное, кого-нибудь убить собираются...

Коле и в голову не приходило, что он почти не ошибся, бросив несколько шуточных слов. Когда мы ему объяснили, о чем советовались, он сразу же посуровел и сказал:

— Я думаю, что бить не надо. Надо сказать Архипу и Ипполиту. Я им сам скажу.

— Не надо говорить! — в один голос возразили мы все втроем. — Это будет жалоба.

Коля, не дослушав наши доводы, быстрыми шагами удалился в сторону коридора, где были классы старших школьников.

Я начал готовиться к осуществлению своего намерения.

Трехэтажный дом бывшего приюта, в котором помещался наш интернат, был расположен на полпути между Новой и Старой Гаграми. Рядом с домом начиналось ущелье Цихерва, поросшее каштанами, инжиром и разнообразным кустарником.

Я нашел в кустах укромное местечко, в котором рассчитывал отсидеться после нападения на Джиха. С темнотой же я был намерен пробраться в Старую Гагру и спрятаться в трюме одного из постоянно курсировавших вдоль берега пароходов.

Моя ненависть к Джиху не приняла бы таких уродливых форм, если бы я не был жертвой, казалось бы, хорошего обычая — никогда не ябедничать на товарищей. И до поступления в школу я никогда не жаловался взрослым на обидевших меня мальчиков. Отец предпочитал увидеть меня с разбитым в драке носом, нежели услышать от меня жалобу на товарища по играм.

Пожалуйся я своевременно на Джиха и Гегию классной руководительнице или секретарю комсомольской ячейки, насмешки были бы давно прекращены и во мне не выросла бы такая пожиравшая меня ненависть.

Теперь я был полон только задуманной местью. Я был настолько погружен в свои мысли, что, подходя к интернату, со всего размаху уткнулся в кого-то, идущего мне навстречу,

— Рас шоби?[7] — услышал я грузинские слова. Голос показался мне знакомым. Оказалось, что навстречу мне шел Архип Лабахуа.

— Ах, это ты, — узнал меня Архип. — Что ты мчишься, как ишак, которому подпалили хвост? Погоди, мне что-то не нравится

твой вид, — сказал он, подведя меня к окну и вглядываясь в мое мрачное лицо. — Теперь я понимаю, почему сванов считают разбойниками, — пошутил он. — А это что? — вздрогнул он, приметив подобранный мной около сарая ломик, от которого я не знал, как избавиться.

— Так, гвоздь хотел вбить, — невразумительно пробормотал я.

— Какой гвоздь? — недоверчиво переопросил Архип. — Разве гвозди этим вбивают?

Он отобрал ломик и потащил меня с собой в спальню старшеклассников.

По дороге он выпытал у меня причину моего подавленного состояния. Ни словом не обмолвившись о намерении побить Джиха, я признался, что получил первый «неуд».

— Товарищи, наш маленький сван получил «неуд», — начал Лабахуа, входя в спальню старшеклассников. — Надо ему помочь.

Комсомольцы участливо расспрашивали меня. Тронутый этим, я охотно рассказал, что слово «меч» оказалось у меня женского рода.

— А как же иначе? — удивился семиклассник Катафей. Ему было около двадцати лет, он отпускал усы и никак не походил на школьника. Родом откуда-то с Бзыби, почти из такого же глухого места, как мое Лахири, Катафей, подобно мне, упорно не ладил с русским языком. — Не понимаю, — пожал он плечами, — за что «неуд»? Почему «мечь» — он, когда она пишется с мягким знаком?

Архип долго не мог растолковать упрямому парню, в чем заключаются его и моя ошибки.

— А в общем ты не расстраивайся, — повернулся ко мне Архип, — седьмой класс берет тебя на буксир. Согласны, товарищи? — обратился он к окружавшим нас комсомольцам.

— А что такое «буксир»? — подозрительно спросил я.

Предложение Лабахуа мне не понравилось. Второклассники называли меня не иначе, как Мужской род. Очень мне надо было, чтобы теперь в седьмом меня прозвали еще и Буксиром.

Архип разъяснил мне, что буксиром называется пароход, который тащит за собой на канате другое судно. По обиженному выражению моего лица он решил, что сравнение мне не по душе, и поспешил успокоить меня:

— Завтра начнем заниматься. И чтением и правописанием. Не будь я Архип Лабахуа, если через две недели ты не будешь лучшим учеником! Слово седьмого класса. Правда, товарищи?

— Правда, — подтвердили семиклассники.

Я пробыл у комсомольцев довольно долго и, уходя от них,

забыл о недавних своих намерениях.

Едва я вошел на следующее утро в класс, как Джих снова поднял меня на смех.

— Обратите внимание, ребята, — начал он, подойдя ко мне и размахивая руками перед самым моим носом. — Сван после «неуда» перешел в седьмой класс.

Кровь бросилась мне в голову, неожиданная спазма сжала горло. Не помня себя от злобы, я со всего размаха ударил Джиха. Удар пришелся по лицу и был настолько силен, что тот зашатался и упал. Рыжий Гегия бросился на выручку, но в ту же минуту оказался на полу. Школьники встревоженно окружили нас.

Джих вытер выступившую из носа кровь и грозно сказал, чтобы никто не смел и звука проронить о том, что произошло. Взгляд его остановился на двух мальчуганах, непонятно почему обожавших грубого и мстительного подростка.

— А ну-ка, отлупите за меня этого проклятого свана, — небрежно оказал Джих.

Я отскочил в угол, и что-то в моем лице заставило мальчиков шарахнуться от меня.

— Трусы! — сердито закричал Джих и дал подножку старшему мальчугану, вислоухому Канделаки.

Не раздумывая, я бросился к Джиху и снова ударил его по голове.

Только появление преподавательницы прекратило драку.

Я знал, что Джих и Гегия не только сильнее, но и хитрее всех в классе. Но не предполагал, что они настолько коварны.

Достаточно было Дагмаре Даниловне войти в класс, как дети немедленно отпрянули, а Джих и Гегия приняли такой вид, точно они самые кроткие мальчуганы на свете.

Один я в разорванной рубашке, со всклокоченными волосами и исцарапанным бледным лицом выглядел типичным драчуном и забиякой. Притворяться я не умел. Я считал себя правым и был настолько озлоблен, что ухитрился еще раз и притом на глазах учительницы стукнуть своего противника.

Джих смиренно принял удар и елейным голосом сказал учительнице:

— Этот сван совершенно взбесился. Он лезет на всех с кулаками. Посмотрите, что он сделал с моим носом.

Мой друг Володя Дбар и решительная Тамара Пилия, как нарочно, оказались больными, а остальные дети снова струсили перед первыми силачами и подтвердили мою виновность.

— Учишься хуже всех, а дерешься... — укоризненно сказала Дагмара Даниловна. Она не договорила «больше всех», но мне и без того было понятно, что она хочет сказать.

Я знал, что драка в интернате считается большим преступлением.

«Выгонят», — решил я и подумал о том, что скажет отец, когда узнает, что его Яро с позором выгнали из школы. Стыд охватил меня. «Нет, не вернусь домой. Ни за что!» Я вспомнил о плане, который выносил, когда замыслил побить Джиха.

«А что, если убежать из интерната? И уехать куда-нибудь на пароходе?»

Не помню, как прошел урок. На перемене я побежал к Коле Кемуларии и все ему рассказал. Коля задумался. После долгой паузы он решительно сказал:

— Ты сделал плохо, очень плохо, но ничего, не бойся. Джиха и Гегию уже все знают.

Это не успокоило меня. Чем больше я думал о происшедшем, тем больше расстраивался и ругал себя за несдержанность. Меня все винили, хотя и относились ко мне снисходительно и сочувственно. Это обстоятельство меня еще больше огорчало.

Когда ребята строились на обед, я забрался в какой-то темный закоулок и выждал, пока не замерли на лестнице дружные шаги ребят.

Никогда еще я не чувствовал себя таким одиноким и несчастным. Меня никто не видел, и я сразу же забыл о том, что еще недавно считал себя взрослым мужчиной, и залился слезами.

Таким и обнаружил меня Архип Лабахуа. Он, видимо, повсюду искал меня.

— Что же ты обедать не пошел? — спросил он, делая вид, что не замечает моих слез.

— Н-не х-очу я ник-какого обеда, — сквозь слезы пробормотал я и снова безудержно зарыдал.

— А мы думали, что ты настоящий герой, — ласково обнял меня Архип. От второклассников он уже знал о драке. — Эх, ты, один избил двух здоровенных дармоедов, а сам плачешь, как девчонка. Нечего хныкать. Пойдем обедать.

Я долго отказывался, но Архип настаивал на своем. У старшеклассников был свой уголок в столовой, и я был несказанно горд, что пью чай вместе с ними. И за чаем, ободренный товарищами, я доверчиво рассказал не только о сегодняшней драке, но и о том, что предшествовало ей в течение этих нескольких мучительных для меня недель.

— Мы обсудим этот вопрос, — выслушав меня, сказал Архип. — Верно, товарищи?

— Надо написать родителям этих безобразников, — предложил Ипполит.

— Обещай нам, — продолжал Архип, — что ты никогда не

будешь ни с кем драться. А если тебя кто и обидит, то скажи кому-нибудь из нас. Мы всегда сумеем за тебя заступиться. Обещаешь?

Я кивнул головой.

— Верю, — сказал Архип. — Сваны всегда держат слово.

На следующий день меня вызвали к директору. У дверей кабинета мне встретился Архип.

— Расскажи Николаю Николаевичу всю правду. Скажи и в чем ты не прав. Скажешь? — испытующе спросил он.

— Скажу, — не сразу согласился я.

Архип прошел в кабинет. Через несколько минут дверь приоткрылась.

Я нерешительно вошел и настолько растерялся, что даже не поздоровался. Несмотря на смущение, я сразу же заметил, что у стены, не зная, куда девать руки, стоит Джих.

— Ну-с, милостивые государи, вы что же решили, что у нас здесь ринг? И так далее? И тому подобное? — сурово нахмурив брови, начал директор.

«А что такое ринг?» — чуть не спросил я, но вовремя остановился.

— Или цирк? Или кабак? Или... — продолжал Николай Николаевич.

Все эти слова были мне непонятны — ни цирка, ни кабака я не видел ни разу в жизни.

— Допустим... Именно допустим, — продолжал директор, — что вы поспорили. Но почему надо разбивать носы в кровь? Или ставить такие вот синяки? — указал он на огромный с желтой каймой синяк под моим правым глазом.

Заработал я его в общей потасовке, хотя и не помнил от кого.

Джих молчал и только расстроенно шмыгал носом. Я тоже молчал.

Но Николай Николаевич и не думал шутить. Ни моих объяснений, ни Джиха он не стал слушать.

— Ступайте в класс. Урок начался, — сердито сказал он в заключение.

«Выгонят», — размышлял я, вместе с Джихом спускаясь по лестнице и стараясь не глядеть на своего врага.

Страхи мои оказались напрасными. Должно быть, помогло заступничество Архипа: я отделался только выговором.

В тот же день состоялось классное собрание. На нем присутствовали Архип Лабахуа и Ипполит Погава. Собрание открыла Ольга Шмафовна. Она коротко охарактеризовала не только наш класс в целом, но и каждого ученика в отдельности.

— Он еще не обтесался, — сказала классная

воспитательница, дойдя до моей фамилия, — в нем еще много дикого, прошлого, ненужного. Впрочем, как и в каждом из нас. Ему надо помогать. А такие разболтанные ученики, как Джих и Гегия, травят его. Не помогают, а травят, мешают учиться.

Тут Ольга Шмафовна обрушилась на моих врагов. Наглые, самодовольные улыбки на их лицах сменились угрюмым выражением.

После собрания обстановка в классе изменилась. Джиха перевели в параллельный класс. Вместо Гегии выбрали нового старосту. Я избавился от своих врагов.

Со всеми остальными одноклассниками у меня быстро установились добрые отношения. Я был бы всем доволен, если бы не одно обстоятельство. Несмотря на старания комсомольцев, тащивших меня «на буксире», я по-прежнему путал роды и делал немыслимые ошибки почти в каждом слове.

«Неуды» по русскому языку удручали меня: плохая успеваемость лишала права на красный галстук и возможности уехать домой на зимние каникулы.

Самодеятельность

В класс влетел возбужденный Коля Кемулария.

— Слушай, Ярослав, помоги нам! Нам нужно... нам нужен сван. — И, оглянувшись по сторонам, спросил: — А почему вы так рано начали самоподготовку?

— Мы всегда так, — объяснил Володя Дбар. — Мы не успеваем... Зачем тебе сван? А абхазец не годится?

— Не годится, особенно такой, как ты, — шутливо ответил Коля. — Мы ставим пьесу, там есть роль свана. Вот мы и хотим настоящего свана взять.

Я ничего не понимал. Мне не приходилось видеть спектаклей. Я не понимал, чего от меня хочет Коля. После долгих и не вполне понятных для меня объяснений Коля безнадежно покачал головой и, схватив меня за руку, буквально вытащил из класса.

Через минуту мы были в обширном зале детского дома. На сцене вокруг стола полукругом сидели ребята и слушали чтение какой-то книги. Нас с Колей не заметили. Мы тихонько прошли в задний угол и остановились около коренастого Отара Маршании, парня с грубоватым, но приветливым лицом.

— Ты играть будешь? Зачем пришел? — шепотом опросил Отар.

— Не знаю... Меня Коля позвал.

— В роли свана, — пояснил Кемулария.

— Подойдет. Слов почти нет, а бить, да еще палкой, он может, пожалуй, лучше всех, — обрадовался Маршания. — Ты только бей покрепче этого урядника и потом убегай.

Руководитель кружка самодеятельности согласился с Колей. Мне поручили играть роль свана в русской пьесе, которую ставил драмкружок. Надо было войти в кабинет урядника без стука, как принято у сванов. Это обстоятельство вывело неуравновешенного урядника из себя, и он набрасывается на бедного свана и выгоняет его из кабинета, не дав высказать свою жалобу. Разозлившийся сван возвращается обратно я ударяет палкой чиновника, а затем поспешно убегает.

Все это показалось мне забавным. Выписав те несколько слов, которые мне надо было сказать, я ушел на занятия. Дбар не одобрил мое актерское начинание, считая, что это еще больше затруднит «борьбу с двойками».

К следующему дню я уже выучил свою роль наизусть. На занятии драмкружка состоялась репетиция. Впервые видя, как разговаривают и действуют наши детдомовцы, подражая каким-то урядникам, попам и вообще взрослым людям, я недоумевал и

посмеивался.

Когда очередь дошла до меня, я взволнованно выпалил все слова моей роли и тут же приготовился огреть урядника палкой по голове. Но руководитель заставил снова повторить свою роль. К моему великому удивлению, все оказалось не так просто.

С репетиции я ушел обескураженный. Захотелось пойти к Коле и попросить, чтобы он меня освободил от участия в спектакле. Но Архип, которого я встретил в коридоре, остановил меня.

— Я слышал, ты на сцене учишься играть, это правда? — похлопал он меня по плечу.

— Да. Трудно очень, — неуверенно ответил я.

— А ты разве легкое дело ищешь? — засмеялся Архип. — Раз трудно — значит интересно, значит хорошо. Ты же сван, храбрый горец, тебе стыдно бояться трудностей. Правильно делаешь, что играешь в кружке, скорее изучишь язык... и все другое... И твоего друга, Володю Дбара, надо вытащить. А то сидите без конца за уроками, переутомляетесь, и ничего, наверное, в голову не лезет.

Архип был прав. Увлечение художественной самодеятельностью не помешало мне учиться. К концу полугодия, хотя я еще и не избавился от двоек, учение мне стало даваться гораздо легче.

Под выходной вечер, в канун зимних каникул, наш коллектив впервые ставил спектакль. На доске объявлений красовалась афиша, на которой между прочими фамилиями значились и наши: Коли, моя и Отара, который исполнял роль урядника.

Утром на заключительном уроке Дагмара Даниловна объявила полугодовые отметки. По русскому языку у меня была двойка. Правда, прежде чем назвать эту оценку, учительница сделала оговорку:

— Иосселиани сделал большие сдвиги в изучении языка, и я уверена, что во втором полугодии, если будет прилежным, он сможет не только догнать остальных учеников, но и выйти в передовые.

Подготовка к спектаклю помогла мне освободиться от мрачных мыслей.

Вечером зал был заполнен зрителями. Кроме учеников, было много и родителей.

— Твой отец приехал, в зале сидит, — шепнул мне на ухо Коля, когда занавес уже был поднят и в зале раздались рукоплескания.

Я обомлел. К моему желанию немедленно убежать куда-нибудь от предстоящей, уже кажущейся мне непосильной задачи прибавилась новая мысль: отец будет смотреть, как я с позором

провалюсь.

— Убегу! — решил я и, швырнув в темный угол длинную палку, с которой мне предстояло через несколько минут появиться на сцене, быстро побежал по лестничке к выходу из помещения.

Многочисленные артисты, разодетые в причудливые костюмы, были настолько поглощены своими собственными треволнениями, что не обратили на меня внимания. Я добежал до гардеробной, свернул влево и бросился вниз. Не дойдя до выходной двери, в темном узком проходе столкнулся с каким-то тоже спешившим человеком.

— Ты что бежишь, как... ишак? — узнал я по голосу Ипполита. — Выгнали, что ли?

— Нет, но... так...

Я не успел договорить, как на меня сзади кто-то налетел, едва не свалив нас с Ипполитом.

— Ярослав, твой выход, давай скорее! — Это был запыхавшийся Коля. — Куда ты исчез? Палка где, палка?! Ты что, струсил, что ли? Где палка?!

— Там, — глухо, но решительно ответил я и побежал наверх.

Через минуту я был уже на сцене. С длинной палкой в руке, в сванской шапчонке на голове и со шкурой медведя на плечах я был похож на настоящего взрослого свана.

Урядник — Отар, как и положено было по ходу действия, долго бранился в тщетном ожидании, что я отвечу ему заученной репликой. Но я молчал. Тогда «урядник» подошел ко мне и грубо начал выталкивать из кабинета, щедро награждая пинками и руганью.

— Ну что, ты все забыл? Как тебе не стыдно? — набросились буквально все, как только меня вышвырнул из «кабинета» урядник.

— Успокойся, — умолял Коля, — ты же мужчина! Вдруг я встрепенулся и вспомнил свою роль.

Я живо повернулся, выскочил на сцену, залпом выпалил все, что нужно было сказать при первом появлении, и тут же; ударив по голове перепуганного Отара, убежал. В зале раздались хохот и рукоплескания. По всему было видно, что зрителям мой выход понравился. Я тогда еще не понимал, что аплодировали человеку, который осмелился бить царского чиновника, и приписывал все аплодисменты себе.

— Ты все провалил, — вывел меня из ложного самомнения Коля, всплеснув руками.

— Ничего не провалил, — возразил Ипполит, почему-то торчавший все время за кулисами. — Он лучше всех сыграл. Он

так ударил Отара, что тот будет помнить...

Тут я только вспомнил еще об одном досадном упущении: я должен был ударить «урядника» по правой части головы, там, где у него под фуражкой была подстелена вата, но стукнул по левой.

Тем временем кончился первый акт, занавес опустился, сопровождаемый рукоплесканиями и многочисленными выкриками одобрения. Отар пришел за кулисы. Я кинулся к нему.

— Ты сыграл ничего, — спокойно сказал он, глянув на меня.

— А палка нак?.. Больно? — нерешительно спросил я.

— Палка? — Отар расхохотался. — Я знал, с кем дело имею, и упросил гримера всю голову обложить ватой.

Обрадованный, я быстро привел себя в порядок и, едва дождавшись конца следующего акта, бросился в зал. Мы с отцом обнялись и поцеловались.

— А это мой отец, Яро, — обратился ко мне Володя Дбар, — познакомься.

Наши отцы прибыли на одном и том же автобусе, курсировавшем между Сухуми и Гагрой. В пути они уже познакомились. Отец Володи Джамал был сухощавый, пожилой человек, небольшого роста, с тонкими чертами лица. Он взял меня за плечи по абхазскому обычаю и обнял.

— Как учишься? — спросил Джамал, когда церемония знакомства бьига окончена.

— Ничего, хорошо, — моргнул мне Володя, боясь, что я начну жаловаться на наши трудности в учебе.

Но Джамал оказался человеком не назойливым и тут же перешел к шуткам о спектакле.

Все же я рассказал отцу о своих неудачах. Он ничего мне не ответил, но на следующий день вместе со мной побывал у директора интерната.

К моему великому удивлению, Николай Николаевич не только не выругал меня за неуспеваемость, но, наоборот, похвалил за упорство.

— Ничего, ничего, — говорил он отцу, — позанимается на каникулах и нагонит. А вот с поведением у него...

— Он мне говорил, что подрался с каким-то Джихом, — начал было отец.

— Дело не в Джихе. Это уже забыто. Именно уже, — подчеркнул Николай Николаевич. — На него тут отец Феофилакт жаловался. Конечно, религия — опиум для народа и так далее и тому подобное... Но это, извините, недопустимое озорство...

И Николай Николаевич подробно рассказал отцу историю, о которой я сам почти позабыл. Как-то в воскресенье, когда мы всем классом высыпали на берег моря, странная фигура в женском

одеянии привлекла мое внимание. Неуклюже балансируя и высоко поднимая подол длинного блестящего платья, человек осторожно пробирался по влажному песку и делал при этом такие уморительные движения, что я покатился от хохота,

— Ребята, что это за чучело? — громко спросил я, вспомнив, что в Ажаре выставляли на огороде чучела, чтобы отпугнуть бродивших в окрестностях медведей.

— Это отец Феофилакт, — шепнул Коля.

В Сванетии никто не называл попов отцами. И сванские попы одевались так, как одевается любой сван, и также ковырялись в земле. Только во время богослужения священник набрасывал на себя коротенькую ризу.

— А чей он отец? — спросил я, но ответа не получил.

Странная фигура подошла к нам, уставилась на меня заплывшими глазами и вдруг протянула

к моим губам пухлую, нестерпимо сладко пахнувшую руку.

Никогда в жизни до этого мне не приходилось нюхать ни духов, ни одеколона. Никогда ни отец, ни дед не целовали руку попу.

— Ты кто — черт? — опросил я и отвернулся.

Священник оторопело поболтал в воздухе протянутой рукой и, обозлившись, огрызнулся по-грузински:

— Сам ты сатана и безбожник!

В тот же день он пришел в интернат и пожаловался на меня директору. Николай Николаевич славился в районе как старый атеист, и Феофилакт особенно не рассчитывал на его сочувствие. На всякий случай он оклеветал меня. По словам священника, я набросился на него и обругал последними словами.

Быт сванских семей не знает ругательств. Я всегда был очень чувствителен ко всякой лжи, и когда, не стесняясь моего присутствия, Феофилакт повторил свою клевету, я не выдержал. Можно было подумать, что я вот-вот наброшусь на клеветника.

— Разбойник! — в ужасе забормотал Феофилакт, глянув на мой сузившиеся от ярости глаза. — Форменный волчонок. Чур меня, чур меня! — испуганно закрестился он и покатился по лестнице, всячески понося и проклиная меня.

Николай Николаевич недоуменно пожал плечами, но на всякий случай сделал мне пространный выговор. Теперь он почему-то вспомнил об этом, и мне пришлось дать моему отцу честное слово никого больше не задевать.

— У вашего сына поведение неплохое, — обратился Николай Николаевич к Джамалу, который, войдя в кабинет директора, снял свой черный башлык и теперь сидел в углу. — Он бы был хороший ученик, но не знает русского языка... С языком у него не

совсем... — продолжил директор.

— Унах! — воскликнул по-абхазски Джамал, вскочив с места. — Когда он на каникулы в прошлом году приехал, ни с кем по-абхазски не говорил. Говорит, забыл... Мы из-за него по-русски научились.

Николай Николаевич рассмеялся, встал с места и подошел вплотную к Володе.

— Плохо будет учиться, женю его, женю — и больше ничето! Пускай занимается женой, — грозил Джамал, жестикулируя увесистой палкой.

— А в общем, дорогие отцы, у вас дети неплохие, совсем неплохие, — заключил Николай Николаевич, прохаживаясь по кабинету. — Они трудолюбивы, а это главное. Если нет трудолюбия, и талант не поможет, ничего не поможет. Ваши дети честно и много работают. Ну, пока трудно, не все удается... В этом виноват царь. Слишком долго он сидел на нашей шее и не давал возможности развиваться.

— Если не будет трудиться, с женой будет сидеть, а не учиться! — продолжал грозить Джамал, потрясая палкой.

— Дружба у них хорошая, — Николай Николаевич показал в нашу сторону, — они помогают друг другу. Над ними шефствуют хорошие ученики старших классов, за ними смотрит комсомол, и мы, преподаватели, не совсем даром едим хлеб. Так что не беспокойтесь, не беспокойтесь.

Директор очень тепло простился с нашими отцами. В коридоре Джамал все-таки угостил Володю палкой.

— Это тебе за обман! — проговорил Джамал при этом на абхазском языке, который я уже кое-как понимал. — Я из-за тебя русский язык выучил, а ты...

Впрочем, очень скоро он отошел. Когда мы вышли провожать родителей, Джамал обнял сына и раза два испытующе пощупал то место, куда так недавно нанес удар своей палкой. Не менее трогательно простились и мы с отцом. Автобус уже давно исчез за поворотом дороги, оставляя за собой столб пыли, а мы с Володей все еще смотрели ему вслед.

— Больно было? — нарушил я молчание, показав Володе на шишку, вскочившую на его голове.

— Нет, — гордо возразил Володя. — Я мужчина, и для меня такие удары пустяки. Но жалко отца. Он такие случаи очень долго переживает... Он уже старик... И жалко, что он себя очень будет ругать...

Слова Володи возбудили во мне мысль, над которой я раньше не задумывался. И мне отец всегда за дело, конечно, давал подзатыльники. И я вспомнил, что он сам обычно переживал

больше, чем мне они доставляли неприятностей и боли.

— Ладно, пойдем заниматься! — опомнился Володя, схватив меня за руку и потащив за собой. — За каникулы мы всех догоним!

— Будем заниматься все время.

— Давай, я согласен. — Володя шел впереди с высоко поднятой головой, словно одержал какую-то победу.

— Сейчас все уехали, нам мешать не будут.

— Да, да, мы одни будем все время заниматься.

Разговаривая таким образом, мы настолько подогрели друг друга, что мне свое тяжелое положение показалось совсем уже легким.

«Займемся в каникулы, пока другие гуляют — и двойкам конец», — думал я. А все остальное на свете рисовалось в розовом цвете.

Мы очень были удивлены, встретив в классе Тамару Пилию. Она училась хорошо и по праву должна была в каникулы уехать домой.

— Ты чего здесь, Тамара? — спросил первым Володя.

— Я из далекой местности, родители не смогли приехать, а одну не пустили, — вздохнув, ответила она своим тоненьким голоском, — я лучше позаймусь здесь вместе с вами.

— А зачем тебе заниматься? У тебя же «неудов» нет.

— Все равно надо заниматься, — возразила девочка, — можно же забыть пройденное, и тогда... может быть «неуд»... Да, ты знаешь, — обратилась Тамара ко мне, — твоего друга исключили из детдома.

— Кого? — воскликнул я, вспомнив сразу о «неудах» Бидзины и Сеита по русскому языку.

— Джиха, конечно! — звонко расхохоталась Тамара, видя мое недоумение. — Больше таких друзей у тебя нет...

— А-а-а... — облегченно вздохнул я. — А я думал...

Вскоре мы все трое уткнулись в свои учебники. Однако недолго нам пришлось заниматься. В дверях появилась Ольга Шмафовна. Мы, как обычно, вскочили с мест.

— Что вы здесь делаете? — спокойно спросила воспитательница, входя в класс.

— Занимаемся, Ольга Шмафовна, — неопределенно произнес Володя, — «неуды» же...

— Что вы, с ума сошли, что ли? — всплеснула она руками. — Каникулы для того, чтобы отдохнуть, а не для замятий. Первые три дня учиться не разрешаю, а потом я сама с вами буду заниматься. Отдых тоже нужен, иначе в голову ничего не лезет. Выходите гулять, играть, резвиться!..

Комсомол

Утром, перед началом уроков, Архип сказал мне, что сегодня будут разбирать мое заявление и мне надлежит быть на комсомольском собрании ровно в пять часов вечера. Хотя я давно готовился к этому важному событию в моей жизни, но слова секретаря меня взволновали. Я даже не заметил очередной шутки Коли Кемуларии, подкравшегося сзади и повесившего к моей спине плакат с надписью: «Я сван, ищу работы, могу копать канавы».

Сваны издавна считались хорошими работниками. До революции часто можно было видеть сванов с лопатами за спиной, ищущих заработка в Мингрелии, в Абхазии, Грузии и даже в Аджарии. Об этом знали все детдомовцы по рассказам взрослых и часто шутили над нами, тремя маленькими представителями сванов: мной, Сеитом и Бидзиной.

Когда я шел по коридору, товарищи заглядывали мне в лицо и хохотали. Перед классом Коля догнал меня и торжественно снял плакат. Но мне было не до шуток.

— Мое заявление сегодня... на собрании будут разбирать, — выпалил я.

— Знаю, — весело отозвался Коля, — очень хорошо. Тебе нечего бояться: «неудов» у тебя уже нет, проказы твои тоже давно были. Ну... почистят немножко, но принять должны, я думаю.

Наш разговор оборвал звонок. Мы побежали в свои классы.

Никогда я не бывал таким рассеянным, как в этот памятный день. Я еще и еще раз перебирал в памяти все: свое поведение, учебу, отношение к товарищам, к преподавателям, к старшим. С «неудами» я действительно справился еще к концу первого года обучения. В третий класс перешел без плохих отметок. Меня перестали считать отстающим. Однако с поведением не все было гладко. Конечно, драку с Джихом и Гегией давно забыли, но были более свежие случаи озорства.

Володя Дбар покончил с «неудами» одновременно со мной и перешел в третий класс. Но в селе, откуда он происходил, построили школу, и он перевелся учиться туда. Вместо него к нам посадили Виктора Манайю, способного ученика, но редкостного лентяя.

Дагмара Даниловна поручила мне «взять на буксир» Виктора.

Ежедневно после уроков я усаживался около Виктора и терпеливо начинал готовить с ним уроки. Манайя и секунды не мог спокойно усидеть на месте: он вертелся на стуле, то и дело вскакивал и подбегал к окну. Он пропускал мимо ушей все, что я

ему говорил, и откровенно зевал, когда я заставлял его слушать мои объяснения.

Когда ничто не отвлекало Виктора от занятий, он легко усваивал урок и даже удивлял меня своей памятью. Все горе было в отсутствии внимания и малейшего желания углубиться в предмет.

Гордый ролью репетитора, я, подражая взрослым, разговаривал с Виктором тем скрипучим и монотонным голосом, который отличал самого нелюбимого из наших преподавателей — математика, мрачного мужчину в синих очках, с редкой, как мочалка, вылинявшей бородой.

Терпению моему однажды пришел конец. Как-то Виктор нагло заявил, что заниматься больше не будет. Я начал уговаривать его. Он равнодушно слушал и, видимо, для того, чтобы позлить меня, смял промокашку и начал жевать ее. Я не выдержал и с размаху ударил Виктора по лицу.

Манайя выплюнул разжеванную промокашку и сказал обиженным тоном:

— Почему ты сразу не сказал мне, чтобы я не жевал и слушал твои объяснения?

Остаток урока прошел так, что я не мог не нарадоваться на моего ученика. Но неприятный случай этот на следующий день стал известен всему интернату. Еще через день в стенной газете интерната появилась смертельно уязвившая меня карикатура.

В этой карикатуре я изображен был в том костюме, в котором больше года назад приехал в Гагру. На мне была сванетка, рубашка навыпуск, галифе и чувяки и длиннущий кинжал, привязанный к поясу. Карикатура имела успех. У стенгазеты толпились школьники, и я слышал, как они покатывались со смеху.

Больше заниматься с Манайей мне не позволили. Архип целый месяц не разговаривал со мной, и только безукоризненным поведением и бурной общественной работой я заслужил его прощение.

Сила общественного мнения, осудившего меня после расправы над Виктором, очень взволновала меня. Каждое поручение, которое давал мне пионервожатый, я выполнял с рвением. Скоро я зарекомендовал себя и как активный член школьного антирелигиозного кружка.

Полугодие мне удалось закончить с отличными показателями и вполне благополучной оценкой поведения. Пощечину мне простили. «Но теперь могут вспомнить», — думал я. И чем больше я углублялся в воспоминания, тем больше находил всяких причин, затрудняющих вступление в комсомол: тут были и

грубости со старшими, и ослушания, и шалости, и другие вещи. Правда, все они имели сравнительно большую давность.

Заявление я подал по совету Архипа, который, вероятно, считал меня подготовленным для такого важного шага в жизни. Но вдруг встанет кто-нибудь из присутствующих и скажет, что меня нельзя принять в комсомол: «Какой же из него комсомолец, за ним все время надо смотреть да смотреть, как бы не нарушил порядок». Остальные могут согласиться, и тогда меня не примут... Какой это будет позор!

— Ну-с, а вы как думаете? — вплотную подошел ко мне преподаватель математики.

— Я — Павел Севол... я...

— Меня зовут, во-первых, Всеволод Павлович, а не наоборот, — нахмурил брови преподаватель. — Во-вторых, выйдите из класса! Все равно меня не слушаете!

Неожиданный удар меня совершенно обескуражил. Провожаемый сочувственными взглядами одноклассников, я вышел из класса, аккуратно закрыв за собой дверь.

«Ну, теперь все кончено, — подумал я. — В комсомол, конечно, не примут, да и с Николаем Николаевичем неизвестно как себя вести...»

В коридоре никого не было. Через верхнюю стеклянную часть двери соседнего класса было видно, что у доски стоял Юрий Погостинский. Он браво и почти односложными предложениями отвечал на вопросы преподавателя. Видно было, даже не слыша его слов, что отвечает он весьма удачно.

У Погостинского учеба шла много хуже, чем у меня. Он все еще вел битву с «неудами». Но в эту минуту я завидовал ему. Юрий заметил меня. Он сделал удивленное лицо, вытаращив свои черные глаза.

Я отскочил от двери.

— Ты почему не занимаешься? — услышал я сзади знакомый голос. Около меня стояла Ольга Шмафовна. Она откинула назад свои волосы и придерживала их правой рукой.

Я рассказал обо всем воспитательнице. Вопреки ожиданиям, она не рассердилась и, как мне показалось, стала даже ласковее.

— Да, это событие большое, — многозначительно произнесла она после минутной паузы. — Ты мог волноваться, конечно, но... Ну, ничего, ты же знаешь, что Всеволод Павлович человек добрый. Я ему все объясню, он простит.

— А на собрании? — ободренный неожиданным участием Ольги Шмафовны, заинтересовался я.

— Товарищи поймут, — улыбнулась руководительница. — Тем более, если Всеволод Павлович простит. Ты непременно

перед ним извинись и расскажи все, как мне рассказал, хорошо?

— Хорошо! — обрадовался я неожиданным поворотом дела.

Всеволод Павлович сухо принял мои извинения и сердито уставился в меня глазами, словно говоря: «Ну, послушаю, что ты еще скажешь в свое оправдание». Однако к концу моего повествования добродушно улыбнулся, отошел от меня и зашагал по учительской комнате.

— Это бывает, молодой человек! — заключил он, вытаскивая из бокового кармана часы на медной цепочке, которая в нескольких местах была порвана и стянута черной ниткой. — Когда у вас собрание?

— Ровно в пять, — быстро и не без робости ответил я.

— Я приду на собрание, — еще раз глянув на часы, сказал Всеволод Павлович.

«Ну вот, еще одного противника позвал», — подумал я, выходя из учительской комнаты, куда шел с надеждами, вселенными в меня воспитательницей.

Председатель собрания дал слово Архипу Лабахуа, как секретарю комсомольской организации. Архип прочитал мое заявление, коротко рассказал о том, что он со мной подробно беседовал и считает меня подготовленным к вступлению в комсомол. Затем мне было предложено рассказать свою биографию и задали несколько вопросов, на которые я, хотя и смущался и все время краснел, но отвечал бойко.

— Кто хочет высказаться? — спросил председатель.

В зале на мгновение водворилось молчание. Никто не изъявлял желания первым выступать.

Я украдкой глянул на Виктора Манайю, беззаботно сидевшего в углу, у выхода из зала. Выступать он, видимо, не собирался. Затем мои глаза невольно отыскали высокую и сухопарую фигуру Всеволода Павловича. Он сидел впереди, в правой руке держал роговые очки и, казалось, ни на кого не обращал никакого внимания. «Тоже не выступит, наверное», — подумал я.

— Разрешите мне! — услышал я тоненький голосок Тамары Пилии. — Я скажу...

Она решительно вышла вперед и удивительно смело заговорила:

— Иосселиани к нам пришел очень... ну... отсталым таким... С ним даже трудно было дело иметь... Он обижался, ругался и даже... дрался. Учиться тоже не... мог. Но он взялся за дело, как положено, и стал хорошим учеником. Сейчас он...

— Это заслуга воспитателей и учителей! — бросил кто-то реплику.

— Неправда, — возразила Тамара, — не только воспитателей.

Если человек сам не берется, одни учителя не помогут, все равно ничего не выйдет.

— Правильно! — довольно громко сказал Всеволод Павлович.

— Мы с Джихом сколько возились? — продолжала Тамара. — Но ничего не вышло. В общем я предлагаю принять в комсомол ученика Иосселиани.

— Кто хочет еще сказать? — коротко спросил председатель.

Снова водворилось молчание.

— Разрешите мне! — крикнул Юрий Погостинский и, не дожидаясь согласия председателя, начал пробираться к столу президиума, слегка расталкивая локтями туго набившихся в помещение учеников.

Я с необыкновенным волнением ждал, что же скажет Юрка Гость, как мы его прозвали в шутку.

В том, что он меня поддержит, я нисколько не сомневался и в душе был очень рад его порыву.

— Товарищи, я хорошо знаю Иосселиани, с ним даже дружу. Я думаю, его рано принимать в комсомол, — как громом поразили меня слова нового оратора. — Вспомните его проказы! Разве они похожи на поступки комсомольца? Я думаю, нет...

Погостинский вспомнил об одном, неприятном для меня случае. В ту пору между Старой и Новой Гаграми курсировало несколько извозчиков. Мальчишки не упускали случая пристроиться на задних рессорах пароконных фаэтонов.

Заметив такого непрошеного пассажира, извозчик оборачивался и начинал яростно щелкать кнутом. Мальчишка стремительно соскакивал и, как правило, отделывался лишь испугом. Как бы ни был рассержен извозчик, он никогда не позволял себе ударить ребенка.

Исключение представлял лишь хромой Чхония, аджарец, которого мы, детдомовцы (как иногда именовали воспитанников интерната), люто ненавидели.

У Чхонии был самый шикарный фаэтон в Гагрё. По вечерам он зажигал свечи в приделанных к облучку фонарях, и все знали, что это едет Чхония. Себя он важно называл лихачом, хотя на ободах его фаэтона были не дутые, а самые обыкновенные шины. Гагринских извозчиков он презирал, за проезд брал вдвое дороже других.

— Я тебе не извозчик, — говорил он торгующемуся пассажиру. — Возьми себе обратно свою паршивую трешку. Ты у людей спроси, какой я человек! Меня в Тифлисе на Головинском видели... На дутиках... Я самого господина пристава, его благородие, возил... Мне по морде три раза давал, — с непонятной гордостью добавлял он и со вздохом заканчивал: —

Такая жизнь была! В царское время...

Он прикладывал грязные пальцы к губам и восхищенно чмокал, словно целуя их.

«Зайцев» он не выносил и, обнаружив, беспощадно хлестал длинным, как у пастуха, бичом.

Мы не упускали случая чем-нибудь досадить хромому аджарцу.

Как-то на шоссе, увидев проезжавшего мимо Чхонию, мой приятель Зухба побежал за экипажем и начал кричать самым невинным голосом:

— Дяинька, а дяинька! К вам мальчишки подцепились!

Чхония обернулся и принялся яростно нахлестывать воображаемых «зайцев». Он бил настолько злобно, что поломал кнут. В восторге мы начали приплясывать и хлопать в ладоши.

Убедившись, что его обманули, Чхония тяжело слез с облучка и, подобрав камень, швырнул в нашу сторону. Но камень до нас не долетел. Чхония нагнулся и поднял второй.

— Что, мы будем смотреть на него? — возмутился я. — Разве на дороге мало камней?

На сварливого извозчика обрушился целый град камней. Впрочем, попал в него только один камень, и я был горд, что оказался куда более метким стрелком, нежели мои одноклассники. Чхония закряхтел и погнал лошадей. Но мы недолго торжествовали победу.

Через час он был у директора. Отказываться от своих проступков было не в моем характере. Да и Зухба Маленький (в классе был еще один Зухба, которого называли Большим), проявив неслыханное мужество, признался, что обманул извозчика, крикнув, что к нему на рессоры забрались мальчишки.

Директор долго читал нам нравоучения. Конец его речи был суров: мне и Зухбе Маленькому два воскресенья подряд запрещалось отлучаться из интерната.

Оба эти воскресенья мы с Зухбой Маленьким проскучали в школьном саду. Зато на третье вместе с группой одноклассников предприняли недалекое путешествие в Старую Гагру.

На окраине города у водопоя мы увидели фаэтон Чхонии. Сам он стоял около лошадей и оживленно разговаривал с каким-то стариком. Фаэтон был вплотную прижат к опутанному проволокой забору.

Я сделал предостерегающий жест. Товарищи спрятались в кустах. Сам же ползком пробрался к забору и, не замеченный извозчиком, крепко-накрепко обмотал проволокой обе задние рессоры.

У колоды, из которой крестьяне и извозчики поили коней,

стояла длинная очередь. Был праздничный день, и прошло много времени, пока подошел черед Чхонии поить лошадей. Он взобрался на козлы и взялся за вожжи. Лошади дернули, но тут же остановились. Раздосадованный Чхония сердито взмахнул кнутом, и сыромятный ремень со свистом хлестнул по застоявшимся коням. Удар заставил лошадей рвануться что есть силы, и фаэтон, словно репа, вытаскиваемая из земли, закрутился на месте и вдруг двинулся вперед, волоча за собой вырванный вместе со столбами забор.

Это было ни с чем не сравнимое зрелище. Осыпающий нас проклятиями извозчик, вставшие на дыбы лошади, забор, опрокинувшийся на экипаж и подмявший его, звон стекол разбитого фонаря и мы, отплясывающие на шоссе какой-то дикий танец...

В тот же вечер Николай Николаевич вместе с Чхонией пришел в столовую. Мы сидели за чаем.

— Встать! — скомандовал дежурный.

Мы встали.

— Кто? — спросил директор и протер стеклышки своего золотого пенсне.

Чхония мрачно поглядел на кажущиеся совершенно одинаковыми лица школьников, с минуту подумал и вдруг ткнул узловатым пальцем в ни в чем не повинного ученика.

Мне стало стыдно. Не раздумывая, я вышел вперед и громко сказал:

— Это я сделал, Николай Николаевич, а не он. Честное слово! — поклялся я, боясь, что мне не поверят.

— Опять сван напроказил, — недовольно уставился на меня директор. — Ну куда это годится!..

— Зачем сван? — удивился Чхония. — Неужели этот разбойник — сван? Ну, теперь я все понимаю...

На шишковатом лице извозчика мелькнула тень испуга: дурная слава сванов давно дошла до него.

— Я вас очень прошу, батоно, — торопливо обратился он к директору, — совсем забывать, что на него жаловался.

— Нет, почему же? — запротестовал Николай Николаевич. — За такие шалости мы всегда наказываем:

— Ты будешь наказывать, а он меня резать будет, — обиженно сказал извозчик. — Большое спасибо!..

Он был настолько расстроен, что вышел, даже не попрощавшись с директором.

Николай Николаевич произнес длинную речь, из которой следовало, что если я не исправлюсь, то меня выгонят из интерната. Я молча выслушал не очень приятное сообщение о

том, что снова на две недели лишаюсь отпуска в город...

— Вы все помните этот случай, — продолжал Юрий свое выступление, — дважды его разбирали на пионерском собрании и...

— Это было давно, с тех пор за Иосселиани замечаний нет! — с ноткой возмущения в голосе крикнул с места обычно выдержанный Коля Кемулария, поддержанный возгласами одобрения нескольких товарищей.

— Тише, товарищи! — вмешался председатель. — Каждому будет дано слово!

— Хорошо! Пусть это было давно! — продолжал Погостинский. — А сегодня почему Иосселиани выгнали из класса? Он нам об этом ничего не рассказал. И Пилия, которая учится в том же классе, могла бы об этом рассказать.

Если реплика Коли меня несколько ободрила, то упоминание о том, что меня только сегодня выгнали из класса, снова омрачило и свело на нет все мои надежды. Лица всех сразу как-то вопросительно обратились ко мне. У Архипа, я видел, даже глаза расширились. Ничего утешительного я не смог прочесть и на лице Всеволода Павловича, который сверкнул на меня своими, как мне показалось, очень злыми глазами, быстро надел очки и поднял голову, словно собрался уходить.

— Думаю, о сегодняшнем случае надо предложить Иосселиани рассказать собранию. Предложение мое: пока, до полного исправления, Иосселиани отказать в приеме в комсомол, — закончил выступление Юрий.

— Что у тебя было сегодня? — несколько снисходительно и сочувственным тоном обратился ко мне председатель. — Расскажешь нам?

Я встал и приготовился идти к столу президиума, усиленно перебирая в голове все возможные варианты изложения случая на уроке математики.

— Разрешите, я расскажу, товарищ председатель! — встал с места Всеволод Павлович. — Я знаю все.

— Пожалуйста, просим, Всеволод Павлович! — Председатель, казалось, обрадовался и с большим удовольствием дал слово вместо меня преподавателю.

— Думаю, что не все здесь правы, — начал преподаватель, тщательно протирая стекла своих очков, — Иосселиани хороший ученик. Да, его так и надо считать, молодые люди. Вспомните, кем он пришел. Вы меня извините, я не комсомолец, беспартийный человек, и, может быть, не так выражаюсь, но он был дикарь. А теперь? А теперь он... ну, можно сказать, культурный ученик. А трудолюбие? Позавидовать надо даже тебе,

Погостинский! Мне не нравится, как ты говорил. Нет, не нравится! Вспомнил старое и не к месту. А сегодня я удалил Иосселиани из класса... ошибочно. Не надо было его удалять. Он мне рассказал причину, и я ее признаю уважительной, а собрание, думаю, об этом может и не знать. Будем уважать самолюбие ученика.

После речи Всеволода Павловича мое настроение изменилось.

— У Иосселиани много недостатков, но их легче и сподручнее устранять в комсомоле, — говорил в своем выступлении Ипполит Погава. — Я за ним слежу все время, он из тех, кто активно устраняет свои недостатки. Это самое главное. Он трудолюбив и очень активный.

— Активен даже слишком, — бросил кто-то реплику, вызвавшую общий смех.

После Ипполита выступило еще несколько человек. Все они указывали на мои недостатки, но сходились на том, что меня надо принять в комсомол. Вопрос был поставлен на голосование. Я был принят единогласно. Даже Погостинский в конце концов голосовал за прием.

Не помню, как я вышел из зала. Меня все поздравляли и от души желали успехов. Одними из первых пришли меня поздравить Сеит и Бидзина, который раньше всех изучил когда-то казавшийся ему непосильно тяжелым абхазский язык и нарочно говорил со мной только на нем.

В училище

Поезд подходил к Ленинграду, но нам все еще не верилось, что скоро мы своими глазами увидим этот город. Смольный, Зимний дворец, крейсер «Аврора»... Все это было знакомо по книгам. И вот теперь мы, посланцы комсомола, подъезжаем к этому овеянному славой городу.

На перроне какой-то пригородной станций, мимо которой наш поезд промчался без остановки, мы заметили двух матросов.

— Завтра и мы наденем такие! — мечтательно произнес я, указав на белоснежные форменки моряков.

— Еще экзамены надо сдавать, — многозначительно отозвался белокурый худощавый паренек Миша Семенов, покосившись на меня.

— Сдадим, — самоуверенно возразил я. — Костьми ляжем, а сдадим!

— Легко сказать... Как-то будут спрашивать. Если не знаешь, как ни ложись, все равно не сдашь.

— Ведь перед каждым экзаменом будут давать время на подготовку. Днем и ночью будем заниматься.

— Всяко может быть...

— Времени не дадут, — вмешался кто-то в наш разговор. — Сразу экзамены — и все.

— Ну, уж это мы не позволим! — решительно заявил молчаливый Федя Видяев, — изберем делегацию, поговорим с начальством, отстоим свои права.

Мы все согласились с Федей.

На вокзале нас встретил мускулистый человек с широким, грубоватым лицом. На его рукавах были три узкие золотые нашивки. Пока мы выходили из вагона, он безмолвно и, казалось, безучастно стоял на перроне и наблюдал за нами.

— В две шеренги стройся! — словно ожив, скомандовал человек с золотыми нашивками властным и резким голосом, когда наши вещи были уложены на машину, а мы сгрудились в кучку.

Повинуясь приказанию, мы, толкаясь и суетясь, кое-как построились.

— Фамилия моя Солнцев, зовут Николаем Константиновичем. Я назначен к вам старшиной, — отрапортовал он все тем же резким голосом.

После этого он медленно прошелся вдоль строя, пытливо всматриваясь в каждого из «нас. Дойдя до меня, оглядел мою широкополую фетровую шляпу, которую я недавно приобрел и

носил на манер американских ковбоев. Еле уловимая улыбка как бы случайно блеснула на его лице. После этого он скомандовал: «На-право, шагом марш!» — и повел нас в город.

Мы ожидали, что сразу же посмотрим город, но старшина миновал Невский проспект и повел нас по каким-то закоулкам.

Мы были слегка разочарованы. Однако за оградой флотского экипажа нас ждали и другие неприятности.

— В город нас не пустят. Отпускать будут не скоро и только по воскресеньям, — сообщил нам кто-то из наших товарищей.

Это показалось нам несправедливым. Было решено выбрать делегацию и поговорить с начальством. Мы хотели немедленно же посмотреть город.

Теперь, вспоминая свои первые шаги в военной жизни, я задумываюсь о том, что нашим командирам пришлось очень потрудиться, чтобы привить нам первые представления о воинской дисциплине.

Выстроив нас во дворе, старшина Солнцев подтвердил справедливость слухов, что увольнения начнутся только через две недели, и объяснил распорядок дня.

Как и на вокзале, он прошелся перед строем, испытующе заглядывая в глаза каждого. Когда он подошел ко мне, я попытался заговорить. Зная уже, что прежде чем задать вопрос, военный человек должен спросить разрешения у своего начальника, я сказал:

— Можно спросить?

— Не разрешаю! — сухо ответил Солнцев. — В строю никаких вопросов! Запомните это.

Я помрачнел, но сдержался. Как только была подана команда «разойдись», подошел к старшине и спросил:

— В город нельзя, но как же послать домой письмо или телеграмму? Или и это запрещено?

— У нас своя почта. Вот перед вами, пожалуйста, — и он указал на вывеску почтового отделения. Старшина, конечно, уловил в моем голосе нотки раздражения и ответил мне резко и строго.

Вечером он снова выстроил нас и объявил, что утром отведет всех нас в учебный корпус, где мы будем сдавать экзамены по математике.

Мы все в один голос потребовали специального времени для подготовки.

— Как же мы будем сдавать экзамены без подготовки? Все провалимся! — возмущался больше всех Миша Семенов.

— Смирн-о-о-о! — оборвал разговоры Солнцев. — Вы на военной службе! Кто не хочет сдавать экзамен, шаг вперед!

Никто, конечно, шага вперед не сделал. Все молча смотрели на старшину.

Кричавший громче других Миша Семенов съежился. В его круглых серых глазах были недоумение и страх.

— Так-то! — на лице Солнцева показалась улыбка и тут же исчезла. — Помните, что вы на военной службе! Ясно?

— Так точно, ясно! — ответил я.

— Не разговаривать в строю! Старшина кинул на меня суровый взгляд.

— С этим, значит, покончено, — подытожил он, — завтра будете сдавать математику. Второе: с сегодняшнего дня будете назначаться на дежурно-дневальную службу. — Старшина отыскал меня глазами. — Вы будете дневальным по гальюнам...

— Знаешь, что это такое? — тихонько шепнул Семенов, поворачивая голову в мою сторону. Я кивнул.

— Не мотайте головой! Вы в строю! — обрушился старшина на Семенова. — Вы будете помогать своему товарищу.

Когда была подана команда разойтись, мне и Семенову показали гальюны. Предстоящая работа показалась нам унизительной, и мы были слегка растеряны. Товарищи искоса с любопытством посматривали на нас, но никто из них не решился на обычные в таких случаях дружеские насмешки по нашему адресу.

— Такая уж наша судьба. Начнем, — глубокомысленно предложил Миша Семенов.

— Начнем, — согласился я. — Морская служба, говорят, начинается именно с этого... с гальюна.

И мы принялись за дело.

— А откуда ты знаешь, что морская служба с этого начинается? — после долгого молчания спросил меня Семенов.

— Пробовал уже служить, — объяснил я и принялся рассказывать историю моего плавания на теплоходе «Абхазия».

Стать моряком я мечтал с тех пор, как узнал, что существует море и что по нему плавают корабли. После окончания школы-интерната я поступил в педагогическое училище, но вскоре сбежал из него на теплоход «Абхазия», делавший регулярные рейсы между Одессой и Батуми. Никогда в жизни я не испытывал такого душевного трепета, как в тот день, когда мы с Сашей Дживилеговым — моим товарищем по училищу, сбежавшим вместе со мной, — пришли наниматься в матросы к старшему помощнику капитана «Абхазии». Пока мы шли по огромному теплоходу, Саша твердил мне тревожным шепотом:

— Может, вернемся, Яро? А? Может, не стоит, а?

Это «а» Саша в минуты сильного волнения неизменно

прибавлял к каждой фразе.

Старший помощник капитана оказался хмурым человеком с торчащими, как у моржа, усами и квадратным подбородком. Мы нашли его в каюте. Он сидел на стуле около стола. На нас он не обратил ни малейшего внимания, даже не ответил на наши почтительные поклоны. Он распекал какого-то невзрачного, лохматого и чумазого человечка.

Человечек стоял, опустив руки по швам, и время от времени повторял одно и то же:

— Слушаюсь, товарищ помощник.

Мы тщетно пытались разгадать, в чем он провинился.

— Придется заставить вас вылизать палубу языком, — не подымаясь со стула, говорил старший помощник, — или выбросить вас вместе с вашими учениками за борт. Наверное, вы так и не приведете палубу в порядок.

Угрозы эти, казалось, не произвели на лохматого впечатления. Уродливое лицо его почему-то вдруг приняло довольное выражение, и он, повторив еще раз: «Слушаюсь, товарищ помощник», как-то незаметно исчез из каюты.

Мы, переминаясь с ноги на ногу, топтались около дверей.

— Зачем пришли? — спросил нас усатый. — Учениками хотите стать?

— Учениками, — дружно повторили мы.

— Книжечек начитались? — фыркнул, как рассерженный морж, старший помощник. — Морскими волками хотите стать? Откуда выгнали? Родители отпустят? А впрочем, сами не маленькие. Комсомольцы? Так, так...

Помощник капитана продолжал расспрашивать нас, и мне вдруг показалось, что он не такой уж злой человек. Во всяком случае, глаза у него были умные, приветливые.

— Вот что, ребята, — неожиданно заговорил он совсем иным тоном, — боюсь, что вы и понятия не имеете, что такое морская служба. Вам, может, форма нравится?.. Думаете, как бы поскорее надеть форменку да пройтись по парку?..

Нам не удалось вставить ни слова. Старший помощник слушал только себя. Так и не дав нам вымолвить ни слова, он вызвал тщедушного моряка с морщинистым, будто чем-то обиженным лицом.

— Вот пришли наниматься в ученики. Сведите их, боцман, к Османэ.

Боцман кинул на нас безразличный взгляд и махнул рукой, чтобы мы шли за ним.

Мы прошли в противоположный конец теплохода и остановились перед какой-то каморкой.

— Османэ, учеников привел! — крикнул боцман через закрытую дверь и тотчас же исчез в одной из кают.

Мы, переглянувшись, вошли к Османэ. Он сидел за маленьким столиком, заваленным какими-то бумагами и хламом. Османэ разительно переменился: в каюте старшего помощника он был робким и приниженным, здесь же — суровым и неприступным.

— Подождите, — бросил он. — Там где-нибудь подождите.

Мимо нас прошел узкоплечий парень с приятным, веселым лицом. Он вошел к Османэ и довольно долго пробыл там. Выйдя, кивнул нам, чтобы мы заходили, и снова вошел следом за нами.

— Талькин, помести их в двадцать второй, — распорядился Османэ. — Будете пока в распоряжении старшего по гальюнам, — пояснил он нам.

— Надо разыскать для вас спецовки, — озабоченно проговорил Талькин и куда-то исчез.

Через минуту он вернулся с двумя спецовками и повел нас в двадцать вторую каюту. Здесь стояло шесть коек, на одной из них лежал паренек нашего возраста. Вид у него был изможденный.

Дживилегов подтолкнул меня локтем, и оба мы вздохнули.

— А ты знаешь, что такое гальюн? — вполголоса спросил Саша.

Я прочел несколько романов о морской службе и поэтому мнил себя чуть ли не морским волком.

— Гальюн — это... одна из мачт, — ответил я.

— Ведь на «Абхазии» нет мачт, — растерянно возразил Саша.

Появился Талькин, и мы прекратили разгоревшийся было спор.

— Что же вы, ребята, не одеваетесь? — спросил Талькин, кивнув на спецовки.

Мы натянули на себя парусиновые штаны и форменки. Какая-никакая, но это была морская форма, и поэтому мы оба испытали гордость.

— Ну, пошли! — нетерпеливо проговорил Талькин, не без интереса поглядывая на нас.

— Куда спешите, ребята? — спросил нас рыжеволосый парень, видимо, как и мы, ученик, попавшийся нам навстречу.

— В гальюн, — горделиво ответил Дживилегов. Рыжеволосый удивленно оглянулся на нас, потом громко захохотал.

Только спустя две или три минуты мы сообразили, чем был вызван этот смех. Вместе с Талькиным мы пришли в уборную третьего класса.

— Придется торопиться, хлопцы. Скоро пассажиров будем сажать.

— Мы ж в гальюн шли? — растерянно пробормотал Саша.

— Вот именно! — подтвердил Талькин. Заметив, что мы смущены, он дружески похлопал Дживилегова по плечу. — Не теряйся, хлопец. Все прославленные моряки начинали с этого дела.

Талькин объяснил нам, как надо работать, предупредив, что посмотрит, как у нас пойдет дела, и вышел.

Я взял в руки брандспойт и принялся поливать стены. Дживилегову же пришлось взять паклю и вытирать ею деревянные части гальюна. Паклю он держал в двух вытянутых пальцах.

Мы проработали минут двадцать. Неожиданно в гальюн пришел старший помощник. Он понаблюдал за нашей работой, потом спросил:

— Ну как, привыкаете? — И тут же добавил: — Нет, не так. И эта работа сноровки требует.

Взяв у меня брандспойт, он принялся ловко им орудовать. Потом отобрал у Саши паклю, стал на колени и начал вытирать унитаз.

— Вот так надо работать, — бросил он в заключение и вышел из гальюна.

Судя по всему, Османэ оценил нашу старательность.

Через несколько дней, кроме гальюна, он поручил нам уборку части палубы. Мы работали, не щадя сил: «драили» до нестерпимого блеска медные части, скоблили палубу, мыли изразцовые стены.

Но плавать на «Абхазии» нам пришлось недолго. Нас вернули обратно в педагогическое училище...

Рассказывая обо всем этом, я как бы ободрял себя и товарища. Миша Семенов слушал меня очень внимательно.

— Как же вас заставили вернуться в училище? — спросил он меня, выключая брандспойт.

— Вызвал к, себе секретарь обкома комсомола Платон Авизба. Он знал меня еще по интернату. А потом он же объявил мне, что из меня никакой педагог не получится, и предложил попытать счастье в военно-морском училище...

— Так ты приехал «попытать счастье», а не учиться. Теперь ясно, — Семенов попытался через силу улыбнуться.

— Нет, учиться, — горячо возразил я.

— Работаете? — в дверях показалась голова Солнцева.

— Так точно! — в один голос ответили мы.

— Для первого раза неплохо! — покровительственно похвалил старшина, обойдя все уголки гальюна. — Вот унитазики протрите еще раз. Потом проверю!

Математику мы сдали без предварительной подготовки, как и

все последующие экзамены, а спустя неделю в торжественной тишине выслушали приказ о зачислении нас на первый курс училища.

— Наше училище не просто школа военных моряков, — в тот же день вечером объявил нам, расхаживая перед строем, Солнцев. Говорил он с заметным апломбом и, казалось, заученными фразами. — Его история берет свое начало с петровских времен. Здесь учились и стали великими, замечательными людьми победитель турецкого флота адмирал Нахимов, защитник Севастополя генерал Корнилов, составитель известного словаря Даль, композитор Римский-Корсаков; великие путешественнику Лазарев, Челюскин, Крузенштерн, Беллинсгаузен и... кто знает, сколько еще вырастет здесь прославленных моряков. Главное и основное: хорошо, прилежно учиться. Учиться не только грамоте, но и дисциплине. Человека без дисциплины с трудом можно назвать человеком, а военного человека тем паче... Завтра наденете нашу славную военно-морскую форму. Потом выедем в летние лагеря. Будем вас учить строевому делу. С непривычки придемся трудно. Очень трудно... Наша с вами служба вообще тяжелая, но и почетная!

— Насчет трудностей мы уже осведомлены, — шепнул я своему товарищу Видяеву, стоявшему рядом со мной.

— Похлеще будет, судя по речи Грозы морей, — ответил Видяев.

Между собой мы уже Солнцева иначе не называли, как Гроза морей. Разумеется, старшина и не подозревал об этой кличке.

Больше всего взволновало нас известие о предстоящем получении военно-морской формы. Мы с трепетом ждали момента, когда, наконец, увидим себя в ней.

На другой день нам действительно выдали военную форму, но она оказалась не похожей на ту, о которой мы мечтали. Это была рабочая одежда из грубого полотна. И только форменный воротник и бескозырка кое-как примирили нас с ней.

Одетые в светло-серые робы, мы неуклюже, как гуси, ходили по двору, едва узнавая друг друга.

— Да-а, — Видяев окинул меня пытливым взглядом, — мы смахиваем на каких-то арестантов... Только вот бескозырка и...

— Станови-ись! — услышали мы властный голос Солнцева.

— Вздохнуть некогда, — буркнул Видяев. — Все по минутам рассчитано: не успел одно сделать, давай другое.

— Жива-а! Жива-а! — подбадривал старшина. — Положено становиться в строй бегом, а не ползать гагарами!

Не прошло и получаса, как мы строем вышли за массивные ворота флотского экипажа и направились к железнодорожному

вокзалу.

Командуя нашей колонной, старшина все время делал замечания то одному, то другому. Это нас раздражало. Мы шли по городу, на нас смотрели люди, среди которых были девушки и молодые люди.

— Видать, дадут нам такого «дрозда» в этих лагерях, что не раз вспомним гражданскую волю, — шептал мне по пути Видяев.

На следующий день в шесть часов утра раздался пронзительный сигнал побудки.

— Форма одежды — трусы! Бегом во двор! — скомандовал дежурный.

— Как трусы? — нехотя слезая с койки и сдерживая дрожь, спросил я у дежурного.

— Марш во двор! — гаркнул на меня неизвестно откуда появившийся Солнцев.

Я выронил из рук брюки, которые все же намеревался надеть, и опрометью кинулся вон.

Батальонный двор встретил нас насупленным безрадостным утром. Небо затянула серая пелена. Холодные капли падали на наши голые плечи.

В одних трусах нас заставили пробежаться к ручью, протекавшему в километре от лагеря. Вода в ручье вызывала дрожь. Но делать было нечего, — пришлось умываться. Глинистый и довольно крутой берег размок от дождя, удержаться на нем было трудно. Каждый из нас рисковал плюхнуться в ледяную воду.

Однако, кроме Видяева, все избежали этой неприятной участи. Он же, неловко повернувшись, сорвался в воду. Выкарабкиваясь и вновь скатываясь в ручей, он вспоминал всех чертей на свете.

— Помолчите! — крикнул старшина.

— Как?.. Мне молчать? — недоумевал Видяев, стоявший в воде с облепленными глиной руками. — Это бесчеловечно, я теперь наверняка заболею.

Мы разделяли его негодование...

После завтрака нас построили. Командир батальона, поздоровавшись с нами, сказал:

— Я командую вами всего один день, однако уже обнаруживаю отсутствие воинской дисциплины. Курсант Видяев вступил в пререкания со старшиной...

Ко всеобщему удивлению, командир батальона не только не посочувствовал пострадавшему Видяеву, но объявил ему выговор перед строем.

— За подобные случаи впредь буду строго наказывать, — в

заключение сказал он. — На этот раз ограничусь выговором, учитывая неопытность курсанта.

— Куда уж строже, — буркнул про себя Видяев, — ни за что выговор дают...

Мы все были на стороне Видяева.

После завтрака нас вывели на плац, на котором нам с этого дня предстояло познать всю строевую науку бойца, науку, которую так часто и совершенно неправильно недооценивают малосведущие в военном деле люди. Ведь не что другое, как строевая выучка, определяет лицо военного человека, его личную дисциплину, требовательность, внешний вид, выправку и прочие боевые качества воина. Но тогда я и мои товарищи, к сожалению, не понимали этого.

Из нас были сформированы отделения, взводы и роты. Назначили командиров и старшин с соответствующими их служебному положению нарукавными нашивками.

Видяева от нас отделили. Семенов и я попал в одно отделение. Командиром нашего отделения был назначен старшина-сверхсрочник Василий Иванович Лебедев.

Этот невысокий, но крепкий человек с быстрыми, живыми глазами, казалось, видел каждого из нас насквозь.

— Сегодня мы будем отрабатывать стойку бойца, — без всяких предисловий начал Лебедев первое занятие. — Прежде всего боец должен уметь стоять в строю.

— Видал? — шепнул Семенов. — Мы и стоять, .оказывается, не умеем...

Я пожал плечами и хотел было что-то ответить, но, встретив пристальный взгляд старшины, осекся и почему-то даже покраснел.

— Вам холодно? Что вы так жметесь, будто оса ужалила? — старшина подошел ко мне вплотную.

Он пристально посмотрел мне в лицо и повернулся к Семенову. К нашему удивлению, старшина, оказывается, услышал его слова.

— Не болтайте в строю! Умеете вы стоять в строю или нет, посмотрим...

И действительно, оказалось, что прежде чем мы научились по командам «смирно», «вольно» и «становись» принять необходимые уставные положения, прошло не менее двух часов непрерывной тренировки.

Отрабатывая строевой шаг, мы также столкнулись с трудностями, о которых ранее не имели ни малейшего представления. Семенов, например, вместе, с правой ногой упорно выбрасывал вперед и правую руку, а с левой ногой —

левую руку.

— Ты же нормально ходил все время. Что случилось? — удивлялся я.

— Не обращал на это внимания, и все было хорошо. А сейчас... просто беда. Прямо не знаю, что делать с руками, — сокрушался Семенов. — А старшина, как назло, не ругается... Лучше бы он выругал меня, ему бы стало легче. А то я вижу, как ему трудно ей мной возиться, но терпит.

Упорные занятия сделали свое. Через неделю наше отделение выполнило программу одиночной подготовки бойца.

На двадцать третий день наших занятий Лебедев объявил, что отныне строевые занятия будут кончаться в шесть часов вечера и вечерами будем изучать уставы. Поначалу это сообщение нас обрадовало. Мы сильно уставали за день строевых тренировок. Кроме того, с непривычки мы не высыпались. Изучение уставов освобождало нас от части физической нагрузки, и мы думали, что это облегчит нашу участь.. Однако ошиблись...

Вечером каждый из нас получил по толстой книге: «Корабельный устав ВМФ».

— Даю вам полчаса. Познакомьтесь с уставом, — начал старшина Лебедев, как только мы расселись на банках, расставленных под тенистой липой, в конце плаца, — полистайте его, посмотрите. С ним вам придется теперь служить всю жизнь... Через полчаса приступим к изучению.

Лебедев прошелся перед нами, затем привычно спросил:

— Всем понятно? Вопросы есть?

— Есть! Разрешите? — обрадовался возможности спросить Аслан Алибеков.

— Говорите! — Лебедев подошел к курсанту.

— Товарищ старшина, когда нам выдадут настоящую морскую форму? Надоело, ходим в мешке. — Алибеков был татарин и произносил русские слова не совсем правильно.

Лебедев ответил не сразу. Вопрос был задан явно некстати.

— Во-первых, ваш вопрос не имеет отношения к сегодняшним занятиям. Во-вторых, вы уже в настоящей морской форме. Если вам не нравится рабочая форма, я могу только сожалеть. Эту форму носили Лазарев и Нахимов. С нее начинали службу на флоте все наши прославленные советские моряки. А вам она... не нравится?

— Нет, нравится, но она годится только для работы, — спохватился Алибеков, хмуря свои, необычайно пышные брови.

— А больше вам пока ничего и не нужно. Пускать в город вас будем нескоро. Только тогда, когда вы станете настоящими военными людьми. Ведь форму надо уметь носить. Это будет к

концу лета, не раньше. Понятно?

— Так точно, — нехотя ответил курсант, опустив голову.

— Садитесь! И занимайтесь!

Так началась наша учеба в Военно-морском училище имени Фрунзе.

Было трудно, но я знал, что самое главное — привыкнуть. И был уверен, что скоро привыкну.

И действительно, когда накануне возвращения в Ленинград нас в последний раз выстроили на плацу и прочитали приказ об окончании нами курса строевой подготовки, моя фамилия значилась в числе успевающих курсантов.

Строй распустили. Оживленные и немного взволнованные, мы разошлись по обширному плацу. Первые шаги были нами сделаны, первые трудности преодолены. Теперь мы уже были настоящими курсантами, одетыми в настоящее морское обмундирование.

Первые шаги

Уже давно отзвучал сигнал отбоя. В кубриках тишина.

Я сижу в классном помещении и зубрю правила высшей математики. Чей-то неожиданно раздавшийся голос заставляет меня вздрогнуть. В дверях стоит Семенов и удивленно смотрит на меня. Он в одном белье, лицо у него заспанное, на лице отпечатались пальцы. Видимо, он только что встал с постели.

— Ты что, — говорит Семенов, — соскучился по взысканию? Ведь за несоблюдение распорядка знаешь, что полагается?

— Знаю, — киваю я в ответ. — А ты что, следишь за мной?

— Да, слежу! Не хочу, чтобы ты взыскание огреб.

— Времени же мало... А по математике — двойка. Завтра комсомольское собрание будет обсуждать...

В школе, и в педагогическом училище я довольно успешно занимался по математике. По высшей же математике у меня провал следовал за провалом.

Преподаватель Фибер ставил мне двойки и предупреждал, что, если я не овладею его курсом, морского офицера из меня не получится. И я решил во что бы то ни стало справиться с математикой, а для этого не считаться со временем.

— Тише! — шепчет Семенов.

В коридоре слышатся шаги дежурного по училищу. Мы выключаем свет. Шаги отдаляются. Оба мы облегченно вздыхаем.

— Ты все-таки дикарь, — печально и рассудительно говорит Семенов.

Я снова вздыхаю, собираю учебники и иду следом за Семеновым спать...

На комсомольском собрании меня жестоко «проработали», припомнив все мои прегрешения за время учебы. Особенно критиковали меня за чрезмерное увлечение танцами, которые, по мнению выступавших комсомольцев, и были одной из причин моих провалов по высшей математике.

Я действительно пристрастился к танцам и прослыл одним из лучших в училище танцоров. Особенно нравилась мне мазурка, и я не пропускал ни одного вечера танцев.

«Все, баста, больше на танцах меня не увидят», — думал я, возвращаясь с собрания.

Накануне выходного дня, когда, как обычно, был организован танцевальный вечер, я сидел над учебниками. В классное помещение доносились приглушенные танцевальные мелодии, но я старался не слышать музыки.

Кто-то вошел в комнату. Я не поднял от учебника головы,

заранее зная, что это один из товарищей пришел звать меня на танцы, и намереваясь решительно отказаться.

— Хватит. Пойдем на танцы! — на мое плечо легла чья-то рука.

Я поднял голову. Это был Лактионов, комсорг нашего курса.

— Это ты не по-комсомольски. Ребята хотели помочь тебе, Тебя от чистого сердца критиковали. Понимаешь — от чистого сердца.

— Не пойду, — упрямо повторил я. Лактионов не уходил. Он стоял рядом со мной, о чем-то раздумывая.

— Ну, давай вместе заниматься, — наконец решительно проговорил он, усаживаясь рядом со мной. Лактионов, очень хорошо учился, по математике же он был, бесспорно, первым на нашем курсе.

Я стал было отказываться от помощи, но Лактионов, не отвечая мне, взял лист бумаги и стал выписывать из учебника условия задачи.

Прозанимались мы довольно долго. Я успешно справился с задачей и ответил на большинство вопросов, которые мне задал Лактионов. На следующий день мы снова занимались. Так продолжалось всю неделю.

Как-то на занятии математик вызвал меня к доске. Думаю, что сделал он это по просьбе комсорга.

Я довольно спокойно вышел к доске.

Фибер задал мне вопрос. Я растерянно смотрел на него, с острой досадой чувствуя, что смысл вопроса мне не ясен. Фибер стал еще что-то спрашивать, но я в ответ лишь бормотал что-то невнятное.

Курсанты напряженно смотрели на меня. На лице Лактионова застыло недоумение и разочарование.

— Ведь ты же знаешь! — очень громко сказал, почти крикнул он.

Ни преподаватель, ни курсанты, кажется, даже не заметили нарушения дисциплины. Все смотрели на меня.

А я стоял около доски, не зная куда деть руки, и молчал.

Лишь спустя некоторое время я понял, что этот мой провал был вызван не отсутствием знаний, а утратой уверенности в своих силах.

С еще большим ожесточением я принялся за высшую математику. Лактионов стал уделять мне еще больше внимания.

Мое упорство принесло свои плоды. Настал день, когда я получил четверку. Но еще больше, чем эта отметка, радовало меня то, что я поверил в свои силы, перестал бояться математики.

Лактионов радовался за меня не меньше, чем я сам.

— Ну, все. Теперь — так держать! — объявил он мне. — Но надо подумать и об отдыхе. Завтра пойдем кататься на коньках. Ты умеешь? У нас группа организована.

«Я справился с математикой. Отныне мне никакие трудности не страшны», — самонадеянно думал я. И окрыленный успехом весело кивнул товарищу:

— Пойдем. Обязательно пойдем.

На следующий день мы отправились на стадион.

— Вам какие? — любезно спросил меня пожилой, полный человек в очках и черной спортивной шапочке.

— Вон те, — я ткнул пальцем на коньки с красиво, изогнутыми носами.

— А, вы фигурист! Какой номер носите? Сорок второй?.. Пожалуйста.

Я надел коньки и заковылял к выходу из помещения.

Кто-то из курсантов разнес весть о том, что я отличный фигурист.

— Слушай, научи меня «ласточку» делать, — попросил меня кто-то из товарищей.

Я пробормотал в ответ что-то невразумительное. Довольно уверенно прошел через небольшой сугроб и очутился на ледяном поле.

Тотчас же мои ноги поехали в разные стороны, и я тяжело грохнулся на лед. Меня подняли на ноги.

— Случайность. Равновесие потерял, — объяснил я товарищам и попытался двинуться вперед. Вторично упав, я разбил себе нос.

Руководитель кружка довольно неприветливо спросил:

— Слушайте, вы когда-нибудь хоть смотрели, как люди катаются на коньках?!

— Никогда, — признался я.

Пришлось снять коньки и сдать их человеку в черной спортивной шапочке, пренебрежительно покосившемуся на мой разбитый нос, около которого я придерживал носовой платок.

Так успех в высшей математике привел меня к позорному провалу в конькобежном спорте. «Нет, уверенности в себе мало, надо еще иметь знания и навыки», — очень серьезно раздумывал я, возвращаясь со стадиона в училище.

Приближалась весна. Нам предстояла после завершения курса практика на борту «Комсомольца». Мы с нетерпением ожидали ее. Практика представлялась нам чем-то вроде загородной прогулки на свежем воздухе.

На борт учебного корабля «Комсомолец» мы прибыли с преподавателями, но здесь вошли в подчинение корабельного

начальства.

Жизнь на корабле протекала строго и размеренно. Никаких поблажек нам не давали. Подъем был в шесть часов. Пятнадцать минут продолжалась зарядка. Мы проводили ее на верхней палубе. Далее следовала укладка коек. Койки были висячие, и искусством их вязки и укладки мы овладели не сразу. Боцману «Комсомольца» пришлось немало потрудиться, прежде чем мы научились справляться с этим в положенное время.

В восемь часов начинались занятия по изучению корабля. Мы группками разбредались по всем уголкам судна и учили названия частей корабля, их роль в плавании, способы устранения неполадок.

Единственным и любимейшим нашим развлечением были послеобеденные прогулки на шлюпках. Ходили мы на веслах, иногда же поднимали паруса.

Мне кажется, что эти прогулки и заставили нас по-новому, отдавая отчет в трудностях морской жизни, полюбить море и труд моряка. Разумеется, эта любовь не имела ничего общего с приверженностью к морской форме. Это была мужественная, сознательная привязанность к трудной и интересной профессии.

Как-то во время прогулки мы натянули парус. Ветер поднял зыбь. Он все усиливался. Пришлось взять паруса на рифы.[8]

Ветер все крепчал. Пришлось совсем убрать паруса и снова взяться за весла,

«Комсомолец» поднял сигнал: «Всем шлюпкам возвратиться к кораблю!»

Грести было все труднее. Шлюпка прыгала по огромным волнам, то поднимаясь на гребень, то зарываясь носом в воду. Мы еще не овладели как следует греблей и то и дело топили весла. Курсант, назначенный старшиной, что-то взволнованно кричал, но никто его не слушал, все действовали вразброд.

Шлюпка совсем вышла из повиновения. Разбушевавшиеся волны и свирепый ветер, точно спичечную коробку, кидали ее из стороны в сторону.

Нам ничего не оставалось, как подать сигнал бедствия. Его тотчас же приняли на «Комсомольце», и к нам направился дежурный катер.

Одним из гребцов на нашей шлюпке был Видяев. Зарыв весло, он не сумел удержать его и, пытаясь поймать, свалился за борт. Мы все кинулись помогать ему и... опрокинули шлюпку.

Волны накрывали нас с головой. Все мы наглотались соленой воды и с трудом держались на поверхности.

Пока катер шел к нам, мы все едва не потонули. Матросам пришлось, точно мешки с крупой, одного за другим вытаскивать

нас из непрогревшейся еще воды Финского залива. Нас доставили на судно и поместили в лазарет, где мы и провели под наблюдением врача всю ночь.

За утренним чаем нас ожидало новое испытание. Курсанты очень дружно принялись высмеивать нас. Трудно перечислить все насмешливые словечки и прозвища, которыми нас наградили.

Кончилось дело тем, что на всех нас были наложены взыскания. Мы получили по два наряда вне очереди, старшину же арестовали на трое суток.

Практика на «Комсомольце» научила нас шлюпочному делу и кораблевождению. Изучили мы также основы астрономии и навигации.

Вернулись в училище после месячного плавания мы уже умудренными некоторым, правда незначительным, опытом. Главное же — теперь мы отчетливо осознали — объем знаний и навыков, которыми нам предстояло овладеть в дальнейшем. Это помогло нам выработать в себе сознательное отношение к учебе, понимание того, что нам было необходимо, чтобы стать моряками.

Словом, незаметно для себя мы превращались в настоящих военных моряков.

После окончания теоретической части второго курса нам предстояло проходить учебную практику на легендарном крейсере «Аврора». Узнав об этом еще задолго до начала практики, мы перечитали много книг об «Авроре», узнали о ее действиях в Цусимском сражении, о том, как революционные матросы с помощью рабочих захватили корабль и как с него прозвучал исторический залп.

С волнением ступили мы на борт «Авроры».

Здесь нам предстояло пройти курс практической подготовки, усвоить навыки вахтенных сигнальщиков на рейде, при стоянках и в море, на ходу. Мы уже умели довольно бегло писать семафорными флажками, световыми приборами и другими средствами связи, а также читать сигналы. Однако в сигнальном деле была необходима длительная практика и постоянная тренировка.

С благодарностью вспоминаю я убеленного сединами капитана второго ранга Белоброва. Он учил нас тому, что невозможно было изучить по учебникам, его советы и рассказы серьезно помогли мне в дальнейшем. Особенно плодотворной для нас, курсантов, была вахта, которую мы несли в качестве помощников вахтенных офицеров при Белоброве. Он не подавлял инициативу курсантов и как-то очень ловко делал так, что допущенные при несении вахты ошибки тот час же становились

понятными самому курсанту.

Увольняли на берег нас только по субботам я воскресеньям. Накануне выходного дня нас отпускали до двадцати четырех часов. В домах культуры и клубах вечера в то время заканчивались очень поздно, и нам приходилось уходить в самый разгар веселья.

Как-то в университете был организован бал с призами за лучшее исполнение мазурки. Присуждение приза, само собой разумеется, происходило в самом конце вечера.

Вначале я думал только поразить студентов своим искусством и уйти. Но на вечере у меня оказались очень серьезные соперники. В азарте я забыл все: и то, что я военный человек и обязан подчиняться дисциплине, и то, что я совершаю позорный поступок. Сказались, видимо, и моя молодость и упрямое желание победить соперников — студента-математика в роговых очках, с пышной шевелюрой и юриста, широкоплечего, веселого и очень красивого парня. Я получил первый приз — корзину с цветами. Его вручили мне миловидная девушка и улыбающийся студент с бантом распорядителя. Передав приз танцевавшей со мной студентке и боясь взглянуть на часы, я опрометью кинулся в училище.

Когда я ворвался в вестибюль, было без пяти два. Часовой у входа только уныло поглядел на меня, словно я шел на эшафот.

— Десять суток строгого ареста, — услышал я на следующее утро, когда весь наш курс был построен.

Я понимал, что поступил плохо, совершил проступок, наказание получил заслуженно, но тем более было досадно и обидно за себя. Отныне, как мне тогда казалось, я не смогу считать себя волевым человеком.

Наказанного курсанта перед тем, как посадить под арест, стригли под машинку и заставляли сдать ремень.

Парикмахером в училище работал армянин Апет Годошан. Он считал меня земляком, радовался всем моим успехам и искренне сочувствовал при неприятностях. Но теперь он встретил меня, как кровного врага. Его короткие черные усы злобно взъерошились.

— Садысь! — крикнул он, поднимая машинку. — Опозорил Кавказ, я так и думал...

Я тяжело опустился в кресло. Не прошло и минуты, как на моей голове появилась глубоко выстриженная полоса.

— Такой голове волосы не нужны. Такой голове ум нужен, а волосы совсем лишние... Тебя бы не стричь, а совсем побрить надо, — ехидничал Апет.

С голой, как тыква, головой, без ремня я поплелся на гауптвахту.

Было ясно, что комсомольская организация не пройдет мимо моего безобразного поступка. Так и оказалось.

Вскоре состоялось бюро. Лактионов предложил вынести мне строгий выговор с предупреждением. Начались споры. Кое-кто предлагал исключить меня из комсомола. Многие, особенно курсанты, увлекающиеся танцами, протестовали против строгого взыскания, считая, что я осознал вину и достаточно уже наказан. Мне объявили выговор. Курсанты нашего курса уже вышли из того незрелого для военных людей возраста, когда товарищи сочувствуют своему товарищу, совершившему серьезный проступок. Отношение коллектива ко мне было очень суровым. Я все время встречал осуждающие взгляды, слушал колкости и насмешки своих однокашников.

Жестокий урок не излечил меня от моего увлечения. Я много лет еще не мог равнодушно слушать веселые звуки мазурки. Но свою вину я глубоко осознал. С тех пор я ни разу не опоздал на службу.

После окончания теоретической части третьего курса мы снова проходили практику в том же хорошо знакомом нам Финском заливе.

Нас расписали по небольшим, но довольно быстроходным катерам.

Наша «флотилия», состоявшая более чем из двадцати катеров, маневрировала вблизи берега, но самому плаванию придавался характер дальнего морского похода. Никакой связи с берегом мы не мели, не могли даже отправить и получить почту, хотя берег был от нас временами на расстоянии не более нескольких кабельтовых[9].

*Мы начали учебу с простейших маневров. Курсанты поочередно становились рулевыми, штурманами, помощниками командира и, наконец, командирами корабля.

Через месяц все мы успешно сдали довольно сложный экзамен.

На этом практика не закончилась. Нас отправили на боевые подводные лодки Балтийского флота.

Меня, Видяева и Семенова определили на один и тот же подводный корабль.

Подводники встретили нас по-отечески ласково. Мы доложились командиру лодки, и он вместе с комиссаром долго беседовал с нами. Потом комиссар показал нам лодку.

С пирса на мостик мы перебрались довольно уверенно. Гораздо сложнее было перебраться с мостика в центральный пост. Входной люк показался нам чересчур узким. Даже как-то не верилось, что на судно нельзя войти иначе, чем через него.

Войдя в центральный пост, мы невольно остановились, пораженные видом множества механизмов и приборов. Нам показалось, что мы попали в какой-то склад, где все стены увешаны приборами, а на полу стоят машины.

— Изучить все это за человеческую жизнь невозможно, — с полной безнадежностью в голосе объявил Семенов.

— А ведь придется изучить, — хмуро возразил ему Видяев.

Почти такую же картину мы увидели в дизельном, электромоторном, батарейном и торпедном отсеках.

Разумеется, в училище мы изучали подводную лодку и имели некоторое представление о ее основных механизмах. Но здесь, в тесных отсеках, почти все показалось нам незнакомым, даже отдаленно не напоминающим то, что мы изучали.

Неожиданно раздались частые удары в колокол. «По местам стоять, со швартовов сниматься», — услышали мы приказание, передаваемое по переговорным трубам. Только потом мы узнали, что это обычная авральная тревога, означающая, что экипаж должен занять свои места.

— Будем отходить, — пояснил нам кто-то из подводников, заметив, очевидно, недоумение на наших лицах.

— Вышли из бухты, — услышали мы по переговорной трубе из центрального поста, — прошли боновое заграждение!

— Отчего же это двигателя не слышно? — удивился Видяев.

— Под электромоторами идем, — пояснил один из матросов.

Вслед за этим мы ощутили дробные толчки и услышали приглушенный рев.

— Вот и пустили дизели, или двигатели, как ты говоришь, — сообщил тот же матрос.

Через некоторое время нас вызвали в центральный пост.

— Ну, морские волки, как себя чувствуете? — спросил нас командир корабля, протирая ваткой окуляры перископа.

— Отлично, — ответил за всех нас Семенов. — Вот интересно будет, когда погрузимся.

— Погрузимся? — переспросил командир. — Мы, дорогие мои, уже давно под водой.

Тогда мы еще не знали, что наша судьба окажется навсегда связанной с подводным кораблем.

15 июня 1938 года я стал офицером Военно-Морского Флота.

День этот до мельчайших подробностей хранится в моей памяти...

Солнечное утро. Мы выстроились ровными шеренгами. На противоположной стороне двора — офицеры и преподаватели.

Они взволнованы почти так же, как и выпускники.

По команде строй замер. Где-то вдали ель только стук

проходящего трамвая да автомобильные гудки.

— Здравствуйте, товарищи! — поздоровался с нами контр-адмирал.

Стая голубей, вспуганная раскатом наших голосов на минуту затмила солнце.

— Прочтите приказ! — приказал контр-адмирал начальнику нашего курса.

После этого он обратился к нам с короткой напутственной речью.

На койках выпускников уже лежало тщательно пригнанное офицерское обмундирование.

Через несколько дней нам предстояло разъехаться по разным флотам. Видяев получил назначение на Северный флот, Семенов — на Балтику, я — на Черноморский флот.

Меня назначили штурманом подводной «Касатка».

Я выехал в Севастополь.

Сразу же с вокзала я направился к месту базирования подводных лодок. Разыскав командира подводной лодки Иллариона Федотовича Фартушного и доложил о прибытии. Фартушный усадил меня, тщательно ознакомился с моими документами,

— Кончили неплохо, — сказал он. — Теперь осталось немногое: проверить ваши знания на практике. Завтра лодка выходит в море. Приступайте ê обязанностям.

— Но... — неуверенно начал я, — вести один... самостоятельно... я еще не смогу... нас учили...

— Если понадобится, я всегда помогу, — отрезал Фартушный. — Сегодня примите дела и доложите мне.

Обескураженный, я вышел из каюты Фартушного.

«А если не смогу точно рассчитать курс, — размышлял я, — или по моей вине случится что более страшное? Тогда как?..»

Я так углубился в свои мысли, что столкнулся с каким-то офицером. Незнакомый офицер — сухощавый, большелобый человек — с любопытством посмотрел на меня серыми, очень внимательными гла зами.

— Лейтенант Иосселиани? — спросил он и тотчас же протянул руку. — Нарнов Александр Григорьевич, комиссар подводной лодки. Хотите не хотите, нравится не нравится, но служить будем вместе. Пойдемте побеседуем. У вас есть время?

В голосе Нарнова я уловил теплые нотки. Это ободрило меня, и я рассказал комиссару о своих сомнениях.

— Ничего, ничего, — успокаивал меня комиссар. — Это испытывает каждый новичок. Вы получили в училище хорошие теоретические знания. Это еще, конечно, не все. Стать настоящим

штурманом трудно. Мы все вам поможем... Командир у вас опытный и умелый руководитель... И другие старшие товарищи охотно помогают младшим.

Вечером я доложил Фартушному о том, что принял дела моего предшественника.

Мы вместе направились в кубрик.

Личный состав корабля был построен в ожидании командира и комиссара. Приняв рапорт от дежурного, Фартушный прочитал приказ о моем назначении, затем поблагодарил за отличную службу уходившего с корабля штурмана.

В смущении я наблюдал за застывшими в строю подводниками. На лице усатого боцмана мелькнула усмешка. Мне показалось, что она относилась ко мне. Я еще больше смутился.

— Невесело? — спросил Нарнов, встретив меня около двери моей каюты.

Мы зашли ко мне и присели.

— Не особенно, товарищ комиссар.

— Обыкновенное начало службы. Иначе это и не бывает... Народ у нас дружный, — продолжал он. — Но поменьше промахов. Промахи начальников всегда на виду у подчиненных. Их поначалу не прощают... Ничего, справитесь...

На следующее утро я встал раньше остальных офицеров и сел за предварительные расчеты. К приходу командира у меня все было готово.

Не подавая команды е снятии со швартовых, Фарòушный прошел ко мне.

— Ну, вот теперь сделаем предварительную прокладку, — обратился он ко мне.

Я доложил, что уже сделал прокладку. Фартушный старательно проверил расчеты.

— Выходит, вам пока помогать не надо? — улыбнувшись, спросил командир и принялся расспрашивать меня о состоянии штурманской части.

И этот экзамен я выдержал довольно благополучно.

Ранним утром лодка взяла курс в открытое море. Вахтенным офицером был я. Рядом со мной на ходовом мостике стойл командир. По исстари заведенному морскому обычаю он опекал молодого офицера.

Командовать кораблем, даже и в качестве вахтенного офицера, значительно сложнее любой специальной службы и работы. Молодые офицеры допускались к самостоятельному несению вахты после тщательной проверки их знаний и навыков. Однако условия боевой подводной лодки резко отличались от

тех, в которых мы учились. Поэтому я чувствовал себя неуверенно.

Не прошло и часа после нашего выхода из базы, как сигнальщик доложил, что в море прямо по носу лодки плавает бревно.

Я смотрел на бревно и не знал, что предпринять. Потом крикнул:

Ой! Товарищ командир, бревно! Что делать?

Фартушный словно не слышал моего крика. Он с безразличным видом смотрел куда-то вдаль.

«Сейчас лодка натолкнется на него, — со страхом подумал я. — Как же быть?»

— Ну что раздумываете? Уклоняйтесь! — внезапно заорал Фартушный.

Я даже и не предполагал, что голос его может быть таким громким.

— Право на борт! — тотчас же скомандовал я. Лодка уклонялась от курса, но я забыл о только

что поданной команде. Фартушный с нарочито безразличным видом рассматривал свои ногти.

— Лево на борт! — испуганно крикнул я рулевому.

Когда лодка легла на прежний курс, я почувствовал, как горят мои уши:

— Растерялись? — неожиданно спросил Фартушный.

— Да, товарищ командир, — признался я.

— Морской маневр не терпит медлительности. Нерешительность еще хуже, чем неправильное решение. Учтите это...

Я со страхом думал о насмешках моих новых товарищей. Мои опасения не замедлили оправдаться. Подсмеяться надо мной решил фельдшер Цыря.

Врача на лодке не было, и, видимо, поэтому фельдшер, лейтенант медицинской службы Цыря, гордо именовал себя доктором. Делать ему было нечего, потому что никто из экипажа не болел, и Цыря изощрялся в остротах, тратя на них всю свою энергию. Ни одно событие на подводной лодке не проходило мимо его внимания. За обедом он обратился к командиру лодки:

— Товарищ капитан-лейтенант, говорят, в море много невыловленных бревен, попадающих прямо под форштевень[10]?

— Попадаются, — сухо ответил Фартушный.

По его тону все поняли, что шутить над молодым офицером не следует.

После обеда Фартушный устроил мне новый экзамен, из которого тут же установил, что я не имею ни малейшего

представления о том районе, через который шла наша лодка.

Я немедленно же приступил к изучению морского бассейна.

— Работаешь, штурманок? — вырос вдруг передо мной Цыря. — Работай, работай, труд исправляет людей...

— Тогда, наверное, ты не скоро исправишься, — решил я ответить на его насмешку в том же духе.

— Ах ты, щенок! — не на шутку обиделся Цыря. — Считаешь меня бездельником? А ты знаешь, что прокладку курса фактически не ты, а командир ведет. Ты только манекен, и больше ничего...

— Ну и пусть, но я же к тебе не пристаю, — сдержал я себя. — Чего ты от меня хочешь?

— Лейтенант Цыря! — негромко сказал незаметно спустившийся с мостика Фартушный. — Отойдите от штурманского стола сейчас же! Передайте старшему помощнику командира, чтобы он вам нашел работу!

— Есть, товарищ командир! — отчеканил Цыря. Я до вечера, почти не разгибаясь, просидел за своим столом.

Так прошел для меня первый день службы на подводной лодке.

Лодка пришла в район боевой подготовки. Здесь нам предстояло погрузиться в воду. В подводном положении лодка почти беспрерывно меняла курсы и скорости. Это были горячие для меня часы. Долгое время мне не удавалось разогнуться, но, поглощенный расчетами, я даже не замечал этого. И только утром, когда наступили минуты затишья, я почувствовал, что смертельно устал, прошел в кают-компанию и жадно выпил большую кружку крепкого чаю. Есть не хотелось.

— А поесть вам бы следовало, — посоветовал мне Нарнов.

— Не могу, товарищ комиссар, — отозвался я, намереваясь уйти из кают-компании.

— Выходит, вы еще не моряк. Вот когда и при настоящей качке почувствуете волчий аппетит, тогда только сможете считать себя моряком, — бросил вслед мне комиссар.

В дальнейшем я понял, что он был прав. Всплыли мы только перед обедом. Шторм окончился. Море было спокойным. Солнечные лучи играли на его поверхности.

— Дать курс в квадрат № 20221! — приказал мне командир подводной лодкя.

Я сравнительно быстро отыскал на карте нужный район. Но, приложив к параллельной линейке транспортир, спутал шкалу — прочитал верхнюю цифру вместо нижней и не без самодовольства крикнул на мостик:

— Курс двести семьдесят восемь градусов! Лодка послушно

легла на новый курс. Однако

я вовремя ощутил сомнения в правильности моего расчета и после проверки обнаружил свою ошибку.

«Что же я сделал!» — схватился я за голову.

Ничего не оставалось, как поспешно выскочить на мостик и исправить свою ошибку.

— Разрешите подправить курс? — обратился я к Фартушному.

— Разрешаю, — спокойно бросил через плечо Фартушный.

Само собой разумеется, под словом «подправить» понималось изменение курса на несколько градусов. Мне же предстояло изменить его ни много, ни мало как на сто восемьдесят градусов, то есть лечь на обратное направление.

— Право на борт! — крайне смущенно вполголоса скомандовал я.

— Есть право на борт! — очень громко и четко повторил мою команду рулевой.

Фартушный с явно нарочитым удивлением спросил:

— На сколько же градусов вы подправляете курс?

Я невнятно принялся докладывать о своей ошибке. К моему удивлению, Фартушный только добродушно рассмеялся. Улыбнулся и комиссар.

— Такие ошибочки могут дорого обойтись. Я даже и предполагать не мог, что вы такой плут... — проговорил командир. — Ваша вахта окончилась. Идите-ка отдыхать.

Добравшись до своей койки и едва положив голову на подушку, я тут же заснул. Но сон мой был не долог.

— Солнце выглянуло, — услышал я осторожный шепот, — товарищ лейтенант, солнце!

Это был усатый боцман. Ему явно жалко было будить меня.

— Какое солнце? — не сразу разобрался я, в чем дело. .....

— Показалось солнце! — пояснил боцман. — Капитан-лейтенант и говорит: «Штурману определиться!»

Я немедленно же вскочил на ноги и побежал на мостик, впопыхах забыв захватить с собой секстант.

«Снова промах», — с острой досадой подумал я, но, едва высунув голову из люка, увидел, что страхи мои напрасны. Фартушный вместе с комиссаром и фельдшером давно уже занимался астрономическими наблюдениями.

Фартушный принадлежал к числу морских командиров, которые считали, что грамотный морской офицер обязан иметь твердые навыки по астрономии. Решение астрономических задач на нашей подводной лодке обставлялось почти как торжество. Фартушный требовал знаний по астрономии не только от

строевых, но и от всех других офицеров, включая военфельдшера Цырю, не имевшего никакой теоретической подготовки по астрономии.

Я тотчас же присоединился к командиру и комиссару.

Все мы астрономическим путем определяли точное местонахождение подводной лодки.

Командир лодки внимательно просмотрел наши карты, сравнил их и сообщил, что у меня расчеты наиболее правильные. Впрочем, он тут же пожурил меня за медлительность. По его мнению, те же расчеты могли быть сделаны за гораздо более короткий срок.

— Я тебе завидую, — видимо забыв о нашей размолвке, сообщил мне Цыря, после ухода командира. — Вот уже два года, как я занимаюсь этим делом, и Фартушный ни разу меня не похвалил.

Дни, заполненные напряженными занятиями, бежали совсем незаметно, и я очень удивился, когда Цыря сказал, что мы уже две недели в походе. Сверился с календарем. Фельдшер был прав.

Эти четырнадцать дней стали для меня школой, которую в береговых условиях для моряка ничем нельзя заменить. Неутомимому командиру все реже и реже приходилось меня опекать и контролировать.

Это отнюдь не означает, что я не совершал новых промахов. Случаи, после которых мне приходилось краснеть, случались еще неоднократно.

Как-то в тихую ясную погоду я стоял на мостике. Кроме меня, здесь были сигнальщик Улько и лейтенант Маргасюк, вышедший подышать свежим воздухом.

— Хороша погодка! — восхищался Маргасюк и неожиданно совсем другим тоном произнес: — А что это на горизонте?.. Кажется, берег... Эх, спать хочется, — зевнул он и спустился с мостика.

Маргасюк за год службы на корабле уже прошел хорошую школу, и я не мог не отдать должного его подготовке.

«Откуда же здесь земля?» — с недоумением раздумывал я, вглядываясь в голубовато-серую даль. Чем дольше я смотрел, тем отчетливее видел впереди землю.

«Значит, это берега Кавказа», — решил, наконец, я, со вздохом опустив бинокль. Дело в том, что, по расчетам., ближайшая земля должна была находиться не менее, чем в ста милях от нас.

«Промах, новый промах! Я ошибся в прокладке», — думал я.

- Вы считаете, что это горы, товарищ Улько? — спросил я у сигнальщика.

Сигнальщик поколебался, но, подумав, согласился, что похоже на горы. Я приказал разбудить и командира.

Фартушный, выслушав мой рапорт, стал пристально всматриваться в горизонт.

— Придется вам пойти проверить свои расчеты и прокладку — каким-то странным голосом сказал он. — Вызовите лейтенанта Маргасюка. Он заменит вас на вахте.

Маргасюк, узнав, в чем дело, попросил у Фартушного разрешения изменить курс на сто восемьдесят градусов, чтобы сохранить необходимое расстояние между кораблем и обнаруженным берегом.

— Не надо! Пойдем прежним курсом и с той же скоростью, — отдал приказание Фàртушный. — А штурман пусть выяснит ошибку в прокладке и завтра доложит о ней.

Приказания командира не подлежат обсуждению. Я немедленно же покинул мостик.

Тщательная проверка штурманских расчетов ни к чему не привела. Я принял во внимание возможные ошибки рулевых и приборов, заново делал прокладки, но выходило, что берег не мог обозначиться так рано.

Обескураженный, подавленный, я поднялся на мостик.

— А где горы? Горы где? — всматриваясь в морскую даль, вскрикнул я.

— Вернулись к себе на Кавказ! — засмеялся в ответ Маргасюк. — Заступай-ка, дорогой, на вахту и можешь воевать с мельницами сколько тебе угодно.

— Выходит... — начал я.

— Вот именно «выходит». Мы сочли горами обыкновенные тучи, — разъяснил Маргасюк.

Только теперь я осмыслил приказание Фартушного идти прежним курсом.

Я попросил Маргасюка постоять еще некоторое время на вахте, пока я приведу в порядок свои дела, и спустился в центральный отсек, по пути с горечью раздумывая о предстоящем докладе командиру лодки.

Фартушный сидел за штурманским столиком и проверял мои расчеты. Я остановился рядом с ним, ожидая неприятного объяснения.

— Расчеты у вас правильны. К сожалению, вы еще не выработали уверенности в себе. Учтите: опытные штурманы расчетам верят больше, чем сигнальщикам. Да, так и должно быть. Почему не спите? — оборвал себя Фартушный, увидев фельдшера Цырю.

— Говорят, что показались горы, а я давно мечтал побывать

на Кавказе, — объяснил коварный медработник.

Я ожидал, что Фартушный рассмеется, но вместо этого он с очень сердитым видом стал отчитывать фельдшера за бездеятельность:

— Вы помогли коку, он обварил себе руки? И потом, сколько раз я вам приказывал проверить, в порядке ли нагревательные приборы? Это лучше, чем интересоваться берегами Кавказа.

Он долго сурово отчитывал фельдшера...

— Да, старик простит ошибку, но лени он не выносит, — высказался Маргасюк, когда я поведал ему о ночном разговоре.

«Стариком» мы, как это принято в армии и на флоте, называли своего командира, капитан-лейтенанта Фартушного. Ему было немногим больше тридцати лет, но это для нас не имело значения. Как и обычно, в слово «старик» вкладывалась особая теплота, вера в знания и опыт командира, глубокое к нему уважение.

Следующий день был солнечным, на редкость погожим.

Фартушный приказал экипажу купаться. Экипаж построился на кормовой надстройке, на воду спустили шлюпку. Прозвучала команда «в воду».

Фартушный был прекрасным пловцом. Он первым прямо с мостика прыгнул в воду. Через минуту на подводной лодке оказались только старший помощник, комиссар и дежурно-вахтенная служба. Все остальные плавали наперегонки, ныряли и резвились. Особенно отличился лейтенант Маргасюк, великолепно прыгавший в воду с рубки.

В тот же день вечером комиссар поручил мне руководить политзанятиями.

— Вы уж огляделись, пора подумать об общественной работе, — сказал мне Нарнов.

Первое занятие было назначено через день. Темой его было боевое прошлое нашего флота.

Я хорошо понимал, что офицер должен в совершенстве владеть словом. Он обязан уметь зажечь своих подчиненных, воодушевить их на подвиг, разъяснить решение партии и правительства, ободрить в трудную минуту, дружески поговорить по любому вопросу культуры, искусства и литературы. Советская Армия и флот, как известно, построены на сознательной дисциплине личного состава. Именно поэтому командир обязан уметь действовать на сознание людей, а для этого хорошо, толково и доступно говорить.

Все эти соображения не оставляли меня, пока я готовил свое выступление. Я выучил его почти наизусть. Однако, как только переступил через комингс[11] второго отсека, все вылетело из

моей головы.

Этому способствовало и то, что в момент подачи команды «смирно», я споткнулся обо что-то и едва не растянулся по палубе. Хотя никто из присутствующих в отсеке даже не улыбнулся, я был изрядно сконфужен. С трудом овладев собой, приступил к занятиям. Первую фразу я произнес невнятно, несколько секунд помолчал, прежде чем выговорить вторую. Потом дело пошло несколько лучше.

— Для начала неплохо, — сказал мне Нарнов после занятия, отведя меня в сторону.

Мне же казалось, что я только что пережил жестокий провал. Слушая комиссара, я недоверчиво смотрел в его глаза.

— Я думал, что хуже получится, — вполне серьезно говорил комиссар. — А сразу, как известно, ничего не дается.

Не верить такому человеку, как Нарнов, было нельзя.

Ободренный, я поспешил на вахту, раздумывая по пути о том, что вот и еще один экзамен мною сдан.

На исходе похода, перед Севастополем, я случайно заметил перед лодкой в море рыбацкие сети, подал необходимую команду и сумел предотвратить грозящие нам неприятности. Это еще более способствовало тому, что я начал чувствовать уверенность в себе. Многие хвалили меня. Фельдшер Цыря сказал мне:

— Поздравляю. Ты сделался почти настоящим подводником.

Если уж Цыря, всюду находящий повод для насмешки и высмеивающий всех, поздравил меня, значит, я действительно этого заслужил.

Часть II. Огонь в океане

Страшное слово

Первый день Великой Отечественной войны весь, до мельчайших подробностей, сохранился в моей памяти, как, вероятно, и у любого моего сверстника...

Бал в офицерском клубе кончился очень поздно.

— Пойдем пройдемся по Примбулю, глотнём свежего воздуха, — предложил мне приятель Василий Лыфарь.

Мы вышли к берегу моря.

Начинался рассвет. Сквозь расступающийся мрак неотчетливо вырисовывался Севастополь. Я люблю этот город больше всех других городов и считаю, что равных ему по красоте нет.

— Хорошее утро! — воскликнул Василий Лыфарь. — Дивное! Сюда бы Тараса Григорьевича...

— Ты его земляк. Вот и придумай стихи о том, как сквозь мглу проступают очертания города сказочной красоты, — пошутил я.

— Земляк забрал себе весь талант, а я остался при своих... Что это? — Лыфарь, нахмурив темные кустистые брови, уставился в зенит. — Самолеты...

— Да, — услышав отдаленный гул моторов, подтвердил я. — Много самолетов. Высота большая. Наших вроде не должно быть...

Неожиданно послышались залпы зенитных батарей. Небо озарилось красными, белыми и зелеными полосами трассирующих снарядов. Грозным хором зловеще загудели многоголосые сигналы воздушной тревоги. Где-то невдалеке раздался короткий, но резко выделявшийся среди остальных звуков свист, и сразу за ним мы услышали раскатистый взрыв.

— Бомба! — опомнился первым Лыфарь.

Мы побежали к базе. Расстояние до бухты было довольно большим, но мы прибежали к месту стоянки подводных лодок одними из первых.

На борту уже были командир корабля капитан-лейтенант Георгий Васильевич Вербовский и его заместитель по политической части Иван Акимович Станкеев. Остальные офицеры прибыли минутами позже.

Наша подводная лодка «Камбала» не была введена в строй боевых кораблей, она еще достраивалась, доделывалась и еще не плавала, но артиллерийское вооружение было уже установлено. Матросы и старшины бегом занимали свои места по боевому расписанию. Через минуту лейтенант Глотов доложил:

— Орудия к бою готовы!

— Отставить! Поздно! — спокойно, но не без досады произнес Вербовский. — Вам только со сбитыми самолетами воевать, а не с летающими.

Действительно, в воздухе самолетов уже не было слышно.

— Остальные лодки тоже не успели открыть огонь, — заступился за артиллеристов Станкеев.

— Кто остальные? — сверля глазами Станкеева, переспросил командир. — «Устрица», что ли? Там толстяк Лыфарь, пыхтя, только что приволочился, а артиллериста еще нет...

— Почему пыхтя? — упорствовал Иван Акимович. — Они прибежали, я бы сказал, бодро.

К борту подошел рассыльный. Он передал приказание командира дивизиона объявить отбой боевой тревоги и экипажам всех подводных лодок построиться на пирсе.

Как помощник командира лодки, я выбежал на пирс и стал следить за выполнением приказания.

Люди строились с обычным старанием. На их лицах я не заметил и следов беспокойства. Несколько странным показалось мне только поведение командира дивизиона, Героя Советского Союза, капитана первого ранга Ивана Бурмистрова.

Требовательный, даже придирчивый, он всегда замечал малейшие упущения и никогда не упускал случая сделать замечание. Теперь же он стоял в стороне от строившихся моряков в угрюмом молчании. Грубоватые черты его мужественного лица говорили о глубокой задумчивости.

— Неужели серьезно? — шепнул я Ивану Акимовичу, оказавшемуся рядом со мной.

— Да, — сухо ответил он. — Это начало войны, конечно! Не похоже на учение... В городе упали бомбы, и... жертвы, говорят, есть...

— Но с кем же? А может, какое-то особое учение, внезапное и приближенное к боевой обстановке. Сейчас же это модно...

— Учения с бомбами и жертвами не бывают. Нет, это войиа! Я думаю, с фашистами, больше некому напасть на нас так подло. Видимо, скоро узнаем подробности.

Экипаж нашей лодки построился очень быстро, и я поспешил доложить об этом капитан-лейтенанту Вербовскому.

Бурмистров обычным своим тоном распорядился, чтобы личный состав всех экипажей срочно получил боевые противогазы и оставался на кораблях в поâышенной боевой готовности. Сходить на берег без специального на то разрешения было запрещено.

— Примите меры к тому, чтобы все без исключения механизмы, оружие и устройства быстрее ввести в строй. Этого

требует обстановка, этого требую я, как ваш начальник! — закончил свое короткое выступление перед строем дивизиона Бурмистров. Он ни разу не упомянул слово «война», но для нас, хорошо знающих своего начальника, стало ясно, что положение серьезное.

Команда разошлась по отсекам и приступила к работе. Я вместе с Иваном Акимовичем остался на мостике. Мы были заняты составлением корабельного плана боевой и политической подготовки. Вскоре к нам присоединился парторг главный старшина Григорий Свистунов.

Светло-каштановые густые волосы старшины на этот раз были менее аккуратно, чем обычно, зачесаны назад, чисто выбритое лицо казалось озабоченным. Свистунов испытующе взглянул сперва на меня, а затем на Ивана Акимовича. Он знал, что мы осведомлены не больше, чем он, и предпочитал, чтобы мы сами начали разговор.

— Что у вас, Григорий Иванович, вид такой странный? Как будто только что из воды вытащили? Не были за бортом? — пошутил Иван Акимович.

— Не выспался, — расплылся в улыбке Свистунов. — Тревоги все время...

— Ну, это ты брось, — шутливо возразил я, — подводники могут и не поспать пару ночей, а выспаться лучше, чем простые смертные на постели.

— Мы составляем план, Григорий Иванович, хотим посоветоваться с тобой, — начал Иван Акимович.

Разговор прервал рассыльный. Нас вызывали на совещание офицеров.

На пирсе нас окружили рабочие, трудившиеся на нашей подводной лодке. Они наперебой стали осаждать нас вопросами. С большим трудом нам удалось их убедить в том, что мы ничего сами еще не знаем.

— Нас вызывают на совещание. Если что узнаем, расскажем! — вырвалось у Ивана Акимовича.

Убедившись, что все офицеры дивизиона в сборе, Бурмистров сообщил о вероломном нападении германских вооруженных сил на нашу Родину. Фашистские самолеты бомбили, кроме Севастополя, ряд других городов и военных объектов страны.

— Сегодня по радио будет передано правительственное сообщение. Пусть все подводники прослушают его! — заключил командир дивизиона.

Взволнованные сообщением, мы поспешно направились на свои корабли.

— Ну, теперь дни Гитлера сочтены! — начал минер нашей

лодки лейтенант Глотов, как только мы вышли из помещения.

— Будет большая и тяжелая война, Николай Васильевич, — очень серьезно заметил Иван Акимович. — Нельзя умалять силы врага. Не впадайте в ошибку. Мы, большевики, трезво должны оценивать обстановку.

— Против нас, по-моему, фашисты долго не смогут устоять, — поддержал я Глотова.

— Смотря что считать за долго, — пожал плечами Иван Акимович. — Во всяком случае, это будет не в два дня, а дольше, и намного дольше, Ярослав Константинович!

— Ну что? Война? — подбежали к нам рабочие.

— Да, — как бы нехотя, ответил Иван Акимович.

— Ну-у?!.

— Неужели?..

— Да не может быть!

— Это же самоубийство! Ну, держись, гадина!..

— Сейчас будет по этому вопросу правительственное сообщение. — Станкеев указал на громкоговоритель, прикрепленный на столбе. — Прошу прослушать вместе с нашими подводниками.

Экипаж подводной лодки выстроился у громкоговорителя на пирсе. Здесь же собралась большая группа рабочих и инженеров судостроительного завода.

— Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться, — услышал я голос корабельного весельчака Михаила Пересыпкина. Круглое лицо его почти всегда улыбалось, но на этот раз я на нем прочел ужас. Да, именно ужас.

— Разрешаю, — сухо ответил я, внимательно посмотрев ему в лицо.

— Война началась, да?

— Да, началась.

— Бомбили, говорят... Одна бомба, говорят, упала на улице Фрунзе, там, где...

— Что где? Говорите!

— Там, где живет моя... невеста! — Пересыпкин, видимо, ожидал от меня укора и скороговоркой произнес слово «невеста».

— Не думаю, чтобы ваша невеста так уж сразу и погибла, — сочувственным тоном ответил я, хотя не был уверен, что утешу матроса, — ведь от бомбы же погибают не все, кто живет в доме...

«Слушайте, говорит Москва!..» Внимание всех приковал громкоговоритель. Люди замерли. Между словами диктора четко было слышно шуршание матросских черных ленточек, которые трепал легкий утренний ветерок.

Суровые и сосредоточенные слушали подводники сообщение.

Напротив меня стоял рабочий судоремонтных мастерских Метелев, которого знали на лодке все и в знак уважения иначе, как дядя Ефим, к нему не обращались. Его высокий лоб нахмурился, покрылся испариной, глаза зло блестели. Когда диктор передал последние слова сообщения, Метелев все продолжал думать, застыв в прежнем положении.

— Дядя Ефим, — шустрый молодой матрос Додонов вывел старика из состояния оцепенения, — вот были бы помоложе, глядишь, третий раз бы пришлось воевать. Наглецы эти фашисты, правда?

— Наглецы-то наглецы, а воевать все равно всем нам придется. На всех дела хватит, я думаю...

— Что вы, дядя Ефим? Кто же вас пустит на войну? Да нам бы, молодым, не опоздать. Может, и мы приготовим кораблик с таким опозданием, что...

— Ваш кораблик через неделю будет готов, можешь не бояться. — Метелев взял гаечный ключ в руки д приготовился уходить.

— Будет ли через неделю готов, неизвестно, а потом... Через неделю может быть тоже поздно! — выпалил Додонов, очень сдружившийся с Метелевым за время строительства подводной лодки.

— Товарищ старший лейтенант, — вполголоса спросил меня боцман Сазонов, — неужели мы не успеем принять участие в разгроме этого Гитлера, проклятой души?

— Думаю, успеем. Лодка скоро будет готова, — нерешительно ответил я.

В победе над фашистской Германией никто не сомневался. Члены нашего экипажа даже и не думали о тех трудностях, которые неизбежно влекла за собой война. Но мысль о том, что война может закончиться раньше, нежели мы в ней примем участие, беспокоила всех подводников.

Наша подводная лодка не была исключением, Точно такие же опасения охватили матросов и старшин и других подводных лодок и надводных кораблей флота. И очень часто люди, прибегая ко всевозможным уловкам, правдами и неправдами старались попасть на сухопутный фронт, лишь бы принять поскорее участие в разгроме гитлеровских полчищ.

Рабочие на своем митинге приняли решение закончить ремонтные работы на «Камбале» в пятидневный срок и к следующему воскресенью подготовить корабль к сдаче. Теперь работы шли беспрерывно, круглые сутки. Одновременно происходили электросварка, клепка, монтаж и установка множества машин и боевых устройств.

Подводники работали, как во время аврала, — не покладая рук, не делая перерывов для курения, не присаживаясь даже для того, чтобы спокойно пообедать.

В центральный пост ко мне пришел Миша Пересыпкин. Он долго мял в руке грязную паклю.

Я выпустил из рук карту, над которой работал с корабельным штурманом лейтенантом Любимовым, поднял голову и встретился глазами с матросом.

— Конечно, — тянул он, еле заметно переминаясь с ноги на ногу, — сейчас не время, совсем, конечно, не время, но... я ее очень люблю!.. Думал, скоро демобилизуюсь, конечно, хотел жениться. А сегодня-бомба упала прямо на ее дом. К ней должна была приехать моя мама... Может, и она... Разрешите, товарищ старший лейтенант, сходить посмотреть! Может быть, живы!

— Хм. — Я неопределенно посмотрел на слегка рябое и на редкость добродушное лицо Любимова, как бы спрашивая у него совета.

— Товарищ старший лейтенант! — Любимов сделал неопределенный жест. — Святую любовь как не уважить?

— Вы правы, черт побери! — решил я. — Через час быть здесь. Полчаса туда, полчаса обратно, и несколько минут еще останется, чтобы поцеловать невесту...

— Товарищ старший лейтенант! — взмолился Любимов. — Молодые целуются долго. Дайте им полчаса на это святое дело... невеста ведь...

— Беги! — скомандовал я матросу. — Через полтора часа доложить о возвращении!

Пересыпкин исчез, словно растворился на наших глазах. Мы даже не заметили, через какой люк он выскочил из отсека.

— Хороший парень, — заключил Любимов. — Аккуратный, веселый, дисциплинированный. К службе относится отлично.

— Продолжим наше занятие! — с невольной улыбкой глянул я на лейтенанта. — А ваша симпатия к весельчакам давно известна.

Лейтенант Евгений Любимов действительно был склонен пошутить сам и с величайшим удовольствием слушал остроты, прибаутки и анекдоты. Его часто можно было видеть на досуге верховодившим матросской веселой «травлей».

Но едва мы успели приступить к своему занятию, как в отсеке появился Иван Акимович.

— Помощник! Ты куда послал Пересыпкина?

— Разрешил сходить в город на полтора часа. Дом невесты, говорят, разбомбили, и мать его, он говорит, там должна быть. А что?

— Вот бандит! — засмеялся Станкеев. — Он же не пошел! Он полетел! Перескочил через ограду. Часовой, если бы он был настоящим часовым, открыл бы стрельбу.

— На часах стоит его дружок, — заметил Любимов. — Он, наверное, догадался, в чем дело.

— Часового придется наказать, — решил я. — Он должен был заставить соблюдать правила... По крайней мере убедиться, куда идет матрос.

— Он убедился, — возразил Иван Акимович. — Окликнул и даже пригрозил, что убьет «як бандюгу», а Пересыпкин ответил: «Выполняю особое задание помощника командира!» Так и сказал: «Особое задание».

— Эх, святое дело любовь! Она больше, чем любое особое задание, — вздохнул Любимов, наклонившись к картам.

— Вы так вздыхаете, лейтенант, будто вам семьдесят лет и от вас все это ушло, — прыснул Иван Акимович.

— «Любви все возрасты покорны», — вставил я.

— Нет, ничего не ушло, — несколько патетически возразил Любимов. — Из-за жены я и люблю слово «любовь»! Это святое слово... Но она сейчас далеко...

— Кто далеко, любовь или жена? — спросил Станкеев.

— И любовь и жена! Они у меня всегда вместе. — Жена же хотела приехать к вам?

— Хотела... Но, видно, придется отложить до конца войны. Будем врозь воевать, — лицо лейтенанта стало серьезным.

— В обеденный перерыв партийное собрание. Вы, конечно, знаете? — Иван Акимович направился к выходу.

Офицерскому составу было дано задание изучить морской театр Черного моря. Это означало: знать наизусть все приметные знаки, горы, мысы, маяки, их характеристики, глубины и их изменения, — одним словом, безо всяких пособий уметь начертить карту, по которой подводная лодка могла бы плавать. Зачет принимал сам Вербовский.

Сроки были очень жесткие, и мы занимались, притулившись по разным, наиболее укромным уголкам отсеков.

Время летело незаметно, и мы с лейтенантом Любимовым удивились, увидев улыбающееся лицо Пересыпкина.

— Товарищ старший лейтенант! — доложил он. — Матрос Пересыпкин из кратковременного увольнения прибыл,

— Так быстро? — вырвалось у меня. — Ехал, что ли, на чем?

— Никак нет, не ехал, бежал. На часы не смотрел, товарищ старший лейтенант, но, должно быть, Конечно, прошло не больше часа! Я... конечно, расстояние здесь еще раньше вымерил... По времени, конечно, так знаю...

— Да, прошло всего... меньше часа, — я посмотрел на корабельные часы над штурманским столиком. — Ну, как дела?

— Очень хорошо, товарищ старший лейтенант! — бодро доложил Пересыпкин. — Никакой бомбы на их дом не падало. Несправедливый слух...

— В городе что творится! — начал вдруг рассказывать матрос, — Невозможно поверить...

— Что?

— Стены домов мажут красками, пушки по улицам ставят, патрулей видимо-невидимо...

Разговор наш прервали. Меня вызвал на мостик только что вернувшийся из штаба соединения командир корабля. Он сообщил о подробностях утреннего налета фашистских самолетов на Севастополь. Не только на город были сброшены бомбы, но враг атаковал также и военные объекты. Часть самолетов минировала входы и выходы из базы.

— Надо начать интенсивную боевую подготовку; — приказал капитан-лейтенант. — Как только лодку сдадут заводчики, придется, не мешкая, идти в море, понятно?

— Так точно, понятно! — подтвердил я.

— Из города будут эвакуировать женщин и детей. Отпускайте офицеров и сверхсрочников, у кого семьи здесь, по одному, по два человека. Понятно?

— Так точно, понятно! Продолжительность увольнения сколько установить?

— Не более двух часов. Я буду в штабе.

Новые указания командира требовали пересоставления согласованных с мастерскими планов работ и занятий на подводной лодке на всю неделю. Я пригласил на мостик ответственного сдатчика, и мы сразу приступили к перепланированию. Это была трудная и довольно путаная задача. Все сроки и так были натянуты как струны, грозящие вот-вот лопнуть, а нам необходимо было еще выкроить время для тренировок на боевых постах, общекорабельных и отсечных учений. С нами вместе трудился и Иван Акимович, который добровольно взялся нам помочь и не раз каялся в этом, когда возникали жаркие споры между мной и строителем. Я был больше заинтересован в вопросах боевой подготовки и настаивал на увеличении времени на тренировки и учения, А рабочие, наоборот, требовали максимальное внимание уделять лишь вопросам ремонта. Иван Акимович старался примирять наши разногласия, но так как мы оба были людьми довольно упрямыми, то ему было очень трудно справляться со своей миссией. После долгих споров мы все же составили план,

который обоих устроил.

— Товарищ старший лейтенант! — задыхаясь от волнения, доложил матрос Додонов с пирса. — Гражданские просят помощи! Обнаружили шпиона! Хотят поймать!

— Где? Какого шпиона? — спросил я.

— Вон там он, проклятый, шел, — матрос показывал на косогор, возвышавшийся почти прямо над бухтой, — потом юрк, зашел в маленький домик. Вон в тот, что отдельно стоит...

— А гражданские где? Кто просит помощи?

— За воротами!

Приказав следовать за мной пяти матросам, я выбежал за ограду. Нас встретила группа возбужденных людей, в большинстве женщины.

— Товарищ командир, — подлетел ко мне молодой парень с бакенбардами, — помогите поймать шпиона! Он вот в этот домик спрятался.

— Это не домик, а уборная! — перебил парня женский голос. — Он там сидит целый час...

Без промедлений мы оцепили «домик» и приступили к его «штурму», постепенно сужая кольцо окружения. Неожиданно дверь настежь открылась, и оттуда вышел средних лет мужчина, одетый в обычную спецодежду рабочего судоремонтных мастерских.

— Стой! Руки вверх! Ни с места! — крикнули сразу несколько голосов с разных сторон.

Он, вероятно, был совершенно поражен, оказавшись лицом к лицу с вооруженными матросами, которые наставили на него дула своих карабинов.

— Что вам надо, товарищи? — повинуясь грозному приказу, поднял руки рабочий.

— Волк тебе товарищ! Ишь, нарядился! Ничего себе — товарищ, — подняли голоса женщины.

— Гитлер тебе товарищ, шпионская морда! — шумел парень с бакенбардами в задних рядах осаждавших.

— Эй, вы! Говорите, да не заговаривайтесь! — наконец пришел в себя «пленник». — Ты меня чего оскорбляешь! Гитлера я тебе покажу, щенок... — Он нашел глазами немало перепугавшегося парня с бакенбардами. — Я ничего не забуду!.. Я твои баки с корнями вырву.

Иван Акимович проверил документы «пленника» и объявил:

— Надо извиниться перед товарищем. Он никакой не шпион, а рабочий Селиванов.

— А почему долго отсиживался?

— Мы его раньше здесь не видели! — заговорили в толпе.

— Я случайно пошел в эту уборную, будь она проклята совсем! — возмущался Селиванов, размахивая худыми длинными руками. — Кто установил, сколько надо быть в уборных? Каждый...

Протяжные сигналы воздушной тревоги прервали нас и заставили разбежаться всех по своим местам.

На этот раз артиллерийское оружие было изготовлено к бою быстро и организованно. Я был очень доволен результатами, но Вербовский не разделял моего мнения.

— В нормативы не укладываются, — недовольно заявил он.

Нормативы никто не проверял, о них трудно было спорить, но от соседних подводных лодок мы не отстали, а, наоборот, раньше их могли открыть зенитный огонь, если бы была надобность. Но разведывательные самолеты фашистов пролетели где-то стороной, над городом они не появились.

— Вы у нас украли сорок минут, — шутил дядя Ефим после отбоя.

— Только тридцать, — поправил я.

— А ловля того... шпиона, — он хитро сощурил глаза. — Это вы моего друга поймали, Ваню Селиванова.

Боевые тревоги на лодке использовались как учения и приносили поэтому определенную пользу. Продолжались они обычно не менее получаса. На боевых постах и командных пунктах шли тренировки и учения. Но все ремонтные работы на это время прекращались.

На коротком партийном собрании, состоявшемся в обеденный перерыв, присутствовали и рабочие-коммунисты. Единогласно было принято решение: обеспечить окончание ремонтных работ к субботе 27 июня.

Это означало сокращение сроков работ на три недели против того, что предусматривал план мирного времени.

После обеда никаких перерывов в работе не было до самого позднего вечера, когда передали по радио первую сводку Главнокомандования.

Вокруг установленного на лодке рупора громкоговорителя собрались все рабочие и подводники. Вероятно, никогда никто из нас не забудет, с каким трепетом мы слушали скупые строчки первой сводки. Она принесла нам больше горечи, чем многие последующие сообщения, содержавшие еще худшие известия. Каждый из нас ждал вести о победоносном наступлении наших войск на всем фронте, а сводка кончалась тем, что фашисты захватили часть нашей земли и оккупировали город Ломжу.

— Как же так?.. — растерянно произнес Пересыпкин,

стоявший ближе всех к рупору. — Значит, они сильнее...

— Ну, уж и сильнее, — возразил старшина Свистунов. — Так нельзя рассуждать. В войне всяко бывает. Приходится иногда и отступать...

— Вы видели своими глазами, товарищи, какой неожиданностью для нас с вами было вероломное нападение фашистских самолетов, — вышел вперед Иван Акимович. — Неожиданность буквально оглушила, мирных людей. Она породила шпиономанию. Вы видели, как ловили «шпиона», который оказался честным нашим товарищем. В городе целый день происходили такие эксцессы. Они мешают работе, вызывают суматоху, напрасную трату энергии. Вместо того чтобы все силы направить на организацию обороны, многие занимаются тем, что ловят друг друга. Им всюду мерещатся призраки шпионов. Это одно из проявлений паникерства и преувеличения возможностей врага. Каждому ясно, что фашисты не могли наши ряды очень уж сильно засорить шпионами. Для этого нет условий в нашей среде. Тем не менее нашлись люди, которые допускают такую возможность.

Иван Акимович говорил спокойно, продумывая и взвешивая каждое слово. Угрюмо сосредоточенные подводники и рабочие, окружившие его плотным кольцом, словно замерли, ловя каждое его слове.

— Несомненно, товарищи, — продолжал комиссар, — фашистские громилы рассчитывали воспользоваться именно паникой, растерянностью, которую вызовет их неожиданное и вероломное нападение. Правда, им это мало поможет, они будут биты и жестоко наказаны, но неожиданностью нападения на первых порах войны они, бесспорно, воспользуются. Ведь наши люди не ожидали вооруженного нападения. Трудились и жили в мире. А гитлеровцы отмобилизованы, вооружены до зубов, обладают опытом ведения современной войны. Ведь Гитлер уже успел разгромить и подчинить себе всю континентальную Европу, промышленность которой теперь работает на него. И нет ничего удивительного, товарищи, если на первых порах нашим войскам придется временно отступать и терпеть неудачи. Конечная победа за нами!

Я поднял голову и встретился глазами со старшиной Свистуновым. Лоб его был нахмурен, глаза поблескивали. Парторг, как и другие подводники, внутренне не мог мириться с мыслью, что нашим войскам придется когда-нибудь, хотя бы временно, отступать. И он с горечью выслушивал слова Ивана Акимовича.

— Война будет тяжелая и длительная. Если кто думает, что

она может кончиться за один месяц, ошибается, — предупредил Станкеев.

Люди переглянулись, но возражать никто не стал.

После окончания беседы свободная от участия в работах часть личного состава должна была идти спать, и дежурный по кораблю громко, по-уставному скомандовал: «По койкам!»

Однако нелегко было заставить людей идти спать: слишком возбуждены были нервы.

— Почему не спите, нарушаете распорядок? — шепотом, но резко придрался я во время обхода к одному из матросов в жилом отсеке.

— Я никому не мешаю, товарищ старший лейтенант, — оправдывался он. — А спать... никак... не получается.

— А чего вздыхаете? — уже мягче спросил я.

— Как можно спать спокойно, товарищ старший лейтенант, когда фашисты уже на нашей земле?

— Что же, всю войну не будете спать?

— Потом, видать, привыкнем. Сразу так... трудно, Я думал, что... совсем иначе думал, а они, оказывается, могут на нас наступать. Город... название не запомнил.

— Ломжа.

— Да, кажись, Ломжа. Заняли?

— Ну, заняли. А мы потом Берлин займем. Вы хотите воевать без жертв, что ли?

— Ваша, может, правда...

— Спите спокойно. Фашистов разгромим и Гитлера к стенке поставим. Но, конечно, не сразу.

— Потом-то разгромим, но пока... Зло берет, товарищ старший лейтенант!

Выйдя из жилого отсека я поднялся на мостик.

Обычно залитая морем многочисленных корабельных огней бухта была погружена в темноту. Только звезды мерцали на небе. Слышался разноголосый гул многочисленных механизмов и машин судоремонтных мастерских, уже переведенных на круглосуточный режим работы.

На целые сутки ранее намеченного срока, в пятницу утром, работы на «Камбале» были завершены, и она вступила в число боевых кораблей Черноморского флота.

Неудачи

Подводная лодка готовилась в первый боевой поход. Верхняя палуба, пирс и подходы к нему напоминали муравейник. Экипаж пополнял корабль боезапасом, продовольствием, топливом, водой.

Погрузочный кран поднял с пирса торпеду, развернувшись на шарнирной пятке, пронес ее по воздуху и постепенно начал опускать над палубой «Камбалы». Когда торпеда повисла в горизонтальном положении, на густой тавотной смазке отчетливо стала видна надпись, сделанная чьими-то пальцами: «Наш подарок фашистам».

— Хорош подарочек, товарищ старший лейтенант, правда? — прикрывая рукой глаза от солнца, обратил мое внимание лейтенант Глотов. Он руководил погрузкой торпед.

— Подарок достойный.

— Вы ходите как черепахи! Так воевать нельзя! — слышался сипловатый голос боцмана Сазонова. Он «подбодрял» матросов, занимавшихся погрузкой продуктов, хотя те и без того расторопно бегали со своей тяжелой ношей с пирса на лодку и обратно.

— Сазонов, мы, чернокопытные, уже готовы! — вытирая грязные руки тряпкой, язвительно подшучивал Свистунов над товарищем. — А как ваша интеллигенция?

На подводной лодке мотористов в шутку называли «чернокопытными», а рулевые и в особенности радисты именовались интеллигенцией.

— Ты сам интеллигент, — сухо отозвался Сазонов и снова переключился на рулевых. — Давайте быстрее! Неужели не видите, «черное копыто» издевается...

— Смотри, — прыснул Иван Акимович, подойдя к нам. — Мотористы опять первые...

— Как всегда, — подтвердил я.

— Пойдем со мной. — Куда?

— Начальник политотдела вызывает. Партбилет будет тебе вручать. — Станкеев дружески взял меня за руку.

В небольшом, но светлом и уютном кабинете, увешанном географическими картами, нас приветливо встретил начальник политотдела соединения капитан первого ранга Виталий Иванович Обидин. Он взял со стола приготовленный заранее партбилет и вручил мне.

— Получаете партийный билет в самое трудное для нашей страны время, — Обидин говорил быстро, энергично, — наша

свобода и независимость в опасности. Вы уходите в море. Так покажите же, что мы не ошиблись, когда принимали вас в партию.

— Все свои силы и способности отдам за священное дело партии! — коротко ответил я, пожав сильную большую руку Виталия Ивановича.

— Ну как? Теплее с партбилетом? — хлопнул мне по плечу Станкеев, как только мы вышли из кабинета начальника политотдела и направились на пирс.

— Конечно, теплее.

— Дела, видно, на фронте серьезные, — он нахмурил брови. — В сегодняшней сводке опять... отступление...

— Да, слышал, — тихо ответил я, опустив голову. — Трудное время...

— Институт комиссаров снова учрежден,. — после паузы сообщил Иван Акимович.

— Ну-у? Так ты — комиссар «Камбалы»? — Выходит, так.

— Так, значит, мне нужно обращаться на «вы»?

— Как хочешь, — Станкеев пожал плечами. — По-моему, не обязательно...

— Нет, — возразил я, — совершенно обязательно. В шестнадцать часов «Камбала» была полностью готова в выходу в море. Запасы были получены, механизмы исправны, команда помыта в бане и обмундирована.

После команды «лодку к погружению изготовить» корабельный механик, лейтенант Василий Калякин, и я в последний раз проверяли готовность к выходу. Обошли отсеки, побывали на всех боевых постах. Калякин со свойственной ему скрупулезностью проверял каждый боевой механизм. Я тем временем с пристрастием экзаменовал людей по организации службы, правилам эксплуатации оружия и установок.

Дню выхода на позицию предшествовала солидная подготовка экипажа. Наши подводники сотни раз проделывали всевозможные манипуляции с механизмами и стали настоящими мастерами своего дела. И нет ничего удивительного в том, что мне и Калякину не удалось обвинить кого-либо в посредственном знании своих обязанностей, в неправильном обращении с механизмами или в отклонении от нормативных требований.

С наступлением темноты «Камбала» снялась со швартовых и направилась к выходу из бухты. Она долго пробиралась почти на ощупь, петляя вокруг многочисленных кораблей.

Всегда сияющий чистотой, весь в зелени, залитый морем света, теперь Севастополь был угрюм. Стены домов были камуфлированы: скалы и леса появились там, где их не было и в

помине. Витрины магазинов заложены мешками с землей. Детей и женщин уже вывезли из города.

Пустовал Приморский бульвар, любимый Примбуль. Опустел и, улицы Ленина и Фрунзе.

И все-таки Севастополь не утратил своей красоты. Но теперь эта была строгая и немного печальная красота.

— Справа на траверзе, у берега, затопленный корабль! — доложил сигнальщик, как только мы вышли из бухты и нас начали покачивать волны открытого моря.

Это был транспорт, потопленный фашистскими самолетами в день нападения на нашу страну. Транспорт получил прямые попадания больших бомб и выбросился на берег у самого входа в гавань. Теперь его готовились снимать с мели.

Затопленный транспорт был первой жертвой войны. В темноте он производил внушительное впечатление. Он горбился темным чудовищем, как бы воочию олицетворяя ужасы морской войны.

Ночь была безлунная. Море вскипало от четырехбалльиого норд-веста.

— Скрылись очертания берега по корме! — крикнул я в переговорную трубу в центральный пост.

— Есть! — коротко ответили снизу и тут же записали в корабельный журнал.

Родные берега скрылись. Наш курс лежал на запад, в тыл врага. Мы шли туда, чтобы беспощадно топить фашистские транспорты и боевые корабли.

— Обойдите отсеки и посмотрите за порядком! — приказал мне командир лодки, когда очередная смена заступила на вахту.

В первом отсеке собрались свободные от вахты торпедисты, плотным кольцом окружившие своего начальника.

— Почему не спите? — удивился я.

— Решил проверить еще раз кое-что, — повинился Глотов. — С нормативами кое-кто туго укладывается...

— Нарушаете распорядок!

— Все равно никому не заснуть, — неуверенно возразил он. — Возбуждены, ведь... первый поход...

— Вы думаете успокоить людей экзаменами?

— Нет, конечно, но... Разойтись! Ложиться спать! — приказал он, наконец, нехотя.

Мотористы тоже не опали.

— Машины малость запылились! - крикнул мне в ухо парторг. — Спать люди все равно не будут.

— Отдых требуется. Завтра будем, на позиции!

— Отдохнем в процессе работы, — без тени улыбки возразил

снова старшина.

— Отправьте подвахтенных спать! — приказал я и пошел дальше.

Приказание есть приказание, и мотористы пошли в жилой отсек.

Людей, занятых у своих боевых механизмов я не желавших идти в жилые отсеки на отдых, я встречал буквально в каждом отсеке.

Опыта войны ни у кого из нас не было. То, с чем придется столкнуться на позиции, мы представляли весьма туманно. Каждый из нас в глубине души верил, что транспорт мы непременно встретим в первый же день занятия района боевых действий. В успешности атаки также никто не сомневался. Наш командир считался одним из снайперов-подводников, а центральный пост «Камбалы» на всех учениях показывал хорошую выучку и слаженность.

Оставалось верить, что мы быстро одержим победу, израсходуем боезапас, вернемся в базу, пополнимся торпедами — и снова на позицию. Сплошное триумфальное шествие! Всякие неудачи и разочарования исключались.

Суровая действительность, однако, очень скоро внесла свои поправки в наши планы.

Восемь суток мы колесили в районе боевых действий впустую, никого не обнаружив.

— Ну что? Опять «тиха украинская ночь»? — услышал я как-то ночью на мостике голос Ивана Акимовича.

— Да, никого! — ответил командир. Его высокая стройная фигура отчетливо выделялась на западной стороне горизонта, где только немногим больше часа тому назад спряталось солнце.

— Уф-ф!.. Приятно вздохнуть! — Станкеев глубоко дышал. — Сегодня мы пробыли под водой... восемнадцать часов и две минуты.

— Все минуты считаете? — сухо спросил Вербовский, и я мысленно представил, как по его лиöу скользнула усмешка.

— Красивая ночь, правда? — комиссар указал на звезды, алмазами сверкающие на безоблачном бархатном небе.

— А это не красиво? — Я слегка толкнул его в бок, показывая на темную полосу низменного румынского побережья, тянувшуюся по нашему левому борту. — Дамский пояс...

— Что? — Иван Акимович не понял моего странного сравнения.

— Чёрный, очень аккуратный, дамский пояс. Выше — темно-розовая кофточка, — показал я туда, где солнечные лучи освещали алыми полосами перистые облака, — а ниже, как

видите, темная батистовая юбка. Правда, походит?

— Хм... — неопределенно хмыкнул Иван Акимович. — Я бы до этого не додумался. Хотя, конечно, ты... младше меня и...

— При чем тут младше или старше?

— Ну как же! Надо быть молодым, чтобы сравнивать береговые полосы или что-нибудь другое... с принадлежностями дамского туалета.

— Товарищ вахтенный командир! Слева на траверзе огонь! Движется вправо! — сверху из темноты докладывал сигнальщик.

— Автомобиль по берегу идет, — отметил безразличным тоном Вербовский.

— Начальство едет, — как бы продолжил мысль командира Станкеев. — У них очень строгое затемнение, но это, видать, начальничек едет... У Антонеску дача здесь где-то. Может случиться, что именно он.

— Вот бы бомбу на эту дачу, — буркнул сверху сигнальщик.

— Зачем бомбу? — возразил Иван Акимович. — Разгромим фашистов, на этой даче простые люди будут отдыхать.

— Э-э, кто там будет отдыхать! Убить бы этого Антонеску...

— Не отвлекаться! — одернул Вербовский сигнальщика.

— Есть, товарищ командир! — отчеканил матрос.

Длительное молчание нарушил доклад из центрального поста:

— Лодка провентилирована, осушены трюмы, выброшен мусор. Разрешите остановить вентилятор.

— Добро... Остановить вентилятор! — приказал вахтевный офицер.

— Пойдем попьем чайку, помощник, — предложил Станкеев.

— Да, правильно, — согласился я, — скоро мне на вахту...

Мы направились к люку, но задержались из-за нового доклада сигнальщика:

— Курсовой левого борта — сорок, показался проблеск на воде!

— Вы точно видели проблеск? — допытывался командир.

— Кажись, точно.

— В бинокль или так?

— Кажись, в бинокль...

— Кажись, кажись! — вспылил Вербовский. — Надо говорить точно, а не догадками!

— Так точно, не помню, товарищ командир!

— Что у вас такая плохая память?

— Никак нет, товарищ командир!.. Так точно, товарищ командир, вот он: белый, постоянный огонь! Курсовой сорок, слева, на воде! Не так далеко.

— Боевая тревога! Торпедная атака! — Вербовский заметил тусклый огонек двигавшегося вдоль берега судна. — Лево на борт!

Я стрелой полетел на командный пункт.

«Камбала» легла на курс атаки. Боевые посты тотчас же доложили о готовности.

Подводная лодка полным ходом неслась навстречу вражескому кораблю.

Я сверял расчеты с данными о противнике, которые .поступали с мостика, и убеждался, что все идет хорошо. Через несколько минут мы выпустим торпеды и уничтожим первый вражеский корабль. Мы все были возбуждены. Однако каждый делал свое дело четко, быстро я точно.

— Ап-па-ра-ты! — пронеслась грозная команда в торпедный отсек, на боевой пост.

— Отставить! — секундой позже и с гораздо большей энергией и настойчивостью приказал тот же голос командира.

Но... поздно. Напряжение было настолько большим, что слово «отставить» было принято за «пли». Торпеды выскочили из аппаратов и устремились по заданному направлению.

— Срочное погружение! — услышали мы следующую команду Вербовского.

Люди, буквально стоя друг у друга на плечах, посыпались в люк, в центральный пост.

Через считанные минуты «Камбала» была на глубине и отходила в сторону моря.

— По ошибке атаковали дозорный катерок, понятно? Будь он проклят совсем! — шепотом сказал мне Вербовский.

— Бывает... неопытность, — как бы успокоил командира Иван Акимович, стоящий рядом с ним. — Еще хорошо, что он оказался слепым, — продолжал он. — Если бы он видел, как по нему торпедами швыряют, мог бы нас погонять...

— Мы тоже хороши! Зрением хвастать вряд ли можно и нам, — тихо сказал Вербовский.

— Эх, если бы знать! Установить бы глубину хода торпед поменьше и дать в борт этому дозорному, — досадовал я. — А почему же он несет огонь?

— Не знаю, не спрашивал, — сухо отозвался Вербовский.

— По-моему, иллюминатор приоткрыт или плохо затемнен, — предположил Станкеев.

Несмотря на неудачу, первая атака принесла команде определенную пользу. На боевых постах и командных пунктах были выявлены недостатки, ошибки и неточности. Устранение их, несомненно, многому научило и подняло, боевую выучку

экипажа. Кроме того, подводники в какой-то степени обстрелялись.

Велико было, конечно, и разочарование. Но оно было забыто очень скоро.

На следующий день меня подозвал к перископу вахтенный офицер лейтенант Глотов.

— Как вы думаете, стоит доложить командиру: какие-то подозрительные дымы вот по этому направлению, — уступил он мне место у окуляра.

Я с трудом различил на белом фоне облаков несколько еле видимых клубков дыма.

— Надо. Дымы судов, — авторитетно заявил я.

Вербовский еще из своей каюты приказал сыграть боевую тревогу. Подводники помчались к своим боевым механизмам.

Неискушенный человек, глядя на эту картину, непременно был бы поражен. Полуодетые или почти раздетые здоровенные парни, держа в зубах ботинки или часть одежды, с суровыми лицами, безмолвно, очертя голову бежали в разные стороны, толкая друг друга.

— Что? Конвой? — Вербовский едва выговаривал слова. Хотя от каюты до центрального поста расстояние было небольшим, но, пробежав его, он запыхался.

В нашем соединении Вербовский был единственным командиром подводной лодки, убеленным сединами. Он обладал большим опытом воспитания и руководства людьми, но преклонные годы брали свое, и энергия, так необходимая на подводной лодке, в нем заметно иссякла. Бывали случаи, когда он уставал настолько, что не мог вращать даже перископ, и мне приходилось помогать ему. Состояние нервной системы Вербовокого оставляло желать лучшего. На внезапные события он реагировал раздраженно, излишне волнуясь, впадал иногда в суматоху.

— Дымы судов, товарищ командир! — отчеканил Глотов, уступая место у перископа.

— Только и всего? — Вербовский заметно остыл.

— Дыму без огня не бывает, — ввернул Иван Акимович, прибежавший в центральный пост вслед за командиром.

Командир более десяти минут смотрел в перископ, но никаких команд не подавал. Подводная лодка шла прежним курсом и скоростью. Направление нашего курса было таковым, что если бы дымы означали появление конвоя, то с каждой минутой мы все больше и больше упускали возможность атаковать врага. Я это отчетливо видел по карте и шепотом сообщил Ивану Акимовичу.

— Надо бы доложить ему, но с его самолюбием... прямо беда. Как бы хуже не было.

— Я тоже так думаю, — согласился я с комиссаром, — возможно, хуже будет.

Вербовский обладал одним большим недостатком: он обыкновенно считал, что никто из его подчиненных не способен подсказать ему что-либо умное.

— Однако, — Станкеев словно прочел мои мысли, — сейчас шутить нельзя. Доложи командиру свои расчеты!

— Есть, — ожил я. — Товарищ командир, следует ложиться на курс двести восемьдесят градусов! В противном случае, если конвой идет вблизи берега, можем оказаться вне предельного угла атаки к моменту его визуального открытия!

— Молчать! — гаркнул на меня Вербовский. — Не мешайте работать!

— Я только доложил свои расчеты, товарищ командир, — пояснил я.

— Ваша обязанность иметь расчеты наготове! Когда потребуется, вас опросят!

— В мои обязанности входит докладывать свои соображения командиру, — обиделся я.

— Молчать! — гневно повторил Вербовский, не отрываясь от давно уж поднятого перископа. — Ещё одно слово, и я вас выгоню из отсека.

— Есть! — буркнул я, сконфуженно глянув на озадаченного Станкеева.

В отсеке водворилось полное молчание. Паузу нарушил сам Вербовокий, вдруг обнаруживший фашистский конвой. Он передавал данные о движении врага с таким волнением, что я с трудом улавливал смысл залпом произносимых слов. И тут же мне стало ясно, что возможность атаки упущена из-за неправильного предварительного маневрирования.

— Мы находимся за предельным углом атаки, — немедленно доложил я командиру, — следует лечь на боевой курс и попытаться...

Вербовскяй, не дав мне договорить, снова осадил меня за советы и приказал рулевому ложиться не на боевой, а на совершенно другой курс. Он решил еще раз уточнить данные о конвое, хотя времени для этого явно не оставалось.

— Так атака не получится! — вырвалось у меня.

— Вон из отсека! — гневно крикнул Вербовский, вытаращив на меня налитые кровью глаза. — Отстраняю вас! Передать дела Любимову!

Я передал таблицы, секундомер и приспособления для записи

штурману и отошел в сторону.

Идя новым курсом, почти параллельным с конвоем, «Камбала», имея под водой гораздо меньшую скорость, все больше отставала и, наконец, потеряла всякую возможность занять позицию залпа и атаковать единственный в конвое транспорт.

Поняв свою ошибку, Вербовский попробовал ее исправить. Он вдруг приказал ложиться на боевой курс и приготовиться атаковать.

Новую ошибку допустил боцман, который перепутал положение горизонтальных рулей и нырнул на большую, чем следовало, глубину. На него едва ли не с кулаками набросился Вербовский. Сазонов, взволнованный до неузнаваемости, так и не смог прийти на заданную глубину. Командир его прогнал с боевого поста и поставил другого человека.

Этим неприятности не ограничились. Старшина группы трюмных перепутал клапаны переключения и, вместо того чтобы из кормовой дифферентной системы качать в носовую, пустил воду в обратном направлении. Вербовский и на него обрушился с неменьшим пылом, чем на Сазонова, но с поста не прогнал.

Видя общее смятение, растерялся и рулевой сигнальщик, который вместо ста девяноста восьми градусов неизвестно сколько времени продержал корабль на курсе сто восемьдесят восемь градусов.

Когда, наконец, центральный пост успокоился и командир получил возможность глянуть в перископ, конвой уже ушел. Ни о какой атаке мечтать уже не приходилось.

Вербовский долго смотрел в перископ «Камбалы», идущей почти в кильватере, но далеко сзади конвоя, который, очевидно, даже не подозревал о нашем присутствии в районе своего следования.

В отсеке все избегали смотреть друг другу в глаза. Стыдно было не только за провал, но я за бахвальство и самоуверенность, в которой каждый из нас в той или иной мере неоднократно расписывался еще в базе, на переходе и даже на позиции.

Казалась, ничто уже не могло нас развеселить. Но на войне, оказывается, бывают неожиданности, которые нельзя предусмотреть.

— Транспорт взорвался, тонет! Одновременно со словами командира мы отчетливо услышали два отдаленных раскатистых взрыва.

— Что случилось?

— Он же видит, что мы не можем, вот и решил сам утонуть, — довольно некстати рассмеялся лейтенант Любимов, вызвав

прилив нового гнева у Вербовского.

— Транспорт на мине взорвался, — бросил командир, закончив пространное нравоучение съежившемуся, как загнанный в ловушку кролик, штурману.

— Нет, не то, — решительно возразил Иван Акимович, — транспорт утопила «Зубатка».

— Нет, — упорствовал Вербовский, — «Зубатка» должна быть гораздо южнее.

— Так она, видно, пошла навстречу врагу... Командир остался при своем мнении, хотя, как потом выяснилось, транспорт действительно потопила подводная лодка «Зубатка», которой командовал старший лейтенант Александр Девятко.

Весть о том, что фашистский транспорт погиб, молнией облетела все отсеки. Люди, казалось, совсем позабыли о своей боевой неудаче.

Словно деревянной кувалдой били по легкому корпусу подводной лодки, — до нашего слуха начали доходить звуки отдаленных подводных взрывов.

— Право руля! Ложиться на курс десять градусов! Хм, и немцы тоже, как и наш Иван Акимович, думают, что их атаковала лодка, — ухмыльнулся Вербовский, опуская перископ. — Начали бомбить море...

— Они преследуют лодку, — Ставкеев твердо стоял на своем. — Во всяком случае, хорошо, что мы поворачиваем на обратный... А то утопила «Зубатка», а, не ровен час, отлупить бомбами могут нас. Куцему всегда попадает больше всех.

— Да, правда, совести-то у фашистов... — начал было Любимов.

— Отставить болтовню! — грубо оборвал его Вербовский. — Непонятная у вас страсть к болтовне...

Новые взрывы глубинных бомб еле улавливались. Постепенно их вовсе не стало слышно. Мы отошли к северу.

Вербовский вызвал меня в кают-компанию. Там уже были Иван Акимович и Любимов, разложивший на столе крупномасштабную карту района боевых действий.

— Давайте проанализируем графически ваше предложение и мои действия! — с ходу предложил командир.

По смягченному тону я понял, что с ним уже побеседовал Иван Акимович.

На карте были вычерчены несколько возможных вариантов атаки при различных способах боевых действий. После тщательного изучения тех и других Вербовский, к его чести, признал, что мое предложение, хотя и не полностью обеспечивало гарантированную и успешную торпедную атаку по транспорту

фашистов, было наиболее целесообразным. Он принял вину за срыв атаки на себя, хотя львиная доля ее лежала и на Сазонове, и на Калякине, и на мне. Ведь не кто другой, как я, помощник командира, был ответствен за слаженную и четкую работу центрального поста, который не выдержал испытаний. А центральный пост — это мозг подводной лодки. От его четкой работы зависит успех в бою.

Ошибки, способствовавшие срыву атаки, были с большой тщательностью разобраны не только непосредственными виновниками, но и остальными товарищами. Подводники, выполнявшие свои обязанности отлично, были поощрены приказом командира, несмотря на то, что корабль в целом не имел боевого успеха.

Оставшиеся дни пребывания на позиции не принесли ничего нового. Мы больше не имели встречи с транспортами и судами фашистов. «Камбала» повернула курсом в базу.

Возвращались мы ранним летним утром. Солнце еще не .успело осветить верхушки гор, амфитеатром окружавшие наше место базирования.

В войну у подводников выработалась традиция, по которой лодку, возвращавшуюся из боевого похода с победой, встречал весь личный состав соединения, независимо от того, в какое время суток она входила в базу. Нам такая торжественная встреча не полагалась. Нас должен был встретить лишь командир дивизиона. Однако лишь только мы показались в бухте, нас засыпали поздравлениями с береговых постов наблюдения. На кораблях выстроились стройные ряды матросов, старшин, офицеров. На многочисленных мачтах взвились флажки — сигналы с поздравлениями.

— Что это? — невольно вырвалось у Вербовского.

— Вероятно, недоразумение, — спокойно ответил Станкеев.

— На всех кораблях и постах позывные «Зубатки»! — внес пояснение доклад сигнальщика.

Произошло недоразумение.

— Поднять наши позывные! — не без досады скомандовал Вербовский сигнальщикам.

На всех кораблях, словно по единой команде, сигналы были спущены, но взамен их немедленно взвились новые флажные сочетания, адресованные нам: «Поздравляем с благополучным возвращением, желаем успехов!»

Мы ошвартовались у небольшого пирса, рядом с плавбазой «Нева», на которой размещался штаб соединения. На носовую надстройку «Камбалы» поднялся командир дивизиона капитан второго ранга Успенский, опытный и умный моряк. Он принял

доклад Вербовского, пожал ему руку и поздравил с благополучным возвращением из похода. Ни в выражении его лица, ни в голосе не было и намека на нашу неудачу. Но мы отлично понимали свое положение. И, казалось, в то утро все нам говорило о невыполненном долге перед Родиной.

— Прошу выстроить весь экипаж на верхней палубе! — обходя с рукопожатием людей, оказавшихся на носовой надстройке лодки, приказал комдив.

После обычных приветствий Успенский коротко рассказал подводникам о том, что с минуту на минуту ожидается доблестная подводная лодка нашего соединения, победительница «Зубатка». Она уничтожила итальянский танкер и немецкий транспорт с войсками и вооружением.

— Вы себя, конечно, чувствуете несколько... неловко, — комдив понизил тон: — Имели встречу с противником и не смогли его утопить. Но это не должно омрачать праздника, который подарила нашему дивизиону «Зубатка». Да и вы еще будете иметь возможность скрестить оружие с врагом. Главное, извлечь правильный урок. Ваш поход должен послужить уроком, школой, наукой.

В конце бухты показалась подводная лодка. На мачтах взвились флажные сигналы поздравления. Оглашая бухту бравурными звуками, на плавбазе духовой оркестр заиграл встречный марш. Комдив простился с нами, сошел с борта и побежал к соседнему пирсу, чтобы встретить победительницу.

Командир подводной лодки

В каюту поспешно вошел запыхавшийся Лыфарь.

— Вот это мне нравится! — развел он руками, хлопнув дверью.

— Что? — я отодвинул от себя книгу и повернулся к товарищу.

— Тебя везде ищут, а ты...

— Кто ищет?

— На лодке ищут, — Лыфарь поднял правую руку и потряс ею в воздухе. — Все порядочные помощники обычно находятся... Ты знаешь где?

— Так я же по плану занимаюсь. А ты пришел мешать мне?

— Павел Иванович тебя вызывает.

— Кто? — я поднялся с места.

— Командир бригады. Вернее, он вызывал тебя полчаса назад. Ты не был у него? Может быть, уже и не вызывает...

В дверь постучали. В каюту влетел раскрасневшийся Глотов.

— Товарищ старший лейтенант, — быстро заговорил он, — вас вызывает контр-адмирал!

Павел Иванович Болтунов пользовался большим авторитетом у подводников флота. Каждый вызов к нему был событием, даже если он был следствием не совсем приятных для офицера или матроса причин. Но за мной никаких прегрешений не числилось.

Входя в каюту начальника, подчиненный не может не испытывать волнения, имеющего заметный привкус страха. Такое чувство тем сильнее, чем большим авторитетом пользуется командир. Павел Иванович Болтунов принадлежал именно к числу начальников, которые просто и с легкостью могут внушать подчиненным уважение и любовь к себе.

— Поздравляю с назначением командиром подводной лодки! — этими словами встретил меня командир бригады и протянул мне руку.

— Благодарю, товарищ адмирал! — едва нашел я ответные слова.

Неожиданная новость сбила меня с толку.

День назначения на должность командира корабля исстари считается наисчастливейшей вехой в биографии офицера. Стать самостоятельным и полновластным командиром корабля удается далеко не каждому офицеру. Этой чести удостаиваются только лучшие, наиболее подготовленные. Я же не считал себя отличающимся от товарищей, поэтому вместе с радостью испытывал какую-то неловкость и смущение.

— Уверен, что вы хорошо проявите себя на новой должности, — напутствовал Павел Иванович, дружески глядя на меня своими умными, добрыми глазами. — Командовать кораблем трудно, ответственно и очень ответственно. Учиться много надо. Учиться у начальников, у товарищей и... у подчиненных. Не думайте, что раз вас назначили командиром, вы уже всё знаете. Многое, чего вы не знаете, знают подчиненные...

— Так точно! — вставил я больше автоматически, нежели осознанно.

— Зазнайство — враг любого успеха, — продолжал комбриг, медленно отходя за стол на свое место. — Имейте в виду: главное — люди и их воспитание. У нас на лодках золотые люди. Надо только правильно и грамотно руководить ими. У командира должен быть стальной характер и доброе, отцовское, заботливое сердце...

Командир бригады, еще раз пожелав успехов, отпустил меня.

Я все еще не успел освоиться со своим новым положением, поэтому, когда я шел в каюту, вид у меня был растерянный.

— Что с тобой? Будто невесту кто-то похитил? — спросил меня встретившийся на пути мой друг Николай Белоруков.

— Командиром лодки назначен, — сказал я, озадаченно посмотрев в глаза Николая.

— Поздравляю! Радоваться же надо, а ты... будто тебя избили бамбуковыми палками. — Он ободряюще потрепал меня по плечу. — Уверен, что из тебя получится командир. Но знает ли начальство, что ты...

— Что? — недоуменно переспросил я.

— Что ты дикарь и от тебя всего можно ждать?

— Ты вечно шутишь, Коля, а мне не до шуток. Пойдем лучше поговорим серьезно. Ведь надо переварить такое событие, — и я потащил его в свою каюту.

Николай Павлович Белоруков был помощником-командира подводной лодки «Сталинец». Эго был веселый и энергичный человек.

— Ты что делаешь в чужой каюте? — бросил Белоруков Лыфарю, который дожидался моего возвращения от комбрига. — Видно, хорошо усвоил: если хочешь жить в уюте, спи всегда в чужой каюте.

— Какое взыскание огреб? — опросил Лыфарь.

— Никакого.

— Он, брат, назначен командиром. Постой... командиром какой лодки ты назначен?

— «Малютки».

— Ты? Поздравляю! — Лыфарь вскочил с места, схватил меня

за плечи и начал дружески тискать.

Наша беседа, на которой Белоруков и Лыфарь дали мне много ценных, товарищеских советов, длилось более часа.

На «Камбале» меня ждали новые поздравления и душевные рукопожатия.

— Я, конечно, знал, что вас назначат командиром, — заявил Пересыпкин после обычного поздравления. — Мне, конечно, даже приснилось.

— Вы довольны?

— Конечно, доволен!

— Расставанию с таким помощником командира, как я...

— Да нет! — возразил матрос под общий смех окруживших нас подводников. — Я рад, конечно, что вас назначили командиром, но не потому, конечно, что расстаемся с вами...

Пересыпкин постоянно злоупотреблял словом «конечно».

— Наверно, и потому тоже, — продолжал шутить я.

— Хоть вы меня, конечно, и на губу посадили, — оправдывался Пересыпкин, — но, конечно, правильно посадили... Мина тоже сказала, что, конечно, правильно посадили... А за правду только нюни обижаются, а настоящие, конечно, матросы только уму-разуму набираются.

Пересыпкин имел в виду случай, когда он был наказан мною за опоздание на разводку дежурно-вахтенной службы.

— А где. Мина сейчас? — вдруг вспомнил я. — Ведь она была в Севастополе.

— Мина-то? — Пересыпкин расцвел. Со своими торчком стоявшими усами он напоминал в эту минуту котенка, готового вспрыгнуть на стол.

— Мина, говорят, замуж вышла за какого-то разгильдяя! — крикнул кто-то из толпы матросов.

— Вот в это уж никто не поверит. Она порядочная девушка, — заступился Свистунов.

— Мина, конечно, была здесь, — Пересыпкин не обратил внимание на насмешки товарищей, — а сейчас на фронте.

— Пишет?

— Редко, конечно, — матрос понизил тон.

— Ну и редко! — расхохотался друг Пересыпкина Додонов. — Да он писать ответы не успевает.

— Как это не успеваю? — пробрало, наконец, Пересыпкина. — Конечно, не успеваю, когда враз приносят кучу писем, а потом... по два месяца нет.

В последний раз беседовал и шутил я с подводниками «Камбалы». После Пересыпкина разговор зашел о матросе Додонове, затем вспомнили Сазонова, Калякина, н так более

половины экипажа были «проработаны» веселыми матросскими шутками.

Поздно вечером меня провожали подводники «Камбалы».

Стоя на подножке камуфлированного вагона военного поезда, я по очереди еще и еще раз жал руки бежавшим за поездом подводникам.

— Вы побрейте все же усы! — крикнул я Пересыпкину, который третий раз прощался со мной. — Стариком быть всегда успеете!

— Кто его знает, успею ля! Война! Мина говорит...

Последние слова рассмешили товарищей, но я так и не узнал, что говорила Мина своему жениху.

Рано утром 17 июня 1942 года поезд доставил меня на станцию назначения.

До места базирования подводных лодок я шел пешком.

В поезде я был погружен в дерзновенные мечты о своем боевом будущем. Шагая же вдоль пыльного шоссе в то ясное летнее утро, я вдруг испытал тревогу. Такое чувство, вероятно, испытывает каждый, кто приближается к чему-либо заветному, манящему и в то же время новому, неизвестному.

Я припоминал детство, родных и знакомых. В те далекие годы я мог получить любой совет от дедушки, от отца и матери.

Теперь они ничего не могли мне посоветовать. Моя жизнь ничем не напоминала их жизнь.

Я поднялся на вершину холма. Подо мной лежала небольшая бухта, сплошь заставленная разнокалиберными морскими судами. Из леса корабельных труб там и сям тянулись вверх столбы дыма.

Спустившись с холма, я пошел по тропинке, с обеих сторон заросшей колючим кустарником, густо обвитым ежевикой, кургантеллой и другими вьющимися растениями!

Эти болотистые, непроходимые заросли, прозванные «кавказскими джунглями», — излюбленное пристанище шакалов и лягушек — окружали плотным кольцом место базирования наших подводных лодок.

Вскоре я увидел перед собой каменное двухэтажное здание, выстроенное на небольшой возвышенности у самой бухты. В нем размещалась, береговая база подводных лодок. У подножия, в конце цементной лестницы, в тени эвкалиптов стояло несколько скамеечек. Это место прозвали «беседкой споров». Несмотря на ранний час, у «беседки» было довольно многолюдно.

— Вот он, приехал! — первым заметил меня мой давний знакомый командир подводной лодки Дмитрий Суров. — Сваны приехали! Теперь дело будет!..

Навстречу мне поднялись и другие, командиры подводных лодок: Борис Кудрявцев, Астан Кесаев, Михаил Грешилов, Евгений Расточиль и Сергей Хаханов.

Начались рукопожатия и поздравления. Меня стали расспрашивать о боевых делах подводных лодок соединения контр-адмирала Болтунова.

Беседа прервалась только тогда, когда командир дивизиона узнал о моем приезде и прислал посыльного с приказанием немедленно явиться к нему.

— Доложи комдиву и возвращайся! — напутствовал меня Кесаев.

Я побежал на плавбазу подводных лодок, где размещался штаб дивизиона.

— Первый раз вижу командира корабля, которого приходится чуть ли не на аркане тащить, чтобы представился, — с укором произнес командир дивизиона капитан второго ранга Хняйнен. Это был рослый офицер с крупными, волевыми чертами лица.

За свою службу во флоте я во второй раз попал в подчинение Льва Петровича Хняйнена.

Хняйнен был вежливым, мягким человеком, умевшим сохранять с подчиненными простые, товарищеские отношения и в то же время требовать строжайшего и беспрекословного повиновения во :всех вопросах службы. Не помню случая, чтобы он отдавал приказание в повышенном тоне, и все же его приказания исполнялись точно и ревностно. В часы отдыха мы знали Льва Петровича веселым, остроумным человеком, лишенным чванства и заносчивости. Всесторонне развитый человек, он был всегда желанным собеседником в обществе.

— «Малютка» потерпела аварию, вы знаете, конечно? — перешел Лев Петрович к ознакомлению меня с обстановкой.

— Никак нет, не знаю!

— Во время зарядки взорвалась батарея. Такие случаи бывают только вследствие... как вы знаете...

— Неправильного ухода.

— Так точно! — Лев Петрович тряхнул трубкой о êрай пепельницы и пристально посмотрел на меня. — И они, надо полагать, эту истину знали... Знали, а требования инструкции не выполняли.

— А жертвы были? Или обошлось...

— Погибло несколько человек... И раненые были... С этим подробно ознакомитесь, я полагаю, по документам. Теперь хочу вам сказать, что экипажу нужен оптимизм. Да, оптимизм, я не оговорился. Уверенность в собственных возможностях, в победе! У вас этого, по-моему, хватает. Даже больше, чем...

— Да, — сконфуженно опустил я голову, вспомнив о том, что в начале моей службы на подводном флоте Лав Петрович как-то наказал меня именно за фантазерство и излишнюю самонадеянность.

— Помните? — подмигнул мне комдив.

— Помню, — засмеялся и я. — Но многое изменилось...

— Нет, дорогой мой, характер перевернуть вверх дном полностью нельзя. Его можно воепитать, подправить, сгладить, но из оптимиста сделать пессимиста трудно. Верно?

— Так точно!

— У вас впереди огромная работа: воспитывать и сколачивать экипаж. В его составе новые люди; овладеть людьми, почувствовать их настроения, мысли, зажечь в них боевой огонь; заставить их мечтать о победах, приучить жить этими мыслями; изучить устройство корабля и техники. И изучить не так, как... помните, были дни? — Лев Петрович снова подмигнул.

Очевидно, он вспомнил, как мы сдавали ему зачеты. Как правило, по первому разу никто не мот получить положительную оценку, и приходилось по нескольку раз переэкзаменовываться.

Корпус корабля слегка дрогнул. Комдив подошел к иллюминатору.

— Опять не успел погасить инерцию, — с досадой произнес он. — Это Суров швартуется. Хороший был бы он командир, но... слишком горяч. Все не терпится, опешит, спешит...

Дмитрий Суров был известен как один из лучших командиров подводных лодок. Я мечтал быть таким, как он. То, что Лев Петрович не вполне доволен им, удавило меня и смутило. Свои мысли я тут же высказал комдиву.

— Согласен с вами, — ухмыльнулся Хняйнен. — Суров действительно прекрасный командир, у него есть чему поучиться, но есть у него и недостатки. С ними надо бороться. А хвалить? Пусть нас другие похвалят...

Хняйнен не часто хвалил офицеров, но и зря никогда не ругал их. Прежде чем высказать свое мнение о том или ином офицере, он тщательно его изучал, и его характеристики были всегда серьезны и справедливы.

— Примите дела, не теряя ни минуты. У вас мало времени! — закончил Лев Петрович, встав с места. — Пойдемте, я вас представлю экипажу.

В каюту вошел атлетического сложения капитан третьего ранга. Он сверху вниз испытующе глянул на меня и тут же протянул руку.

— Иосселиани, если не ошибаюсь?

— Так точно, старший лейтенант Иосселиани! — подтвердил

я.

— А я Куприянов Иван Иваныч, комиссар дивизиона.

Пока мы знакомились, Хняйнен переводил взгляд с комиссара на меня, упорно раздумывая о чем-то.

— Вот и хорошо! — вдруг вспомнил он что-то и принялся шарить в бумагах на столе. — Иван Иваныч, вы пока идите в свою каюту, поговорите, познакомьтесь с Иосселиани. А я закончу свои дела, потом представим его народу.

— Пошли! — Куприянов вышел первым в дверь.

Мне пришлось рассказать комиссару автобиографию и даже отдельные подробности моей учебы в школе и в военно-морском училище.

— Служебные отзывы о вас я знаю, — перебил меня Иван Иваныч, когда я начал говорить о службе на «Камбале», — они неплохие. Курите?

— Так точно, трубку.

— Можете курить.

— В рабочем кабинете обычно не курю. Тем более у вас... Очень чистый воздух... жалко.

Я тогда не знал, что Иван Иваныч хотя сам и курил, но не терпел дымных, накуренных помещений, и был удивлен, почему ему так уж понравились мои, казалось бы, наивные слова.

— На «Малютке» служить будет труднее, чем раньше, — после некоторого раздумья заговорил Куприянов, тоном показывая, что официальная часть нашего знакомства закончена и началась неофициальная, дружеская. — Здесь вы командир. Опекать некому. Комдив в базе, а вы в море, на лодке. Мало того, на вас смотрит весь экипаж. Надо так знать дело, чтобы уметь помочь подчиненным в трудную минуту, правда?

— Так точно!

— А чтобы уметь помочь, специалисту-подводнику надо много учиться...

Комиссар говорил все то, что принято говорить в подобных случаях, но говорил искренне, от сердца, и поэтому обычные слова звучали не по-обычному, а проникновенно, подкупающе, доверительно.

— Победа рождается в упорном труде и учебе, — закончил Куприянов. — Я уверен, что ваш экипаж имеет все условия для того, чтобы в скором будущем выйти в ряды передовых кораблей дивизиона. А дивизион наш воюет, как вы, наверное, знаете, неплохо, — не без гордости произнес он. — Вы слышали о делах подводных лодок Сурова, Грешилова, Расто-чиля?

— О последнем походе Расточиля я почти ничего не знаю, — спохватился я. — Мельком слышал, что «Медуза» потопила

транспорт и... потом оказалась в тяжелом положении.

— Этой аварией стоит поинтересоваться. Случай показательный.

Иван Иваныч рассказал о случае с подводной лодкой «Медуза», которая только два дня тому назад возвратилась из боевого похода. Боевое задание она выполнила блестяще — отправила на дно вражеский транспорт, груженный войсками и боевой техникой. Торпеды взорвались у его борта так неожиданно и с такой силой, что о спасении не могло быть и речи. Началось сорокачасовое жестокое преследование подводной лодки катерами-охотниками. В конце концов удалось их обмануть и уйти от преследования. Оставалось благополучно возвратиться в базу, «унести победу домой», как говорили подводники. Для этого надо было выйти из противолодочного лабиринта врага, форсировать плотное минное заграждение и пройти через охраняемые районы моря. Идя на позицию, «Медуза» имела много касаний минрепов и даже подорвалась на одной из фашистских мин. К счастью, тогда обошлось без больших повреждений. Лодка уже находилась под водой более двух суток. Электроэнергия была на исходе, требовалась строжайшая экономия. Процент содержания углекислоты в воздухе достигал верхнего предела. Ощущалось кислородное голодание. Барометрическое давление было высокое, люди учащенно и с трудом дышали. Но все это не могло омрачить радость победы.

На большой глубине, прижимаясь к грунту, «Медуза» продвигалась на восток. Когда она подошла к внутренней кромке минного поля, наверху, над морем, вечерние сумерки сомкнулись, и стало совсем темно. Командир объявил готовность номер один и велел приступить к форсированию минного поля. Водворилась тишина, которую нарушали лишь отдаленное бульканье гребных винтов и щелканье аксиометров указателей механизмов. Важно было не упустить момента касания корпуса корабля о зловещие минрепы, верхние концы которых были увенчаны смертоносными черными минами. От своевременного их обнаружения теперь зависела судьба всего экипажа, всей лодки.

Шли напряженные секунды, минуты, десятки минут. Штурман отсчитывал каждый кабельтов, доли мили, почти ползком пройденные кораблем. Прошло сорок минут. «Медуза» почти миновала опасную зону. Первоначальная нервная напряженность начала смягчаться. Сорок вторая минута... Подводная лодка проходила последний кабельтов минного заграждения. И вот послышался скрежет минрепа.

«Медуза» приступила к уклонению от нависшей опасности.

Но минреп не отрывался от корпуса лодки. Он упорно проползал вдоль правого борта. Пройдя последовательно все носовые отсеки, скрежет дошел до района центрального поста и на какое-то мгновение умолк. Потом раздался оглушительный взрыв, и в тот же миг все погрузилось в кромешную темноту.

Люди, отброшенные взрывом, лежали на палубе вперемежку с сорванными с фундаментов механизмами, оружием, инструментом. «Медуза» с быстро растущим дифферентом на нос падала вниз на грунт.

Подводники при тусклом свете аварийного освещения кинулись к боевым механизмам, пытаясь вновь овладеть управлением. Однако корабль не слушался людей и продолжал быстро погружаться. Через несколько минут «Медуза» самопроизвольно легла на дно моря почти в самом конце вражеского минного заграждения.

Из отсеков хором докладывали о повреждениях. Машинный отсёк оказался пробитым насквозь, внутрь корпуса поступала забортная вода; вышли из строя все рули; заклинила правая линия вала. Стало ясно, что корабль нуждается в срочном и основательном ремонте. Командир послал аварийную партию в машинный отсек.

Ночь прошла, наступило утро. В отсеках «Медузы» ни на минуту не прекращались работы. Исправлялись системы управления, ремонтировались электроустановки, люки, клапаны, устранялись повреждения в корпусе, в систернах и машинных кингстонах. Люди забыли об усталости. К полудню появились первые ощутимые результаты упорного труда. Из отсеков все чаще и чаще стали докладывать об окончания ремонта механизмов и оружия.

Но вот послышался шум винтов. Никто не проявил малодушия, страха или неуверенности, но доклад гидроакустика ошеломил всех. Стало очевидно, что враг не забыл «Медузу».

Доклады гидроакустика слышали не только в центральном посту, но и в смежных отсеках корабля. В эти тяжелые минуты все с нетерпением ждали решения командира.

— До нас они не дойдут! — чтобы все слышали, очень громко произнес Расточиль. — На кромке минного поля повернут...

Командир не успел докончить. Раздались новые взрывы глубинных бомб.

— Катера быстро сближаются: слева сто восемь и справа сорок один! — методично докладывал гидроакустик.

— Оставаться на грунте нельзя! — бросил командир механику. — Во что бы то ни стало дать ход кораблю и начать активное уклонение от преследования. Очевидно, из

поврежденных систерн на поверхность моря выходит соляр, фашисты нас «видят» и бомбят почти точно.

Близкие взрывы новой серии бомб сильно потрясли подводную лодку. Корабль получил хоть и небольшие, но новые повреждения. Со штурманского столика с грохотом свалились карты и инструмент.

— Слева приближается новая группа катеров!

Командир, словно не слыша доклада гидроакустика, внешне спокойно снял трубку телефона, соединился с машинным отсеком.

По кораблю полетели новые команды.

Словно пробуждаясь после длительного обморока, «Медуза» сделала медленные, неуверенные попытки к движению. Она проползла по дну моря несколько кабельтовых, работая единственным исправным винтом. Затем, постепенно приведя в порядок нарушенную дифферентовку, оторвалась от грунта.

Фашисты обнаружили, что советская подводная лодка, которую они считали уже погибшей, начала двигаться.

Катера неистовствовали, но подводная лодка теперь могла уклоняться, соревноваться с врагами в хитрости и умения владеть своим оружием. Подводники «Медузы» верили в свои силы и знания. Они добыли эту уверенность упорным трудом еще в базе, на полигонах боевой подготовки.

— Несмотря на все, «Медуза» оторвалась от вражеского преследования и с победой возвратилась в базу, — несколько патетично закончил Куприянов свой рассказ.

— Молодцы! — вырвалось у меня.

— Поход показательный, — еще раз повторил комиссар.

— Может быть, личному составу «Малютки» рассказать об этом походе?

— Хм... Поздно, — с некоторым самодовольством покачал головой Иван Иваныч. — Вчера уже провели беседу. Сам Расточиль рассказывал о делах «Медузы»... Однако мы заболтались. Пошли скорее. Лев Петрович ждать не любит.

«Малютка»

У маленького пирса в северной стороне бухты, где была ошвартована «Малютка», нас встретил низенький белобрысый офицер с нарукавными нашивками старшего лейтенанта. Он отрапортовал командиру дивизиона о том, что личный состав корабля выстроен по большому сбору, и назвал свою должность: помощник командира подводной лодки «Малютка».

— Знакомьтесь, — обратился ко мне Лев Петрович, — это ваш помощник, Александр Косик, лихой донской казак. Орден «Знак Почета» получил еще до военной службы за заслуги в коневодстве. Вы умеете ездить верхом?

— Как же, товарищ комдив, — забасил Косик, — лучшими наездниками всегда были люди с гор.

В ожидании нас в стройных рядах застыл на верхней палубе подводной лодки экипаж «Малютки».

Лев Петрович представил меня личному составу «Малютки» и намеревался еще что-то добавить, но сигнал воздушной тревоги, раздавшийся во всех углах бухты, рассыпал строй.

Я взбежал на мостик «Малютки» и вступил в командование подводной лодкой.

— Открыть огонь! — была первая команда, которую я подал.

Артиллеристы открыли огонь по фашистским самолетам одними из первых в бухте.

Самолеты бомбили корабли с большой высоты бесприцельно. Только одна бомба попала в ранее уже поврежденный транспорт, сидевший на мели у выхода из базы. Большинство же их разорвалось в море, подняв огромные шапки воды, дождем накрывшие при своем падении близстоявшие корабли.

После отбоя я приказал собрать экипаж на верхней палубе корабля.

— Может быть, слишком рано, — начал я не без смущения, — я еще не вступил как следует в командование подводной лодкой, но тем не менее не могу бесследно пропустить мимо внимания коллектива отличную стрельбу наших артиллеристов. Я все время следил за трассами наших снарядов. Хорошо ложились!

Я учитывал, что самолеты были на большой высоте и поразить цель на таком расстоянии было почти невозможно.

Подводники переглядывались, и я не мог уловить, означает ли это одобрение, или они приняли мои слова за чудачество.

— Хочется нашим артиллеристам объявить благодарность, — продолжал я. — Если и торпедисты так владеют своим оружием, мы с вами выйдем в число передовых кораблей дививиона... А

пока мы должны как можно скорее закончить ремонт. Кто еще не знает, в том числе, конечно, и я, обязаны изучить устройство своего корабля. Новичков надо подготовить в процессе ремонта, специального времени для этого не будет.

Распустив людей, я почувствовал, что с меня течет пот, а щеки горят. Впервые за много лет я так волновался. «Поняли ли меня люди, не посчитали ля бахвалом?» — мучился я.

Обходя отсеки «Малютки», я встретился со своим старым знакомым — рабочим судоремонтных мастерских Метелевым.

— Дядя Ефим! — обрадовался я. — Какими судьбами?

— Ярослав Константинович! Рад! Опять с тобой встретились!

Мы хотели было расцеловаться, но на нас смотрело много людей, поэтому мы молча любовно смотрели друг на друга.

— Так вот, корабли ремонтируем. С другом тут. Помнишь «шпиона»? Селиванова? — Метелев указал на своего товарища.

— Как же не помнить! — отозвался я, пожимая его руку.

Мы долго беседовали, вспоминая подробности первых дней войны.

— Ну, а как ремонт? — перешел я на деловую тему.

— Раньше срока будет все готово, товарищ командир, ты нас знаешь, — уверенно ответил Метелев.

Мы привыкли верить слову рабочих. В тяжелые дни войны золотые руки судоремонтников не раз совершали чудеса. Сжатые и без того сроки ремонта и ввода в строй поврежденных в боях кораблей и их механизмов, как правило, всегда сокращались.

— «Камбалу» ввели в строй за пять дней, — напомнил я.

— Наше дело чинить, — вмешался Селиванов. — Воюйте хорошо, а мы со своими делами справимся.

Селиваному было лет сорок, не меньше. Но когда он улыбался, ему нельзя было дать больше тридцати: морщинки на его широкоскулом лице разглаживались, глаза блестели молодо, остро.

— Мы пахали... Обеспечим! — передразнил друга Метелев. — Ты обеспечь, а потом говори! Без матросов мы с тобой ничего не обеспечим.

— Дядя Ефим всегда верен себе: скромность, трудолюбие и скромность! — рассмеялся я. — Матросы без ваших умелых рук и опыта возились бы до самого конца войны.

— Точно, — ввернул Метелев все более входящее в обиход словечко.

— Дядя Ефим, — перебил я старика, — вы бы могли найти немного свободного времени? Хотелось бы кое о чем посоветоваться.

— Хм, — Ефим Ефимыч на секунду призадумался, —

вечером?

- В любое время. Приходите ко мне на плавбазу, в каюте поговорим. Если вдвоем с Селивановым придете, совсем будет хорошо.

В тот же день поздно вечером рабочие пришли ко мне.

— Я уж знаю, о чем ты меня будешь спрашивать, Ярослав Константинович, — Ефим Ефимыч по-хозяйски уверенно опустился на предложенный ему стул я пригладил поседевшие пышные усы.

— Тем лучше, дядя Ефим, ведь мы старые знакомые.

— Твой новый экипаж хороший... люди трудолкн бивые, добросовестные и... очень хотят, рвутся, можно сказать, в бой. Но... только все зависит от тебя! — Ефим Ефимыч многозначительно посмотрел мне в глаза. — Только от тебя! Предшествующий командир был мягковат. Начальник должен быть твердым и справедливым, понял?

— Это главное — надо быть справедливым! — поддержал старика Селиванов.

— Меня упрекает в несправедливости, — пояснил Метелев, подмигнув на своего друга. — Дескать, он много работает, а я его мало хвалю. Зачем хвалить? Его недавно наградили медалью «За боевые заслуги». Вот и хвала.

— Поздравляю! — я с удовольствием пожал шершавую, всю в ссадинах и шрамах руку.

— Будто я и впрямь требую, чтобы хвалили, — оправдался смущенный Селиванов.

— Прошу меня извинить, товарищи, — спохватился я. — Нечем угостить. Только сегодня прибыл и...

— Это ты брось, Ярослав Константинович, — махнул рукой Метелев. — После войны будем угощаться.

— Надеюсь, еще до конца войны найдем возможность...

— Ну, если найдем, хорошо, — Ефим Ефимыч явно не хотел распространяться на эту тему. — Одним словом, ты не уверен, что матросы, старшины да и... видать, офицеры хорошо знают устройство «Малютки». В этом дело?

Я кивнул головой.

— Да и я сам почти не знаю.

— Ну, ты быстро изучишь. А вот у кого образования поменьше, или, скажем, кто чванится, стесняется подчиненных, не знает, как к делу приступить, тому посложнее. Думаю, лучше всего будет не силком, а личным примером.

— Силком и не заставишь, — подтвердил Селиванов. — Это не зачет сдавать.

— И на «Камбале» так было. Зачеты все сдали, а дело знали

плохо, — припомнил Метелев — Человек должен сам себя строго экзаменовать. Надо сознанием брать... По-моему, подводники чертежи знают хорошо, а на месте, у механизмов, не всегда разбираются что к чему. Лодку надо изучать на лодке, самому надо все зачертить с натуры, а не зубрить по чужим чертежам.

— А как, на ваш взгляд, дисциплина на корабле?

— Нормальная, — просто ответил Ефим Ефимыч. — Дисциплина может быть и лучше, если крепче возьмешь. Может остаться и такой. Народ хороший, люди не подведут.

— А теперь главное: что можно сделать, чтобы ускорить ремонт? Чем можем мы вам помочь?

— Срок, Ярослав Константинович, ты знаешь...

— Ну, мы постараемся закончить работы пораньше, — перебил Селиванов.

— Обнадеживать трудно, Ярослав Константинович, сроки сжатые. Постараемся, конечно. Подводники нам помогают, большего от них, пожалуй, и не потребуешь.

Давно уже перевалило за полночь, когда Метелев и Селиванов вышли из каюты.

После их ухода ко мне явился с докладом и проектом плана работ и занятий на следующий день старший лейтенант Косик.

— Мы с вами завтра целый день будем заниматься вместе! — заявил я Косику после утверждения плана. — Вы меня будете учить устройству лодки. С утра приходите в комбинезоне и пойдем по кораблю.

— Может быть, сперва ознакомитесь с документами в каюте?

— Нет, лодку изучают в лодке.

— Да, но буду ли я хорошим учителем, товарищ командир?

— Как так? Вы помощник, вы должны лодку знать лучше всех.

— Есть! — произнес несколько озадаченный Косик.

С утра следующего дня мы действительно начали изучение «Малютки».

В первом отсеке нас встретил с рапортом старшина группы торпедистов плотный шустрый парень Леонид Терлецкий.

— Будем изучать устройство лодки. Занимайтесь по плану, не обращайте на нас внимания, — сказал я старшине.

— Есть, — отрезал старшина, стоя в положении «смирно». В его хитроватых маленьких глазах, устремленных на меня, я уловил искорку улыбки.

— Что улыбаетесь?

— Никак нет, — вывернулся Терлецкий. — То есть...

— Не обращать внимания на начальников трудно, — заметил в помощь своему старшине белокурый, с нежным румяным лицом матрос Свиридов.

Общее устройство подводных лодок типа «Малютка» я знал. И поэтому занятие мы начали сразу с детального изучения систем и боевых установок.

Где ползком, где на корточках мы залезали буквально во все уголки корабля — в трюмы, в выгородки и щели, подробно занося на чертежи все, что-видели и ощупывали. Таким образом постепенно составлялись подробнейшие схематические чертежи расположения боевых механизмов, систем — главной водяной, воздуха высокого, среднего и низкого давлений и других.

Глядя на нас, и остальные офицеры и старшины «Малютки» все свободное от работ по ремонту и частых в те горячие дни боевых тревог время стали заниматься совершенствованием своих знаний.

— За последнее время подводники твоей «Малютки» помешались. В этом, конечно, ты сам виноват! — переступая через леер на борт «Малютки», с места в карьер отрапортовал как-то мой давний приятель Михаил Грешилов. При этом он привычным скупым движением огладил пышную черную бороду, подошел к столику, заваленному чертежами и рисунками, и принялся их рассматривать.

— Помешался? — повторил я, обнимая прославленного подводника.

— Говорят, у тебя все — и начальники и подчиненные — днем и ночью изучают подводную лодку, гонят ремонт как угорелые. Рабочие будто бы и спать перестали.

— Война же, — отозвался я. — Это не только мое влияние.

— Нет, ты повлиял!

— Ну, ну! — остановил я друга. — Ты любишь людей подбадривать, я знаю. Имей в виду, я рассчитываю на твою помощь... в советах, главным образом.

— Готов советовать, в чем могу. Но пока, я вижу, ты сам справляешься. Школа Льва Петровича чувствуется... Я, брат, так же, как и ты, начинал. Поначалу было нелегко, — и Михаил Грешилов с увлечением принялся рассказывать о своей службе в должности командира подводной лодки.

Он стал им два года назад. Задолго до выхода в море, пока лодка достраивалась, экипаж сроднился с кораблем, досконально изучил его. Заводские испытания лодки закончились в марте 1941 года. Настал день подъема флага, при котором присутствовал весь личный состав.

Грешилов скомандовал: «Военно-морской флаг поднять! Заводской спустить!»

В эту минуту он понимал, что пройден важный рубеж на его жизненном пути. Комсомолец из курской деревни, попавший на

флот, принимал на себя ответственную роль командира корабля. Вот эти люди, замершие в строю, отныне будут выполнять свой долг перед Родиной, следуя его приказаниям, слушая его команду. Они должны повиноваться его воле, учиться у него. Сможет ли он быть хорошим командиром? Есть ли у него все, что необходимо для этого?

Недолго пришлось ему свыкаться с новой ролью — всего три месяца. За это время экипаж успел хорошо узнать все капризы своей лодки и полюбить ее. Грешил ов всячески старался укрепить в экипаже это чувство любви к своему боевому кораблю.

На борту лодки не было человека старше тридцати лег. Большую часть экипажа составляли комсомольцы. Лодка была для каждого из них не только военным кораблем, но и частицей Родины.

Но изучения механизмов и устройств лодки слишком мало для командира корабля. Надо было хорошо узнать людей, воспитывать их. А эта задача решается лишь путем повседневного и постоянного общения с подчиненными. По документам и бумагам этой цели достичь нельзя. Грешилов долго без устали работал со своим коллективом, и ему удалось добиться успеха. К началу боевого плавания он мог точно определить, как будет вести себя каждый член экипажа в минуту испытания. Знал, что можно целиком довериться главному старшине Борису Сергееву, отлично изучившему свое хозяйство, ревностно следящему за тем, чтобы электрическое сердце лодки не давало перебоев. Знал, что можно положиться и на старшину торпедистов Владимира Макаренко. Это был исполнительный подводник, влюбленный в свои торпедные аппараты. Образцово нес службу и боцман Николай Хриненко.

Проверить экипаж помогла первая учебная атака по эскадренному миноносцу. Залп был дан без промаха, и корабль «потоплен». Торпедист Макаренко снисходительно принимал поздравления товарищей.

«Чему вы удивляетесь? — говорил он. — Разве хороший торпедист промажет?» И хотя все это происходило в первой учебной атаке, каждый член экипажа тогда разделял чувства старшины торпедистов.

Никто в те дни не предполагал, что не пройдет и месяца, как торпедным аппаратам придется дать залп не по условному противнику, а по вражеским кораблям, коварно напавшим на нашу Родину. Началась Отечественная война... Но экипаж не. сразу принял в ней участие. Ему пришлось пройти большой курс боевой подготовки, прежде чем отправиться на охоту за вражескими транспортами.

Грешилов старался использовать каждый час для закрепления всех навыков, приобретенных экипажем в дни мирной учебы. В недолгие интервалы между воздушными тревогами, собравшись в крохотной кают-компании, офицеры старались заглянуть в будущее. Что принесет экипажу первый боевой поход? Хорошо ли он подготовлен к выполнению воинского долга? Снова и снова тщательно проверяли каждую деталь оборудования лодки, испытывали ее ходовые и маневренные качества, тренировались в искусстве быстрого выхода в атаку.

Наконец командование выпустило подводную лодку в море. Долго бороздила она синюю гладь, не встречая противника. Экипаж досадовал: дни уходят, а они бездействуют. Казалось, только они одни во всем флоте сейчас не используют своего оружия против врага. Но, досадуя, как и все, Грешилов в глубине души вместе с тем был доволен. Экипаж, как говорится, обжил, море.

Экипаж возвратился с первой позиции без боевого успеха. Не принесла военной удачи и вторая и третья позиции. Самые нетерпеливые поняли, что на войне терпение так же необходимо, как и способность к стремительным действиям.

Другие лодки соединения уже открыли счет потопленных вражеских кораблей. Только лодка Грешилова еще не выпустила по врагу ни одной торпеды...

— Зато вам потом повезло, — перебил я рассказ Грешилова.

— И вам также повезет. Все зависит от желания и энергии. Ваша «Малютка» поновее нашей лодки, и... я считаю, вы должны нас обогнать в боевых успехах.

— Да что ты! — рассмеялся я.

Я так подробно передаю рассказ Грешилова потому, что экипаж, которым он командовал, насчитывал к тому времени пять блестящих побед, одержанных над фашистскими кораблями. Расспрашивая моего друга, я мысленно решил следовать его опыту. Его рассказ стал для меня умным и очень убедительным примером.

— Прибыл вновь назначенный к нам матрос Поедайло, товарищ командир, — обратился ко мне Косик, — прикажете представить?

— Зовите!

— Какой Поедайло? — задумался Грешилов, поглаживая бороду. — Эх, это разгильдяй! Недисциплинированный подводник. Правда, в боях участвовал...

— Храбрый?

— Раз недисциплинированный — значит, трус и лентяй.

На мостик проворно поднялся щеголеватый, краснощекий,

слегка курносый матрос, с лихо насаженной на самый затылок бескозыркой. Разглядывая его, я невольно припомнил кинофильмы, в которых действовали матросы-»братишки» с их развинченной походкой, пошлыми манерами, склонностью к анархизму.

— Матрос Поедайло прибыл в ваше распоряжение для прохождения дальнейшей службы! — доложил Поедайло. Его довольно красивые глаза нагло и самоуверенно «сверлили» меня.

— Не по-уставному докладываете! — вырвалось у Косика.

— Война, товарищ старший лейтенант! — развел руками Поедайло, искоса глянув на помощника. — Что поделаешь, не до уставов...

— Вот поэтому-то и следует особенно строго соблюдать уставные положения, товарищ под-водничек! — смерив с ног до головы матроса, отметил я.

— Узнаю вас, узнаю, Поедайло, — вздохнул Грешилов.

— Ах, простите, товарищ капитан-лейтенант, не заметил, здравствуйте, — матрос, казалось, смутился.

— Опять вас узнаю! Вы никогда не замечаете тех, с кем следует обменяться приветствиями, — сухо заметил Грешилов.

— Нет, честное слово, не заметил! Вы за тумбой стояли...

Оказалось, что матрос Поедайло служил последовательно почти на всех лодках дивизиона и везде показывал себя только с плохой стороны. От него неизменно старались избавиться и в конце концов под каким-нибудь предлогом списывали с корабля.

— От него придется избавляться, — как бы про себя пробасил Косик вслед Поедайло, которого уводил боцман через кормовой люк в лодку.

— Попробуем воспитать, может... — возразил я.

— Попробуйте, попробуйте! — иронизировал Грешилов. — Иногда бывают чудеса. У моего боцмана с ним ничего не вышло. Он кончил тем, что сдался. Сам напился до неузнаваемости.

— Поедайло одолел?

— Да. А Поедайло потом хвастал, что он перевоспитал самого грозного и исправного боцмана на дивизионе.

— А сколько же раз он сидел на гауптвахте?

— Не знаю. Взыскания с арестами он имел... И много раз имел, — ответил мне Грешилов.

— Зря, — решительно заярил я. — Недооцениваем гауптвахту. Она иногда помогает.

— Правильно! — согласился Косик. — Я всегда так говорил... А потому, если объявил арест, надо обязательно арестовать, а не... дискредитировать свои же решения.

— Вообще вы, братцы, хлебнете с ним горя, — Грешилов

задумчиво посмотрел в иллюминатор...

Поедайло сразу же начал нарушать дисциплину и щеголять своей разболтанностью.

На следующий же день поздним вечером парторг корабля Петр Каркоцкий сказал мне:

— Я, товарищ командир, насчет новичка, липового новичка, Поедайло нашего...

— Почему липового?

— Какой же он новичок? Он на дивизионе гастролирует давно... Все части обошел.

— Да, говорят так. Но надо перевоспитать разгильдяя.

— Надо, конечно, но потребуются крутые меры. Самые крутые.

— Говорят, он одного боцмана уже... воспитал.

— Был такой случай, — Каркоцкий расхохотался — Вам уже сказали? Это шутка, конечно, но не далекая от правды... Он ведет нехорошие разговоры среди товарищей. Такие ужасы о войне рассказывает, что прямо запугал всех. Ведь наши матросы еще не обстреляны, глубинную бомбежку не испытали, и они...

— Верят ему?

Каркоцкий задумался. Я смотрел в его глаза и ждал ответа. Волосы у Каркоцкого были рыжие, бровей и ресниц не было видно, — бесцветные, они сливались с загорелым лицом, но в глубоко сидящих глазах читались ум и решительность.

— И верят и не верят. Кое-кто может и поверить. Есть же люди со слабым характером.

— Надо, чтобы его разоблачили как труса, — посоветовал я парторгу.

— Примерно в таком направлении я и ориентировал комсомольцев, но решил доложить вам.

— Правильно.

— Да еще этот липовый храбрец воспевает пьянство.

— Но списывать с корабля не будем. Он пойдет с нами в походы, — решил я.

— Мне кажется списывать нет необходимости. У нас народ хороший. Сумеем переварить такого «героя». Но горя, конечно, хлебнем с ним, — согласился со мной парторг.

Таким образом, по вопросу воспитания Поедайло наши мнения сошлись.

— Еще одно дело, товарищ командир, — проговорил парторг, встав со стула. — Подводная лодка «Агешка» вернулась из очень интересного похода.

Нельзя ли попросить командира побеседовать с нашими ребятами?

Мне очень понравилась мысль парторга, и я обещал завтра же поговорить с капитаном третьего ранга Кукуем.

Подводные лодки нашего дивизиона воевали активно; многие из них уже не раз возвращались из боевых походов с победами, которые сразу же становились известными всем подводникам соединения. Но и специальные беседы не теряли смысла и интереса. Подводники интересовались прежде всего подробностями, опытом, добытым нередко кровью своих товарищей.

Поход «Агешки» действительно был очень поучительным. Лодка охотилась за фашистскими кораблями в северо-западной части Черного моря. На седьмой день поиска она обнаружила транспорты противника. Приготовив к бою торпедные аппараты, она устремилась навстречу врагу. Ей удалось благополучно прорвать кольцо охранения и торпедировать головной транспорт, груженный боеприпасами. Транспорт был большой, его груз был достаточен для боевых действий целой войсковой части в течение месяца.

После атаки подводная лодка подверглась ожесточенному преследованию. Фашисты с остервенением сыпали глубинные бомбы на «Агешку», дерзнувшую прорваться внутрь минного поля, считавшегося надежным барьером против наших неопытных, как они полагали, подводников. «Агешка» была первой лодкой, атаковавшей вражеские силы внутри минного поля в северо-западной части моря.

Преследование длилось долго? Фашисты хотели не только отомстить за серьезный урон, причиненный лодкой, но и отучить советских подводников от столь смелых маневров. «Агешке» удалось оторваться от врага, но она наскочила на мину и получила серьезные повреждения.

Устранение их потребовало много сил.

Впоследствии командир лодки Григорий Кукуй в тесном кругу друзей сочинял немало острот, вспоминая эти напряженные минуты. Он шутил, например, что будто бы, стремясь придать своему голосу спокойное выражение, он так напрягался, что у него чуть глаза не вылезали из орбит и что отсутствие света он считал очень удачным для себя, ибо матросы не могли видеть вибрацию, которой было охвачено все его тело...

Лодка всплыла в надводное положение. На поверхности моря врага не было, и экипаж получил возможность залечить свои раны. За одну короткую ночь нужно было сделать столько же, сколько делает хорошая ремонтная мастерская за неделю.

С наступлением утра «Агешка» ушла под воду, чтобы там окончательно подготовиться и снова скрестить свое оружие с

врагом.

Через сутки она была готова к боевым действиям. Осталась не введенной в строй только связь.

А спустя четыре дня лодка напала на вражеский конвой, шедший из Одессы на юг. Очевидно, на этих кораблях фашисты увозили награбленное на оккупированной территории имущество. Лодка прорвала кольцо окружения и нанесла смертельный удар головному транспорту.

Подводники вновь подверглись длительному и ожесточенному преследованию. Однако противнику не удалось сколько-нибудь серьезно повредить «Агешку». Советская подводная лодка вернулась в базу с двумя блестящими победами.

Подводники слушали беседу с большим интересом и задали много вопросов командиру лодки.

Во время беседы я внимательно следил за матросом Поедайло, который сидел в переднем ряду. Он слушал очень внимательно и задал много вопросов. Вопросы были дельные, продуманные. Этим он удивил не только меня, но и Григория Кукуя, знавшего матроса по его прежней службе лучше меня.

— Что это у вас Поедайло перековался, что ли? — не преминул спросить он, как только мы сошли с борта «Малютки». — Он же ничем не интересовался, кроме хулиганства, а тут...

— Не знаю. Он у нас всего несколько дней, — пожал я плечами. — Но, говорят, разгильдяй.

— Хулиган и трус! Но сегодня такие вопросы задавал, что прямо... черт его знает, не пойму! Перековался — и все!

— Он третьего дня даже на партийном собрании выступал. И, я бы сказал, довольно дельные советы давал по техническим вопросам.

— Технику он знает хорошо, но дисциплина-а...

— Возьму его в море, посмотрю...

— Кто знает, может, в этом и секрет, — перебил меня Кукуй. — Его, кажется, на всех лодках списывали до выхода в море... Попробуй — может, получится. Он же один в своем роде. Интересно было бы сделать из него настоящего подводника.

Кукуй бросил эти слова вскользь, особенно не задумываясь, но я долго раздумывал над ними и еще внимательнее принялся наблюдать за Поедайло. Может быть, это симулянт? Он нарушал дисциплину, разгильдяйничал, пьянствовал, зная, что в море недисциплинированных матросов не брали. Перед боевым походом его, проливавшего крокодиловы слезы, списывали на очередной ремонтирующийся корабль. Таким образом он достигал своей цели и продолжал хулиганить дальше. Впрочем, все эти соображения надо было как следует проверить.

Я проводил Григория Кукуя до конца пирса.

— Учти, что на твоей «Малютке» отклонялись от традиции подводников — знать свой корабль назубок, — прощаясь, назидательно сказал мне Кукуй. — Мы подсказывали твоему предшественнику, но он никого не слушал и...

— Я принял, кажется, все меры. Завтра начну экзамены, — ответил я.

— А сам ты изучил все? — Кукуй пытливо глянул на меня.

— Думаю, что да.

— Когда будешь опрашивать экипаж, пригласи Грешилова, Сурова или кого-нибудь другого, хорошо знающего «Малютку».

— Да, ты прав. Обязательно попрошу Диму Сурова. Он дотошнее всех.

Мы оба рассмеялись при упоминании о дотошности бесстрашного подводника Дмитрия Сурова. Принимая зачеты от своих подчиненных, он выворачивал у них, как говорили, «все кишки». Подводники шутили, что людям, прошедшим школу Сурова, воевать все равно, что у тещи есть блины. Экипаж подводной лодки, которым командовал Дмитрий Суров, к тому времени уже имел четыре крупные победы над врагом. Разумеется, его успехи объяснялись не только отвагой и мужеством подводников, но и их хорошими, прочными знаниями.

Тупым ножом…

«Малютка» была ошвартована к берегу глубокой протоки. Ветки развесистого старого дуба прикрывали подводную лодку от знойных августовских солнечных лучей. Прямо по носу, в двух кабельтовых от нее, стояла плавбаза «Эльбрус». По единственной тропинке, связывающей «Малютку» с плавбазой, непрерывной цепью двигались подводники. Они переносили боеприпасы, продовольствие, обмундирование и другие запасы.

— В шестнадцать часов все должно быть готово, — напомнил я боцману, руководившему работами.

— Так точно! — ответил боцман Халиллев сиплым басом. — Все будет готово!

— Еще надо в бане помыться, медосмотр, в лодке проверить крепления по штормовому и…

— Есть, товарищ командир! Здесь, на новом месте, нас воздушными тревогами не беспокоят, все сделаем, успеем.

— Хорошо, что мы сюда перебазировались, — согласился с боцманом корабельный штурман лейтенант Глоба, шагавший рядом со мной, — а то эти тревоги перегрызли все нервы…

— Ну, уж ваши нервы пилой не перепилишь, не то чтобы перегрызть, — возразил я.

Лейтенант Яков Глоба принадлежал к числу невозмутимых, даже несколько флегматичных людей. Его ничто и никогда не возмущало, вывести же из душевного равновесия было очень трудно.

— Это так только кажется, — очень серьезно ответил мне Глоба. Это был румяный, подтянутый, очень юный офицер. Лицо его еще не утратило юношескую округлость.

— Вы, штурман, не бреетесь еще? — спросил я.

— Регулярно бреюсь. Раз в неделю, — с некоторой долей гордости ответил Глоба и притронулся пальцами к подбородку. — Это, знаете ли, у меня отдельные волоски вырастают быстрее других. Видно разве?

— Почти не видно, — успокоил я его. — Значит, нравится вам это место?

— Есть свои минусы и здесь…

— Какие?

— Вот взять, например, это, — штурман показал на рога буйволов, которыми была утыкана почти вся поверхность протоки. За каждой парой этих причудливых рогов под водой пряталась огромная туша животного, находившего в воде убежище от дневного зноя.

— В случае экстренной надобности из протоки не выйдешь, — пояснил Глоба, — а согнать их с места невозможно.

— Согнать с места трудно. Мирное животное, правда? Вы их впервые видите?

— Впервые. Но... они не такие уж мирные. Вчера два из них подрались около лодки. Так, знаете, что было?..

— Не слышал.

— Едва лодку не опрокинули вверх килем...

— Ну уж!

— Верно. Гонялись друг за другом, со всего размаха кидались в воду. Подняли волну. Она покрывала «Малютку» от носа до кормы. Даже в центральный пост через верхний люк попадала вода. И ничего не. могли поделать с разъяренными животными. Потом вызвали хозяина. Тот притащил горящее полено и начал им со всего размаха бить по носам животных. Кое-как усмирил, но сказал, что полного мира между подравшимися уже не будет и что одного из них придется продать.

На плавбазе меня я штурмана принял командир дивизиона. Он подробно нас проинформировал об обстановке на море в районе позиции, куда предлагалось послать нашу «Малютку». Затем Хняйнен задал несколько контрольных вопросов штурману и, видимо, оставшись им доволен, отпустил его.

— Подготовка к походу вами проведена, хорошая, — сказал мне Лев Петрович, когда Глоба вышел из каюты, — ваш личный состав прошел большую школу...

— Академию, говорят, — похвастался я.

— Пожалуй, так. Во всяком случае, экзамены были настоящие. И вас... немножко подергали, правда?

— Я тоже ведь экзаменовался...

— А вы хотели, чтобы вас обошли? Нет уж, с командира спрос должен быть повышенный. Иначе нельзя.

— Я не в претензии.

— В общем теперь все зависит от вас. Экипаж подготовлен для действий в любых условиях. Последние выходы в море показали высокую выучку личного состава и качественное состояние механизмов. Время тратить больше нецелесообразно. Идите воевать! Сегодня с наступлением темноты — выход. Точное время в документах. Их вам вручат в шестнадцать часов. Провожать придем.

Выйдя из каюты комдива, я лицом к лицу встретился с фельдшером плавбазы, главным старшиной Ниной Тесленок.

Я знал, что многие подводники не на шутку заглядывались на Нину. Очень красивое, нежное, слегка продолговатое лицо и добрые выразительные глаза у нее чудесно сочетались со

стройной фигурой.

— Нина, у вас есть время? — неожиданно для себя спросил я.

— Смотря какое, — Нина улыбнулась. У нее были ровные белоснежные зубы.

— Я хочу вас пригласить на подводную лодку...

— Что вы! Матросы разбегутся: «Женщина на корабле — быть беде»...

— Вот потому-то я и приглашаю вас. Надо же бороться с суевериями. Мои подводники не разбегутся, не бойтесь. Я им скажу словами грузинского поэта: «Женщина, как мать, украшает общество, она, как благодетель, приносит счастье».

Долго пришлось убеждать девушку, прежде чем она согласилась посетить «Малютку» в день ее выхода в море.

Бог весть каким путём проникали старинные суеверия в умы наших моряков, но факт оставался фактом. Во время войны суеверия получили какую-то питательную среду. Разумеется, они приносили определенный вред. Бывали случаи, когда срывались выходы в море, назначенные на понедельники и тринадцатые числа. Некоторые приметы придумывались даже внутри экипажей, самостоятельно, как говорится, прямо на ходу. Поначалу они иногда и получали некоторое распространение, но жизнь их, конечно, была очень короткой.

Хотелось внушить подводникам, что успех зависит только от них самих, от их выучки, воли к победе, настойчивости. Мне казалось, что бытовавшие среди некоторых моряков суеверия, вера в приметы могут в некоторых случаях привести к фатализму, вере в судьбу и связанной с этим бездеятельностью в решающие минуты, что они способны затруднить необходимый на войне полный контакт между командиром и командой.

Подойдя к борту «Малютки», я пропустил вперед по трапу Тесленок. Провожаемая удивленными взглядами подводников, она проворно вскочила на палубу корабля.

— Добро пожаловать! — забыв о субординации, расплылся в улыбке Каркоцкий и протянул руку девушке, к которой, видимо, питал не только товарищеские чувства.

— Здравствуйте, Пет... здравствуйте! — запнувшись, ответила Нина. На ее щеках выступил легкий румянец смущения. — Меня подводники не отругают? Женщина на корабле...

— У нас суеверных чудаков мало, — парторг глянул на удивленные лица окружавших и добавил: — Вернее, нет совсем.

— Я же вам сказал? — напомнил я девушке, выговаривая слова громко, чтобы все слышали. — У нас народ сознательный. — И я повторил запомнившееся мне изречение грузинского поэта.

— Поэту не воевать, дай бог ему здоровья, — буркнул кто-то,

вызвав этим общий смех.

— Главный старшина Нина Тесленок наша гостья сегодня. Покажем ей наше гостеприимство! — вставил я, с интересом приглядываясь к морякам.

Девушку пригласили в отсек, усадили обедать, принялись изощряться в остротах. Когда после обеда прощались, немногим, конечно, хотелось, чтобы она уходила с корабля. Во всяком случае, своей непосредственностью, остроумием и веселым нравом Нина сумела оставить хорошее впечатление о себе...

Зашло солнце. Спустились вечерние сумерки. Из-за старых чинар, перекрывших узкую протоку, на лодках стало совсем темно.

«Малютка» бесшумно отдала швартовы, развернулась носом к выходу в море. Мы отошли. Темнота тотчас же поглотила провожающих нас начальников, товарищей и друзей. Подводная лодка двигалась по протоке в полном затемнении, на ощупь.

Потом чинары начали отставать, и «Малютка» закачалась на волнах открытого моря, Теперь с берегом нас связывал только вой шакалов, которые в ту ночь особенно усердствовали на обоих берегах протоки.

Я прошел на свое место в кормовой части мостика и стал любоваться чудесным вечером.

На море был глубокий штиль. Яркие южные звезды щедро усыпали темное небо. Ничто уж не нарушало тишины, кроме легкого шороха волн и мерного постукивания судовых двигателей.

— Ну как, товарищ Фомагин, хороший вечерок? — обратился я к сигнальщику.

— Так точно, товарищ командир! — ответил матрос, как и положено сигнальщику, не отрываясь от ночного бинокля.

— У вас в Бизяевке такие бывают? — шутливо спросил я.

Иван Григорьевич Фомагин был волжанином из деревни Бизяевка, вблизи Казани. Он любил рассказывать о своей деревне. По его рассказам получалось, что лучше Бизяевки места на земле нет.

— Нет, товарищ командир. Там, конечно, не такие, но... не хуже. Товарищ командир, — вдруг переменил тон Фомагин, — Поедайло и... некоторые с ним тоже соглашаются... Плохое у них настроение...

— Почему?

— Говорят: тринадцатого вышли... девушка была перед выходом, буйволов в воде не было под вечер... Плохие, мол, приметы.

— Кто говорит? — рассеянно спросил я.

— Поедайло. Остальные вслух не говорят, но... тоже кое-кто думает...

— А буйволы при чем?

— В этих местах буйволы всегда в воде есть, а перед нашим выходом они все ушли. Поедайло и болтает, что плохая примета.

— Поедайло в этих местах впервые, откуда же он взял такую примету? Он ее выдумал сам. Буйволы ушли, потому что к концу дня похолодало.

— И комсорг уверяет, но... Поедайло говорит: а девушка, а тринадцатое число?..

— А у меня свои приметы, товарищ Фомагин. Причем мои приметы уже проверены в бою.

— Какие это? — заинтересовался Фомагин.

— Вот придем на позицию, утопим фашиста, повернем курсом на базу, тогда раскрою. А сейчас скажу только, что мои приметы благоприятствуют нашему успешному походу.

Я знал, что от Фомагина весь экипаж узнает о том, что у командира лодки есть какие-то свои приметы. Так оно и получилось. Не прошло и двух часов после ухода матроса, как на мостик поднялся Каркоцкий.

— Товарищ вахтенный офицер, разрешите выйти покурить! — громко опросил он, высунув голову из люка.

— Добро!

Каркоцкий вышел из рубки с папироской и, прикрывая ее рукавом, начал жадно курить.

— Много же вы курите, старшина, — заметил я. — Умерьте пыл.

— Совсем брошу, товарищ командир. Как одержим победу, брошу курить — и все!

— Я запомню, — шутливо погрозил я, — слово парторга.

— Да и недолго осталось. Там, внизу, все говорят, что, судя по каким-то вашим приметам, победа будет скоро.

— Правильно, — уверенно ответил я. — Если встретим корабли врага, утопим обязательно. А вы разве не верите в это?

— Если встретим, я думаю, утопим. — Значит, и вы верите?

— Получается...

— Надо же как-то бороться с этими нытиками, черт бы их побрал совсем!

— Да нытик-то один всего, товарищ командир. Это Поедайло. Он мутит воду. Комсомольцы наши только им и занимаются. Ни одно, так другое выдумает. Разъяснять ему что-либо бесполезно. Он считает себя умнее всех.

— Только отсталые люди всегда уверены в своей правоте и непогрешимости. Надо таких воспитывать всеми средствами и

способами.

— На таких людей действуют только наглядные уроки. Грубо говоря, мордой об стол, и... все.

На заре третьего дня «Малютка» заняла район боевой позиции у вражеского побережья.

Стоял безветренный день. На море снова лежал глубокий штиль. Это затрудняло пользование перископом: он оставлял видимый сверху след.

Оставив вахтенного офицера у перископа, я покинул центральный пост, чтобы пройтись по кораблю, поговорить с людьми.

В жилых отсеках свободные от вахты подводники были заняты чтением. Пожалуй, нигде так много и охотно не читают, как на подводных лодках, особенно когда лодка переходит в подводное положение и мир подводника поневоле ограничивается стенами отсека.

— Товарищ командир, разрешите обратиться? — встретил меня в электромоторном отсеке старшина Леонид Гудзь.

В глазах его легко было прочитать решимость и возбуждение.

— Пожалуйста, — ответил я, окидывая взглядом подводников.

Они напряженно смотрели на старшину и избегали встречаться со мной взглядами.

— Комиссар дивизиона говорил, что каждый из нас должен неустанно расти. Правильно?

— Правильно.

— А вот Константин Тельный думает иначе...

— Смотря, как расти, — перебил я Гудзя. — Если физически, так ему, пожалуй, уже...

— Нет, физически с него, лентяя, хватит. Здоров, как бугай. — Гудзь метнул свирепый взгляд в сторону смеющихся матросов. — А учиться не хочет. Сдал зачеты — и на боковую.

— Ну, пусть хоть под водой отдохнет.

Мои шутливые слова заметно разочаровали старшину. Но он продолжал стоять на своем:

— Пока не прикажешь, ничего сам не догадается сделать, никакой инициативы.

Тельный — рослый парень с крупным горбатым носом, длинными руками и широкой грудью — смущенно переминался с ноги на ногу. Надо сказать, что все экзамены он сдал с оценкой «отлично», и начальники были им довольны.

Старшина Гудзь, видимо, хотел начать сложную дискуссию о Тельном. Мне же она показалась неуместной; у меня, как и у других офицеров, не было претензий к матросу. Поэтому я

перевел разговор, предупредив подводников о возможности атаки и объяснив, что в штилевую погоду скрытость маневрирования чрезвычайно затруднена.

— В этих условиях надо действовать исключительно точно и правильно, — закончил я свои наставления.

— Будет исполнено на отлично... — начал было Тельный, но тут же осекся под сердитым взглядом старшины.

— Постараемся, товарищ командир! — поправил матроса Гудзь.

Перешагивая через комингс отсечной двери, я слышал, как он начал его поносить за бахвальство.

В дизельном отсеке матросы собрались в тесный кружок и о чем-то оживленно беседовали.

— О чем шепчетесь будто заговорщики, Петр Федорович? — обратился я к Каркоцкому.

— Подводим итоги перехода, товарищ командир!

— А я думал, составляете заговор против электриков, — продолжал я шутить. — Они теперь главные действующие лица...

— Ну, без нас не обойдутся, — живо возразили матросы.

— Все друг от друга зависим. Один сплоховал — всем плохо, — согласился я.

— Как торпеды? — спросил я в торпедном отсеке у старшины Терлецкого.

— Ждут вашего приказания.

— На какое время планируете бой?

— На завтра после обеда, — не моргнув глазом, ответил Терлецкий.

Шутливое предсказание старшины сбылось. На следующий же день, едва подводники кончили обедать, вахтенный офицер обнаружил вражеский конвой.

Прозвучали колокола громкого боя, подводники кинулись на свои посты. Через переговорные трубы беспрерывно летели доклады, команды, распоряжения. Каждый принялся за свое дело, привычным ухом улавливая команду, идущую в его адрес.

Меньше чем через минуту оружие было готово к бою. Наступила напряженная тишина, которую нарушало лишь бульканье гребных винтов.

Лодка выходила в торпедную атаку.

Конвой фашистов шел вдоль берега в мелководном районе. Для сближения с объектами атаки надо было маневрировать в сторону берега. Это усложняло решение нашей задачи.

Я быстро спустился в центральный пост к штурманскому столику, чтобы взглянуть на карту района. Здесь мое внимание привлек Поедайло. Вид у него был жалкий: руки тряслись, губы

отвисли, на лице выступили капельки пота.

— Вы что? — удивленно спросил я.

— Возьмите! — протянув резинку, почти крикнул Косик. — И закусите зубами. По крайней мере не будут стучать...

Поедайло, казалось, несколько пришел в себя.

— Нервы, товарищ командир, извините, пожалуйста, — пробурчал он.

— В ваши годы нервы должны быть стальными! Рассмотрев суда противника, мы разочаровались.

В окуляре перископа различались всего лишь буксир с баржей и несколько катеров охранения.

— Конвойчик, конечно... не слишком солидный, — размышлял между делом Косик, — но такое большое охранение зря не бывает. Груз, должно быть, ценный.

— Утопим, а там видно будет, ценный или нет, — стараясь подавить охватывающее меня волнение, самонадеянно заключил я.

Наша боевая позиция относилась к такому району ведения войны, в котором приказ обязывал топить и уничтожать все суда, независимо от их тоннажа, класса и боевой ценности.

Такой способ боевого использования подводных лодок вполне себя оправдывал. Вражеские моряки испытывали панический страх перед нашими подводными лодками, уничтожавшими буквально все их суда, которые осмеливались выходить в море. Мы знали по достоверным сведениям, что в черноморских портах, оккупированных врагом, происходили забастовки моряков надводных кораблей, отказывавшихся выходить в море.

Лодка проскочила кольцо охранения и очутилась в точке залпа.

— Аппараты, пли! — скомандовал я.

Торпеда вырвалась из аппарата и помчалась к цели. В ту же секунду я обнаружил свою непростительную ошибку. Оказалось, что я забывал переводить окуляр перископа на увеличение, измеряя расстояния до цели. Дальномер ери этом, конечно, показывал ложную дистанцию. В результате «Малютка» настолько приблизилась к атакуемой барже, что взрыв торпеды грозил ей почти в равной, мере с баржей.

Сообразив это, я схватился за рукоятку, с силой перевел ее на увеличение и невольно дрогнул, увидев только наглухо закрытые иллюминаторы баржи.

— Лево на борт! — успел я скомандовать. В тот же миг лодка вздрогнула.

Об опасности, угрожающей «Малютке», знал один я. Остальные считали, что все в порядке.

— Столкнулись с баржей, — тихо сказал я Косику, вытирая со лба рукавом холодный пот.

— Что вы?.. — вытаращил глаза Косик и беспомощно опустил руки, которыми он секунду назад мастерски жонглировал секундомером и расчетными приспособлениями.

Шли секунды: десять, двадцать, тридцать... А взрыва так и не последовало.

— Промах! — освободившись от мучительного ожидания катастрофы, сказал я.

— Надо полагать, — с досадой согласился Косик. Развернувшись на обратный курс, я приготовился было поднять перископ, как вдруг по переговорной трубе донесся голос гидроакустика старшины Бордок. Он предупреждал о приближении справа, с носовой части, катера. Лодка начала маневрировать на уклонение. Через минуту катер пронесся над нами. Шум его винтов на момент все заглушил. Люди от неожиданности пригнулись, со страхом поглядывая наверх. Все знали, что вслед за шумом винтов могли посыпаться глубинные бомбы.

Последующие действия врага не были похожи на то, что он нас преследует. Бордок все время докладывал о том, что катера удалились и маневрируют по одному и тому же направлению, не приближаясь и не удаляясь от нас.

Я осторожно поднял перископ и осмотрел горизонт. Катера, буксир и баржа сбились в кучу. Смысл подобного маневрирования понять было трудно. Но лучшей мишени для оставшейся в аппарате неизрасходованной торпеды нельзя было и желать.

— Полный ход! Право на борт! — немедленно скомандовал я. — : Торпедная атака!

Маневр требовал разворота на сто восемьдесят градусов. По переговорным трубам я в двух словах сообщил об обстановке над морем и о намерениях повторно атаковать фашистские суда.

Радоваться было нечему, однако мое настроение поднялось. Ободряло сознание того, что у противника, очевидно, не все в порядке, иначе он не «митинговал» бы в открытом море.

Однако пока мы маневрировали, фашистские катера разошлись. Они вместе с буксиром уходили на север. Баржи видно не было.

Я дал глянуть в перископ Косику. После короткого обмена мнениями нам стало ясно, что баржа затонула. Из-за незначительности дистанции торпеда, очевидно, не успела прийти в состояние готовности к взрыву, ударила, как обычная болванка, о борт баржи и пробила его.

— Зарезали тупым ножом, — определил Косик после

раздумья.

Стало ясным и поведение фашистов. Очевидно, они не разобрались, отчего неожиданно затонула баржа, и не смогли помочь ей.

Обо всем этом я сообщил по отсекам и, объявив отбой боевой тревоги, передал благодарность торпедистам, электрикам и боцману.

Боцман «Малютки» Давлет Умерович Халиллев был хорошим специалистом, но отличался грубостью и упрямством. Эти качества иногда мешали ему в работе, особенно при взаимодействии с корабельным механиком Феодосией Цесевичем, который твердостью характера и силой воли не уступал на лодке никому. Плавучестью управлял обычно Цесевич. А боцман, стоя за горизонтальными рулями и несколько своеобразно представляя законы механики, считал возможным иногда настаивать на той или иной манипуляции с переменным балластом. Механика, невольно вынужденного отвлекаться от своего дела, это подчас приводило в ярость. И мне приходилось довольно часто вмешиваться в раздоры двух упрямцев. При атаке, однако, и боцман и механик действовали согласованно. Придя в жилой отсек, Терлецкий даже съязвил по этому поводу:

— Еще одна — две атаки — и механик не то что усмирит боцмана, а прямо усыновит.

После пережитых волнений я решил немного прилечь.

Придя в каюту, я упал на койку и тут же задремал.

Однако спать долго не пришлось. — Вахтенный офицер просит вас в рубку! — услышал я сквозь сон.

— По-моему, транспорт! — взволнованно доложил лейтенант Глоба, проворно уступая мне окуляр перископа.

Вахтенный не ошибся. Из-за горизонта показались мачты транспорта. Сыграв боевую тревогу, «Малютка» снова устремилась в атаку, готовя к выпуску последнюю торпеду, так и не выпущенную в первом бою.

Большой транспорт, водоизмещением не менее шести тысяч тонн, полным ходом шел вдоль берега на юг. Конвоя не было. Это казалось странным. Ни одно вражеское судно в этом районе не могло рассчитывать на безнаказанное плавание. Но фашисты испытывали затруднения с силами противолодочного охранения. И там, где это было хоть как-нибудь возможно, они вынуждены были идти на риск.

Транспорт явно рассчитывал проскочить опасный район, пользуясь сумерками и прижимаясь к берегу. Различить корабль в окуляре перископа в сумерках, да еще на фоне темного берега, было весьма трудно. .

Вообще сумерки — самое невыгодное время для подводников: недостаточно светло для надежного наблюдения в перископ и недостаточно темно для того, чтобы проводить поиск вражеских судов в надводном положении.

Сблизившись с транспортом в расчетную точку залпа, я скомандовал:

— Ап-па-раты, пли!

Прошло тридцать две секунды, прежде чем до слуха дошел взрыв торпеды.

Выждав момент, я поднял перископ, приспущенный после выпуска торпеды.

Транспорт стоял без хода, с креном на правый борт. Из трубы шел легкий дымок, смешанный с белым паром.

— Эх, еще бы одну! — вырвалось у меня.

— Не тонет? — оторопел Косик.

— Видимо, нет! Ранен... но не убит, а добивать нечем...

Оставалось наблюдать, что будет с ним дальше. Транспорт мог и утонуть, если бы поднялся шторм, но на море по-прежнему лежал штиль.

Постояв немного, транспорт словно очнулся, дал ход и, вычерчивая зигзаги, пошел вдоль берега. Развернувшись на параллельный курс, мы неотступно преследовали его. Противник значительно потерял скорость, и, следуя в подводном положении, мы легко удерживали необходимую дистанцию до него. Однако нам не удалось узнать до конца его судьбу: спустилась темнота.

Со стороны более светлой части горизонта мы обнаружили приближение нескольких морских охотников. Их, видимо, вызвал торпедированный транспорт. Охотники мчались полным ходом, оставляя за собой белые борозды.

Мы отвернули в сторону моря и, опустившись на большую глубину, начали отходить от района боевых действий. Я опустил перископ, спустился в центральный пост и закрыл за собой нижний рубочный люк.

Более сорока минут прошли мы курсом на восток, прежде чем услышали отдаленные взрывы глубинных бомб.

— Бомбят, — первый заговорил Косик, подняв глаза на меня. — Наверное, для острастки... далеко.

— Можно нас поздравить, — на смуглом лице Цесевича обозначилось что-то похожее на улыбку, — первые глубинки...

— Катера могут быстро приближаться! — вырвалось у Поедайло.

Я повернулся к матросу. Поедайло снова дрожал. Вероятно, он был близок к полной потере самообладания.

— Это как называется? — сурово спросил я.

— По-французски это называется труса-мандражэ, а по-русски не знаю, — хихикал в углу матрос Трапезников.

Он, видимо, думал, что я не услышу его бурчания.

— Нечаянно пошутил, товарищ командир, — не знал Трапезников, как оправдать свою неуместную болтовню.

— Опять дряблые нервы? — перешел я снова к Поедайло. — Как вам не стыдно!

Матрос ерзал на месте:

— Больше этого не будет. Поверьте...

Несколько глубинных бомб, видимо, были брошены только затем, чтобы отогнать нас от поврежденного транспорта. Преследования за нами мы не замечали. Пройдя еще около часа под водой, «Малютка» всплыла и, бесшумно рассекая морскую гладь, понеслась на восток, к родным берегам.

Появилась возможность в сравнительном спокойствии проанализировать наши действия в двух боевых соприкосновениях за день. Стоя на мостике «Малютки», я долго перебирал в памяти все пережитое за день. Подробно и критически взвешивая каждое свое действие, я с горечью обнаружил, как много промахов я допустил. «Ведь если бы не было так много самых элементарных ошибок, транспорт был бы утоплен, а лодка не подверглась позорной опасности от собственной торпеды», — раздумывал я и не находил себе никаких весомых оправданий.

— Товарищ командир, снизу докладывают: радиограмма передана, квитанция получена! — вывел меня из размышлений вахтенный офицер.

Перевалило уже за полночь, когда я, наконец, спустился в центральный пост и пошел в свою каюту. Но в отсеке меня повстречал матрос Свиридов. Он попросил разрешения показать только что выпущенный боевой листок.

Листок открывался большой карикатурой: «Малютка» изображалась в виде крокодила, проглатывающего баржу. Внутри крокодила были отсеки. В одном из них сидел трусливый Поедайло и, закатив глаза, молился изображению буйвола, по самые рога погруженного в воду у берега нашей протоки. Механик и боцман с самодовольными улыбками смотрели друг на друга. Впрочем, всех подробностей я даже не успел рассмотреть. Карикатура мне не понравилась.

— Пахнет бахвальством, товарищ комсорг, как вы считаете? — спросил я.

— Немножко есть, — нехотя согласился Свиридов, — зато смешная.

— По-моему, о Поедайло не стоит больше...

— Я думаю, стоит. Стоит, товарищ командир! — горячо перебил матрос. — Он такой болтун! Его ничем не проймешь. Разрешите, товарищ командир?

— Что разрешить? — не понял я.

— Пробрать его.

— Проберите, кто вам запрещает! Но имейте в виду, Поедайло сам очень сильно переживает, и... и надо знать меру во всем.

— Есть, товарищ командир! — у Свиридова заблестели глаза. — Карикатуру переделать?

— Хм... — задумался я. — Ладно, оставьте так. Жалко — много труда затрачено. Кто рисовал?

— Костя Тельный. Ему старшина Гудзь, правда, помогал... Учит любить труд, — усмехнувшись, пояснил комсорг.

Свиридов не успел уйти, как явился Каркоцкий, Он доложил о неправильном поведении части подводников. Особенно ему не понравился Гудзь, который излишне нервировал своих подчиненных.

— Надо бы пробрать как следует этого губернатора отсека, — закончил парторг.

— Поговорите с Цесевичём, — посоветовал я. — Умерить старшину, конечно, следует, но пусть это сделает сначала его непосредственный начальник. Если не поможет, пустим в ход тяжелую артиллерию общественности.

Разговор коснулся и матроса Поедайло. Каркоцкий считал, что «Малютку», как подводную лодку, одержавшую первую боевую победу, в базе будут встречать очень почетно. И люди, склонные к зазнайству, могут не в меру распоясаться. К таким людям старшина относил Поедайло.

— Раз он трус, то, конечно, зазнайка и пьяница, — утверждал парторг.

— Ну, у нас он еще не напивался.

— У нас он еще ни разу не увольнялся вообще... — Если напьется, посадим под арест на всю катушку.

Каркоцкий был прав: в базе нас встретили с большими почестями. Несмотря на ранний час, подводники всего соединения выстроились на палубах кораблей. На мачтах развевались разноцветные флаги, приветствовавшие наше возвращение из боевого похода.

Нос лодки подошел к плавбазе. Я побежал по трапу на палубу корабля, где стоял комдив.

— Товарищ капитан второго ранга, подводная лодка «Малютка» вернулась из боевого похода. Уничтожена фашистская баржа с грузом и поврежден транспорт. Механизмы лодки

исправны, личный состав здоров! — взволнованно доложил я Льву Петровичу.

Лев Петрович принял рапорт. При этом он смотрел на меня, как смотрит отец на сына, выдержавшего трудный экзамен.

За официальной частью последовали дружеские поздравления и пожелания. На «Малютку» пришло так много людей, что, казалось, и одна десятая их не войдет в тесные отсеки подводной лодки.

Однако не только радости и торжества ждали нас в базе. Пока мы были в походе, на сухопутных фронтах события развернулись с большой быстротой и очень неудачно для нашей армии и флота. Последние известия в море мы не слушали.

Комиссар дивизиона подробно рассказал нашему экипажу о последних событиях. Только непоколебимая вера в правоту нашего дела, во всемогущество нашей великой партии поддержали нас при известии о новых оставленных нами городах и селах.

Шли самые тяжелые дни Великой Отечественной войны. Опьяненные временными удачами, немецко-фашистские войска рвались вперед.

Пал героически сражавшийся в течение восьми месяцев с превосходящими силами врага Севастополь. Гитлеровские полчища устремились на Кавказ: заняли Апшеронскую, Грозный и подошли к Моздоку. Началась ожесточенная битва на подступах к Сталинграду; в жестокой, бесчеловечной осаде держался Ленинград, поражая все человечество своим мужеством и героизмом,

Над Родиной нависла грозная опасность.

Экипаж «Малютки» и не помышлял об отдыхе. С самого утра следующего же дня началась подготовка к новому походу. После утреннего доклада командиру дивизиона я возвратился на лодку. Работы на корабле были в самом разгаре: проверялись и испытывались механизмы и боевая техника, устранялись мелкие неисправности, перебирались и чистились машины и приборы.

— Товарищ командир, матрос Поедайло вернулся с берега с фонарем и большой шишкой на голове, — доложил мне механик, как только я поднялся на мостик.

— Что за фонарь и шишка? — недоуменно переспросил я.

— Синяк под глазом, и опухоль на голове... Наверное, от воздействия палки или какого-нибудь другого твердого предмета первой необходимости при обороне, — обстоятельно доложил Цесевич.

— Синяк большой? — задал я первый пришедший в голову вопрос.

— Глаза не видно, затек...

— А как он объясняет?

— Говорит: упал... Но врет, конечно...

— Передайте, чтобы во время перерыва вызвали ко мне! — прервал я Цесевича.

— Перерыва в работе никто не желает. Может быть, сейчас вызвать?

— Надо, чтобы на корабле соблюдался порядок. Перерывы должны быть перерывами, а работа работой!

В те суровые дни люди работали, забывая даже о минимальном отдыхе, совершенно необходимом для восстановления сил. И, чтобы не допустить изнеможения подводников, мы заставляли их отдыхать.

— Товарищ командир, разрешите! — как всегда, бесцеремонно вмешался в наш разговор с Цесевичем боцман Халиллев. — Каким сроком можно располагать для ремонта?

— Ремонта не будет, — строго заметил я. — Надо проверить состояние боевых механизмов и устранить неисправности. А ремонт мы закончили еще перед выходом в море...

— Простите, товарищ командир, — Халиллев понял мое возмущение, — я не точно... сказал.

— Боцман, вы неисправимы, как двугорбый верблюд... — начал было Цесевич, но, встретив мой взгляд, умолк, умышленно глубоко вздохнув при этом.

На мостик поднялся возвратившийся с плавбазы Косик. Он поразил меня своим озабоченным, мрачным видом.

— Все он! — пояснил Косик. — Поедайло...

Мы с механиком переглянулись. То, что рассказал Косик, было для нас неожиданностью. Помощник шел от комиссара дивизиона. У него он застал старика украинца Григоренко, эвакуированного в начале войны на Кавказ.

— Це ж холира, а не матрос! Це злыдень! — возмущался старый украинец.

Поедайло был уволен на вечер. И едва он ступил на берег, как сумел где-то напиться. А напившись, вспомнил о победах своей лодки и решил, что теперь ему море по колено.

У старика была молодая и красивая дочка, на которую безуспешно заглядывался не один подводник дивизиона. Поедайло решил посвататься к ней и, ввалившись в дом, довел старика до того, что тот вырвал из ограды жердь и стукнул обнаглевшего матроса.

Поедайло тотчас же отрезвел и пригрозил старику, что добьется выселения его вместе с дочерью. Старик еще раз успел угостить жердью Поедайло. Тот, разбив на прощание оконное

стекло, бежал. Старик же, не мешкая, пошел к комиссару.

Пока Косик рассказывал мне эту историю, к лодке подошел сам Григорецко.

Я пригласил старика на корабль и при нем подверг Поедайло суровому допросу.

Матрос ничего путного не мог сказать в свое оправдание.

— Двенадцать суток ареста. — Я до предела использовал свою командирскую власть.

Но тут, к моему великому удивлению, Григоренко вступился за провинившегося матроса.

— Вы сами побачьте, як я его разукрасив, — показал он рукой на шишку и затекший синевой глаз. — Я ж его тим дрючком бив. Подумав, не выживе. А вин крепкий. Такой башкой можно сваи забивать або коней куваты.

Старик дорогой выяснил, что Поедайло в самом деле участвовал в боевых походах лодки, и за это был готов все простить ему.

— Цего урока ему хватит на все життя, — показал он на конец сломанного дрючка, захваченного им с собой.

Чтобы окончательно успокоить старого хлебороба, я поручил боцману провести его по кораблю и показать боевую технику.

Уходя с корабля, Григоренко долго уверял меня, что если бы его Оксана согласилась, он бы охотно разрешил ей выйти замуж за подводника.

В обеденный перерыв я приказал построить на пирсе весь личный состав «Малютки». Перед строем на общее обозрение был выставлен Поедайло. Я подробно рассказал подводникам о проступке матроса и причине прихода на корабль старика Григоренко.

— Вы видите, что Поедайло, — говорил я подводникам, — не только позорит нас, он мешает нам. Я призываю весь наш боевой коллектив помочь командованию перевоспитать матроса. Без активной помощи всего коллектива, прямо говорю, мы не сможем с ним оправиться. Придется его отправить в штрафную роту. Но это же позор для всей лодки! Я считаю, что наш коллектив настолько сплочен, что мы можем и должны обойтись без штрафной роты.

Расстроенные разошлись подводники. Я знал, что все они переутомлены, загружены своими делами, но другого выхода не было.

Бледные лица

После ночной вахты я выпил залпом стакан крепкого чаю и растянулся на койке.

— Командир тоже подолгу может не спать. Со вчерашнего дня на мостике, только вернулся, — услышал я приглушенный голос трюмного машиниста матроса Трапезникова.

Война выработала своеобразные рефлексы. Несмотря на усталость, сквозь сон я почти всегда слышал все, о чем говорилось вблизи меня.

— Да-а, тебе этого не понять, — насмешливо возразил боцман. — Ты бы уснул, хоть тут бы фашисты свадьбу играй.

— Я на вахте и не зеваю никогда, не то чтобы спать.

— Ишь, чего захотел — зевать на вахте! — продолжал боцман. — Тоже мне орел-подводник! Вахта всего несколько часов...

— Ну и что ж? — отозвался Трапезников. — Собрание еще короче, а спят некоторые и... даже со свистом.

Намек был на Халиллева. Злые языки говорили, что на собрании отличников на береговой базе он якобы уснул. Его кто-то даже прозвал за это «отличный храпун-подводник». Факт этот Халиллев категорически отрицал, II Трапезников не упустил случая дружески посмеяться над строгим начальником.

— Болтаешь много, — живо огрызнулся Халиллев. — Неужели ты не понимаешь, что вахта не собрание? И вообще, сколько можно болтать об этой ерунде!

Матросы хорошо знали Халиллева. Если он начинал говорить быстро, вздрагивающим голосом, то это предвещало для кого-нибудь внеочередные работы на камбузе, в трюмах отсеков или где-нибудь еще. В отсеке водворилась тишина.

— Уже больше недели ходим у этих берегов. Точно вымерло все. Так и война пройдет с одной несчастной баржей, — тотчас же переменил тему разговора Трапезников.

— А тебе не терпится? — услышал я снова насмешливый голос боцмана. — Посмотрел бы я на тебя, если б тебе довелось один на один подраться с каким-нибудь фашистом.

Халиллев имел в виду низкий рост и относительно слабое физическое развитие Трапезникова. Его даже прозвали Младшим сыном боцмана. Дело было не только в тщедушной фигуре Трапезникова, но и в том, что Халиллев особенно внимательно наблюдал за Трапезниковым, замечал все его упущения, постоянно учил его, но наказывал очень редко и умеренно. Подводники не могли этого не приметить. Трапезников принял

кличку почти как должное, даже откликался на нее, хотя и без особого энтузиазма. Халиллева же, по совершенно непонятным причинам, упоминание об этой кличке приводило в бешенство.

— Неизвестно, кто бы кого проучил, — возразил задетый словами боцмана матрос.

— Терпеливым надо быть! Терпеливым! Только хладнокровным, разумным и терпеливым дается победа! А таким нюням, как ты... — Халиллев, видимо, с сожалением покачал головой. — «Больше недели ходим...» Иногда и больше приходится ходить — и впустую. Не так-то легко найти врага. Он вот и рассчитывает на таких, как ты. Мол, лодочка походит, походит, поищет меня, надоест — и уйдет в другой район, а тем временем я пройду спокойно.

Матросы дружно засмеялись. Если Трапезников и смеялся, то нехотя, только ради поддержания компании.

— Товарищ мичман, — обратился к Халиллеву кок, сильно хлопнувший переборочной дверью при входе в отсек, — прошу выделить двух человек на чистку картошки.

— Чего стучишь дверьми? Нервишки, что ли, расшатались? Не видишь — командир спит?

— Виноват! — кок перешел на шепот. — Забылся, на камбузе жарко...

— То-то я вижу, что жарко: у тебя мозги расширились. — Халиллев снова рассмешил матросов. — Трапезников, Свиридов, на картошку, быстро!

Кто-то прыснул, наступила пауза, которую снова нарушил голос мичмана:

— Грачев! Иди и ты с ними. Втроем быстрее справитесь. Много смеешься, поработай малость.

— Хорошо с нашим боцманом: поговоришь с ним по душам — глядишь, и работка какая-нибудь найдется, — бросил Трапезников, выходя из отсека вместе со своими товарищами.

— Матросу нельзя скучать, — назидательно отозвался Халиллев, довольный своей остротой. — Работайте, чтобы кок был доволен. Я приду посмотрю.

Через несколько минут он действительно вышел из отсека.

— Шутки шутками, а Паша прав. Да и боцман тоже прав, конечно, — философствовал кто-то из отдыхавших в отсеке. — Уже одиннадцатые сутки, а... никого. Страсть надоели эти выходы в атаку по... луне. Паша об этом и говорил, но боцман...

С целью тренировки экипажа ежедневно обычно под вечер проводились учебные атаки. При этом игралась боевая тревога, подводная лодка маневрировала на различных ходах, оружие и механизмы готовились к бою. Естественно, такие тренировки,

прозванные матросами «атаками по луне», приносили пользу. Однако за десятидневное безрезультатное маневрирование на позиции они изрядно всем надоели. Люди рвались в бой, а им вместо этого приходилось довольствоваться... »атакой по луне».

Разговор, начатый матросом, никто не поддержал. В отсеке снова воцарилась тишина. Сладкие минуты заветного отдыха были недолгими. По переговорной трубе я услышал слова вахтенного офицера: «Командира корабля прошу в боевую рубку!»

Как бы изысканно вежливо и спокойно ни произносились эти слова вахтенным офицером, они преображали меня, заставляли забывать обо всем. Я прибегал в боевую рубку, совершенно не помня пути от отсека до перископа, и припадал к окуляру.

Этот миг всегда волновал подводников. Сам перископ казался им магическим прибором, от которого зависели все наши дальнейшие действия. Каждый с нетерпением ожидал, найден ли противник, или просто вахтенный офицер решил лишний раз по какому-либо пустяковому поводу потревожить командира.

На этот раз из-за горизонта вырисовывалась корабельная труба. Из нее выбрасывалась небольшая струя серого дыма. Мачт видно не было.

— Боевая тревога! Торпедная атака! — скомандовал я.

Мой помощник нажал на кнопку. По отсекам зазвенели колокола громкого боя. Через несколько секунд в переговорные трубы полетели доклады с боевых постов о готовности к атаке.

Мы стремительно шли навстречу фашистским судам. Когда расстояние между нами уменьшилось, я определил, что конвой состоял из двух больших, тяжело груженных транспортов, четырех катеров-охотников за подводными лодками, двух самоходных барок и двух торпедных катеров.

Конвой шел невдалеке от берега. Суда охранения располагались полукругом со стороны открытого моря. Это затрудняло наши действия. Транспорты, несомненно, везли груз боеприпасов и техники, предназначенный для уничтожения советских людей. Надо было во что бы то ни стало пустить врага ко дну.

— Торпедные аппараты к выстрелу изготовлены! — доложили из первого отсека.

Было решено атаку произвести с короткой дистанции, предварительно, прорвав оба кольца охранения. Это надо было сделать так, чтобы гидроакустические приборы охотников не обнаружили нас и не начали бомбовое преследование еще до выпуска нами торпед.

Шумящие механизмы были остановлены, моторы работали на малом ходу. Подводникам было приказано слушать забортные

шумы и докладывать о них в центральный пост.

Торпедная атака, даже учебная, требует большого напряжения сил — ведь именно торпедная атака подводит итоги громадной работе большого количества людей. В военное время ответственность подводников усугубляется. Каждая неудачная атака не только напрасная потеря торпед, затраченного труда и времени, но и поражение для всего экипажа. Поражение, которое приводило к тому, что враг получал новые подкрепления на сухопутном фронте.

— Слева по траверзу приближается охотник! — четко, не повышая голоса, но с заметным волнением доложил гидроакустик. — Пеленг не меняется.

Если пеленг не меняется, это означает, что катер пройдет точно над лодкой и не атакует ее. Однако люди, не знающие тонкостей правил маневрирования, в таких случаях обыкновенно думают, что охотник выходит в атаку. Чтобы избежать лишних волнений, я поспешил пояснить:

— Если пеленг не меняется, значит, все в порядке. Для выхода в атаку пеленг должен идти слегка на нос.

Едва я успел договорить, как над лодкой зашуршали винты катера-охотника.

Моё внимание привлек Трапезников. Лицо у него было бледное, лоб покрыли крупные капли пота. Было заметно, что он немного перетрусил. Но глаза матроса блестели. В них даже читалось какое-то торжество.

— Испугались? — спросил я. — Бледный вид имеете.

— Не так, чтобы очень, товарищ командир, но... как... как и все, товарищ командир! — это был честный ответ, и он вызвал одобрительные улыбки подводников.

— Время вышло! — доложил помощник.

— Всплывать на перископную глубину! — скомандовал я, приготовившись к подъему перископа.

Подъем перископа показал удачный ход маневрирования. Прорыв охранения прошел удачно. Мы, всплыли в заданной точке внутри конвоя, — огромный транспорт подходил к «кресту нитей», можно сказать шел прямо к своей гибели. Теперь его ничто не могло спасти, даже обнаружение нашей подводной лодки и немедленный выход в атаку по ней всех катеров конвоя.

— Ап-па-раты, пли! — раздалась заветная команда.

Корпус подводной лодки вздрогнул, и смертоносные торпеды, словно разъяренные звери, выпущенные из клетки, устремились к фашистскому транспорту, оставляя на поверхности моря пенистый след.

Теперь надо было приготовиться к неизбежному

преследованию со стороны вражеских противолодочных катеров.

— Лево на борт! Полный ход!

Мы стали отходить в сторону открытого моря.

Корабельные винты заставили содрогнуться весь корпус подводной лодки, который слегка наклонился влево от резкой перекладки руля.

Место, откуда мы выпустили торпеды, могло быть замечено с вражеских катеров. Надо было сразу же уйти от него как можно дальше. И поэтому дорога была каждая секунда.

Мы изменили курс от первоначального лишь немногим больше десятка градусов. Раздались два оглушительных взрыва.

— Бомбы! Бомбы рвутся! — вдруг завопил матрос Поедайло.

— Спокойно! — закричал я на матроса. — Это торпеды взорвались! Что вы?

Бледное, подрагивающее лицо матроса тут же налилось яркой краской.

— Я... я от неожиданности, товарищ командир! Я не боюсь, совсем не боюсь! — промямлил он, опустив голову вниз.

— Не надо спать, — вмешался Трапезников, — а ждать надо, понял?.. Бомб ждать! Когда ждешь, не страшно.

Дистанция залпа была незначительной, и взрывом торпед подводную лодку весьма изрядно тряхнуло. В боевой рубке разбились электрические лампочки освещения, а помощник командира, стоявший у трапа центрального поста со своими приспособлениями, свалился с ног.

Мы развернулись на новый курс, начали отходить.

Шли минуты за минутами. Нас не бомбили. Пошла семнадцатая минута после взрыва торпед. Все по-прежнему было спокойно.

Я решил посмотреть, что же делается наверху.

Мы уменьшили ход и уже намеревались всплыть на перископную глубину, но в этот момент гидроакустик доложил о приближении с правого борта катера-охотника. Мы немедленно же приступили к уклонению, но катер, видимо, имел с нами надежный гидроакустический контакт и преследовал неотступно.

Через некоторое время появился еще один катер-охотник. Теперь они преследовали нас вдвоем. Не выходя в бомбовую атаку, они все время шли за нами. Мы сделали несколько сложных и хитроумных поворотов, но оторваться от них не смогли.

Непонятное поведение фашистов начинало изматывать личный состав. Казалось, было бы лучше, если бы они сыпали на нас глубинные бомбы. При глубинном бомбометании взрывы

сменялись паузами, во время которых катера-охотники снова нащупывали подводную лодку, уточняли данные, ложились на боевой курс и выходили в повторную атаку. Так длилось до тех пор, пока либо кончался запас бомб, либо удавалось поразить подводную лодку прямым попаданием, вероятность которого была небольшой. Взрывы серии глубинных бомб заставляли катеров-охотников на время терять гидроакустический контакт с подводной лодкой. При умелом использовании момента это давало возможность маневра для отрыва.

Ничего этого с нами не происходило. Катера-охотники просто шли за нашей подводной лодкой, не выпуская нас из наблюдения. Они как бы эскортировали нас на расстоянии не более трех-пяти кабельтовых. Запасы глубинных бомб при этом не расходовались. Район моря был мелководный, маневр по глубине исключался. Никаких перерывов в гидроакустическом контакте не могло быть. А наши энергетические ресурсы расходовались.

Подводные лодки времен второй мировой войны обладали весьма ограниченными энергетическими запасами в подводном положении. Подводники не могли не думать о возможности оказаться вынужденными всплывать в невыгодных для себя условиях. Поэтому экономия плотности аккумуляторной батареи, воздуха высокого давления и других запасов всегда была одной из первостепенных наших забот.

По моей просьбе в центральный пост прибыл Петр Каркоцкий. Я коротко объяснил обстановку, с тем чтобы он прошелся по отсекам и поговорил с народом.

В центральном посту подводники всегда в какой-то степени в курсе событий, однако в других отсеках они в неведении обо всем происходящем. Естественно, что и неожиданности боевой обстановки для них подчас более тяжки, чем для людей осведомленных. Поэтому информации, беседы и даже просто проявление заботы о людях играют большую роль, облегчающую выполнение задачи.

— Когда же начнут бомбить, надоели эти бледные лица! — отбросив назад свои длинные рыжие волосы, Каркоцкий глянул на Поедайло. Его умные глаза, казалось, пригвоздили матроса к стенке.

Опасность более страшна при ожидании. Непосредственную опасность, всем понятную и ощутимую, переносить легче. Вся боевая практика экипажа нашей подводной лодки подтверждает это. Глубинных бомб мы боялись по-настоящему только до первых их взрывов.

— Ну, ничего, пройдет, — Каркоцкий дружески хлопнул

Поедайло по плечу и вышел из отсека.

Поедайло, довольный, что избавился от обычных для таких случаев насмешек со стороны товарищей, несколько успокоился.

— Измором, что ли, берут, — буркнул он. Поедайло, видимо, рассуждал про себя, и эти слова вырвались у него помимо воли.

— А ты боялся бомб, — после небольшой паузы услышал я шепот Трапезникова. — Видишь? Лучше бы бомбили, чем... прилепились, как слизняки какие-то.

— Если они действительно рассчитывают нас измотать, то нам это даже лучше, — обратился я к помощнику. — Скоро мы подойдем к большим глубинам, будет возможность маневра.

Вражеские охотники словно услышали мои слова. Гидроакустик доложил о быстром приближении одного из катеров с левого борта. Я успел только скомандовать на рули, но подводная лодка еще не начала маневрировать, когда до слуха подводников дошел гул винтов охотника. Вслед за этим тяжело ухнуло. Меня отбросило в заднюю часть отсека. На мне очутился рулевой. Впрочем, он тут же поднялся и побежал к своему посту, решительно перешагнув через голову помощника командира, в свою очередь, валявшегося у моих ног.

Осветительные лампочки были побиты. Кругом валялись различные инструменты и приборы.

— Включить аварийное освещение! — командовал механик, хотя оно уже было включено.

— Спокойнее! — была первая команда, которую я подал в центральный пост. — Держать заданную глубину!

Из отсеков доложили, что повреждений основных механизмов нет, мелкие последствия бомбовой атаки устраняются. Лодка продолжала выполнение уже начатого маневра.

— Справа сто, охотник быстро приближается! Пеленг быстро меняется на нос! — взволнованно докладывал гидроакустик.

Лица подводников обратились в мою сторону. Все ждали, какое решение я приму.

Переговорная трубка из боевого поста гидроакустика выходила прямо в отсек, и все находившиеся в нем были в курсе событий.

— Сейчас будет очередная серия бомб, объявить по отсекам! Внимательнее! — как мог спокойнее скомандовал я.

Очередная атака врага, по моим расчетам, должна окончиться неудачей, катер шел явно мимо нас.

И действительно, через минуту справа по носу раздались новые взрывы. Мы оказались вне зоны поражения, даже в значительном удалении от места бомбометания.

— Объявить по отсекам: нас преследуют два катера, —

приказал я. — По одному разу они нас уже пробомбили. Можно ожидать еще две атаки. Больше у них глубинных бомб нет.

Люди приободрились, хотя по крайней мере еще дважды нас, должны были «угостить» сериями, если враг не перейдет к атакам одиночными бомбами.

Наш курс теперь лежал в сторону берега, а катера ходили по корме. Они, видимо, потеряли с нами контакт и теперь выщупывали гидроакустическими приборами весь район. Мы шля малым ходом, чтобы излучать минимальные шумы и в то же время ускользать от настырного преследования фашистов.

Шум катеров в конце концов перестал прослушиваться, я был склонен считать, что мы обманули противника. Однако это оказалось далеко не так.

— Курсовой сто сорок пять, с правого борта катер, — не дал сыграть отбой боевой тревоги гидроакустик. — Шум отдаленный, но приближается!

Полагая, что катера возвращаются в свою базу, мы решили свернуть влево. Однако катер тоже повернул за нами. Вскоре появился и второй охотник. Погоня возобновилась.

В этих условиях идти в сторону берега для нас было невыгодно. Лучше было отходить в открытое море, в сторону больших глубин и удаления от мест базирования катеров-охотников. Но любой поворот казался невыгодным для нас: он давал возможность врагу немедленно атаковать лодку.

Мы продолжали двигаться в сопровождении своеобразного эскорта фашистских катеров. Охотники применяли тактику, уже знакомую нам по первой встрече с ними. Они шли за нами примерно на одних и тех же кормовых курсовых углах, внимательно наблюдали за каждым нашим изменением курса, но в атаку не выходили.

— Товарищ командир, — доложил штурман, — по моим расчетам, мы подходим к району, где торпедировали транспорт. Глубины здесь небольшие...

И тотчас же гидроакустик доложил, что правый катер резко изменил ход и приближается к нам.

— Пеленг медленно идет к носу! — после небольшой паузы добавил он.

Охотник выходил в бомбовую атаку. Теперь все зависело от того, как быстро подводная лодка сумеет изменить курс и глубину погружения.

Подаваемые команды исполнялись с такой четкостью и быстротой, будто о них было известно заблаговременно. Едва я успел закончить приказание, моторы уже работали на полный ход, руль был положен на борт и стрелка на глубиномере

устремилась вправо, показывая метр за метром увеличение глубины погружения.

«Десять градусов... двадцать градусов... тридцать градусов...» — отсчитывал я мысленно на циферблате репитера рулевого, прежде чем справа по носу пронесся знакомый гул полным ходом мчавшегося катера.

Три взрыва с еле уловимым интервалом, словно спичечную коробку, подбросили подводную лодку. На мгновение показалось, что мы поражены бомбой.

На этот раз вражеская атака нанесла значительные повреждения. В торпедном отсеке лопнул шов корпуса, и забортная вода поступала внутрь подводной лодки; в дизельном, электромоторном, аккумуляторном и частично в других отсеках были побиты, сдвинуты с фундаментов и выведены из строя многие механизмы.

На борьбу с водой была брошена аварийная партия. Во что бы то ни стало надо было заделать пробоину в корпусе. Но главной задачей все же оставалось уйти от катеров-охотников, обмануть их, оторваться.

Повреждения спешно устранялись.

— Слева катер! Быстро приближается, пеленг идет на нос! — докладывал гидроакустик.

Очередная серия вражеских «гостинцев» взорвалась прямо по носу, довольно близко, но не Причинила нам почти никакого вреда, хотя по эффекту восприятия и ударной силе она казалась не слабее предыдущей.

— Последняя, последняя. Больше не будет! — как бы про себя забурчал Поедайло.

— Тише, ты! Знай свое дело: записывай и молчи! — шикнул на него Трапезников, не отрываясь от своей работы. Он возился с сальниками, которые стали пропускать слишком много воды.

— Командир сам сказал, что больше...

— Ты что? — не дал договорить Трапезников. — Не знаешь, что командир рапортичку от фашистов не получал?

— Но он знает. — Поедайло говорил тоном обиженного человека, страха в его голосе теперь почти не чувствовалось.

Мы легли на новый курс и, не снижая скорости, начали отходить в сторону открытого моря. Пока взбаламученная от разрывов бомб вода мешала охотникам снова нащупать нашу подводную лодку, важно было отойти подальше.

— Товарищ командир, лодка сильно отяжелела! Трудно управляема! — докладывал механик, хотя я и сам все видел по приборам.

Носовая часть все время тянула вниз, лодка

раздифферентовалась. Заниматься дифферентовкой, когда на поверхности моря, где лежал штиль, могло быть замечено каждое, хотя бы даже небольшое, пятно, было слишком рискованно. Но и управлять лодкой становилось невозможно.

Оставалось одно: отойти как можно дальше, лечь на грунт и притаиться.

— Будем ложиться на грунт, — сказал я о своем решении помощнику командира, в обязанности которого входило подготовить предварительные мероприятия к производству маневра.

— А если мы «следим»? Ведь корпус пробит, возможно выделение соляра. Наверху, видно, штиль...

— Штиль-то штиль, — возразил я, — но уже шестнадцатый час. Надо полагать, что вечерняя рябь уже появилась, она укроет, если мы и выделяем небольшие пятна. Во внешних систернах топливо израсходовано, а внутренние целы и невредимы.

Очень осторожно подходя к месту, чтобы не взбаламутить ил, мы легли на грунт в восемнадцати кабельтовых от места последней атаки катеров. Сразу же были остановлены механизмы, которые могли издавать шумы, слышимые за пределами корпуса подводной лодки. По кораблю было объявлено приказание о соблюдении полной тишины.

Гидроакустический пост играл теперь особенно важную роль. Он должен был заблаговременно предупредить об опасности, с таким расчетом, чтобы мы могли успеть сняться с грунта и начать уклонение. Гидроакустик понимал это, специального напоминания не требовалось.

С технической точки зрения никак нельзя было назвать совершенной гидроакустическую аппаратуру подводных лодок времен второй мировой войны, в том числе, конечно, и ту, которую использовал наш корабельный «слухач» матрос Иван Бордок.

Но Иван Бордок очень любил свое дело. Он настолько хорошо изучил аппаратуру, что сам ввел в нее кое-какие усовершенствования. При этом ему пришлось выдержать большой бой с конструкторами, которые не сразу соглашались с ним. И он оказался победителем. Инженеры, вынужденные признать целесообразность применения рационализаторских предложений нашего скромного «слухача», были поражены, когда узнали, что Бордок имеет только семиклассное образование и с техникой впервые столкнулся на подводной лодке. Это был энергичный, напористый, преданный делу человек. Все свободное время он проводил за своей аппаратурой. Он не ослаблял своих усилий даже тогда, когда достиг высокого мастерства. «Зазнаться можно

незаметно для себя», — ответил он однажды матросу Поедайло, который выразил мнение, что если много занимаешься одним и тем же предметом, то он надоедает и становится противным.

— Пробоина заделана! — докладывали по телефону из аварийного помещения. — Поступление воды прекращено полностью. Разрешите приступить к осушению отсека?

— Откачивать воду за борт не разрешаю! — сухо ответил я.

Люди, погруженные больше чем по пояс в воду, работали в весьма тяжелых условиях. В изолированном от других помещений отсеке было создано воздушное противодавление для облегчения борьбы с поступлением воды, и подводникам приходилось дышать сжатым в несколько атмосфер воздухом. Это значительно усугубляло их утомление. Однако надо было терпеть. Главное было — обмануть разъяренного врага, оторваться от него во что бы то ни стало.

— Видать, мы сильно насолили фашистам. Никак нас не оставят, — услышал я приглушенные слова Трапезникова.

Я глянул в его сторону, но увидел только ноги, торчащие из-под палубы. Сам он был в трюме и возился с неисправностью в арматуре помпы.

— Да, Паша, сегодня был выход в атаку не на луну, — ответил ему кто-то.

Кто именно, по голосу я не смог определить. Оторвавшись от карт, я заглянул в маленький трюмик, в котором едва мог поместиться один человек.

— Поедайло? Вы что делаете в трюме? — удивился я.

— Помогаю Трапезникову, товарищ командир! — совсем браво отвечал матрос, ухитрившийся улиткой окрутиться вокруг фундамента помпы.

— А кто на записи?

— Механик сам. Он мне разрешил. Один Трапезников не справится, работа сложная...

— Вас просит к телефону Каркоцкий из аварийного отсека, товарищ командир! — протянул мне телефонную трубку механик.

Однако разговор с парторгом пришлось отложить. Басящий голос гидроакустика докладывал:

— Правый катер дал полный ход! Расстояние более двенадцати кабельтовых.

— Сближается с нами или нет? — машинально переспросил я.

— Никак нет, к нам не приближается, товарищ командир, — уточнил Бордок, — но, похоже, идет в атаку.

— По кому же ж он тогда... в атаку-то? — бурчал в трюме Поедайло.

— Наверно, по луне, — шептал Трапезников. — От нас научился, видать. Тут, брат, с кем поведешься...

— Прекратить в трюме болтовню! — прикрикнул механик. Несмотря на напряженность обстановки, в голосе его улавливался с трудом сдержанный смех. — Вы делайте...

Раскатом весеннего грома прозвучала серия бомб.

— Расстояние до катеров более двадцати кабельтовых. Сближения не отмечаю, — спокойно докладывал Бордок, как бы разговаривая сам с собой. — Второй катер дал полный ход. В атаку, вероятно!

— Они атакуют какой-то ошибочный объект, — решил помощник. — Нас, похоже, потеряли.

— Товарищ Каркоцкий, — заговорил я в телефонную трубку, — отсек пока осушать нельзя. Придется продержаться.

— Я не потому вас просил, — возразил Каркоцкий. — Хотел доложить, что у нас все в порядке. Можем держаться, сколько потребуется.

Новая серия глубинных бомб! Катера, несомненно, считали нашу подводную лодку пораженной и бросили последние запасы своих бомб на месте предполагаемой ее гибели просто для полной уверенности. Более сорока минут охотники ходили в слышимости наших гидроакустических приборов. Наконец они исчезли.

— Осушить торпедный отсек! — наконец получил я возможность подать желанную команду. — Приготовиться к снятию с грунта!

Нет возможности описать, с каким чувством внутреннего торжества и бодрости выполнялось экипажем это приказание.

Люди, словно подброшенные электрическим током со своих мест, схватились за механизмы, проверяя и готовя их к пуску и управлению. Корабль ожил. Все пришло в движение. Выбрасывая тонны воды за борт, на полную мощность заработала главная осушительная помпа, за которой так бережно ухаживал Трапезников; трещал компрессор, забирая обратно в воздухохранители сжатый воздух, стравленный в отсек во время борьбы с аварией; в переговорные трубки летели доклады о готовности боевых постов к всплытию с грунта.

— Хоть одним бы глазком глянуть на транспорты. Топим, топим, а их не видим, — сквозь шум механизмов слышал я шепот Трапезникова.

— Смотреть нечего, — возражал Поедайло. — Я думаю, мавр сделал свое дело, пора ему и домой. А то знаешь, катера могут еще раз проголосовать и...

— Опять болтаете? — оборвал матросов механик. —

Философствовать будете в базе. Особенно вы, мавр...

Диалог матросов навел меня на мысль: «Что, если в самом деле пойти к тому месту, где мы торпедировали транспорт, и посмотреть район моря, обследовать его, уточнить результаты атаки, за которую нас так преследовали?» Чем больше я об этом думал, тем больше нравилась мне эта мысль. Расстояние до места предполагаемого поражения транспорта при всех возможных погрешностях прокладки было не более трех миль.

В центральный пост пришел Каркоцкий. Мокрая одежда прилипла к его жилистому телу.

— Пробоина заделана надежно. В случае чего скорее рядом где-нибудь лопнет, чем в месте заделки, — сообщил парторг.

— Всплывем на перископную глубину и пойдем к месту потопления транспорта, посмотрим, что там делается, — объявил я парторгу свое решение.

— Товарищ командир, — обратился механик, принявший доклады от боевых постов, — лодка готова к всплытию!

— Как обед? Готов? — задал я неожиданный вопрос.

Экипаж не завтракал и не обедал, а время уже подходило к ужину. На камбузе в срок был готов завтрак. Он остыл. Обед также остыл. Но как только кок услышал команду: «Приготовиться к всплытию», у него мелькнула надежда, что, наконец, обратят внимание и на его пост. Он сразу же принялся за дело и поэтому смог мне ответить с некоторым самодовольством: «Обед готов!»

— Обедать! — не без удовольствия скомандовал я. — Гидроакустику еще раз прослушать горизонт.

Обедали, не сходя со своих мест. Кок и его помощник быстро разнесли пищу по отсекам, не без удовольствия выслушивая похвальные эпитеты от проголодавшихся подводников.

— Настоящий боевой обед, — не преминул оценить работу кока и Трапезников.

— Тинико лучше готовит, с сацебели, — не без иронии бросил кок и поспешно ушел из отсека.

— Ну, ты знаешь!.. Не заговаривайся! — вырвалось у Трапезникова. Он, видимо, был рассержен шуткой кока.

— Тинико, насколько мне известно, женское имя. Почему это вас обидело? — заинтересовался я. — Или это секрет?

— Не обидело... не обидело, товарищ командир, но... Я так, кок, он... не в свое дело лезет... — Матрос густо покраснел.

Я не стал его расспрашивать, хотя упоминание о неизвестной девушке, не скрою, заинтересовало меня.

— Обед действительно вкусный. — Я передал пустую посуду матросу, исполнявшему обязанности вестового.

— По-моему, обед обычный, — возразил Поедайло. — В приличном ресторане его бы постеснялись показать...

— Там варят без глубинных бомб, — подхватил Трапезников, немало обрадованный новым направлением разговора.

— И без болтов, — механик вытащил из своей миски стальной болт. — Черт знает, что такое! Вызовите кока в центральный пост!

Кое-кто прыснул. Вид у механика был суровый.

— Почему борщ варите с болтами? — строго спросил механик, когда кок появился в отсеке.

— Во-от он где? — расплылся в улыбке кок. — Это же от компрессора. Вот обрадуется старшина! Он его искал, искал... Проклятой бомбой, той, которая нас чуть не утопила, как шибанет! Мы искали, искали, а он, оказывается в кастрюле. Вот хорошо, а то компрессор проволокой повязали. Работает, но...

— Какой компрессор? Какой болт? А куда он дел запасные части? Разрешите, товарищ командир, схожу посмотрю. Это же важный механизм, а они проволокой...

— Пусть доложит старшина, зачем вам ходить? Работал же компрессор, значит держит... проволока, — возразил я, едва сдерживая смех.

— А болт чистый был, товарищ командир. Я его сам только утром, во время приборки, чистил, — заговорил кок. — От него в суп грязь не могла попасть... Ну, если только смазка там.

— Да, ничего себе специя... смазка от болта, — вставил Трапезников.

— Значит, болт пошел впрок, все говорят, что борщ хороший. А плов тоже с болтом? — взял я тарелку в руки. — Или второе блюдо уже без всякой примеси?

— Никак нет, товарищ командир. Плов во время бомбежки был закрыт. Разрешите идти? — Кока, очевидно, обидел общий смех, вызванный моей нехитрой шуткой.

— Вы смеетесь, а не думаете над тем, что он храбрее вас обоих, — начал молчавший все время боцман, как только кок вышел из центрального поста. Он обращался к Трапезникову и Поедайло. — Кругом рвутся бомбы, а он готовит обед. Не рассуждает, как некоторые, а делает свое дело. Не кричит: «Бомбы! бомбы!», а готовит обед! Понятно?

— Да мы не зло смеемся...

— Еще бы зло смеяться! — посуровел Халиллев. — Я бы вам посмеялся зло!.. Ишь ты, не зло смеются! Кок у нас очень добросовестный матрос. Он поварские академии не кончал. Сам все по книжечкам разным изучает. Ты говоришь, в ресторане постеснялись бы показать, а я говорю: не постеснялись бы!

Лучшего борща .не приготовишь. У тебя, Поедайло, аппетита нет, ты переволновался от испуга...

— Конечно, я не храбрый, — обиделся Поедайло, — но...

— Не только ты, мы все не такие уж храбрецы, — не дал договорить боцман. — Мы бы лучше на свадьбе гуляли, чем зайцами бегать от бомб. Но раз надо... Раз надо, так будь мужчиной, умей держать себя. Вот хитрость в чем заключается...

Боцман ещё долго бы поучал матросов, но ему помешал помощник командира, который доложил мне об окончаний обеда и готовности корабля к всплытию.

Оторвавшись от грунта, мы медленно пошли вверх, постепенно уменьшая глубину погружения и удифферентовывая подводную лодку.

Наконец приборы показали перископную глубину, и я смог поднять на поверхность долгие часы находившийся в бездействии перископ.

Ясный, безоблачный летний день был на исходе. Солнце висело над низменным молдавским побережьем. Лежал глубокий штиль, но поверхность моря рябило легким дуновением вечернего ветерка.

При предварительном осмотре не было замечено ничего. Но едва переведя окуляр перископа на «увеличение», я сразу обнаружил прямо по корме два небольших буйка с яркими бело-красными вертикальными полосами. Буи показывались в небольшом расстоянии друг от друга и по внешнему виду были совершенно одинаковыми. «Наша могила», — мелькнула мысль. Около буйков плавало множество мелких обломков деревянных предметов, пробки и еще чего-то. По всей вероятности, катера попали своими глубинными бомбами в один из утопленных транспортов, которыми этот район был усеян довольно густо. На поверхность поднялись обломки, и признаки гибели подводной лодки были налицо.

— Курс к месту потопления транспорта триста тридцать шесть градусов! — доложил штурман.

— Лево на борт! — скомандовал я, получив рапорт штурмана. — Ложиться на триста тридцать шесть градусов! Подвахтенным идти отдыхать!

Часть людей ушла с боевых постов, передав свои обязанности остающимся на вахте.

На курсе триста тридцать шесть градусов мы проходили мимо полосатых буйков. Я дал взглянуть на них по очереди помощнику командира, боцману и матросу Трапезникову. Все они согласились со мной.

— Горе-топильщики! Кишка тонка! — заметил по адресу

катеров Трапезников.

— Опять бахвальство! — обрезал Халиллев. — Они топильщики такие, что ты целый день был бледный, как моя бабушка после смерти. А сейчас ты храбрец. Ишь ты какой! Иди спать!

Трапезников, повинуясь приказанию, ушел из центрального поста.

— Не слишком ли много вы ругаете своего... парня? — едва не вырвалось у меня — Младшего сына. — Он матрос исправный.

— Парень хороший, — боцман говорил о Трапезникове чуть ли не с отцовской нежностью. — Я еще вышибу из него кое-какую дурь, вот увидите, какой он будет. У него еще много детской дури, а так он лучше всех... Во всяком случае, очень хороший матрос.

Прямо по носу на фоне низменного берега начал вырисовываться силуэт транспорта. У нас не оставалось торпедного боезапаса, и новое обнаружение судов врага не могло вызвать никакого чувства, кроме досады и сожаления. Но недолго нам пришлось сокрушаться. С уменьшением расстояния мы убедились, что транспорт не движется, а стоит на месте без хода. Еще через несколько минут перед нами была полностью разгаданная картина. Мы имеем дело с вражеским транспортом, который торпедировали утром. Он лежал у самого берега на мели. Вся кормовая его часть была либо под водой, и ее не было видно, либо оторвана взрывом торпеды. Носовая часть, мостик и надстройка были над водой. Из накренившейся к берегу трубы шел едва заметный парок. У борта с нашей стороны стояли малый морской буксир и разъездной катер. Они, видимо, были заняты спасением людей и имущества. Обстановка казалась благоприятной для нас. Преследование нам не угрожало, и я решил показать результаты нашей утренней атаки экипажу.

Взглянуть хотя бы мельком на результаты своих боевых действий чрезвычайно интересно, но удается очень редко и далеко не всем подводникам. Поэтому каждый, подходя к перископу, испытывал радостное волнение.

— Голодные. Обед так и не доварили! — заявил без тени улыбки кок, оторвавшись от окуляра. — Из трубы дым все идет...

— Ты думаешь, трубы на кораблях из камбузов, что ли, идут? — с ехидцей спросил Трапезников.

— Лучше бы они шли именно из камбузов... — многозначительно ответил кок и ушел.

— Да, эта атака не по луне! Здорово! Но плохо, что второй транспорт все же ушел! — как бы про себя заявил матрос Викентьев, прильнув к окуляру перископа, от которого, казалось,

его не оторвешь.

— Не уйдет! — возразил Каркоцкий, стоявший в очереди следующим. — Другие лодки его встретят. Мы же не одни в море. Им тоже надо над чем-то поработать...

Каркоцкий был прав. Рядом с нами боевую позицию занимала подводная лодка «Гвардейка» под командованием бесстрашного Владимира Прокофьевича. Путь вражеских кораблей лежал через ее район. И надо было полагать, что транспорт, уцелевший в конвое после нашей атаки, окажется очередной жертвой «Гвардейки».

Зашло солнце, перистые облака красными маяками опоясали западную часть небосвода.

Мы всплыли.

Черная опасность

На море бушевал шторм. Волны обрушивались на «Малютку». Если бы кто-нибудь наблюдал за ней с воздуха, ему, вероятно, показалось бы, что подводная лодка, встречаясь с темными горами волн, умышленно подныривала под них.

С мостика же чудилось, что гребни свинцово-темных волн врезались в небеса и грозно неслись над черными облаками.

— Держись за поручень! — послышался тревожный голос вахтенного офицера. — Держись!

Второй сигнальщик, матрос Мисник, увлекаемый волной за борт, застрял в ограждении мостика. За его правую ногу вцепился Косик и со всех сил тянул матроса назад. Мисник беспомощно повис в воздухе. Усилия одного человека были явно недостаточны для его опасения. Подскочив к месту происшествия, я уцепился за вторую ногу матроса, и до следующей волны нам удалось выволочить подводника под козырек рубки.

— Оказать помощь! — приказал я. — Штурмана на мостик!

Мы шли на боевую позицию, в «Севастопольский лабиринт». Так именовался минированный район, прилегавший к Севастополю.

В десяти-двенадцати милях от города проходила внутренняя кромка минного поля, которое полукругом опоясывало все побережье от Евпаторийского залива до мыса Сарыч.

Но внутренний район тоже не был чист. Кроме специальных противолодочных заграждений, в нем имелись поставленные еще до оккупации и при оставлении Севастополя минные банки. Никто не знал сколько-нибудь точно их местонахождение и количество.

Поэтому район Севастополя! считался очень опасным для подводного плавания.

По условиям обстановки «Малютке» надлежало подойти к заданной точке в южной части позиции. Чрезвычайно редкая в такое время года на Черном море штормовая погода, существенно влиявшая на скорость движения, не входила в наши первоначальные расчеты. Время на переход было ограничено, и штормовать длительно в подводном положении мы не могли. С другой стороны, личному составу перед занятием боевой позиции надо было хоть немного отдохнуть. Многие подводники были обессилены длительной качкой.

— Успеем ли подойти к точке, если сейчас погрузиться? Рассчитайте! — закричал я штурману, не зная, слышит он меня сквозь вой ветра и воды или нет.

— Успеем! — отвечал он, вцепившись за стойку пулемета, — Только запас маленький... полчаса всего!

— Будем погружаться! — объявил я и слегка подтолкнул его в плечо, указывая этим, что надо идти вниз.

Когда глубиномер центрального поста показал сорок метров, качка почти прекратилась. Лодку кренило всего по нескольку градусов на борт. Люди принялись приводить себя в порядок. Выжимали мокрую одежду, чистились, мылись. Те, кто во время качки ел мало или совсем не ел, потянулись на камбуз за пищей.

Как правило, все люди подвержены так называемой морской болезни. Да и не только люди. Животные, оказывающиеся на палубах качающихся судов, также заболевают этой мучительной болезнью. Одни люди перестают есть, чувствуют тошноту, головокружение; другие, наоборот, испытывают волчий аппетит, съедают уйму пищи и чувствуют недомогание, повышенную нервозность, раздражительность; третьи теряют сон. Разновидностей этой еще недостаточно изученной болезни очень много. Почти у каждого человека свои собственные симптомы и особенности заболевания. Приучить свой организм к качке практически невозможно. Когда-то знаменитый английский мореплаватель Нельсон пытался это сделать. В течение двух с лишним лет он ни разу не сходил на берег, жил и плавал на кораблях, стараясь привыкнуть к качающимся палубам парусных судов настолько, чтобы «не испытывать отвратительного чувства тошноты». Ничего из этого не вышло.

Однако освоиться с качкой настолько, чтобы она не влияла на работоспособность, все же можно. Для этого надо тренировать прежде всего волю.

На «Малютке» матросы считали, что настоящему мужчине качка не страшна.

Доля истины в этом утверждении, конечно, есть. Люди с большой силой воли могут безболезненно переносить любые лишения, трудности и тяжкие испытания. В том числе, конечно, и морскую болезнь. А сила воля, как и прочие качества моряка, воспитывается в труде, в учебе, в суровых морских походах. Но, разумеется, подводники «Малютки» не все принадлежали к числу закаленных моряков. Часть из них очень страдала от качки. Поэтому небольшой отдых был совершенно необходим.

Следовало обойти отсеки, посмотреть на людей, поговорить с ними.

В электромоторном отсеке все было в порядке: вещи закреплены по-походному, койки убраны, люди выглядели бодро. «Школа Гудзя», — мелькнуло у меня в голове. Старшина был настолько требовательным и строгим, что его подчиненным

некогда было даже думать о какой-то морской болезни.

— Ну как, старшина, укачиваются ваши матросики?

— Не чувствуется, товарищ командир! Может быть, но...

— Ну, раз не чувствуется — значит, не укачиваются. Завтра будет горячий день, имейте в виду Точите зубы!

— Так точно, товарищ командир! С двадцать второго июня сорок первого года все время точим! — в тон моим словам ответил Гудзь. — Постараемся не осрамиться!

В дизельном отсеке моряки собрались вокруг лежащего на койке Мисника. Матрос уже пришел в себя и что-то рассказывал товарищам.

— Что случилось? Почему упали?

— Загляделся... Показалось, справа вроде корабль и... не заметил, как волна ударила, сшибла, а там не помню. Вроде как ударило чем-то по голове.

— Удар сильный, — Каркоцкий указал на внушительный синяк на голове матроса. — Салага еще, товарищ командир, что с него требовать...

Парторг любил добродушного Мисника и, очевидно, поэтому хотя и любовно, но жестоко ругал его при каждом удобном случае.

До военной службы Мисник был счетоводом в колхозе. На подводной лодке он был как-то незаметен, держался скромно, к начальству первым никогда не обращался. Потом у бывшего счетовода начался приступ аппендицита, и его списали в госпиталь. На лодке считалось, что такая сугубо гражданская болезнь, как аппендицит, не должна была привязаться к настоящему матросу. Поэтому, простившись с Мисником, моряки особенно не сожалели, считая его человеком, случайно попавшим на флот.

Операция прошла удачно. На город налетели фашистские самолеты. Из окна госпиталя Мисник наблюдал за разгрузкой эвакуированных детей. Пароход не мог подойти близко к берегу из-за мелководья, и детей переправляли на шлюпках.

Фашистская бомба взорвалась невдалеке от первой же шлюпки. Она перевернулась. Дети начали тонуть.

Мисник, еще не оправившийся после операции, выбежал на улицу и бросился на помощь утопающим. Матрос вынес на берег спасенного ребенка, а сам упал без чувств. Его нашли санитары и отнесли в госпиталь.

Эту сцену видел Каркоцкий, посланный мной вместе с матросами для спасения детей. Вернувшись, он прибежал ко мне и взволнованно доложил:

— Сейчас видел настоящего героя. Нам бы такого!..

Он уговаривал меня взять матроса. Его не смущали мои доводы о том, что Мисник не моторист, а нам нужен только моторист, и что он приписан к другой лодке.

Командование разрешило взять Мисника на «Малютку». И когда матрос вышел из госпиталя, Каркоцкий, не жалея сил, стал обучать своего Приемыша, как прозвали матроса на лодке, и помогал ему всем, чем мог...

В жилых отсеках царил беспорядок. Банки с продуктами, посуда и личные вещи подводников валялись по палубам вперемежку с боевыми механизмами и аварийным инструментом.

— Безобразие! — указал я на все это боцману. — Плохое крепление!

— Так точно, не умеют еще.

— И вы тоже не умеете? Вы же обязаны проверять?

— Тоже не умею, наверно, еще. Окончательную проверку производит помощник, товарищ командир.

— Значит, и он еще не умеет? Немедленно привести все в порядок! — Я сердито вышел из отсека.

Плавая на благодатном Черном море, «Малютка» давно не попадала в суровые штормовые условия, подводники кое-что позабыли, утратили некоторые важные навыки. Как оказалось, мелких недочетов в нашей работе по подготовке корабля к походу было много.

Мы не только устранили их, но и сделали необходимые выводы для того, чтобы впредь уже не повторять ошибок.

Отведенную ей позицию «Малютка» заняла своевременно и полностью боеспособной. Подводники успели прийти в себя и привести корабль в хорошее состояние.

Ветер утих, облака рассеялись, показалось солнце. Море начало успокаиваться.

Во всей красе представлялись в перископ хорошо знакомые каждому черноморцу горы: пологая Айя, остроконечный Сарыч, сутулый Феолент. Некогда они служили нам навигационными ориентирами при возвращении из морских походов в базу, а сейчас мы, притаившись под водой, охотились здесь за кораблями фашистов.

Время от времени поднимая перископ, «Малютка» ползала с юга на север и с севера на юг вдоль внешней кромки минного поля, выискивая удобное для прорыва место. Целый день продолжались поиск и разведка района. Самым удачным для нас было бы обнаружение прохождения из базы или в нее каких-нибудь судов, вслед за которыми мы могли бы пройти внутрь минного пояса или определить фарватеры движения. Но кораблей не было.

С наступлением вечерних сумерек мы всплыли в надводное положение и одновременно с поиском объектов для атаки продолжали изучение боевой позиции в условиях темноты.

Но побережье словно вымерло. Нам не удалось засечь ни единого проблеска света, ни единого огонька. Севастополь был погружен в мертвую темноту. Трудно было представить этот живой, вечно бурлящий веселым гомоном город задушенным, придавленным.

К рассвету «Малютка» подошла к южной кромке оборонительного рубежа. Определив свое место на карте, мы погрузились и, уйдя на большую глубину, пошли к минному полю.

Опустив перископ и закрыв за собой нижний рубочный люк, я спустился в центральный пост и объявил:

— Начали форсирование минного поля. В отсеках слушать забортные шумы и докладывать в центральный пост.

Люди застыли на своих местах.

Я сидел у отсечной двери на брезентной разножке и наблюдал за показаниями приборов.

Шли напряженные минуты — минрепы не давали о себе знать. Прошло полчаса. Мы уже вползли в водную толщу, густо смешанную со смертоносными черными минами.

Для увеличения вероятности встречи с кораблем мины обычно расставляются в шахматном порядке с небольшими интервалами. Живо представлялись темные, заросшие водорослями, бородатые чудовища, словно аэростаты воздушного заграждения над поверхностью земли, возвышавшиеся на различных высотах над морским дном. От каждого из них шел вниз, к якорям, стальной минреп. Если «Малютка» столкнется с миной или зацепит один из минрепов и натянет его, подрыв подводной лодки неминуем. Искусство заключалось в том, чтобы пройти между минами, не коснувшись их корпусом. Тоненькие минрепы для приборов, тех времен были практически неощутимыми, и мы не могли избежать их касаний. Поэтому было крайне важно своевременно слышать характерный стальной скрежет о корпус подводной лодки и, не мешкая, сманеврировать так, чтобы освободиться от минрепа, не увлекая его за собой.

— В центральном! Минреп справа по борту! — услышал я доклад из торпедного отсека.

В эту страшную минуту все зависело от искусства личного состава. Успеют ли рулевые, электрики и другие подводники своевременно и хладнокровно выполнить приказания командира или кто-нибудь из них растеряется, допустит неточность, оплошность. Все действия должны быть быстрыми, четкими и

безошибочными. За секунды надо проделать то, что иной раз производится минутами и даже дольше.

«Малюточники» выдержали первое испытание. Минреп недолго царапал наш борт. Он проскрежетал только до центрального поста, а затем, провожаемый многочисленными вздохами облегчения, оторвался и отстал. Я вытер со лба капли холодного пота. В отсеках «Малютки» снова наступила тишина. Освободились от одного минрепа, ожидались следующие.

Более трех часов длилось форсирование минного поля. За это время мы более десяти раз касались минрепов, и их зловещий скрежет каждый раз заставлял всех содрогаться.

Встреча с последним минрепом была особенно неприятной. Только по какой-то чудесной случайности мы остались невредимы. Сначала столкновение с минным тросом заметили гидроакустики, а затем и все услышали царапание — минреп шел вдоль всего борта и подходил к винтам.

Я приказал застопорить ход, но лодка двигалась по инерции. Мы ждали, что минреп вот-вот намотается на винты. Неожиданно почувствовался сильный толчок. Это заставило всех вздрогнуть посильнее, чем при близких разрывах глубинных бомб.

Но еще через мгновение мы поняли: толчок означал, что минреп отстал от нас, сорвавшись с какого-то выступа в корпусе лодки.

— Мина проржавела, — сравнительно спокойно проговорил Глоба, не отрываясь от своей работы. — Наше счастье, а то бы взорвались...

Наконец наступил момент, когда, по расчетам штурмана, мы должны были быть вне пределов минного поля. Тем не менее некоторое время «Малютка» еще продолжала свое движение прежним курсом и скоростью. И лишь накопив запас расстояния от опасной зоны, начала, соблюдая осторожность, всплывать на перископную глубину.

— Окончено форсирование минного поля! — весело полетела команда по отсекам. — Вахте заступить, подвахтенным идти отдыхать!

Люди повеселели, словно впереди не было преград и трудностей.

Я долго наблюдал в перископ за берегом. Все побережье было усеяно разбитой боевой техникой. Танки, машины, пушки, повозки... И я никак не мог отогнать от себя мысль, что еще совсем недавно здесь все цвело и радовалось жизни.

«Малютка» легла курсом на север, продвигаясь к входным фарватерам в Севастопольскую бухту.

Очередная вахта заступила. Подвахтенные пошли отдыхать.

— Вот... написал, товарищ командир. — Я не заметил, как в рубку поднялся Поедайло. Выждав момент, когда я опустил перископ, он смущенно протянул мне вырванный из ученической тетради листок бумаги, сплошь исписанный размашистыми буквами.

За полтора года службы на «Малютке» Поедайло очень изменился: сказалась всемогущая сила воздействия дружного коллектива. Экипаж «Малютки» так активно взялся за перевоспитание Поедайло, что матрос не выдержал и со слезами побежал к комиссару дивизиона, умоляя его о помощи.

— Нигде нет покоя, всюду только и говорят о моих недостатках, без конца хулят, за человека не считают, — пытался Поедайло разжалобить Ивана Ивановича. — Товарищ комиссар, помогите перевестись на другой корабль. На новом месте я покажу себя образцовым матросом, даю слово...

Однако мольбы не помогли Поедайло. Его оставили служить на «Малютке». Постепенно он начал исправляться. Разболтанность и недисциплинированность исчезли, он перестал бояться моря, от прежнего неряшливого внешнего вида не осталось и следа. Поедайло не брал в рот спиртных напитков. Нервы его окрепли, и в боях теперь он не уступал в храбрости остальным товарищам. Подводники стали уважать матроса, у него появились друзья и близкие товарищи. Словом, передо мной стоял новый человек: общительный, дисциплинированный, отлично знающий дело.

«Перед наступающим боем, — читал я, — прошу принять меня в Коммунистическую партию... Хочу умереть членом великой партии...»

— Почему умереть? — прервал я Чтение. — Мы воюем не для того, чтобы умереть, а чтобы жить, правда?

— Положено так, — пояснил Поедайло, — чтобы, например, доказать: не жалко, мол, жизни за такое дело. А что до меня, — умру, а фашистам не дамся живым.

Он глубоко вздохнул и добавил:

— Вы поддержите меня, товарищ командир. Вас первого спросят, а мне оставаться беспартийным никак нельзя. Даже кок и тот вступил...

— Заявление перепишите, — я вернул матросу заявление. — Чтобы не было ни слова о смерти. О ней пусть фашисты думают. Рекомендацию я вам дам. Заслуживаете...

Поедайло крикнул: «Есть!» — и тотчас же исчез из рубки, будто растворился.

— Тише! Что ты, как буйвол? — услышал я из центрального поста визгливый голос Трапезникова. — Ногу отдавил. Вожжа

ударила, что ли?

Обогнув мыс Херсонес, «Малютка» к концу дня достигла входного буя в Севастопольской бухте.

Освещенный последними лучами заходящего солнца, Севастополь представлялся особенно печальным. Город-герой был неузнаваемым. Так некогда, вероятно, вымирали города, пораженные чумой. Улицы исчезли, всюду громоздились развалины. Пустовала и Северная бухта. Судов в ней видно не было.

— Вот они, единственные живые существа! — невольно воскликнул я, заметив в перископ два фашистских истребителя, летавшие над растерзанным городом.

— Патрулируют порт. Берегут кого-то от нашей авиации, — решил Косик. — Может быть, в Южной бухте есть корабли, товарищ командир?

— Возможно, — согласился я, — Если есть, думаю, не уйдут... Будем сторожить.

Мы приступили к тесной блокаде входных фарватеров в Севастопольскую бухту. Днем и ночью неотступно маневрировали в районе стыка двух основных подходов к порту: Лукульского створа, идущего с севера, и Инкерманского — с запада. Мимо нас незамеченным не мог пройти ни один транспорт, ни один корабль, ни одно даже самое маленькое судно. Но время шло, а противник не появлялся.

Прорываясь внутрь минного поля, подводники были уверены, что, как только «Малютка» окажется в самом пекле, она сразу же встретится с кораблями фашистов. Но эти ожидания не оправдались. Мы снова вынуждены были проводить обычный поиск.

Маневрируя на небольшом «пятачке» у самого входа в гавань, мы выработали определенную систему. Утренние сумерки обычно встречали у входного буя, погружались на перископную глубину, просматривали Северную бухту и затем отходили в сторону моря на несколько миль и галсировали с таким расчетом, чтобы в любое время увидеть вражеские суда, если бы они появились на каком-нибудь из входных фарватеров.

27 августа 1943 года с рассветом, как обычно, «Малютка» погрузилась. Противника не было. Безопасности лодки ничто не угрожало. Погода была превосходной.

Я всю ночь провел на мостике и теперь, оставив у перископа лейтенанта Глобу, отправился в свою каюту, предупредив помощника, чтобы он не увлекался наблюдением за берегом, а внимательнее смотрел за морем.

Ранним утром Глеба с обычной в таких случаях вежливостью

разбудил меня по переговорной трубе и доложил, что из Севастополя вышли два охотника за подводными лодками.

Не разобравшись толком в смысле доклада вахтенного офицера, я приказал наблюдать за катерами и повернулся на другой бок.

Но не прошло и пяти минут, как меня разбудил шум винтов катера. Еще через секунду близкие разрывы глубинных бомб сбросили меня с койки.

В центральном посту было темно. С шумом хлестала вода, проникшая в люк. По переговорным трубам из разных отсеков доносились слова докладов. Это было едва ли не самое неприятное пробуждение в моей жизни.

Глоба прозевал! Катера противника, очевидно, засекли перископ подводной лодки.

Я глянул на глубиномер. Он показывал двадцать метров. Стрелка продолжала идти вниз. Чтобы не удариться о грунт (глубина в этом месте была всего тридцать два — тридцать четыре метра), я приказал держаться глубины двадцать метров и положить вертикальный руль на отход от места атаки в сторону моря.

Но сверху посыпалась очередная серия бомб, грозящих вот-вот поразить «Малютку». Заделывавшие течь матросы от сотрясения сорвались и попадали на палубу. Впрочем, тотчас же оба поднялись и полезли к поврежденному люку.

Катера преследовали нас очень активно. Каждая серия причиняла лодке все новые и новые повреждения.

Подбитая и раздифферентованная «Малютка», уклоняясь от непрерывных неприятельских атак, продвигалась в сторону минного поля. Страшный минный рубеж теперь казался спасительным панцирем, под которым мы могли укрыться от преследования.

— Еще добавилось два катера! С кормы приближаются быстро! — доложил Бордок монотонным голосом.

«Мы у самой базы, в катерах недостатка не будет», — подумал я. Тем более мне показалось правильным мое первоначальное решение — как можно скорее укрыться в минном поле.

Очередная серия бомб разорвалась так близко, что матросы, работавшие по заделке пробоины, кубарем пролетев через отсек, оказались лежащими в одной куче.

Первым вскочил на ноги Поедайло.

— Быстрее! — уклонившись от струи забортной воды, скомандовал я. — Скоро подойдем к минному полю. Там бомбежка прекратится. Катера побоятся.

— Может быть, товарищ командир, они только этого и хотят, — словно со дна бочки, услышал я слова Поедайло. Он стоял в трюме по пояс в воде, навалившись всем телом на планку с пластырем, которую укрепляли его товарищи. — Может быть, собирается пройти конвой. Вот они нас и хотят угнать.

Поедайло был прав. Если в такую рань немецкие охотники решили «обшарить» море, то следовало ожидать конвой. Уйти от глубинной бомбежки — значило бы только выполнить желание врата.

Эти соображения заставили меня принять новое решение: оторваться от охотников, не покидая район, в котором должны появиться вражеские транспорты.

Задача была трудная. Катера, сменяя друг друга, могли весь день осыпать нас глубинными бомбами, тем более, что запас бомб они могли то и дело пополнять.

Более двух часов, меняя через каждые три-пять минут курсы, «Малютка» отходила в сторону моря. Она значительно отдалилась и от Лукульского и от Инкерманского створов.

Надо было повернуть в сторону берега, но такой маневр был рискованным. Взаиморасположение с фашистскими катерами было для нас невыгодным.

Оставалось немедленно начать циркуляцию и, если отяжелевшая «Малютка» не справится с маневром, лечь на грунт и попробовать притаиться на месте.

«Малютка» начала описывать довольно пологую циркуляцию.

На первых порах казалось, что мы обманули врага: большинство катеров нас потеряли, ушли в сторону открытого моря.

«Теперь быстро ляжем на грунт — и конец преследованию», — с облегчением думал я.

Но не успели мы повернуть в сторону берега, как два катера, зайдя с кормы, положили по правому борту новую серию бомб. Враг снова нащупал нас. В таких условиях ложиться на грунт было нельзя.

Я решил отходить в общем направлении на северо-восток, изменяя курсы в зависимости от расположения катеров противника.

До полудня продолжалось неослабное преследование. Бомбы врага по-прежнему причиняли нам немало вреда.

«Малютка» подошла к Лукульскому створу в районе Мамашая. Дальше начинались малые глубины, затруднявшие маневрирование.

«Малютка» резко развернулась вправо и увеличила ход до полного. Пройдя несколько минут в сторону моря, застопорила

машина, по инерции снова от вернула к берегу, постепенно теряя скорость, и упала на грунт прямо на фарватере.

Маневр удался. Следующая атака противника была произведена явно впустую. Бомбы разрывались по корме сравнительно далеко от нас. Это было хорошим предзнаменованием.

Мы притаились, слушали, как охотники все дальше и дальше уходят в море. Похоже, они полагали, что лодка либо утонула, либо ушла из района, так старательно прочесанного бомбами.

Где-то очень далеко от нас, видимо для очистки совести, катера сбросили еще несколько бомб и ушли. «Малютка» стала спешно приводить себя в порядок. Кок принялся готовить обед, матросы, перекусив на скорую руку, начали исправлять повреждения.

Я все еще не покидал центральный пост. Здесь же на своем обычном месте находился и матрос Поедайло. Теперь его не в чем было упрекнуть. В напряженные часы прохождения минного поля и при уклонении от катеров врага он держал себя очень хорошо.

— Сегодня я вами очень доволен, Поедайло! — улучив момент, похвалил я матроса. — Вы вели себя хорошо...

— Ну что вы, товарищ командир, — смущенно отозвался он.

Трапезников искоса глянул на Поедайло, с которым он за последнее время очень сдружился, и глубокомысленно заметил:

— Труд исправляет человека.

— Сам исправляйся! — огрызнулся Поедайло и тут же рассмеялся.

— Я больше скажу. Ваша мысль оставаться здесь помогла мне принять правильное решение. Возможен проход конвоя... Вот и выходит, что мы с вами стремимся бить врага. Не боимся его.

— Это я от боцмана услышал, — Поедайло словно оправдывался. — Он говорит: могут нас прогнать, а потом провести конвой...

— И штурман так сказал, — буркнул боцман между делом.

— А я от командира услышал, что уходить из района нельзя, — окончательно рассмешил всех Глоба.

— Значит, мысль была коллективной, это еще лучше, правда? — обратился я к Трапезникову.

— Правильно... Особенно, если конвой в самом деле пройдет, — согласился Трапезников.

Шумы винтов катеров затихли. Наш «слухач» доложил:

— Чист горизонт!

Исправив поврежденные механизмы и устранив последствия аварии, мы всплыли и, выйдя в район Лукульского створа, легли параллельно ему курсом на север.

По левому борту, ближе к корме, на расстоянии сорока-пятидесяти кабельтовых, стояли без хода два немецких катера-охотника за подводными лодками. Больше на горизонте ничего не было видно.

Зеркальной глади, выдавшей нас утром врагу, на море уже не было.

— Сейчас бы фашистов встретить. Мы бы им всыпали!.. — этими словами встретил меня в дизельном отсеке Мисник, как видно, уже забывший о ночном происшествии на мостике.

— Долго же нас гоняли, товарищ командир, — покачав головой, заметил Гудзь. — Хорошо хоть, что бомб на нас израсходовали целую уйму.

— Да, урон мы фашистам нанесли, — подхватили другие.

— Эх, нам бы хороший транспорток! — вслух мечтал старшина группы торпедистов Терлецкий. — Торпеды сами просятся, еле их удерживаем.

Подобные разговоры велись в каждом отсеке.

Я вернулся в центральный пост и тут же узнал, что старший лейтенант Косик заметил большой конвой противника, пробиравшийся через минное поле. Огромный немецкий транспорт и крупный танкер сопровождали шестнадцать охранных кораблей, среди которых были и малые миноносцы, и охотники за подводными лодками, и самоходные баржи. С воздуха конвой прикрывали два самолета.

Лодка легла на курс для атаки и дала полный ход. Однако скоро стало ясно, что между кораблями противолодочной обороны на перископной глубине прорвать охранение не удастся.

Я не успевал следить за судами, двигавшимися, как мне показалось, сплошной стеной. Какое-нибудь из них могло либо обнаружить нас, либо случайно наткнуться и протаранить. Вместе с тем надо было вести тщательное наблюдение за мишенью.

Взвесив все эти обстоятельства, я решил поднырнуть под полосу охранения. После этого я поднял перископ и увидел, что головной транспорт, который мы намеревались атаковать, прошел. К углу ожидания подходил второй из охраняемых кораблей — танкер.

Произошло это потому, что, прорывая полосу охранения, «Малютка» пробыла на глубине более семи минут. За это время наблюдение за мишенью велось только акустическими средствами. Скорость же противника была большей, чем я определил первоначально.

«Малютка» подошла так близко к танкеру, что в перископ стало видно все, что делалось на судне.

На палубе танкера было довольно людно.

Кто-то из стоявших на мостике показывал в нашу сторону: перископ и оставляемая им легкая бороздка выдали нас.

Скорректировав данные о противнике, «Малютка» немедленно выпустила торпеды. На мостике танкера забегали, взвились флажки какого-то сигнала.

Танкер пытался уклониться, но было поздно. Торпеды взорвались: одна под фок-мачтой, вторая под мостиком...

Через несколько минут танкер погрузился в море,

После залпа «Малютка» почти полностью выскочила в надводное положение. Глубиномер показывал всего три метра. Я приказал погрузиться на двадцать пять метров. На это потребовалось более полминуты. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы вражеские корабли могли вдоволь налюбоваться «Малюткой». Команды их были настолько поражены неожиданностью атаки, произведенной со столь близкой дистанции, что не сразу сумели организовать преследование. Несколько артиллерийских выстрелов, очевидно данных с катеров, не причинили нам вреда.

Лодка упала на грунт.

Мы пока еще не слышали разрывов бомб, но противник знал наше месторасположение. Нужно было немедленно уходить с этого места.

— Пузырь в среднюю![12] Оба — средний вперед! Руль влево три! — скомандовал я.

Сравнительно долго враг не трогал нас. Видимо, он ждал, пока мы выйдем из сферы конвоя.

На восемнадцатой минуте после залпа гидроакустики конвоя обнаружили нас. На этот раз экипажу «Малютки» досталось больше, чем за все предыдущие глубинные бомбежки.

Гитлеровцы неистовствовали. Бомбы сбрасывали сразу с нескольких преследовавших лодку катеров.

Нас преследовало одновременно более десяти охотников за подводными лодками.

Бомбили довольно точно. Каждая серия бомб, сбрасываемых на «Малютку», оставляла следы на лодке, хотя от прямого попадания судьба нас миловала.

Мелких повреждений было немало. В некоторых местах образовалась течь. Из-за вмятин и деформации корпуса нарушалась укупорка сальников, расшатались валопроводы, заклепки. В первом отсеке люди стояли по колено в воде. Рулевые перешли на ручное управление, — носовые горизонтальные рули не действовали.

Враг преследовал нас упорно и неотступно.

Единственно правильным решением оставалось быстрее

укрыться в минном поле.

Уклоняясь от охотников, лодка, лавируя, пробиралась к минному полю.

Было четыре часа утра, когда немецкие катера начали отставать. Мы подошли к минному полю.

Охотники, хотя и сбрасывали бомбы, но не отважились полезть вслед за нами.

Опять экипаж «Малютки» настороженно вслушивался в ожидаемый скрежет минрепов.

В решающий момент, когда нервы людей были на пределе, в переговорных трубах всех отсеков послышался громкий голос:

— В центральном!

Через переговорные трубы в такие моменты передавались сообщения, имеющие особую важность.

— Есть в центральном! — ответило сразу несколько голосов.

— Обед готов, — послышалось из трубы.

Раздался дружный смех подводников центрального поста. Его оборвал омерзительный лязг — минреп невыносимо медленно, выматывая душу, скользил по обшивке лодки.

Теперь никто, кроме гидроакустика, не обращал внимания на удалявшиеся шумы катеров-охотников. Главная опасность была рядом. И все наше внимание было переключено на то, чтобы выскользнуть, не дать «Малютке» взорваться на мине.

Форсируя минное поле, корпус восемь раз коснулся страшных минрепов. Восемь раз «Малютка» уклонялась, используя все свои маневренные возможности, и, наконец, благополучно вышла на чистую воду.

— Форсирование минного поля окончено! Поздравляю славных «малюточников» с очередной победой над ненавистным врагом! — не без торжественности передал я по переговорным трубам в отсеки подводной лодки. И тут же добавил: — Обедать!

После обеда мы всплыли на перископную глубину, чтобы узнать обстановку на море.

Погода по-прежнему стояла на редкость тихая. Безоблачное небо было озарено только что оторвавшимся от гребня горы Айя солнцем. В окуляре перископа обозначились два вражеских самолета. Самолеты шли на бреющем полете и, видимо, тщательно просматривали морскую гладь.

Всплыть не удалось. Между тем под водой невозможно было исправить многочисленные повреждения, связаться с командованием и зарядить аккумуляторы.

— Придется идти под водой самым малым ходом, — сказал я Косику, опуская перископ.

— Другого выхода нет, — подтвердил помощник. — Если с

такими энергозапасами нас катера поймают, будет трудно...

Весь день мы шли под водой, невидимые, как нам казалось, врагу. Солнце начало опускаться к западу, когда вахтенный офицер попросил разрешения уйти на глубину.

Сон мгновенно оставил меня. Оказавшись у перископа, я увидел фашистский самолет, описывающий над нами круги.

Выяснилось, что лодка оставляла за собой небольшой след: из поврежденной систерны просачивался соляр.

«Малютка» ушла на большую глубину. Я считал каждый пройденный нами кабельтов. От соляра был такой след, что, заметив его в перископ еще до погружения на глубину, Косик сказал по адресу немецкого летчика:

— Удивляюсь, как этот балбес нас не обнаружил и не вызвал охотников еще утром.

Продержавшись на большой глубине до наступления темноты, «Малютка» снова всплыла. Теперь можно было как следует осмотреть повреждения. Их было очень много, но лодка оставалась боеспособной.

В памятные дни Великой Отечественной войны не раз приходилось удивляться тому, как могли боевые механизмы подводных лодок типа «Малютки» выдерживать сложнейшие испытания, которым они подвергались.

Помню случай, когда один из прославленных подводников капитан-лейтенант Валентин Комаров прямо на пирсе расцеловал рабочих-представителей. завода, вышедших вместе с моряками встречать возвращавшуюся из боевого похода лодку-победительницу.

В походе лодка имела соприкосновение с вражеским конвоем, утопила большой транспорт и сама подверглась ожесточенному преследованию. Уклоняясь от фашистских охотников целые сутки, она получила едва ли не прямое попадание глубинной бомбы. Шестой отсек был полностью затоплен, главный электромотор вышел из строя, линия вала в районе подшипника Митчеля работала в воде. Взрывная волна буквально гофрировала кормовую часть корпуса.

И, несмотря на все эти, казалось бы, смертельные для маленькой подводной лодки повреждения, она ушла от преследования врагов и вернулась в базу, пройдя более шестисот миль над водой.

Исправив антенну, мы дали радиограмму с донесением о результатах боевого похода. Оказалось, что в базе уже было известно о том, что на Лукульоком створе подводная лодка потопила танкер врага под названием «Хейнбург» и что после этого лодку сильно обстреливали глубинными бомбами. Как

говорилось в сообщении, море кипело от разрывов глубинных бомб.

Мы вернулись с победой.

Порт Констанца

Во время обеденного перерыва была назначена беседа Ивана Колодченко, комиссара подводной лодки «Форель», о последнем боевом походе лодки. Закончив дела, я вышел из «Малютки» и направился к тенистой кипарисовой аллее, где уже должны были собраться все свободные от вахт матросы, старшины и офицеры кораблей дивизиона. На пирсе я встретился со старыми знакомыми Метелевым и Селивановым. Они с группой своих товарищей тоже направились на беседу. Мы пошли вместе,

— Будете «Форель» ремонтировать? — спросил я Ефима Ефимовича.

— Наше дело такое: вы, подводники, разбиваете корабли, а мы ремонтируем...

— Ну, «Форель» мало разбита, — вмешался кто-то из рабочих. — Зато победы немалой достигла...

— Такие корабли, которые с победой приходят, можно ремонтировать. Тут уж сил не жалко, — заметил Селиванов. — И день и ночь готов на «Форели» работать.

— Спать ты совсем не любишь! Ты уж насчет ночи осторожно, — ухмыльнулся дядя Ефим.

— Ярослав Константинович, — воззвал к моей совести Селиванов, — последний месяц сплю по три часа. А он, слышите, что говорит?

— Грешным делом, я тоже люблю поспать, да времени не хватает. Помню, после первого боя уснул и увидел во сне родное село, башни над домами, старого своего деда. Сидит будто около очага и рассказывает сказку...

— Наверное, скучаете по родным местам? — дядя Ефим кивнул головой в сторону заснеженных вершин. Где-то за ледниковыми грядами ютилась моя маленькая страна — Сванетия.

— Как и вы, вероятно, — со вздохом подтвердил я.

— Моя родина — Ленинград, — тоже вздохнул старик, — томится в блокаде...

— У вас там есть родичи?

— Все родственники там. Два сына на Ленинградском фронте.

— Да, в Питере тяжко, — сочувственно подтвердил кто-то.

— А мои в Николаеве. Фашисты небось издеваются. Никто из них не успел эвакуироваться, — проговорил Селиванов. Веселые искорки в его глазах тут же погасли.

— Ничего, теперь недолго. После Сталинграда долго не

продержится, годик-два — и каюк фашисту! — Метелев одобряюще похлопал своего друга по плечу. Эта скупая мужская ласка показалась мне проникновенной и нежной.

— Два года слишком много, — возразило несколько голосов.

— Я так думаю... Правде надо в лицо смотреть. Мы немного опоздали. Подводники дивизиона, расположившись на полянке в тени высоких кипарисов, с интересом слушали Колодченко.

...»Форель» шла к мысу Шабла.

В боевой рубке у перископа стоял командир подводного корабля капитан-лейтенант Дмитрий Суров. Лодка приближалась к границе минных полей, которые ей предстояло форсировать.

— На глубину! — скомандовал Суров, привычным жестом откинув со лба русые кудри. — Малый ход!

Перед минным полем «Форель», убрав перископ, пошла на нужную глубину.

Вскоре она коснулась первого минрепа. .,

Медленно и осторожно проходила «Форель» минное поле.

Наконец опасный пояс был пройден. Лодка всплыла на глубину, позволяющую пользоваться, перископом.

На море лежал почти полный штиль. Контуры города Констанцы, расположенного на плоском мысу, отчетливо выделялись на горизонте. Отдельные дома трудно было различить: город был обвит пеленой дыма, вырывавшегося из многочисленных труб нефтеперегонных заводов.

— В гавани никого не видно, — с досадой проговорил командир,

— В радиограмме сказано, что транспорт должен выйти в море с наступлением темноты, — напомнил комиссар.

До наступления темноты «Форель» маневрировала под водой у входного фарватера порта Констанца. Затем всплыла и, подойдя почти вплотную к молу, ограждавшему гавань, легла в дрейф.

На мостике остались командир корабля и сигнальщик Шувалов.

— Это мол порта. До него не менее двухсот метров. По нему ходит фашистский часовой, видишь, — шепотом пояснил Суров обстановку матросу-сигнальщику.

— Вижу. Вот черт, подползти бы к нему и...

— Это не наше дело. Пусть себе гуляет.

— Как же этот балбес нас не видит? — не выдержал Шувалов.

— Нас же чуть-чуть видно над водой, примерно как бочку. А мало ли бочек плавает сейчас на море?

— Ваша правда, товарищ командир, — согласился сигнальщик. И вдруг изменившимся голосом прохрипел:

— С моря катер... по курсовому сто двадцать...

— В центральном! — шепотом приказал командир. — Артиллерийская тревога! Сигналов не подавать! Голосом!

Артиллеристы молниеносно изготовили свои орудия к бою.

— Собираемся драться? — осторожно поглядывая на командира, спросил Шувалов.

— Не будем, если он не полезет сам, — ответил командир, не сводя глаз с вражеского судна.

— А погружение?

— Здесь мелко, все равно от катера-охотника не уйдешь.

Проскочив мимо «Форели», катер поднял такую волну, что лодка закачалась на ней, как щепка.

Появление катера было единственным происшествием за ночь. Утром нужно было уходить под воду, а транспорт все не появлялся.

— Чего мы ждем, товарищ командир? — с нетерпением проговорил Шувалов. — Может, в порту и нет никого. Разве туда пройти нельзя? Все равно ничего не видят.

— Вот это и называется зазнайством. Слепых врагов не бывает. Однако... насчет пройти — надо подумать. — Командир минуту молчал. — Ты, пожалуй, и прав. Погрузимся и... пройдем в порт.

Все предполагаемые сроки выхода вражеских судов из бухты миновали. У командира появилось решение — пройти внутрь самой базы и у пирса подорвать грузившийся транспорт.

Для решения этой нелегкой задачи нужно было преодолеть два боковых заграждения. Только тогда лодка могла попасть в гавань.

Когда первые лучи солнца поползли вверх по небу, «Форель», благополучно преодолев заграждения, вошла в гавань.

Командир поднял перископ и осмотрелся. Гавань была пуста. Суров вздохнул. Выходит, он зря шел прямо в пасть противника.

— Прозевали транспорт, товарищ комиссар, В бухте судов нет, — Суров повернул перископ направо и долго всматривался. Потом брови его удивленно поднялись. — Похоже, фашисты занимаются легководолазным делом.

— А не послать ли нашего матроса под водой за «языком»? — предложил комиссар.

— Что ж, мысль не плохая, — согласился Суров. Капитан-лейтенант не любил дважды решать один и тот же вопрос. Иногда его даже упрекали в том, что он слишком поспешно принимает решения.

— Право на борт! На грунт! — прозвучала команда.

«Форель» подошла, насколько это было возможно, к месту, где гитлеровцы занимались водолазным делом, и легла на грунт.

Командир приказал подготовиться к выпуску за борт одного из матросов. Из первого отсека вызвали ловкого и сильного Ивана Бондарева.

Но корабельный механик неожиданно запротестовал против этой кандидатуры.

— Это верно: смелый, сильный и ловкий. Но он единственный из всего экипажа плохо знает водолазное дело, — горячо возражал он. — Почти все матросы получили отличные отметки, а Бондарев хватает тройки.

— Да, троечника посылать рискованно. И себя погубит и корабль подведет, — согласился с механиком Суров. — Но кого же?

— Шувалова! — предложил комиссар. — Волжанин, не подведет.

— Я тоже за Шувалова, — согласился механик.

— Шувалова — в центральный! — приказал Суров. За плечами Шувалова виднелась массивная фигура Бондарева.

Это были два закадычных друга. Белокурый богатырь Бондарев — весельчак и песенник, но большой лентяй. Он быстро схватывал все на лету и так же легко забывал. На зачетах он, как принято выражаться в подобных .случаях, «хлопал глазами». Коренастый же, остроносый, с живыми глазами, Шувалов был любознателен, дружил с книгой и всегда был лучшим на теоретических занятиях.

— Можете идти в отсек, товарищ Бондарев, — встретил его командир. — Я хотел было послать вас на ответственное задание, но, оказывается, в учебе вы слабоваты. Придется посылать Шувалова.

— Его? — синие глаза Бондарева потемнели, губы сложились в презрительную гримасу. — Товарищ командир, неужели вы думаете, что он лучше меня справится? Да он котенок по сравнению со мной!

— Физически вы сильнее Шувалова. Зато в знаниях вы котенок перед ним.

Бондарев уныло зашагал в отсек. Ответить ему было нечего.

— Так вот, — продолжал командир, обращаясь к Шувалову. — Здесь глубина около семи метров. Вам надо подойти по грунту к пирсу, схватить одного из водолазов, оглушить слегка и притащить сюда, на корабль.

— Задача ясна! Разрешите идти? — без колебаний отозвался Шувалов.

Командир пытливо посмотрел в глаза матросу.

— Идите!

Шувалова одели в легкий водолазный костюм и выпустили

через специальный люк в воду.

Время шло. Гитлеровцы продолжали спокойно заниматься своим делом: одних спускали в воду, других принимали на пирс...

Беспокойство командира с каждой минутой возрастало. «Вот тебе и пятерочник! — с раздражением и тревогой думал он. — Послать бы этого здоровяка!»

Волнение охватило весь экипаж. К тому же все понимали, что долго лежать на грунте в чужой гавани в непосредственной близости от пирса нельзя.

Командир запросил кормовой отсек:

— Дали Шувалову какой-нибудь конец, по которому он мог бы сообщаться с кораблем?

Оказалось, что конца не дали.

— Ваш недосмотр, — обернулся командир в сторону старпома. Потом посмотрел на комиссара: — Что же будем делать? Посылать еще одного на помощь Шувалову? По-моему, бессмысленно.

И командир вновь поднял перископ.

— Смотри, комиссар! — воскликнул он. — На пирсе полундра! Бегают, размахивают руками... Помощник, приготовить еще одного матроса к выпуску!

Он видел, как гитлеровцы стали спускаться в воду не по одному, а по двое, по трое.

Что случилось?

Из воды подняли человека в легководолазной амуниции, видимо убитого.

Суров опустил перископ. Тихо, чтобы не слышали окружающие, сказал комиссару о том, что видел. У него не было сомнений: Шувалов — живой или мертвый — попал в руки врага.

Между тем в действительности дело обстояло не так.

Выбравшись из подводной лодки, Шувалов достиг того места, где орудовали фашисты.

Здесь производился осмотр затонувшей баржи. Прямо перед собой Шувалов увидел не одного, а сразу трех немцев. С троими ему не справиться. Что же делать? Надо ждать. Когда они разойдутся, схватить того, который окажется сзади.

И Шувалов стал ждать.

Оказалось, что решать боевую задачу самому, не советуясь ни с кем, дело не такое уж простое. Конечно, проще всего вернуться на корабль и доложить о невозможности быстро выполнить задачу. Но что скажут командиры, товарищи?

Между тем подходящего момента не представлялось. И Шувалов решил действовать напролом. Ждать более было невозможно, во-первых, потому, что корабль в случае опасности

мог сняться и выйти из гавани без него, а во-вторых, легководолазный прибор был рассчитан на ограниченное время. Шувалов поднял с грунта увесистый камень и пошел к немцу, хлопотавшему у правого борта баржи, под самым ее навесом. Он подкрался незаметно, внезапно схватил гитлеровца за горло и ударил камнем по голове. Но тут же почувствовал, что другой гитлеровец схватил его самого за кислородный прибор.

Значит, он обнаружен. Сейчас наверху поднимется тревога, — и тогда конец.

Шувалов выхватил из ножен кинжал и полоснул противника по животу. Гитлеровец упал на грунт.

После этого Шувалов подхватил оглушенного камнем водолаза и поволок в сторону своего корабля.

Капитан-лейтенант Суров наблюдал в перископ за тревогой на пирсе, когда из кормового отсека доложили:

— Шувалов вернулся. Притащил полумертвого фашиста!

Только воинская дисциплина, железные законы которой на лодке соблюдаются со всей строгостью, сдержали командира и комиссара. Оба они готовы были кричать «ура». Шувалова раздели, растерли спиртом и положили на койку. Потом корабельный фельдшер дал ему стакан крепкого вина. Усталый, продрогший от долгого пребывания в воде Шувалов заснул.

Лодка благополучно форсировала противолодочные заграждения, вышла из гавани в море и всплыла.

Из допроса пленного выяснилось, что водолазным делом немцы занимались тайком от своего высшего начальства. Во время налета советской авиации на военный порт была потоплена баржа с большими ценностями. Узнав об этом, офицеры решили поживиться, добыли где-то аппаратуру, взяли себе в помощь трех подводников и стали обследовать потопленную посудину. За этой работой и застали их советские подводники.

«Язык» дал ценнейшие сведения. Он перечислил все находящиеся в Констанце немецкие суда, рассказал, что у элеваторного причала стоит под погрузкой хорошо замаскированный большой пароход. Сообщил и день предполагаемого выхода транспорта в море.

Пароход действительно вышел из порта в тот вечер, который назвал пленный немец. Лодка уже поджидала его, подкравшись с наступлением темноты к самому выходу из бухты.

На мостике, как и третьего дня, оказался вместе с капитан-лейтенантом Суровым матрос Шувалов.

— Указания те же, что и в прошлый раз, — прошептал командир.

— И часовой у них, кажется, тот же, — шепнул в ответ

Шувалов.

— Идет, из гавани выходит, — после молчания неожиданно доложил Шувалов.

«Форель» пошла в атаку. В то же время из гавани выскочили катера-охотники. Они быстро обежали близлежащий район, но лодку, прижавшуюся почти вплотную к молу, не заметили. Показался транспорт. Катера-охотники сгруппировались, чтобы занять места вокруг него. Но маневр закончить они не успели...

Раздался взрыв, за ним другой. Две огневые шапки осветили Констанцу. Транспорт, накренившись на левый борт, медленно погружался, охваченный пламенем.

Катера-охотники бросились преследовать «Форель», не жалея ни глубинных бомб, ни снарядов.

Долго катера бомбили подводную лодку...

Но ранним мглистым утром «Форель» благополучно вернулась в свою базу...

...После комиссара, по просьбе подводников, с рассказом о походе вынужден был выступить матрос Шувалов. Он не знал, с чего начать, долго мялся, краснел и, наконец, казалось, решился раскрыть рот, но раздавшийся хор гудков и сирен воздушной тревоги так и не дал ему разговориться.

Я побежал, к «Малютке», заметив по пути, что одна из бомб разорвалась в гавани у самого, борта «Малютки». Тонны воды обрушились на верхнюю палубу. Несколько человек было смыто за борт, а матроса Фомагина волной выбросило на берег.

Встреченные ураганным огнем зенитной артиллерии самолеты врага вскоре удалились.

Мы подобрали сброшенных за борт людей, оказали им медицинскую помощь. Больше всех пострадал Фоматин. У него было сильно поцарапано лицо.

В тот же день мы вышли на боевую позицию. Нам предстояло идти в тот же район боевых действий у выхода из порта Констанца, где так удачно воевала «Форель».

На рассвете «Малютка» приступила к поиску. Мы решили обстоятельно обследовать хорошо укрытую за мысом бухточку.

Знойное летнее солнце клонилось к закату, когда мы, уверившись в том, что в бухте нет вражеских кораблей, развернулись и собрались было уходить. И вдруг...

— Товарищ командир, слева по корме два катера! — доложил гидроакустик Иван Бордок.

Оставляя за собой большие пенистые буруны, из бухты выскочили два охотника за подводными лодками и взяли курс прямо на нас.

И на этот раз нас подвели ровная поверхность моря и

отличная видимость. Видимо, обнаружили нас береговые наблюдатели.

«Малютка» ушла на глубину и начала маневрировать. Район этот нельзя было покидать: раз фашисты держали в бухте противолодочные средства, значит, была вероятность прохода здесь кораблей врага.

Катера, очевидно, поддерживали с нами гидроакустический контакт и потому с ходу вышли в атаку.

Первая серия глубинных бомб легла по правому борту, за ней последовали и другие. Они — в который уже раз! — нанесли нам ряд повреждений. Пришлось лечь на грунт.

Катера вскоре потеряли нас. Нам сравнительно быстро удалось устранить повреждения.

И вот акустик доложил:

— Справа по корме шумы винтов больших кораблей! Прослушиваются нечетко! Расстояние более сорока кабельтовых.

— Приготовиться к всплытию! — последовала команда.

Обмануться Иван Бордок не мог: шумы винтов шли от бухты — значит, фашисты выводили из нее корабли, рассчитывали под покровом ночи провести их через опасную для них зону.

Зашипел воздух высокого давления, с визгом заработала главная осушительная система, тоннами выбрасывая за борт воду, попавшую в лодку из-за пробоины, нанесенной осколком бомбы.

Всех охватило хорошо знакомое каждому подводнику, да и не только подводнику, боевое возбуждение. Но когда до поверхности осталось всего несколько метров, по корпусу лодки что-то сильно заколотило, электромоторы вдруг получили непосильную нагрузку. Их пришлось остановить. Лодка, имея отрицательную плавучесть, пошла на погружение, и скоро мы вновь оказались на грунте.

— На винты что-то намоталось! — Механик сказал то, о чем я сам раздумывал.

— Приготовить двух водолазов.

— Глубина, товарищ командир, большая, — неуверенно возразил механик, поглядывая то на меня, то на глубиномер.

— Ничего не поделаешь. Терлецкого и Фомагина — в центральный!

— Пожалуй, не успеют...

— Успеют! — прервал я. — Для выхода конвоя из бухты и для построения в походный порядок тоже потребуется время. За час все сделают.

Стройный быстроглазый главный старшина Леонид Терлецкий и матрос Иван Фомагин овладели водолазным делом

лучше других. Поэтому на них и пал выбор.

— Ваша задача: выйти из лодки, добраться до винтов, осмотреть и освободить их. Сделать это надо быстро, дорога каждая минута. Ясно?

— Так точно! — дружно ответили матрос и старшина.

Бордок уже отчетливо прослушивал шумы кораблей врага. Конвой вышел из бухты и начал выстраиваться в походный строй. По всему заливу носились катера-охотники. Два раза они проскакивали чуть ли не над самой «Малюткой».

Время шло, а Терлецкий и Фомагин не подавали никаких сигналов. Корабли фашистов уже выходили из залива. Еще пятнадцать-двадцать минут, и они проследуют мимо нас. Тогда враг упущен. Но надо было терпеливо ждать.

Наконец водолазы вернулись. Винты свободны!

— Средний вперед! Всплывать! Торпедная атака!

«Малютка» всплыла невдалеке от единственногобольшого транспорта в конвое.

Через несколько секунд бухта осветилась ярким пламенем. Пораженный нашими торпедами транспорт переломился в двух местах и стал тонуть.

— Все вниз! Срочное погружение!

Фашисты не замедлили начать преследование. Однако теперь, когда дело было сделано, мы могли отходить в любом направлении.

Всю ночь они безуспешно гнались за «Малюткой». Было уже восемь часов утра, когда последние глубинные бомбы отгремели где-то позади нас.

Оставаясь на большой глубине, лодка взяла курс к родным берегам.

Вечером мы всплыли. Скорость нашей «Малютки» сразу же увеличилась.

Где-то далеко по корме остались вражеские берега. За день мы прошли под водой много миль, и нам уже ничто не угрожало.

— Получена радиограмма, товарищ командир! — доложил старшина радистов Дедков, высунув из люка белокурую голову.

— О чем?

— В сорока восьми милях южнее Севастополя в море сделал вынужденную посадку наш самолет. Приказано оказать срочную помощь. Координаты точки посадки дани...

— Штурману передать: немедленно рассчитать курс.

Через несколько минут мы уже лежали на новом курсе.

Точно учитывая влияние ветра и течений, штурман Глоба довольно точно привел корабль к месту дрейфа потерпевшего аварию бомбардировщика. С рассветом мы обнаружили в

перископ слегка покачивающийся на тихой поверхности моря катер. Он лежал в дрейфе. На его скривившейся мачте развевался флаг с ненавистной змеевидной свастикой.

У борта катера был и полупогруженный в воду самолет. Ни на катере, ни на самолете никаких признаков жизни заметно не было.

— Артиллерийская тревога!

Мы решили всплыть, чтобы выяснить смысл загадочной картины.

Приготовив свою единственную пушку к немедленному открытию огня, осторожно начали сближаться.

На верхней палубе катера валялось несколько трупов фашистских моряков. На самолете, которому протаранивший его катер не давал затонуть, зацепившись своей носовой частью за фюзеляж, не оказалось и трупов.

— Несомненно, был бой, товарищ командир! — крикнул с борта катера посланный мной для обследования самолета Косик. — Очевидно, наши летчики отбивались...

— Товарищ вахтенный офицер, слева пятьдесят три катера-охотника. Идут на нас! — доложил сигнальщик.

Нависла опасность неравного боя в невыгодных для нас условиях.

— Открыть кингстоны катера! И быстро всем на борт лодки! — крикнул я.

Расстояние до вражеских катеров не превышало сорока кабельтовых, и до дистанции действительного артиллерийского огня они могли сблизиться с нами буквально за несколько минут. Я подсчитывал каждую секунду. Но надо было утопить катер и самолет, чтобы не оставлять их врагу.

— Товарищ командир, у борта катера на воде труп нашего летчика! — раздался голос Косика.

— Взять на борт, — распорядился я.

— Головной катер начал стрельбу! — напрягая голосовые связки, гаркнул сигнальщик.

— Открыть огонь по катерам!

Дуэль началась. Противник, видимо, не ожидал, что советская подводная лодка вступит в бой в надводном положении. Катера изменили курс. Наши артиллеристы стреляли очень удачно, но им не суждено было довести до конца свое дело. Косик и его товарищи подняли из воды летчика, пустили ко дну катер с самолетом и прибыли на борт «Малютки».

— Все вниз! Срочное погружение!

Подводная лодка ушла на глубину. Артиллеристы, досадуя, разбежались по своим отсекам.

Мы легли курсом к родным берегам.

— Летчик живой! Будет жить! — сияя, доложил мне санитар матрос Свиридов. — Мы его откачали, сделали искусственное дыхание... Поправится, непременно поправится.

Летчик — широкоплечий, молодой еще человек — лежал на носилках. Вся его грудь, шея и живот были покрыты синяками и кровоподтеками. Раны на лице матросы успели перевязать. Из-за белых бинтов видны были лишь прикрытые длинными ресницами глаза, черные густые брови и нижняя часть высокого лба.

— Пульс хороший, — не без гордости пояснял Свиридов. — Скоро, думаю, придет в себя...

Всплыли мы ночью, намереваясь с рассветом снова погрузиться в воду. Но тут выяснилось, что неисправна вентиляция носовой группы главных балластных систерн. Это означало, что погрузиться мы не могли.

Подводная лодка проходила через район, регулярно патрулируемый фашистскими самолетами. Любой корабль с наступлением светлого времени мог быть без особого труда обнаружен ими. Подводная же лодка, если она не может погружаться, — неравный противник для авиации.

— Много бомб на нас падало за это время и... — докладывал мне извиняющимся тоном побледневший механик. — Надо выпустить в надстройку двух человек для работы с клапанной коробкой.

Я приказал немедленно приступить к работе и объявить по кораблю артиллерийскую готовность.

С рассветом у носового орудия застыли на своих местах подводники артиллерийского расчета. С мостика велось усиленное наблюдение.

В надстройке стучали молотками два матроса. От них теперь зависело многое.

Время тянулось медленно. Ремонт не продвигался вперед. Из надстройки отвечали одним и тем же: «Причины не обнаружены, пока неисправно».

— Товарищ командир, — почти шепотом обратился ко мне Косик, — разрешите к пулемету поставить того новичка, Викентьева.

Владимира Викентьева месяца три назад облюбовал боцман в базовом госпитале среди выздоравливавших раненых солдат. Один из наших матросов по болезни был переведен на береговую службу, и вместо него нам нужен был новый человек. Этой возможностью не преминул воспользоваться боцман, случайно познакомившись с Викентьевым. Викентьев понравился ему живой любознательностью и прямотой характера.

— Мы из него воспитаем моряка, и не просто моряка, а героя. Энергичный, старательный, дисциплинированный парень. Из него непременно выйдет герой! — уговаривал меня боцман.

Необходимость подготовить в боевых условиях моряка из солдата, никогда не служившего на кораблях, несколько смутила меня. Но отказывать старому ветерану не хотелось. По моему ходатайству Викентьев вскоре прибыл на подводную лодку. Сопровождаемый торжествующим боцманом, он неуклюже перебрался с пирса на надстройку подводной лодки, взобрался по узкому трапу на мостик и доложил мне о своем прибытии на корабль для прохождения дальнейшей службы.

Его солдатское обмундирование, как говорится, «видало виды», но сидело оно на нем очень аккуратно. Чистый лоб, прямой, бесхитростный, жизнерадостный взгляд из-под пышных русых бровей и добродушная улыбка сразу расположили меня к Викентьеву.

Солдат отвечал на все мои вопросы твердо, уверенно, с тактом воспитанного человека.

— Не боитесь трудностей? Ведь специальность подводника сложная, очень сложная, — сказал я.

— Никак нет! Не боюсь! — ответил ВикентьеВу но тут же смутился своей самонадеянности. — То есть, конечно, я знаю, будет трудно но... вся военная служба ведь мужское дело. Будет трудно, буду больше учиться.

— Ваш начальник — боцман, он будет из вас готовить рулевого, — заключил я беседу.

— Ну, пехота, пойдем! — дружески хлопнув вчерашнего солдата по плечу, боцман повел своего питомца в отсек.

Викентьев развел руками, как бы говоря: «Что поделаешь, конечно, пехота», — и направился за боцманом.

С того дня он много и упорно учился, стал хорошим рулевым и отличным матросом, однако как пулеметчика я его не знал. Поэтому просьба помощника командира для меня была неясна.

— А вы уверены, что Викентьев хороший пулеметчик? — допытывался я.

— Пулемет он знает еще по сухопутному фронту. Здесь, на лодке, он показал лучшие результаты и теоретически и практически.

Мне оставалось только согласиться с доводами помощника командира.

Викентьев быстро и не без гордости занял место у пулемета, тщательно проверил исправность оружия, как это делают заправские специалисты своего дела.

Окончание ремонта злосчастной клапанной коробки все еще

не близилось к концу.

Мы продолжали двигаться в надводном положении. Вначале люди наблюдали за горизонтом с большим напряжением, но потом начали уставать. Бдительность постепенно стала понижаться. И как раз в такой момент к нам подкралась смертельная опасность. Из-под облаков вынырнул фашистский самолет. Он сумел незаметно подкрасться к нам на фоне облаков.

Наши артиллеристы успели сделать всего лишь один, да и то неудачный, выстрел. У самого борта подводной лодки разорвались две бомбы. Палубу и мостик залило водой. Лодку так тряхнуло, что в первое мгновение у меня не оставалось сомнения в том, что она поражена прямым попаданием.

Самолет тут же развернулся для повторной атаки. Однако на этот раз наша единственная пушка и пулемет сумели помешать атаке врага. Новые бомбы упали гораздо дальше, чем в первый раз. Они не причинили нам вреда.

В третий раз самолет зашел с кормы с явным расчетом избежать сектора обстрела пушки. Разгадав замысел врага, мы начали маневрировать. Вся кормовая часть надстройки и мостик мгновенно покрылись железной пылью, поднятой пулями. Но Викентьев не растерялся. Он хладнокровно выпускал одну за другой длинные пулеметные очереди.

Миновав траверз подводной лодки, самолет резко повернул сперва влево, затем вправо и, пролетев вперед по нашему курсу, вдруг рухнул в море. Все это произошло так быстро, что никто даже не заметил всплеска воды от его падения.

— Нырнул в... пропасть! — вскрикнул сигнальщик и так и остался с открытым от удивления ртом.

— Держать на точку падения самолета! — скомандовал я.

Изменив на несколько градусов курс, подводная лодка двинулась к месту падения самолета.

— Прямо по носу масляное пятно! — крикнул сигнальщик.

Подводникам предстояло несколько разочароваться. На месте падения самолета было обнаружено лишь пятно, которое медленно разрасталось. Самолета никто из нас не увидел. Он бесследно исчез.

— Два самолета! Справа двадцать! Высота триста! На нас! — крикнул сигнальщик.

Но они уже не были нам страшны: неисправности были уже устранены, и мы смогли погрузиться.

В жилом отсеке, поздравив матросов с победой над фашистским стервятником, я отыскал глазами Викентьева, которому санитары перевязывали рану. Рана была неопасная — в мягкие ткани ноги.

— Благодарю за службу! — крепко пожал я руку матроса.

— Служу Советскому Союзу! - довольно громко ответил Викентьев и радостно вспыхнул. — Только случайно, наверное, угодил я в него.

— На войне всегда и все кажется случайным, — перебил я, обращаясь ко всем находящимся в отсеке подводникам. — Одно, бесспорно, не случайно: победа дается тому, кто готовит себя к ней, кто много и серьезно учится, любит свое дело и любовно к нему относится.

Выйдя из отсека, я направился навестить спасенного нами летчика.

— Пришел в себя! Разговаривает! Зовут его Василий Сырков, — затараторил, радостно всплескивая руками, как бы не веря себе, Свиридов.

Василий Сырков не только пришел в себя, но и довольно бодро разговаривал с подводниками.

— Как себя чувствуете? — обратился я к летчику, подойдя к его койке.

— Хорошо... Бинты мешают говорить...

— Пока нельзя снимать, — поспешил пояснить Свиридов.

— Врач у вас строгий, — я показал глазами на Свиридова.

— Заботливый, — глухо отозвался летчик.

— Вы можете очень коротко рассказать, что случилось с вами? Надо донести командованию...

— Могу, — начал Сырков. — Эскадрилья была перехвачена двадцатью фашистскими истребителями. Против нас дрались три «мессера». Двух из них мы «схарчили», а третьему удалось нас подбить. Были вынуждены сесть на воду и попытаться «прирулить» самолет в базу. Место посадки фашисты, вероятно, засекли и послали за нами катер. Мы пытались покинуть самолет и не заметили, как почти вплотную к нам подошел катер-охотник... Открыли огонь с большим опозданием. Катер успел с ходу врезаться в самолет и протаранил его, кажется, насквозь. К нам на борт вскочили фашисты... Тут-то и началась борьба. Я сидел у пулемета. Какой-то верзила ударил меня автоматом. Я потерял сознание. Когда пришел в себя, увидел, что лежу на палубе катера, а около меня два фашиста. Наверное, только они и уцелели. Болела левая рука. Я осторожно глянул вокруг себя. Заметил немецкий автомат. Не медля ни секунды, вскочил на ноги, схватил одной рукой автомат и со всей силой ударил им по голове фашиста. Он упал за борт. Второго ударить не сумел. Он кошкой подскочил ко мне, свалил на палубу. Мы боролись долго. Не помню, как очутились в воде. Что было дальше, не знаю... Очнулся вот... у вас.

— Молодец! — вырвалось у меня. — Теперь вы в безопасности, быстро поправитесь.

— Пока придем в базу, он будет бегать, товарищ командир... .

— Я-то скоро поправлюсь. А вот другие наши ребята...

Мы все опустили головы...

Свиридов оказался прав: когда мы входили в базу, Сырков почти совсем поправился.

Прощай, Черное море!

Утром 9 марта 1944 года меня вызвал к себе командир дивизиона и на словах передал приказ о срочном откомандировании экипажа «Малютки».

— Завтра вы со своими людьми должны быть в Поти, во флотском экипаже базы.

— Так быстро? — спросил я, удивленный новостью.

— Война, Ярослав Константинович! — коротко, но многозначительно ответил комдив.

— Кому прикажете передавать корабль?

— Мне. Специалисты уже пошли на лодку для проверки.

— Куда же нас направляют, товарищ капитан второго ранта? — решился спросить я, видя, что комдив не собирается говорить об этом.

— Если бы я знал, то не забыл бы вам об этом сказать. Но дело в том, что начальство после моего такого же вопроса только упрекнуло меня в излишнем любопытстве.

Комдив развел руками и, улыбаясь, посмотрел мне в глаза.

— Думаю, что на нашем театре войны скоро для подводников — штыки в землю... А на других театрах еще придется повоевать. Почему бы, например, черноморцу не попробовать свои силы на Балтике или на Севере?.. Однако это мои догадки, — предупредил комдив.

Выйдя из каюты, я сразу попал в окружение командиров подводных лодок. Они каким-то путем уже были осведомлены об откомандировании нашего экипажа и теперь интересовались подробностями.

— Тебе повезло, я прямо завидую, — дружески хлопнул меня по плечу Астан Кесаев. На его продолговатом, женственно-красивом лице и на самом деле обозначалось что-то похожее на зависть. — Я не шучу! Вы наверняка поедете на Север... Там настоящая подводная война. В море ходят не баржи, а транспорты! А наш противник не имеет ничего порядочного. Одна труха, даже торпед жалко.

С начала войны подводники Северного флота ежемесячно пускали ко дну холодного моря Баренца вражеские транспорты и боевые корабли.

В северной Норвегии дорожная сеть развита слабо. Снабжение северной группировки немецко-фашистских войск шло почти исключительно морским путем. Наши подводные лодки прерывали коммуникации врага, не давали фашистам накапливать силы для наступательных действий на сухопутье,

ослабляли их войска. Немецко-фашистское командование в конце концов оказалось не в состоянии подвозить людское пополнение, технику, боеприпасы и питание войскам своего левого фланга и прекратило всякие наступательные действия на этом важном участке фронта.

На Черном же море фашисты не располагали большим транспортным флотом. К 1944 году все более или менее крупные их транспорты уже были потоплены. Наши подводники вынуждены были воевать в основном против самоходных барж, буксиров, землечерпалок и других мелких судов.

Ранним утром следующего дня на верхней палубе плавбазы застыли фигуры матросов и офицеров кораблей, находившихся в тот день:в базе. Вдоль берега выстроились такие же неподвижные ряды — моряки береговых учреждений и баз провожали наш экипаж.

В подводной службе, особенно во время войны, есть много своеобразий. Они определяются главным образом тем, что все члены экипажа корабля делят одну судьбу. Случаи ранения на лодке очень редки, — разве что во время бомбежки ударится кто-либо о переборку или крышку люка.

За два с лишним года состав экипажа «Малютки» почти не изменился. Разумеется, это были уже не те матросы, которых я застал в первый день моего прибытия на лодку. Два года войны закалили подводников, люди возмужали, окрепли, экипаж сплотился настолько, что его члены понимали друг друга буквально с полуслова.

Церемониальным маршем, четко печатая шаг, экипаж лодки прошел вдоль строя сперва на плавбазе «Эльбрус», затем по берегу.

Мы уходили на маленьком быстроходном судне. У трапа строй нарушился, сгрудились провожающие.

— Разреши абращатца к тебе, начальник! — услышал я позади себя коверканные русские слова.

Это был высокий, сухопарый грузин, убеленный сединами Бесо.

— Чем могу служить? Здравствуйте! — ответил я по-грузински.

— Куда идете? Можно сказать мне? — его висячие и белые как лунь усы зашевелились.

— А вам... зачем это знать?

— Как зачем? Я должен знать, куда идет жених моей единственной дочери!

— Какой жених? Ничего не понимаю...

— Владимир... жених.

— Какой Владимир? Их у нас три.

— Трапезников Владимир.

— Ах, вот оно что!.. Вашу дочь зовут Тинико?

— Да-а, Тинико, — старик улыбнулся горделиво и любовно.

— Здравствуйте! — из-за спины собеседника вдруг вырос старый украинец Григорий Фомич Григоренко. Мы все знали его уже два года — после скандала, который учинил в его доме Поедайло.

— Пришли нас провожать?

— У него тоже жених дочери... уходит с вами, — пояснил Бесо.

— Да ну?! Кто же?

— Поедайло! — не без гордости ответил Григорий Фомич.

— Поздравляю. Он хороший матрос.

— А Владимир плахой, да? — воскликнул Бесо, не на шутку встревожившись, так как услышал похвалу по адресу только одного матроса.

— О присутствующих не говорят, — я показал на Трапезникова, который, переминаясь с ноги на ногу, стоял невдалеке.

— Тогда скажи мне и Грише Фомичу, куда вы идете? — Бесо упорно старался говорить по-русски.

— Не знаю.

— Тайна, наверна. Ну, тогда скажи, далика или не далика идешь?

Убедившись в бесплодности допроса, недовольные старики простились сперва со мной, затем обняли смущенных женихов.

— Ярослав Константинович! — из толпы вынырнул Метелев. — Ты что ж это? Не простившись, уходишь?

— Вот... прощаемся. — Я пожал руку дяди Ефима. — За нашим воспитанником Васей прошу, дядя Ефим... посмотрите за ним. Нам не разрешили взять его с собой... Он к вам привязан как к родному человеку и...

— Не беспокойся, он здесь дома. Смотри за своими людьми в оба: дорога, видать, у вас длинная. Будь требовательным. Молодежь есть молодежь. Иногда баловство может до беды... Сейчас война!

— Это верно он говорит, — из-за спины Ефима Ефимовича выросла знакомая фигура Селиванова. — Но за «малюточников» можно не беспокоиться.

— Время вышло, Ярослав Константинович, — вслед за рабочими торопливо пожал нам руки Лев Петрович.

Судно отошло от берега. На базе заиграл оркестр. Все шире и шире становилась полоса воды, отделявшая нас от остальных

кораблей.

Кто-то, кажется Терлецкий, затянул, и остальные немедленно подхватили песню:

Прощай, любимый город!

Уходим завтра в море...

— Товарищ командир! — воскликнул Цесевич, указывая пальцем на одиноко стоявшую у северной стенки «Малютку». — Это наш Вася!

Экипаж был тронут вдруг поднявшимся над «Малюткой» сигналом: «Прощайте, боевые друзья! Счастливого плавания!» Звуки песни оборвались. Все мы с горечью смотрели на судно.

Набегавшая волна мягко покачивала его. Порт скрылся за горизонтом.

Я стоял у борта. Ко мне подошел Свиридов и рассказал, что накануне ночью он видел, как старшина Терлецкий, полагая, что его никто не видит, долго стоял около торпедного аппарата, потом прислонился к нему, прижался щекой.

Подслушивать его разговор с аппаратом Свиридов не стал и тихонько вышел из отсека.

— А как вы там ночью очутились? — спросил я.

Усмешка, с которой рассказывал все это Свиридов, тотчас же исчезла с его лица. Лицо его стало задумчивым и смущенным.

Оказалось, что он зашел ночью в отсек, чтобы положить в торпедный аппарат записку своему неизвестному преемнику.

— Я написал, что для наших аппаратов манжеты перепускных атмосферных клапанов надо менять через каждый месяц. Их принято менять через три месяца, а у нас так нельзя. Потом писал, что нужно особенно следить за нажимными блок-коробками. Иногда они отходят и могут вызвать срыв выстрела.

Потом... что после выстрела нужно проследить за посадкой боевых клапанов...

— И длинное у вас получилось письмо?

— Четыре страницы. Иначе нельзя, товарищ командир! — горячо объяснил Свиридов. — В инструкциях этого нет, а новый человек придет...

— Не спорю, — согласился я. — Думаю, что ваш преемник будет доволен.

Позже я узнал, что такие же записки были оставлены и в дизельном отсеке, и у электромоторов, и почти у каждого из многочисленных аппаратов и приборов подводной лодки...

Во флотском экипаже было шумно и многолюдно. Оказалось, что по таким же срочным вызовам прибыли экипажи нескольких миноносцев, крейсера и подводной лодки «Щука». Всего собралось около двух тысяч человек.

Командир базы объявил, что мне приказано срочно сформировать железнодорожный эшелон из моряков Черноморского флота и что меня назначили возглавлять его.

Порядок поведения в пути пришлось установить весьма жесткий: ни одному человеку не разрешалось без моего ведома выходить на остановках, переходить из вагона в вагон, покупать на станциях продовольствие.

Ночью эшелон вышел со станции Поти. Он должен был следовать по маршруту Поти — Туапсе — Ростов — Москва — Мурманск.

В Туапсе нас ждали первые неприятности.

— Мост через реку Пшиш уничтожен. Ведутся работы. Вам придется стоять в городе. Другого выхода нет, — сухо доложил мне комендант вокзала. По его словам, ранее 22 марта и думать не придется о продолжении пути.

Узнав, что в Туапсе находится начальник дороги, я по наивности обратился к нему с просьбой поскорее закончить ремонт моста, потому что наш эшелон имеет срочное назначение. Он мне ответил:

— Молодой человек, я понимаю вас. Меня не нужно убеждать. Кроме вас, дорогу ждут и другие. Есть составы с более срочным назначением, чем ваш.

Так закончился разговор с генерал-директором тяги.

Перспектива недельной остановки не на шутку пугала меня.

Мы принялись совещаться и решили попытаться использовать личный состав эшелона на работах по восстановлению моста.

К счастью, я еще застал на вокзале начальника дороги и добился его согласия. В ту же ночь эшелон был перегнан в район реки Пшиш.

Начальник строительства объяснил мне, что восстановлению моста придается огромное значение и что он каждые три часа докладывает о ходе работ по прямому проводу в Москву.

Было решено разбить наших людей на три смены. Во главе каждой смены стояли офицеры-подводники. Смены, в свою очередь, делились на группы, по двадцати пяти человек каждая.

Уже через час после нашего прибытия работа закипела.

Наибольшие трудности представляло возведение трех быков. Стальной каркас их был заложен еще до нас. Теперь шли бетонные работы. Строительные материалы поступали своевременно. Стены плотины, которая возводилась для изменения профиля .водостока, буквально росли на глазах.

— Поворачивайся, черноморская медуза, видишь, наша половина отстала, — шутливо бранил загорелый детина щуплого на вид матроса-подводника Сахарова, тянувшего вместе с ним

вагонетку, груженную битым камнем.

— Пощадите его, — вмешался начальник строительства, — он ведь намного слабее вас.

— Он моим начальников назначен — значит, тяни, не отставай. У нас, у куниковцев, такой закон, — скаля в улыбке крепкие зубы, возразил здоровяк, вытирая с лица пот.

Куниковцами называли матросов, воевавших в отрядах морской пехоты под командованием Цезаря Куникова, прославившего себя и своих людей в горячих схватках с врагом. Одно упоминание этого имени приводило в ужас фашистских оккупантов. К этому времени Куников пал смертью храбрых. Его место занял отважный Ботылев, упорно называвший себя и своих подчиненных куниковцами.

— Я хорошо знал Куникова, — неожиданно сказал начальник строительства. — Это был действительно воин. Необыкновенной храбрости человек!

Здоровяк матрос, пристально посмотрев на начальника строительства, остановил свою вагонетку.

— Я вас припоминаю теперь. Вы у нас в гостях были. Я с Куниковым с первого дня войны сражался...

— В Новороссийске? — с интересом спросил начальник строительства.

— Да, я вас еще до автомобиля провожал, помните? Остапчук моя фамилия...

— Как же, помню! Вы тогда нас всех спасли, — и он горячо пожал руку матросу.

Как это всегда бывает в подобных случаях, начались воспоминания.

— К «бате» я попал с крейсера «Красный Кавказ», где служил комендором, — не без гордости объяснял моряк. — Пришлось воевать на сухопутье... Но ничего, поработали мы и на берегу...

— Нас называешь медузами, — вдруг вспомнил свою недавнюю обиду Сахаров, — а ты сам-то, оказывается, глухарь.

«Глухарями» на войне именовали артиллеристов.

Я ходил по строительной площадке, приглядываясь к работающим матросам. Большинство из них участвовало в конвейерных цепочках. По их рукам камни, словно по волшебству, скачками перепрыгивали к месту назначения.

— Как работается, орлы? — спросил я, подойдя к одной из цепочек.

— Нормально, товарищ капитан третьего ранга, — ответило сразу несколько голосов.

— Работать лучше, чем ждать торпеду от ваших коллег — подводников, — сострил кто-то.

— Или огребать глубинные бомбы от ваших коллег — надводников, — добавил какой-то подводник.

Шутливая перебранка всех оживила. А в ста метрах от реки на небольшой площадке работали с лесоматериалами, пилили, строгали... Невдалеке тарахтела бетономешалка. Около нее тоже виднелась большая группа матросов.

Работы не прекращались круглые сутки...

Через шесть дней наш эшелон первым прошел по восстановленному мосту. Дорога Армавир — Туапсе на три дня раньше срока вошла в действие. Мы немало гордились своим участием в ее восстановлении и, надо сказать, не без оснований.

По случаю окончания работ на станции Белореченская был проведен митинг. В приказе начальника дороги всем морякам выносилась благодарность, а тридцать три человека из нашего эшелона получили значки «Отличный восстановитель» и «Почетный железнодорожник».

Наш поезд помчался по освобожденному Донбассу. Мелькали сожженные станции, взорванные мосты, развалины разрушенных городов, черные пепелища на месте недавних селений.

Острая ненависть к врагу с новой силой овладевала моряками.

Одно дело, когда человек знает о чем-либо из книг, газет, журналов, и совершенно другое, когда он воочию убеждается в этом же. Мы были потрясены картинами разрушений. При отступлении под натиском наших войск фашисты уничтожали и предавали огню все, что могло быть уничтожено и сожжено.

— Вот из каких мест Вася к нам прибыл, — припомнил нашего воспитанника Свиридов, глядя в окно вагона. — Где-то он теперь?

Подобрали мы Васю год назад в одном из приморских городов, подожженных фашистской авиацией.

Лодка стояла в порту неподалеку от судоремонтного завода, когда начался очередной налет противника.

Фашистские бомбы падали на санатории и дачи, поражали мирное население.

Гитлеровцам удалось поджечь один из цехов судоремонтного завода и потопить несколько рыбачьих лодок, стоявших около пирса. Пожары возникли и в самом городе. На территории завода лежали убитые, стонали раненые.

Как только был дан отбой боевой тревоги, все свободные от вахты офицеры и матросы вместе с пожарными бросились тушить загоревшийся цех.

— Вот, товарищ командир, подобрал. Отличный парнишка, — возбужденно доложил мне комсорг Свиридов, — нам бы такого на

лодку...

Осиротевших по вине гитлеровцев детей было множество, и матросское сердце не могло мириться с тем, ?то по развалинам бродит запуганный, голодный мальчуган.

— Замечательный парнишка, — расхваливал Свиридов, заискивающе поглядывая на меня.

— Откуда вы знаете, хороший он или плохой? — спросил я.

— Да я этих мальчишек насквозь вижу, — настаивал Свиридов, не выпуская, впрочем, крепко зажатого в руке воротника измазанной рубашонки. — Вы на слезы его поглядите. Такие слезы только у настоящих мужчин бывают... — привел комсорг новый и неожиданный аргумент.

— Вы сами еще не настоящий мужчина, — поддразнил я Свиридова.

Мальчуган исподлобья поглядел на матроса и, перестав плакать, рассмеялся.

Подошли другие матросы и вместе со Свиридовым начали уговаривать меня.

— Неужели мы одного мальчонку не сможем воспитать? — говорили матросы.

— За ребенком уход нужен. А когда же нам этим заниматься? — возражали.

— Я не ребенок, — неожиданно сказал чумазый мальчуган, — и ухода за мной никакого не надо. А страх меня тоже не берет. Вы не думайте, что я от страха плакал. От обиды, товарищ командир, ей-богу, от обиды...

Парнишке, видимо, очень хотелось попасть на лодку, и Свиридов совершенно напрасно боялся, что он убежит.

— Товарищ командир, конечно, пользы от меня будет мало, — рассудительно продолжал мальчик, — так ведь я и мешать никому не стану. И ем-то я почти совсем ничего. Правда, дяденька, — взмолился он, — взяли бы меня...

Через несколько минут мы узнали несложную биографию мальчика и причину его понравившихся Свиридову «взрослых» слез. Плакал Вася, как звали мальчика, потому, что увидел убитую бомбой женщину. А она напомнила Васе погибшую под бомбежкой мать. Отец его погиб на фронте, и, когда бежавшую от гитлеровцев мать вместе с младшей сестренкой убило сброшенной с фашистского самолета бомбой, осиротевший мальчуган устремился куда глаза глядят. После долгого бродяжничества он добрался до Черноморского побережья.

Вася стал членом нашего экипажа. Взять его с собой нам не разрешили.

— Разве все это быстро восстановишь? — поглядывая на

развалины, качая головой, говорил кок Щекин.

— Трудно, но восстановим! — отзывался Каркоцкий. — И не только восстановим — лучше построим! Дай только уничтожить фашистов!

— Ну, фашистов уж теперь как-нибудь дожмём, еще месяц-два — и... .

— Я уже сроки перестал устанавливать, но знаю, что скоро им хана...

Шел четвертый год ожесточенной войны. За это время столько было всяких неудачных догадок и предположений относительно сроков окончания войны, что мало кто уже набирался смелости делать какие-либо прогнозы, хотя близость краха фашистской военной машины ощущалась всеми.

В конце марта эшелон прибыл в Москву. Мне было приказано явиться с докладом к заместителю Наркома Военно-Морского Флота генерал-майору Николаю Васильевичу Малышеву.

Невысокий, сухощавый генерал выглядел очень утомленным, но, несмотря на это, встретил он меня приветливо и задал много вопросов о матросах, старшинах и офицерах эшелона.

— Хотел приехать к вам, поговорить с людьми, но, к сожалению, не нашел времени, — генерал говорил, прохаживаясь по кабинету. — Прошу вас передать морякам мой привет и пожелание успехов в выполнении священного долга перед Родиной. Встретимся после войны. Нет ли у вас вопросов?

— Все хотят знать, куда нас везут.

— Этого не скажем, — лицо Малышева стало строгим и непроницаемым.

Мое внимание привлекли фотокарточки, лежавшие на рабочем столе генерала. На одной из них я увидел своего товарища по Военно-морскому училищу Павла Кузьмина.

— Знаете этих подводников? — перехватил генерал мой взгляд.

— Это мой товарищ Паша Кузьмин.

— Погиб, — Малышев опустился на стул и взял в руки карточку. — Геройской смертью погиб.

— Когда? При каких обстоятельствах?

— Только недавно нам стали известны подробности. Но со времени его гибели прошло два года.

И генерал рассказал обстоятельства гибели Павла Кузьмина и его товарищей...

Подводная лодка «Салака» должна была действовать в западной Балтике. Она успешно прошла Финский залив, преодолела многочисленные минные поля, сетевые заграждения, форсировала большую часть специальных противолодочных

барражей и всплыла в надводное положение западнее острова Гогланд, чтобы зарядить аккумуляторы.

Командир корабля капитан-лейтенант Павел Кузьмин стоял, прислонившись к крылу козырька рубки, и в ночной бинокль внимательно оглядывал горизонт.

Стояла хотя и облачная, но довольно ясная ночь. Несмотря на трехбалльную волну и легкую дымку, которой была окутана восточная часть горизонта, подводная лодка могла быть обнаружена с береговых постов наблюдения или катерами-охотниками, рыскавшими в районе противолодочных барражей. Однако запасы электроэнергии были почти полностью израсходованы, и всплыть было необходимо.

Со стороны острова Гогланд появился луч прожектора. Он двигался в сторону подводной лодки, однако не дошел до нее и исчез. Темнота сразу же сгустилась.

Это насторожило подводников. Было похоже, что прожектор кому-то сигналил. Командир подводной лодки по направлению луча прожектора определил, откуда можно ждать объектов атаки, и приказал изменить курс.

«Салака» развернулась и легла на заданный румб.

Противник не показывался. Прошел час.

— Боевая тревога! Надводная торпедная атака! — раздалась команда.

Это боцман заметил силуэты появившихся с запада кораблей. «Салака» устремилась навстречу конвою.

В его составе подводники различили силуэты двух больших транспортов, двух миноносцев и более десяти катеров-охотников. Силы были неравными, но советских моряков это не могло смутить.

Они были охвачены лишь одним желанием: во что бы то ни стало нанести врагу смертельный удар! Подводники знали, что транспорты везли подкрепление войскам, осаждавшим Ленинград.

«Салака» проскочила сквозь кольцо охранения, проникла внутрь конвоя, но не успела еще занять позицию для залпа, как головной миноносец обнаружил присутствие подводной лодки и артиллерийской стрельбой поднял тревогу. Одновременно он осветил борт «Салаки» прожектором. Примеру эсминца последовали остальные корабли конвоя.

Все море вокруг «Салаки» превратилось в кипящий котел. На подводную лодку были направлены сотни стволов вражеских орудий. Сквозь слепящие лучи прожекторов и плотную стену из водяных столбов Кузьмин с трудом различал контуры кораблей.

Транспорты начали разворачиваться, пытаясь уклониться от

торпед.

— Левый залп, ап-па-ра-ты, пли! — прозвучала заветная команда. — Правый -залп, ап-па-ра-ты, пли!

Подводная лодка начала погружение.

Два фашистских транспорта были потоплены, но пострадала и подводная лодка. На мостике погиб от осколка вражеского снаряда сигнальщик Синельников, несколько человек были ранены. В кормовой части корабль имел значительную пробоину. Вся верхняя палуба была искорежена снарядами.

В этих условиях «Салаке» предстояло уклоняться от преследования. Весь район моря, кроме небольшого фарватера, известного только фашистам, был уставлен противолодочными минами. Катера-охотники, имея небольшие осадки, могли плавать в этом районе, а подводные лодки рисковали в любую минуту наткнуться на мину и подорваться.

«Салака» мастерски маневрировала. Ей удавалось избегать прямых попаданий вражеских глубинок. Но плотность аккумуляторов была мизерной. Электроэнергия быстро иссякала. Маневренные возможности становились все скуднее.

Глубинные бомбы настигали лодку. «Салака» с большим дифферентом на корму почти полностью лежала на правом борту — крен достигал невероятной величины, и люди вперемежку с механизмами валялись по всему отсеку. Было темно. Даже аварийное освещение вышло из строя.

Но, несмотря на все, «Салака» поднялась с грунта и двинулась вперед.

— Пробоина в дизельном отсеке! Поступает забортная вода! — докладывали из кормовой части корабля.

— Скрежет минрепа справа! — одновременно крикнуло несколько голосов из носовых отсеков.

Минреп не отставал. Он проскользил по борту до самого кормового отсека, и, когда подводники думали, что он последний раз лязгнет и оставит корабль, раздался взрыв.

Перекореженный корпус подводной лодки упал на илистый грунт. Стрелка глубиномера показала двадцать два метра.

В отсек ввалился заместитель командира Круглое. Одежда его была разорвана. Сквозь грязь и соляр, которым было покрыто лицо, с трудом можно было признать всегда жизнерадостного офицера.

— Положение тяжелое, Павел Иванович, — сказал он командиру. — Нам нечем бороться за живучесть...

— Людей из электромоторного убрать! Отсек изолировать! — принял решение Кузьмин, не дав докончить Круглову. — Артиллерийская тревога!

— Правильно, Павел Иванович, — тихо ответил Круглое на вопросительный взгляд командира, — другого выхода нет... сразимся...

По кораблю раздались сигналы артиллерийской тревоги. Перепрыгивая через разбросанные механизмы и обгоняя друг друга, все бежали к своим местам.

— Срочное всплытие! Продуть балласт! Фашисты, очевидно, решили, что поврежденная

подводная лодка собирается сдаться в плен, и не открывали огня. Но подводники думали иначе. Меткие залпы «Салаки» с первых же выстрелов подожгли головной катер-охотник. Враг открыл ураганный огонь из всех своих пушек и пулеметов. На лодку снова обрушивались десятки вражеских снарядов. Крупнокалиберные пулеметы осыпали горячим металлом всю верхнюю палубу, мостик и надстройку мужественно сражавшегося одинокого советского корабля. Вскоре получил прямое попадание, загорелся и вышел из строя еще один фашистский охотник и два получили повреждения, но враг был многочислен. Подводники редели, каждая секунда приносила невосполнимые потери в людях и в технике.

— Шлюпки спустить с правого борта... людей на берег... Командовать кораблем Круглову! — прохрипел смертельно раненный Кузьмин и упал под козырек мостика.

Две крохотные шлюпки — штатная и резиновая надувная — отделились от «Салаки» и исчезли в густом лесу всплесков от артиллерийских снарядов.

Одинокое кормовое орудие мужественно продолжало разить врага. Потом замолкло.

Круглое и его товарищи с ужасом наблюдали, как кольцо из вражеских кораблей начало смыкаться вокруг советской подводной лодки, которая чудом еще продолжала оставаться над водой. «Салака» была освещена прожекторами катеров со всех сторон. На верхней палубе, на мостике и у орудий людей не было видно.

Катера осторожно, но упорно сближались. «Салака» кормой постепенно погружалась в воду. Но фашисты не хотели ее упустить. Они спешили захватить хотя бы трофеи, документы, оружие. И, уверенные в полной беспомощности лодки, один за другим стали подходить к борту.

Шлюпки были уже далеко. Подводники едва различали силуэты вражеских кораблей. Но они поняли, что катера подошли вплотную к «Салаке».

Прозвучал сильный взрыв.

Место, где сгруппировались вокруг «Салаки» вражеские

катера, превратилось в адский котел. На острие громадного пламени высоко в воздух полетели куски раскаленного металла.

Это героическая советская подводная лодка, не пожелавшая попасть в руки врага, взорвала сама себя!

— ...О героизме подводников «Салаки», я думаю, вам следует рассказать морякам, — закончил свое повествование Николай Васильевич.

— Да, товарищ генерал, — несколько рассеянно ответил я.

Рассказ о гибели «Салаки» взволновал меня, вспоминался Кузьмин - сдержанный, чуткий, внимательный к людям, прекрасный товарищ.

— Жалко, конечно, этих замечательных людей, — генерал мгновенно уловил мое настроение, — но мы должны помнить, что тот, кто погиб ради нашего великого дела, — бессмертен.

— Так точно, товарищ генерал, — я словно бы оправдывался в своей минутной слабости, но не мог поднять на генерала взгляд. Потом усилием воли поднял голову.

— Политические информации проводите в эшелоне?

— Регулярно, товарищ генерал. Проводим беседы, информации и даже доклады.

— Так. Надо держать товарищей в курсе событий.

— Товарищ генерал, а те моряки... подчиненные Кузьмина, достигли берега?

— Да. С ними был эстонец мичман Эсавдевилль. Они воевали вместе с эстонскими партизанами. А сейчас снова на подводных лодках воюют на Балтике.

— Молодцы!

— Да, орлы. Все это на очередной политинформации расскажите товарищам в эшелоне, — уже по-деловому суховато сказал генерал.

— Сегодня же расскажу.

— Завтра. Сегодня уже день кончается, — Николай Васильевич посмотрел на огромные часы, занимавшие едва ли не половину стены перед его рабочим столом. — Скоро салют. Сегодня Москва салютует войскам Первого Украинского фронта, овладевшим городом Коломыя. Подождите немного, посмотрите салют, потом поедете. .

Генерал тепло простился со мной. Я вышел из кабинета.

На Арбатской площади, около станции метрополитена, было многолюдно. Народ собрался впотьмах около громкоговорителя.

— «Войска Первого Украинского фронта, — доносился из рупора знакомый голос, — в результате умелого маневра танковых соединений и пехоты овладели городом и крупным железнодорожным узлом Коломыя — важным опорным пунктом

обороны немцев в предгорьях Карпат...»

— Так это уже передавали, — тихо, как бы про себя, произнес я.

— Такой приказ можно сто раз слушать! — с укором бросила в мою сторону пожилая женщина с растрепанными волосами. Она так внимательно слушала слова приказа, что, казалось, даже шелест ветра ее раздражал.

С последними словами приказа раздались раскаты мощных артиллерийских залпов, сопровождаемые тысячами разноцветных ракетных вспышек. Все вокруг озарилось. Люди поздравляли друг друга, радовались...

Более месяца продолжался наш путь по забитым военным дорогам. Далеко позади остались кипарисы и могучие эвкалипты, сочная зелень бананов и мандариновых рощ. Мы ехали на Север.

На заснеженной земле Кольского полуострова нас встретила низкорослая березка. Кончался апрель, но весны еще не чувствовалось. За окнами вагона бушевала пурга. Здесь ее называли «зарядами». Кто за Полярным кругом не знает этих «зарядов» — бурных, снежных атак, сменяющихся короткими, обманчивыми прояснениями?

Ранним серебристым утром эшелон прибыл в Мурманск. В туманной дымке было видно множество кораблей, ожидавших разгрузки и погрузки. Стрелы портовых кранов вытаскивали из трюмов океанских кораблей и ставили на причалы грузы.

Здесь, на Крайнем Севере, как и по всей нашей стране, которую мы пересекали от Черного и до Баренцева моря, шла деятельная подготовка к окончательной схватке с врагом.

Я направился в штаб, чтобы доложить командованию о прибытии нашего эшелона.

Витиеватые коридоры привели меня в глубокое подземелье. По обе стороны подземных ходов мелькали дощечки с наименованием учреждений, кабинетов, складов.

Миновали просторный зал для заседаний. Сопровождавший меня лейтенант указал на дверь, обитую черной клеенкой.

— А-а! Черноморцы прибыли, — радушие встретил меня адмирал, дружески протягивая руку. — В трусиках небось приехали?

— Нет, товарищ адмирал, в кальсонах, — совершенно серьезно ответил я.

— Во время войны вообще рекомендуется ходить в... кальсонах, — продолжал шутить адмирал.

Северным флотом командовал адмирал Арсений Григорьевич Головко. Он был самым молодым из командующих флотами, но уже пользовался большой популярностью у командиров кораблей.

Еще на Черном море я многое слышал о той славе, которую снискал на флоте «вездесущий адмирал». Такой кличкой наделили Арсения Григорьевича молодые офицеры. Адмирал действительно везде поспевал. Его можно было видеть на кораблях среди матросов и офицеров, на батареях береговой обороны, среди солдат. И в штабе, казалось, он никогда не отсутствовал.

— Здесь у нас немного холоднее, чем на Черном море, но вы не пугайтесь. Воевать можно. Особенно много дел для подводников... Я читал отчетные материалы по вашим походам. Мне они понравились... Ошибок много, но действия смелые и продуманные. Только смелым покоряются города, согласны?

— Это-то да... конечно...

— У нас только глубины очень большие. А вы, любите полежать на грунте, — продолжал адмирал. — Здесь это неудобно.

— Наоборот, товарищ адмирал. Возможность маневра по глубине удобнее, чем...

— О-о! Вы можете возражать начальству...

— Не возражаю, но свое мнение...

— Правильно! — лицо Арсения Григорьевича стало серьезным. — С самого начала нашей совместной службы хочу вас предупредить: терпеть не могу попугаев. Либо совсем своего мнения не имеют, либо боятся брать на себя ответственность, либо ради подхалимства жертвуют всем, в том числе и собственным «я». Война требует строгой дисциплины, беспрекословного подчинения младшего старшему, но и дельных рассуждений. Нужен творческий подход к решениям трудных вопросов. А творчество требует коллективной мысли, дерзания, советов. Но когда начальник принял решение, тогда все! Тогда уже своим мнениям, советам и рассуждениям конец!

Адмирал долго и подробно беседовал со мной. Мне пришлось рассказать ему автобиографию, некоторые подробности об учебных заведениях, в которых я учился, о книгах, прочитанных мною за последние годы. По тактической подготовке он учинил мне нечто подобное экзамену. Разговор коснулся и боевых походов «Малютки» на Черном море. Здесь адмирал совершенно поразил меня. Он знал о всех боевых действиях подводной лодки и помнил такие подробности, о которых я уже успел забыть.

— Однако мы увлеклись! — как бы спохватился Арсений Григорьевич. — По вопросам тактики мы еще поговорим, когда вы вернетесь из Англии.

— Из какой Англии? — Я вытер со лба обильно выступивший пот.

— Она одна, — коротко ответил адмирал, медленно встал и, подойдя к карте на стене, показал карандашом. — Вот она, Англия!

— Зачем же я... туда?

— За подводной лодкой, — объяснил адмирал. — Итальянские фашисты капитулировали. У них остался флот. Часть кораблей полагается передать нам. Но они далеко на юге, на Средиземном море. Англичане предложили взамен итальянских судов временно отдать нам свои. Мы согласились. Вот вы и командируетесь за ними на острова.

— А много кораблей полагается получить? — спросил я.

— Хм, вам со своим экипажем полагается одна подводная лодка. Для чего вам больше? И вообще дадут нам немного... Ваша задача: довести свой экипаж до Англии, там принять подводную лодку, привести ее на Родину, подготовить для боевых действий и воевать с врагами. Просто, правда?

— Да... все ясно, конечно.

— На днях уходит в Англию конвой союзников. Вы отправитесь с ним. Переход на острова опасен. Фашистские подводные лодки действуют активно. Не исключена возможность нападения.

— Так пишут же, что немецкие подводные лодки уже деморализованы и...

— Кто пишет? Буржуазная печать. А мы с вами люди военные, нам надо исходить из реальных факторов. Лодки продолжают топить транспорты. И надо с этим считаться... Экипаж разделите на три части, чтобы при потере одной из них, две остальные могли выполнить задачу. Каждая часть должна быть размещена на отдельном транспорте. Такая предосторожность необходима...

Первая мировая война показала, какую громадную опасность представляют для островной державы, какой является Англия, действия подводных лодок. В течение почти всей войны (за исключением ее первого года) основные морские силы Англии, Франции, Канады и других воюющих держав были заняты борьбой с германскими подводными лодками. Немецкие подводные лодки парализовали Англию. Против них странами Антанты было брошено все: мины, боны, сети гидроакустика, глубинные бомбы, суда-ловушки, надводные суда почти всех классов, подводные лодки-истребители, воздушные силы и многое другое. Но боролись они с переменным успехом.

С первых же дней второй мировой войны подводные лодки действовали почти во всех морях западного полушария. В «битве за Атлантику» вновь встал вопрос: кто кого? Многочисленный английский флот, плохо подготовленный для борьбы с

подводным оружием, оказался неспособным к успешному противодействию подводной опасности. Англия стала спешно закупать всякого рода суда противолодочной обороны. Так, она купила у американцев пятьдесят старых миноносцев, уплатив за это... своими колониальными владениями в районе Карибского моря.

До вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз победа в «битве за Атлантику» была на стороне, в сущности, небольшого немецкого подводного флота.

Разумеется, с увеличением количества потопленных английских судов росли и потери немецких подводных лодок. Но они относительно легко восполнялись германской промышленностью до тех пор, пока в 1943 году после поражения под Сталинградом и Курском; военная машина Гитлера не затрещала. Военное производство фашистской Германии пошло вниз.

Не бомбежки германских заводов американской и английской авиацией, о чем много шумела англо-американская пропаганда, а недостаток кадров после огромных потерь на Восточном фронте, нехватка сырья, также поглощаемого борьбой с Советской Армией, — вот что заставило гитлеровскую Германию несколько сократить выпуск подводных лодок уже в 1943–1944 годах. Кстати заметим, что и сама-то теория «сокрушения» Германии с воздуха была поводом для дальнейшего саботажа открытия второго фронта в Европе и средством давления на лидеров германской тяжелой индустрии. По признанию самих американцев, ударами с воздуха они не преследовали серьезной борьбы против германского военно-промышленного потенциала. Эти удары обрушивались главным образом на мирное население городов и лишь на те отрасли промышленности, которые конкурировали с американскими заводами. Реальный военный эффект от операций был, в сущности, незначительным. И вот в этих условиях англо-американская пресса умудрилась превозносить победы, якобы одержанные военными флотами союзников над подводными лодками немцев, стараясь одновременно всячески умалить действительную причину поражения гитлеровцев на атлантическом театре — победу советского оружия. Таким образом, количество немецких подводных лодок, действующих на море, фактически сократилось, но никакой деморализации от ужасных стратегических бомбардировок подводники не испытывали. Они топили транспорты и боевые корабли своих западных противников, хотя и в меньшем количестве, но с прежней интенсивностью и успехом.

К берегам Англии

Темной ночью маленький буксир доставил нас на транспорт «Джон Карвер». На палубе нас встретили специально назначенные для этого американские матросы — долговязый Джон Бурна и приземистый, слегка сутулый Чарли Лик. Они показали места, отведенные подводникам. Матросы и старшины были размещены в носовом трюме, который за несколько дней до этого наши хозяйственники специально оборудовали под временный кубрик. Офицерам были отведены каюты на втором и третьем деках надстройки.

Я спустился в импровизированный кубрик по узкому и предельно неудобному трапику одним из первых. В нашем эшелоне, кроме одной трети команды подводной лодки, были части экипажа миноносца и линкора. Всех их надо было распределить в огромном, тускло освещенном трюме.

Весь левый борт заняли моряки с линейного корабля, по правому — разместились матросы миноносца и подводники. В центре трюма вокруг двух длинных столов оставалось много свободного места.

Оглядевшись, Свиридов воскликнул:

— Здесь мы организуем танцы!

— Быстро ложиться спать! — сухо перебил я. — Время позднее, экипаж транспорта должен отдохнуть! Мы мешаем.

Джон Бурна и Чарли Лик со всеми знакомились, старались о чем-то заговорить, ловко лавируя своим весьма скудным запасом знаний русских слов. Нашим морякам, впервые видевшим живых американцев, тоже было небезынтересно пожать им руку, поговорить.

Я долго и терпеливо ждал, пока американцы наговорятся и дадут угомониться матросам, но, убедившись в том, что они запросто могут проболтать до утра, попросил их уйти.

Когда я вышел на верхнюю палубу, на востоке уже забрезжил рассвет. Короткая полярная ночь кончилась.

— Доброе утро, мистер! Говорите ли вы по-английски? — ко мне подошел низкорослый круглоголовый лейтенант американского флота. — Меня зовут Уильям Одд.

Я назвал свое имя. Мы познакомились.

— Я укажу вам вашу каюту. Я дежурю по кораблю, и моя обязанность принять дорогих гостей. И... сразу хочу вам сказать, что капитан просил, чтобы ваши люди не мешали команде на верхней палубе.

— Я уже приказал своим людям. Будем соблюдать

дисциплину неукоснительно.

— О-о-о, очень приятно, — лейтенант говорил нараспев, необычно для американцев.

— Вас разбудить, когда суда начнут выходить в море? — лейтенант указал в сторону многочисленных «Либерти», словно гранитными утесами окружавших со всех сторон «Джон Карвер».

— Сколько транспортов будет в конвое, не знаете, мистер лейтенант?

— Более сорока. Кажется, сорок один. Так капитан Мейер сказал вечером.

— И все они однотипные? Класса «Либерти»?

— Все типа «Либерти», американской постройки...

Мы поднялись на второй дек, где под самым капитанским мостиком располагалась каюта, отведенная мне и капитан-лейтенанту Виктору Паластрову.

— Вот здесь ваша каюта. Ваш товарищ уже спит. Он, наверно, очень устал.

«Кадеты», — прочел я над дверью каюты.

— Это нас будете так именовать?

— Теперь будем вас, — лейтенант понял шутку, — а раньше в этой каюте жили практиканты-кадеты. Но война... Я тоже хотел быть учителем, а... теперь воюю...

— Благодарю вас, лейтенант! — Я открыл дверь каюты.

— Вы не сказали, мистер командер, разбудить вас?

— Не беспокойтесь, я сам проснусь.

В каюте были две койки, расположенные одна над другой. На верхней спал капитан-лейтенант Паластров. Лежал он в неудобном положении и слегка храпел.

— Перестань храпеть! — растолкал я товарища. — На тебя уж дежурный по кораблю жалуется...

— Да ну его к свиньям! Все время ходит около двери...

Паластров повернулся на бок и сейчас же снова заснул.

Нас разбудил энергичный стук в дверь. Это был Петр Каркоцкий, назначенный мною старшиной кубрика.

— Уже восемь часов, — воскликнул я, глянув на часы. — Слушаю вас, старшина.

— Извините, пожалуйста, товарищ капитан третьего ранга, но... не знаю, как быть, — мялся парторг. — Американцы требуют рабочих на камбуз. Кого назначить? Языка никто не знает...

— Назначайте подряд по списку, — -ответил я. — Будут объясняться жестами.

— Разрешите еще один вопрос, товарищ капитан третьего ранга?

— Хоть сто, — широко развел я руки. — Теперь мы с вами

пассажиры. Времени у нас много.

— Мы идем по Кольскому заливу, очень красиво кругом. Ребята хотят посмотреть... Разрешите понемножку выпускать на верхнюю палубу.

— Хм, только каждого предупреждайте, чтобы не мешали в управлении кораблем. Мы — военные люди, и нехорошо, если гражданские моряки будут иметь к нам претензии, понятно?

— Так точно. Все будет в порядке! — Старшина ушел.

Я слишком хорошо знал Каркоцкого, чтобы обмануться в его «дипломатических ухищрениях». Его заставило обратиться ко мне не затруднение с выделением матросов на камбуз, а именно желание получить разрешение выпускать людей на верхнюю палубу. Каждому матросу, старшине и офицеру, конечно, хотелось взглянуть на берега родной земли.

Мы с Паластровым оделись и вслед за старшиной вышли из каюты.

Транспорты выходили в море с небольшими интервалами. Ни начала и ни конца колонны не было видно. Мы облюбовали правое открытое крыло дека, откуда можно было наблюдать за Кольским заливом, по обе стороны которого высились мрачные скалистые берега. Кое-где виднелись поселения, состоящие всего лишь из нескольких деревянных домишек, приютившихся в редких ложбинах между скалами.

— Да-а, природа здесь суровая, — проговорил я, іа отрываясь от бинокля.

Капитан-лейтенант отозвался целой лекцией:

— Северный театр, конечно, не... Черное море! Здесь кругом камень, остуженный холодными ветрами. К скалам лепятся мох да лишайник. Нет даже кустарников выше роста человека. А в море на подводной лодке не сладко: ветры поднимают волну иногда такой вышины, что Кавказские горы покажутся лишь приятной игрушкой... Лодка все время окатывается ледяной водой. Вода через люк центрального поста проникает внутрь корабля. Кажется, нигде нет спасения от холода, сырости и болтанки... И все-таки служба здесь интересна.

Паластров был назначен штурманом нашего будущего дивизиона. Он давно уже плавал на Баренцевом, Карском и Норвежском морях и обладал большим опытом кораблевождения. Неудивительно, что он успел полюбить Север.

— А полярный день! Это чудо природы! — Паластров словно агитировал меня за Север. — Круглые сутки в течение всего месяца над головой кружит солнце. Погода безоблачная, тихая. В такие дни. человека охватывает какое-то особое, приподнятое настроение. Морозец и свежесть моря бодрят, вливают новые

силы.

— Ты так убедительно говоришь, что взаправду можно влюбиться в этот край...

— Нельзя не влюбиться! — решительно подтвердил Паластров.

В тот момент я был очень далек от того, чтобы хотя бы частично разделять мнение моего собеседника, но последующие годы службы на Северном флоте убедили меня в правоте его слов.

Не только я, но и все остальные подводники, прибывшие со мной с «курортного флота», как шутливо называли моряки Черноморский флот, привыкли к суровому морю Баренца и полюбили его буйную стихию и широкие просторы.

Нас начала покачивать пологая и довольно мощная океанская волна, хотя сила ветра от норд-оста едва достигала трех баллов.

— Здесь так бывает часто, — пояснил Паластров. — Ветер хотя и небольшой, а волна свое достоинство сохраняет...

Прикрывая наш выход из базы, широко развернулись боевые силы нашего Северного флота. Весь горизонт опоясывали боевые корабли, маневрировавшие на небольших расстояниях между собой. В воздухе летали многочисленные истребители.

Я никогда не видел такого скопления военно-морских кораблей, транспортов и авиации. Казалось, все море было густо заставлено кораблями, а на небе едва хватало места, чтобы не сталкивались между собой самолеты.

— Всегда так, — объяснял мне капитан-лейтенант, — когда союзники выходят или входят в базу, наши создают такое прикрытие, что фашисты ни разу еще не посмели на них напасть. — И он указал на неуклюжие «Либерти», ползавшие в разных направлениях.

Потребовалось более четырех часов, прежде чем конвой был готов начать движение по маршруту. Транспорты выстроились в восемь колонн с интервалом по полмили. В каждой колонне следовали в одной миле один за другим по пять-шесть «Либерти». Центральное положение в конвое занимал крейсер противовоздушной обороны, сопровождаемый двумя эскортными авианосцами, с которых то и дело поднимались в воздух и садились обратно самолеты воздушного прикрытия.

«Джоном Карвером» командовал Мейер, американец немецкого происхождения. Чтобы познакомиться с ним и договориться по некоторым неясным вопросам, связанным с нашим пребыванием на транспорте, Паластров и я поднялись на мостик.

— Очень приятно иметь на борту подводника, — Мейер

протянул мне сухую, костлявую руку, изобразив на тонких губах что-то похожее на улыбку. — Теперь мы с вами вместе будем подвергаться подводной опасности.

— Только сейчас на борту вашего «Либерти» я читал, мистер капитан, журнал «Лайф». Там пишут, что немецкие подводные лодки уже не опасны, — возразил я.

— Правильно! Для журнала не опасны. — Слова Мейер а рассмешили американских моряков, стоящих на мостике. Они придвинулись к нам. — Этот «Лайф», знаете, как называют?

— Нет.

— «Эх, и лайф! Лучше бы смерть»[13]. Все на мостике снова рассмеялись.

— «Лайф» пишет, а немецкие лодки воюют, — вставил высокий американец, посасывавший длинную, словно по росту подобранную трубку.

— Ваши немецкие коллеги воюют так, что даже вот такое охранение, — Мейер обвел рукой круг, — им нипочем... топят нас — и все...

— Да, для хороших подводников, конечно, охранение только помеха, — согласился я. — Но журнал пишет, что немецкие подводники деморализованы и... плохо воюют...

— Журнал сам деморализован! — перебил капитан снова, поджав свои бескровные губы. — Немцы чувствуют себя хорошо...

С Мейером мы быстро договорились по всем вопросам. Он разрешил матросам и старшинам небольшими группами выходить на верхнюю палубу, пользоваться санитарными узлами наравне с экипажем «Джона Карвера», провести экскурсии по кораблю, организовать вечер самодеятельности. Но когда вопрос коснулся транслирования в кубрике последних известий из Москвы, возникли затруднения.

— Зачем матросу политика? — с заметной неприязнью говорил капитан. — Молодому человеку нужны музыка, танцы, девушки, вино. Музыку мы транслируем, танцевать разрешаем, а вино и девушек они найдут в Англии.

— Простите, у нас другие порядки, — продолжал я настаивать, не обращая внимания на усмешки американских моряков.

— Мистер командер, я не могу разрешить транслировать московскую станцию, — решительно заявил Мейер. — Вы лично, если хотите, можете слушать через офицерский приемник в штурманской рубке. И то... я бы на вашем месте не тратил на это времени. А матросы... давно известно: чем матросы меньше знают, тем лучше для них и для дела. Я бы развлекал их как-нибудь иначе.

Мне пришлось удовлетвориться возможностью самому прослушивать сводки Совинформбюро и рассказывать о них матросам и старшинам.

Имея общую скорость в девять узлов, конвой держал курс на остров Медвежий, с тем чтобы — на его траверзе повернуть на запад и обойти с севера норвежское побережье, оккупированное фашистскими войсками.

К вечеру четвертого дня конвой подходил к району этого каменного острова, одиноко брошенного в Северном Ледовитом океане на полпути между материком и архипелагом Шпицберген.

После очередной беседы с матросами и старшинами мы с Паластровым вышли из кубрика и направились к себе в каюту. На палубе нас догнал Свиридов.

У матроса был озабоченный и словно бы виноватый вид.

— Товарищ капитан третьего ранга, — Свиридов понизил тон до шепота, — эти... вот тот...

— Кто?

— Джон Бурна... все время агитирует наших матросов ехать в Америку. Говорит, там чуть ли не рай, а у нас плохо. Говорит, он сам тоже чех, Иваном его звали, а теперь Джон...

— Так чем же Джон лучше Ивана?

Неожиданный вопрос заставил Свиридова на момент растеряться. Мое шутливое отношение к очень важному, как он полагал, сообщению сбило его с толку.

— Он оскорбляет нас, товарищ капитан третьего ранга.

— А вы отвечайте тем же.

— Чем? — Свиридов вопросительно взглянул сперва на меня, а затем на капитан-лейтенанта.

— Доказывайте, что у нас лучше, — подхватил Паластров, — и агитируйте его ехать к нам.

— Такого гада к нам нельзя, товарищ капитан-лейтенант. У него нет родины! — возразил матрос.

— Вот вы ему так и говорите, — вставил я. — Люди, которые изменяют родине и уезжают в чужие страны только потому, что сегодня там картошка стоит на две копейки дешевле, — изменники и гады. Он тогда поймет, что вы его тоже считаете гадом.

— Мы ему без намека... прямо так говорим... что он гад, изменник, предатель и... еще крепче... говорим кое-что, но... он не оскорбляется. Вот если бы вы разрешили...

— Что я должен разрешить?

— Бока немножко... помять.

— Вы с ума сошли? — я разозлился. — Вы, комсорг, говорите та̀кие вещи?

— Мы ему за дело. Он иногда про фашистов говорит, что вроде они не такие уж плохие, даже хвалит их немножко. Другие американцы тоже на них иногда возмущаются. Они только вдвоем такие... Ведь таких людей только кулаками можно образумить.

— Кто второй?

— Вот Бурна и тот... его Друг, Чарли! Но тот поменьше болтает. Тот по-русски не говорит, а этот знает язык.

— Неужели в кубрике у вас происходят такие дебаты? — удивился Паластров.

— Не-ет, в кубрике бы ему... Он в кубрике не посмеет, на камбузе: вот как назначат рабочим по камбузу какого-нибудь матроса, Бурна сразу к нему и...

— А Бурна кок, что ли, почему он на камбузе?

— Не поймешь, кто он такой, только он все время там. Да он вообще везде... Работы, что ли, у него нет, не поймешь!

— Мистер командер! — услышал я в отдалении голос капитана. — Остров Медвежий. Хотите посмотреть? К вашим услугам! — наклонившись через планшир мостика, Мейер указывал вдаль.

Оставив Свиридова на палубе, мы поднялись на мостик.

В бинокль я увидел пологие очертания необитаемого островка, почти сплошь покрытого белым одеялом оледеневшего снега.

Установленный на большой тумбе перед капитаном приемопередатчик ультракоротковолновой связи вдруг захрипел и невнятным шипящим голосом передал какое-то распоряжение.

— Сейчас конвой будет делать поворот, — пояснил нам Мейер, привычное, ухо которого, видимо, легко разбирало приказания начальника конвоя.

— Откуда идут команды? — машинально спросил я. — Где старший начальник?

— Начальник конвоя...

Мейер не успел договорить. Два взрыва заставили всех на мостике, содрогнуться. Мы растерянно оглянулись. В третьей колонне влево и позади от нас транспорт с оторванной кормой погружался в воду, высоко подняв форштевень.

Охранение прозевало. Подводные лодки фашистов проникли в конвой и атаковали его. Приемопередатчик взволнованным голосом, повторяя по нескольку раз, передавал приказание:

— «Боевая тревога! Подводные лодки, подводные лодки! Транспортам самостоятельно атаковать перископы артиллерией! Ударным группам кораблей преследовать и уничтожать подводные лодки!»

Колокола громкого боя одновременно со взрывом

неприятельских торпед начали звенеть во всех уголках «Джона Карвера».

Артиллеристы транспортов подбежали к орудиям и тут же открыли огонь. Но перепуганным морякам повсюду мерещились перископы, и неудивительно, что огонь не причинил подводным лодкам вреда.

Дело осложнилось тем, что поверхность воды была усеяна мелкобитым льдом. На трехбалльной волне каждый из этих осколков легко было принять за перископ подводной лодки.

Все орудия транспортов — на каждом «Либерти» было по две спаренные пушки — стреляли с полной скорострельностью. Никто не считался с тем, что снаряды рикошетировали о поверхность воды и в любую минуту могли угодить в соседние транспорты.

— Что происходит, мистер капитан? — невольно спросил я Мейера.

Он посмотрел на меня и пожал плечами в знак того, что не понимает моего вопроса.

— Для чего такая стрельба? — пояснил я.

— Отражаем нападение ваших коллег, мистер командер. Не играть же нам танго, когда один из «Либерти» вместе со своей командой идет ко дну.

— Какой транспорт тонет? — Мне пришлось кричать, чтобы капитан расслышал меня в грохоте орудий.

— «Вильям Эстейер», номер «28Ф».

Я побежал в каюту, впился в списки «Либерти», на которых были размещены наши моряки, и с болью в сердце убедился, что на тонущем транспорте находилось восемьдесят советских моряков, среди которых были и подводники.

«Они тоже размещались в трюме и, следовательно, подвергались наибольшей опасности... Вероятно, многие из них погибли...» — рассудил я и поспешил в кубрик к матросам и старшинам. По боевой тревоге им запрещалось выходить на верхнюю палубу, и они очень смутно представляли, что происходило на море. Тем не менее они знали, что раз началось активное преследование, немецкие подводные лодки удовлетворятся одним транспортом и будут отходить.

— Ну как? Где лучше во время боя — на транспорте или в лодке? — объяснив в двух словах обстановку, обратился я к подводникам. Мне не хотелось показывать морякам свою тревогу, хотя было и не до шуток.

— На берегу, товарищ капитан третьего ранга! — бросил кто-то из толпившихся около столов матросов.

— А на утопленном... были наши моряки? — понизив тон,

обратился Свиридов.

У меня не было выхода: солгать я не мог.

— Да, были. Один такой же примерно эшелон, как наш...

Лица всех помрачнели. Матросы . вопросительно смотрели на меня.

— Будем надеяться, что их спасут. Средств для этого на транспортах много. Люди наши, вы знаете, опытные. Думаю, не растеряются, — обнадеживал я моряков, хотя большой уверенности в том, что людей спасли, не чувствовал.

— Там, товарищ капитан третьего ранга, они тоже в трюме жили? — спросил кто-то.

— Да, в трюме. На всех транспортах порядок один.

— Тогда всех не спасешь. Мы же на два метра ниже ватерлинии. Один приличный прокол этой скорлупы — и мы с рыбами, — матрос постучал по борту судна.

— На то и война! — вмешался Каркоцкий. — В войну везде опасно... и жертвы всякие бывают. Только липовые вояки могут рассчитывать на войну без жертв.

— А что ты думал? Думал, что американцы тебя в бронированный колпак посадят?

— Да я же ничего не говорю, — отступил матрос. Это был черноглазый курчавый парень.

— Вы, старшина, в самом деле напрасно напустились на матроса, — вмешался я, — он прав: если борт пробьют, то в кубрик действительно хлынет вода. Рыб здесь не будет... Ни одна уважающая себя рыба сюда не войдет. Слишком уж неуютно. В их распоряжении целый океан, зачем же они сюда будут лезть? Там для них лучше.

Лица моряков были мрачны. Моя шутка не вызвала ни одной улыбки.

— Не забывайте, что торпеды попали в корму корабля, а наши люди были, как и мы с вами, в носовом трюме, — добавил я.

— Война с призраками в полном разгаре, — шепотом отрапортовал мне Паластров, с биноклем в руке стоявший на левом крыле капитанского мостика, когда я подошел к нему. Он не сходил отсюда с самого момента объявления тревоги.

— По каким мишеням бьют?

— Все время слежу.... Сейчас обстреливают вот эту несчастную льдышку! — капитан-лейтенант протянул мне бинокль.

Мейер выглядел несколько успокоившимся. Он прохаживался по мостику, поминутно прикладывая к глазам бинокль с коричневой, местами потертой обивкой.

— Как вы думаете, мистер командер, откуда нам сейчас грозит опасность? — Мёйер подошел ко мне и глянул на мою орденскую планку.

— Подводная опасность почти миновала. Вы же видите, что делается, — я показал на кормовую часть горизонта, где водяные шапки, вздымавшиеся над местами разрывов глубинных бомб, создавали впечатление, будто студеное море вдруг начало бурно кипеть.

— Это ничего не значит. Они бомбят рыбу. Если бы они умели бомбить! — капитан махнул рукой. — Вы знаете, что сообщили несколько минут назад?

— Кто сообщил?

— Начальник конвоя... А ему наврали те, кто преследует фашистские подводные лодки.

— Что?

— Будто шесть нацистских подводных лодок уже потоплено. — Капитан скупо улыбнулся.

Неожиданно пушки перестали палить. Капитан пришел в замешательство.

— Что случилось? — грозно крикнул он на бак.

— Пушки перегрелись! Нужен перерыв! — коротко ответили артиллеристы.

— Эх, и болваны же! — возмутился Мейер. — Мистер командер, у вас артиллеристы тоже такие же болваны, как мой Одд? Сейчас самое ответственное время, надо стрелять, а у него орудия греются...

Я пожал плечами.

— Почему вы думаете, что подводные лодки не потоплены? — казалось, Паластров затратил весь свой запас английских слов, чтобы спросить это.

— Что вы сказали? — Мейер не понял его. Микрофон ультракоротковолнового передатчика опять захрипел. Начальник конвоя объявил, что потоплены еще две нацистские подводные лодки.

— Мой коллега хочет знать, почему вы не верите в правильность этих сообщений? — пришел я на помощь Паластрову.

— Я просто не верю, что Гитлер имел так много подводных лодок. Мой корабль недавно начал ходить в конвоях, но за это время наши миноносцы объявили потопленными более двухсот, подводных лодок. Это же фантазия!

От беспрерывной стрельбы пушки стали накаляться и на других «Либерти». Транспорты один за другим прекращали огонь. Мейера это привело в бешенство. Он полагал, что подводная

опасность не миновала и стрельба из пушек — единственное надежное средство против нее.

Переубеждать его мы не брались, да и вряд ли смогли бы это сделать: он никому и ничему, казалось, не верил.

Однако капитану недолго пришлось сокрушаться. Орудия снова становились способными палить во все стороны. Один за другим корабли вступали в «бой», и вскоре всеобщая стрельба возобновилась.

— «Волчьи стаи» боятся, мистер командер, только шума. Когда мы стреляем, они думают, что мы их видим и преследуем. Они тогда отказываются от атак. А когда мы молчим, они топят нас, — философствовал Мейер, ободренный возобновившейся стрельбой.

«Волчьими стаями» именовались маневренные группы фашистских подводных лодок. Они обычно состояли из семи-девяти подводных лодок, управляемых одним командиром. Такие группы действовали по единому плану и наносили большой урон союзникам.

К вечеру стрельба затихла. Ночь, которую в этих широтах в мае заменяют недолгие сумерки, прошла сравнительно спокойно. Правда, по ультракоротковолновой связи беспрерывно шли приказания и информации. Летчики, патрулировавшие в воздухе, сообщали данные о «волчьей стае», которая, по их словам, все время пыталась догнать наш конвой. Но, загоняемые будто бы под воду самолетами прикрытия, лодки не могли соревноваться с нами в скорости и постепенно отставали.

Утром, после очередной беседы с матросами и старшинами, я поднялся в штурманскую рубку. Капитан Мейер занимался прокладкой курса «волчьей стаи», пользуясь для этого данными летчиков и вымеряя расстояния от страшных «стай» до нашего конвоя.

— Неужели та самая «стая», которая нас атаковала вчера? — спросил я.

— Та самая, — со вздохом признался капитан, — все девять штук. Ни одна не отсутствует. Как видите, утопленники воскресли. Ваши коллеги живучи, правда?

— Да. Моих товарищей и меня на Черном море много раз объявляли утопленниками... Но, может быть, это другая «стая»?

— Та самая, мистер командер. Другая была бы впереди нас, а не сзади. И данные летчиков подтверждают...

В рубку вошел Чарли Лик. Он принес капитану стакан кофе. Лицо матроса было изуродовано многочисленными синяками.

— У этого матроса все лицо в синяках, — сказал я капитану, когда Чарли Лик вышел.

— Подрались, наверное, — беззаботно бросил Мейер, отпивая кофе, — матросы всегда дерутся... Могли подраться с вашими матросами. Встреча с новыми людьми, с иностранцами... почему бы не испробовать свои силы?

Я вспомнил просьбу Свиридова. «Неужели они?.. Неужели побили?..» — думал я, выходя из штурманской рубки. «Они, бесспорно, они разукрасили американца!» Я уже не сомневался в этом и хотел пробрать как следует и наказать виновников.

На палубе мне встретился Джон Бурна. Его я также еле узнал. Правый глаз, заплывший черно-синей опухолью, почти не был виден, вокруг левого глаза большим полукругом запеклась кровь. Нижняя губа в двух местах рассечена. Почти все лицо было густо покрыто какой-то мазью.

— Что с вами? — озабоченно спросил я, ответив на приветствие матроса.

— Несчастный случай, — он мотнул головой и сделал гримасу.

— Какой же случай?

— Упал с трапа, когда бежал по тревоге.

Американец явно говорил неправду.

Придя в кубрик, я отозвал в сторону Каркоцкого и Свиридова. Они оба ничего не знали о драке и были удивлены моим сообщением.

— Среди наших людей нет побитых или расцарапанных, не замечали? — допытывался я.

— Нет, таких нет, — в один голос ответили старшина и матрос.

— Вот Заде, если только, — замялся Свиридов. — У него, по-моему, рука что-то болит.

Заде — так в шутку называли общепризнанного шутника и балагура, матроса из экипажа эскадренного миноносца Алымова.

Алымов не спеша подошел ко мне и доложился. На скуластом, мужественном лице матроса было заметно смущение.

— Дрались с американцами? — в упор спросил я Алымова.

— Нет, не дрался! — решительно ответил матрос и потупил взгляд.

— Как не дрался? Я ж вижу, что вы виновны. Расскажите, что у вас было! Не заставляйте повторяться! — Мне не удалось подавить нервозность.

— Мы не дрались, — мялся матрос, — мы боксом занимались, и так получилось...

— Каким боксом? Люди же до безобразия избиты!

— Бурна меня оскорбил: говорит, что я из колонии. Узбекистан назвал колонией, — решительно начал Алымов свой

рассказ. — Я ему говорю: «Я бы тебя избил за это, но у нас драться нельзя». А он отвечает: «Давай на бокс. Ты меня не одолеешь...» Я говорю: «Одолею!» Ну, и поборолись.

— Ну, а второй-то матрос, Чарли?

— Когда я начал одолевать Бурну, Чарли пришел ему на помощь. Ну, и... ему тоже дал два раза...

— Какой же это бокс? Вы дрались или боролись? — вмешался Каркоцкий.

— Они говорят: это борьба такая у них... Объявили меня победителем и просили никому не рассказывать, что я их побил. Вот я и... молчал.

— Где же вы этим видом спорта занимались?

— Они нашли трюм, там... в корме.

Собрав матросов и старшин, я предупредил всех, чтобы впредь больше никто не терял головы и не поддавался никаким провокациям.

Чувствовалось, что старшины и матросы осуждают поступок Заде — Алымова, но тем не менее матрос снискал себе славу героя дня. Относились к нему с нескрываемым уважением. Очень уж всем надоели эти два типа, не то специально приставленные к нам, не то неисправимые хулиганы.

— Мистер командер, русского сигнальщика вызывают на капитанский мостик! — доложил вдруг как из-под земли выросший американский матрос.

Я захватил с собой Фомагина и побежал наверх. С соседнего транспорта передавалась на русском языке светограмма, адресованная всем начальникам эшелонов в конвое. Она гласила: «Транспорт «Вильям Эстейер» торпедирован фашистской подводной лодкой и потоплен. Наши люди спасены и взяты на борт эскадренного миноносца, за исключением погибших восьми человек из состава экипажа транспорта и одиннадцати советских матросов, старшин и офицеров: Майорова, Викторова, Климова, Дургелюка, Вашадзе, Сафронова, Кузенко, Смолянцева, Иашвили, Клименко, Титова. При спасении людей отличились матросы и старшины: Поедайло и Иванюк...»

Светограмма была подписана командиром нашего будущего дивизиона капитаном первого ранга Трипольским.

Текст светограммы я тут же прочитал в кубрике. Все были опечалены. На потопленном транспорте не быть жертв не могло. Слишком скученно были размещены наши люди. Но каждый надеялся на чудо.

И хотя общие потери были относительно небольшими, фамилии погибших боевых друзей горечью щемили наши сердца.

— Ничего, — только и смог сказать я, — будет и на нашей

улице праздник! За всех отомстим!

Паластров метался по каюте, переживал гибель своего лучшего друга капитан-лейтенанта Майорова, с которым он вместе учился в морском училище, вместе служил на флоте и одновременно был командирован в Англию.

Я, разумеется, ничем не мог утешить капитан-лейтенанта и поэтому решил отвлечь его разговором:

— Наш комдив Трипольский еще в белофинскую кампанию получил звание Героя Советского Союза. Человек он, бесспорно, большой отваги и смелости. Это на флоте общеизвестно. Но больше я о нем ничего не знаю. Может быть, расскажешь что-нибудь? Он же на Севере служил вместе с тобой, — обратился я к Паластрову.

— Знаю его. Что о нем сказать? Начал службу простым водолазом. Окончил морское училище, получил офицерское звание. Командовал подводной лодкой «Б-1» — она была затоплена в революцию, а затем поднята ЭПРОНом. Трипольский чуткий человек, словом — хороший офицер.

— И сегодня он показал себя заботливым, — согласился я. — Нашел способ сообщить о результатах катастрофы. Хоть и горько слышать о гибели друзей, но лучше знать правду, чем сомневаться...

Паластров кивнул головой в знак согласия и снова заходил по каюте. Я сочувственно наблюдал за ним. Он делал четыре шага, останавливался, покачиваясь из стороны в сторону, потом поворачивался и делал четыре шага в противоположном направлении. Мне снова захотелось отвлечь его от тяжелых мыслей, и я искал, о чем бы заговорить. Но неожиданно он сам прервал молчание.

— Меня удивляет... Ведь известно, что район Медвежьего опасен, здесь почти всегда немецкие лодки атакуют союзные конвои, топят корабли. Казалось бы, надо принимать меры, чтобы избежать прохода через этот район или выкурить отсюда фашистов. Ничего подобного не делается.

— Да-а, даже я, черноморец, и то слышал об этом районе. Ведь «Скумбрия» Бондаревича потопила фашистскую лодку где-то здесь, правда?

— Это было не здесь, — досадливо махнул рукой Паластров.

— Мне давно хотелось знать подробности. Расскажи, пожалуйста.

— До вас не дошли отчетные документы?

— Не успели. Вернее, пришли перед самым нашим откомандированием с флота.

Паластров присел да стул рядом с моей койкой и принялся

рассказывать. Я вслушивался в его глуховатый голос, и перед моим сознанием вставала картина гибели вражеской подводной лодки.

Дело было так...

«Скумбрия» держала курс к берегам противника на боевую позицию. Дул злой восьмибалльный норд-ост. Шел дождь, переходящий то и дело в ледяную крупу. Видимость была исключительно плохой.

В девятом часу утра на мостик поднялся командир корабля капитан-лейтенант Иосиф Бондаревич. Едва он переступил через комингс верхнего рубочного люка, как его окатило очередной волной. Пока он вытирал лицо, вахтенный офицер коротко доложил обстановку.

Согласно показаниям приборов, по направлению двести шестьдесят градусов находится неизвестное судно. Визуальное наблюдение в этом направлении усилено, но пока ничего не обнаружено.

Командир выслушал доклад, поправив свои слипшиеся от соленой воды усы, взялся за предложенный вахтенным офицером бинокль и стал наблюдать за неприветливым морем.

Вскоре сквозь дождь и морские брызги он различил смутные контуры низкобортного корабля, идущего контркурсом на небольшой скорости.

Одновременно сигнальщик доложил, что по левому борту видит судно, похожее на самоходную баржу.

Однако капитан-лейтенант знал, что в этом районе не могло быть никаких барж. Он стал пристальнее всматриваться. Судно скорее напоминало катер. Но нет! Вернее всего, это подводная лодка. Но чья она? Своя или вражеская?

Уже несколько дней в базе ждали подводную лодку «Камбала», которой командовал большой друг Бондаревича Мамонт Мелкадзе. Не она ли возвращается домой, подбитая и заблудившаяся?

Неизвестный подводный корабль, видимо, тоже заметил «Скумбрию» и изменил курс. Что это за маневр? Подготовка к атаке или обычное желание уклониться от встречи со своими кораблями?

Бондаревич приказал сыграть боевую тревогу. Подводная лодка тем временем ушла под воду. Акустикам был отдан приказ запросить неизвестный корабль, кто он.

«Скумбрия» должна была выйти на коммуникации противника и топить фашистские транспорты. Уничтожение подводных лодок не входило в ее задачу. Поэтому Бондаревич, приказав уйти под воду, начал маневрировать, уклоняясь от

встречи с неизвестным кораблем.

— Лодка погрузилась и идет на сближение с нами, — доложил командиру гидроакустик, — курсовой сто три левого борта. На наши запросы не отвечает...

— Право руля! На глубину! — скомандовал Бондаревич.

— Думаю, гидроакустикам надо запросить еще раз лодку. Может быть, это все же «Камбала», — сказал подошедший к командиру корабля комиссар.

— Пусть запрашивают; — ответил Бондаревич.

— Товарищ командир, — крикнул гидроакустик, просунувшись через отсечную дверь, — по корме на нас идут торпеды!

На лице гидроакустика застыл страх. Он сразу же передался всем находившимся в отсеке. Противник опередил, выстрелил первым.

— Не попадут! — сверкнув глазами, крикнул Бондаревич, озабоченно глянув на растерянного рулевого-горизонталыцика. — Торпеды, выпущенные сзади, — плохие торпеды!

Не успел командир закончить, как над самой лодкой с резким шумом пронеслись две торпеды.

— Встаньте! — с презрительной гримасой сухо скомандовал Бондаревич двум матросам, присевшим на корточки и расширенными глазами смотревшим вверх.

— Что случилось, командир? — в центральный пост вернулся комиссар. — Торпеды?

— Да, — спокойно ответил Бондаревич, наклоняясь над штурманской картой, и добавил, обращаясь к акустикам: — Следить за лодкой противника! Внимательно!

— Есть следить внимательно! — отчеканил старшина поста.

Подводникам стало ясно, что фашистская лодка стреляет неплохо. Ее торпеды шли прямо на советскую лодку и, если бы не просчет глубины, попали бы в цель.

В отсек снова просунулась голова акустика. Все обернулись к нему.

— Лодка следует за нами, расстояние не уменьшается.

— Кормовыми торпедными аппаратами можно было бы стрельнуть, — робко попробовал посоветовать командиру штурман.

— Не-ет уж, штурман, не спешите. Мы будем стрелять наверняка. — Бондаревич посмотрел на секундомер, который держал в руках. — Увеличить глубину плавания на десять метров! Сейчас они выпустят новые торпеды. — Командир еще раз посмотрел на секундомер и направился к посту управления рулями глубины.

— Почему вы так думаете? — спросил комиссар. Бондаревич, усмехнувшись, произнес:

— Фашист выстрелил, промазал, затем уточнил сведения и теперь будет атаковать повторно.

— Прямо по корме торпеды! Идут на нас!

— Выпустили-таки, — прошептал сквозь зубы Бондаревич.

— А что, если самонаводящиеся торпеды? — тихо предположил комиссар.

— Самонаводящаяся на глубине не идет, — громко, чтобы все слышали, ответил командир. — Она может взорваться от нашего магнитного поля наверху, над нами. В этом случае большого вреда не будет.

В эту минуту лодку потряс взрыв. Все отсеки «Скумбрии» потонули в непроглядной темноте. Никто не смог удержаться на своих местах.

В отсеках услышали голос Бондаревича, приказывающего включить аварийное освещение. Голос командира прозвучал спокойно, обычно. Это придало людям силы, помогло им освободиться от страха. Включили аварийное освещение. Команда заняла боевые посты.

«Скумбрия» застопорила машины, встала на месте, постепенно погружаясь на большую глубину.

Акустик, снова нащупав лодку своими приборами, доложил, что она приближается.

Командир не отрывался от штурманских карт, которые с трудом были собраны после взрыва.

— Противник приближается! — снова доложил акустик.

По лицам людей вновь пробежало волнение. Но командир был спокоен. Он объяснил, что такой тип немецкой подводной лодки имеет только четыре торпедных аппарата и что все торпеды израсходованы,

— Лодка над нами!

Тревожные взоры подводников были обращены вверх, хотя, разумеется, сквозь стальной корпус лодки увидеть ничего нельзя.

Фашисты, пройдя над «Скумбрией» и решив, вероятно, что советская подводная лодка потоплена, стали всплывать на поверхность, о чем было незамедлительно доложено акустиками.

— Боевая тревога! Торпедная атака! Оба полный вперед! — весело скомандовал Бондаревич, в боевом азарте потирая руки.

Фашистские подводники обнаружили приближение опасности и попытались уклониться. Но тщетно...

Там, где находилась подводная лодка фашистов, поднялась огненная шапка, которая через несколько секунд превратилась в столб водяного пара.

Дело сделано!

Ветер продолжал дуть с прежней силой. Изрядно помятый взрывом торпеды мостик советской подводной лодки еще сильнее окатывало проходившими крутыми волнами. Видимость несколько улучшилась, дождь перестал, но низкая облачность и крупные волны придавали морю мрачный вид.

«Скумбрия» продолжала путь к вражеским берегам... .

— А я мельком слышал, что на месте потопления всплыли какие-то вещи? — прервал я Паластрова.

— Ты все перепутал, — досадливо отозвался Па-лаетров. — Это другой случай. Ты слышал о подводной, лодке «Сталинец». Командиром ее был Павел Ильич Егоров. «Сталинцу» тоже пришлось вступить в поединок с немецкой лодкой. Это было у Новой Земли. Гитлеровцы потопили союзный транспорт. «Сталинец» буквально через несколько часов торпедировав лодку. Вот там-то и действительно в пятне соляра всплыл немецкий военно-морской китель, а в нем нашли курительную трубку и какие-то бумаги...

— Молодцы «скумбрияне». Знаешь что: расскажи об этом народу! Пойдем в кубрик!

— Северяне знают, а черноморцам расскажи сам, — возразил Паластров.

Однако мне недолго пришлось его уговаривать. Капитан-лейтенант согласился провести беседу, и мы пошли в трюм к матросам и старшинам.

Паластров оказался прекрасным рассказчиком. Он увлек подводников и вызвал массу интересных вопросов. Мы пробыли в кубрике более двух часов, и было уже совсем поздно, когда мы, изрядно утомленные, направились в каюту спать.

В ночь на 6 мая конвой втянулся в пролив Северный Минч, постепенно перестроившись в кильватерную колонну. Охранение покинуло транспорты. Во внутренних водах Великобритании, опоясанных со стороны открытого моря сложными противолодочными рубежами, транспортам ничто не угрожало.

Пройдя пролив, мы вышли в Гебридское море. Далее наш путь лежал по сложным фарватерам между многочисленными островами, в северо-восточную часть Ирландского моря, в залив Фёрт-оф-лайд, на Глазго.

На следующий день утром «Джон Карвер» отдал якорь на рейде Гренок. Весь залив до самого порта Глазго был заставлен транспортами, вместе с нами пересекшими Ледовитый океан и теперь ожидавшими очереди разгружаться.

Очень прилично

Высадка в порту Глазго и переезд с западного на восточное побережье заняли всего несколько часов. К вечеру мы подъезжали к военно-морской базе Королевского флота — Розайт.

Маленькие вагончики, в которых мы ехали, показались нам игрушечными. Очень похожие на них мне. доводилось видеть перед войной на детских железных дорогах. Наш состав миновал железнодорожный мост, перекинутый через обширный застывший в глубоком покое залив Фёрт-оф-Форт. Под ним свободно проходили не только океанские транспорты и миноносцы, но и крупные линейные корабли и крейсеры.

Слева от моста, внизу под нами, стояло на рейде несколько боевых судов. Вылетавшие из труб легкие дымки поднимались вертикально вверх и сверху казались исполинскими мачтами.

За кораблями виднелись причалы, доки, краны, многочисленные портовые сооружения. На заднем плане, за невысокими холмами, располагался небольшой городок Розайт.

По правую сторону от нас за многочисленными мысами раскинулось Северное море. На горизонте мы заметили несколько дымков. Сделав петлю вокруг холмов, наш состав спустился под пологий откос, и через полчаса мы медленно въехали в порт, к докам, которые виднелись с розайтского моста.

Цели нашего визита в Англию и само наше прибытие должны были сохраняться в тайне. Однако, как мы сразу же убедились, в Розайте все население знало о нас.

У каждого дома, у каждого поворота, вдоль всей дороги люди различных возрастов и профессий выходили посмотреть на нас. Каждый житель считал своим долгом, увидев в открытом окне голову нашего матроса или офицера, поднять вверх два пальца — жест, символизирующий победу. Даже дети, игравшие около маленьких, казавшихся кукольными, домиков, приветствовали нас тем же жестом.

В порту мы попали в дружеское окружение рабочих. Англичане тепло встретили нас.

«Вот теперь, наконец, Гитлеру будет капут!», «Вот теперь-то наше правительство осмелится открыть второй фронт!», «Вот это настоящие союзники!» — то и дело восклицали рабочие, дружески похлопывая по плечу матросов.

Несмотря на то, что англичане не знали русского языка, а запас английских слов у наших моряков был весьма скудным, между рабочими и матросами завязалась оживленная дружеская беседа. Казалось, никто не испытывал языковых затруднений.

Однако рабочим недолго пришлось продолжать «братание» с советскими воинами. Важные и самодовольные полицейские вдруг начали оттеснять от нас портовых рабочих. Вскоре у поезда остались одни советские моряки, несколько носильщиков и всемогущие полицейские, немало удивлявшие нас своим необычайно высоким ростом.

Нас разделили на две части. Моряки надводных кораблей были размещены на пароходе со странно звучащим названием «Императрица России». Подводников же отправили на эскортный авианосец «Чейсер», который стоял в ремонте и мог быть использован для временного размещения людей.

Поздно вечером, когда все хлопоты были закончены и мы, предвкушая отдых, готовились ко сну, к нам в каюту вошел Трипольский.

— Спать готовитесь?

— Так точно, спать, — подтвердили мы с Фисановичем, моим соседом по каюте, капитаном второго ранга.

— Ничего не выйдет, — лаконично бросил комдив, привычно посасывая погасшую трубку.

— Как не выйдет? — озадаченно переспросил Фисанович. — Ночь же...

— Хозяева приглашают в салон, на коктейль-партию. Там, говорят, познакомят с офицерами подводных лодок, которые нам передаются, и вообще... познакомятся с нами. Так что придется показать им... ваши оригинальные уши, — Трипольский дружески подмигнул Фисановичу и пошел к выходу.

Я пытливо глянул на своего соседа и только теперь убедился, что у него действительно редкостные уши. Герой Советского Союза Изя Фисанович, или Фис, как его называли подводники, родом из-под Харькова, в свое время по путевке ленинского комсомола был послан в Военно-морское училище имени Фрунзе. Окончив его и попав на подводные лодки Северного флота, он сравнительно быстро занял место в рядах прославленных подводников. На его боевом счету числилось четырнадцать потопленных фашистских транспортов и кораблей. О Фисановиче я слышал еще на Черном море, но познакомился с ним только на английской земле. Он обычно удивлял новых знакомых своим сугубо штатским видом, мало вяжущимся с представлением о «морском волке». Коротко остриженная голова, оттопыренные уши, разные по величине и форме, вечно воспаленные оò полярного ветра глаза. Все это не вязалось с распространенным в литературе довольно шаблонным образом бородатого капитана, «стальными» глазами уставившегося во мглу бушующего моря.

Взгляд у Фисановича был вовсе не стальной, голос не

охрипший, даже несколько женственный, не любил он ни пить, ни осыпать подчиненных ругательствами.

Он был интересным собеседником и очень остроумным человеком.

Раньше чем через полчаса мы были в каюте командира дивизиона.

В салоне, который сквозь густой табачный дым нельзя было окинуть глазом, было шумно. Держа в руке стаканы с крепкими смесями джина и виски, с различными соками и время от времени отпивая из них, офицеры беседовали, стоя группами и сидя на многочисленных низеньких и причудливых диванчиках, размещенных вдоль стен.

Наше появление не было замечено присутствовавшими, и я почувствовал себя в неловком положении незваного гостя. Вероятно, и остальные мои товарищи испытывали такое же чувство.

— О-о-о! Наши гости! Очень приятно! — подскочил к нам, наконец, быстрый в движениях, щупленький англичанин с нашивками старшего лейтенанта. — Меня зовут Лейкок, я назначен офицером связи к вам.

Лейкок говорил по-русски без какого бы то ни было акцента. Внешность нашего нового знакомого ничем характерным не отличалась. Я подумал, что он русский, и высказал это.

— Нет, мистер Иосселиани, — как-то холодно улыбнулся Лейкок, обнажив свои белоснежные, но, кажется, вставные зубы. — У меня только мама была русской, сам же я англичанин.

— Ну, у него и папа, положим, был русским капиталистом... Но не будем об этом говорить, — украдкой шепнул мне на ухо капитан второго ранга Сергей Зиновьев. — Ты его смущаешь.

— Откуда ты знаешь?

— Я же приехал на острова немного раньше вас, — объяснил Зиновьев. — Пока вас здесь ждал, часто приходилось бывать в компании офицеров. Они все выболтали. Его папаша, некий Кукин, был владельцем Владивостокских холодильников...

— Да что ты?!

— Представляешь, как он рад нас с тобой видеть?

Мы переглянулись.

Трипольский подвел к нам невысокого бородатого лейтенанта.

— Дэвис, — протянул он мне руку. — Говорят, вы будете у меня отбирать подводную лодку.

— Иосселиани. Почему отбирать? Мы же с вами союзники и... друзья?

— Вы правы, но... другую лодку под свое командование я не

скоро получу.

Около нас образовалось кольцо офицеров. Люди подходили и знакомились с нами, обмениваясь несколькими общепринятыми фразами.

К нам подвели изрядно подвыпившего офицера.

— Командер Чоувел, — представился он.

— Потопил русскую подводную лодку,:

— ухмыляясь, сообщил о нем лейтенант Дэвис.

— Я русских всегда любил, хотя и не приходилось их так близко видеть, как сегодня, — запинаясь, заговорил Чоувел. — Даже больше того: приходилось топить русские подводные лодки...

— Где же вы их топили? — не поверив этой болтовне, спросил я.

— Нехорошо вспоминать. Это произошло, когда вы с Финляндией воевали. Я на своем миноносце был в дозоре у Нордкапа, обнаружил вашу лодку, пробомбил ее и, к сожалению, потопил. Меня наградили вот этим орденом, — он не без гордости показал на орденскую ленту, прикрепленную к его тужурке.

— Мы же с вами не воевали?

— Мы же, дорогой, — люди военные, нам не положено знать: кого бить, за что бить и многое другое. Мы выполняем приказы... — ответил Чоувел.

Я со вниманием прислушивался, и мне начало казаться, что рассказ подвыпившего офицера — правда. Но один из наших командиров подводных лодок — Панков — внес существенные дополнения в этот рассказ. Вмешательство Панкова было для всех неожиданным, и впоследствии я раздумывал о том, что немало было в военное время самых удивительных случайностей. К ним, на мой взгляд, и относилась встреча Чоувела и Панкова.

— Вот кто меня, оказывается, лупил! — вмешался в разговор Панков. — Вы, следовательно, меня хотели потопить?

— Вас? Потопить? Почему? — растерянно забормотал англичанин, устремив свой взор на нового собеседника. — С кем имею честь?

— Я командир той самой лодки, которую вы топили.

— Вы шутите?

— Нет, не шучу. После того как вы бросили на меня двадцать две бомбы, вы спустили шлюпку...

— Спустили, — с волнением перебил англичанин.

— Я отошел к берегу, поднял перископ и наблюдал за вашими действиями. Вы очень долго возились на воде.

— Черт побери, — развел руками англичанин, — все верно!

Почему же вы не стреляли, если видели нас стоящими с застопоренными машинами?

— Зачем же? Мы же с вами не воевали...

— Но я же вас бомбил?!

— Откровенно говоря, поначалу я думал, что вы случайно уронили бомбы, они не причинили нам никакого вреда, — язвительно ответил Панков. — А потом мне показалось, что вы принимали нас за кого-то еще.

— Никак не думал...

— Вот и хорошо, что никак не думали, — вмешался Трипольский. — Все хорошо, что хорошо кончается. Теперь об этом не следует вспоминать.

— Как же хорошо? — возразил лейтенант Дэвис. — За что же тогда он получил орден? Не совсем хорошо!

— Наоборот, хорошо: и орден есть, и миноносец цел, и лодка цела, — под общий хохот объявил Трипольский.

— За орден он получает ежемесячно деньги, — не без издевки показал лейтенант Дэвис на грудь своего товарища, — значит, это неправильно...

Англичане долго высмеивали Чоувела. Но шутки его не задевали. Он частыми глотками отпивал из своего стакана и победоносно посматривал на товарищей, словно кругом раздавались хвалебные речи по его адресу.

— Выпьем за то, чтобы таких нелепых ошибок больше не было! — предложил тост лейтенант Дэвис, высоко подняв стакан.

— Нет, — возразил Трипольский, — выпьем за дружбу английского и нашего народов! Чтобы эта война была последней!

Осушив стакан, Дэвис глянул на мою грудь и воскликнул:

— О-о-о! У вас много орденов! Сколько же денег они вам приносят ежемесячно?

— Вы, как военный человек, должны знать, что ордена приносят славу, а не деньги, — сухо ответил я.

— Это, конечно, верно. Но мы не век будем военными. Нас в любое время могут выгнать. А когда мы перестанем быть военными, тогда слава не будет нужна; будут нужны только деньги. Согласны?

— Не знаю, как у вас, но у нас никто не имеет права, выгонять не только офицера, но вообще кого бы то ни — было.

— Нельзя выгнать? — перебил англичанин. — Не понравились вы почему-либо своему начальнику или, того хуже, жене начальника, и вас «зааттестуют» и выгонят. Не говорите мне, это везде было и так будет. Я знаю одно: за деньги можно купить все, за, славу... ничего!

— Славу можно добыть только либо на поле брани, либо в

доблестном труде на благо народа, — сдержанно ответил я.

— Это похоже на пропаганду, — усмехнулся Дэвис. — Не совсем так, я думаю...

Спорить было бесполезно. Каждый из нас все равно остался бы при своем мнении...

Мы довольно много времени провели в салоне.

— Когда же вы намереваетесь принимать корабли? — прощаясь с нами, спросил Лейкок, ни на минуту не покидавший нас.

— Если не будет возражений с вашей стороны, то завтра же с утра, мистер Лейкок, — ответил Трипольский.

— Так быстро? Вы бы отдохнули неделю-две...

— Вот и отдохнем в процессе работы, — непрошенно вмешался я. .

На следующий день мы действительно приступили к работам по приемке подводных лодок.

Экипажу «Малютки» предназначалась подводная лодка «Урсула», которой командовал лейтенант Дэвис.

Утром, после официальных церемоний знакомства и обмена приветствиями между англичанами и нашим экипажем, подводники сразу разошлись по отсекам и приступили к изучению незнакомой техники.

«Урсула» сошла со стапелей британских судоверфей не слишком давно. Однако боевая техника, установленная на ней, была довольно отсталой. Тем не менее нам многое было неясно. Прежде чем приступить к приемке корабля, надо было изучить его материальную часть, эксплуатацию механизмов и особенности их устройства.

Подробное изучение устройства подводной лодки и боевой техники — первое условие любого успеха в бою. Поэтому, не теряя ни одной минуты на праздные разговоры и забавы, наши матросы, старшины и офицеры с тетрадями и карандашами в руках направились в отсеки, в трюмы, в надстройку подводной лодки.

— Как они будут знакомиться с техникой без переводчиков? — не без иронии спросил меня Дэвис, глядя на подводников, по-хозяйски расходившихся по кораблю.

— Они с техникой вообще знакомы. Сами все зарисуют в тетради, Ощупают руками и осмотрят. Если что-нибудь не поймут, спросят у механика или у меня, — ответил я.

— Чтобы самостоятельно разобраться во всем этом, надо быть инженером, — заспорил Дэвис.

— Совсем не обязательно, мистер Дэвис. Достаточно быть просто подводником.

Я не понимал, шутил Дэвис или действительно сомневался в способностях подводников.

Продолжая разговор, я с некоторым удивлением убедился, что лейтенант говорил вполне серьезно. Чтобы не обострять спор, пришлось переменить тему разговора.

Мы с Дэвисом около двух часов занимались с корабельными документами. Документы были в очень хорошем состоянии: аккуратно, четко написаны, своевременно откорректированы, все пункты и параграфы заполнены. Мы сравнительно быстро закончили свою работу. Я успел выписать себе в тетрадку необходимые цифровые данные, поблагодарил Дэвиса за помощь и сказал, что теперь тоже пойду по отсекам, зарисовывать и изучать устройство корабля. Он не преминул предложить мне свою помощь, но я по возможности вежливо отклонил ее.

— Когда сам изучаешь, знания прочнее. Если потребуется помощь, очень буду рад принять ее от вас, мистер Дэвис, — объявил я лейтенанту, спускаясь в люк центрального поста.

В трюме первого отсека я встретился с лейтенантом Глобой и недавно произведенным в звание старшины Свиридовым. Они оба лежали, засунув головы под трубопровод, и изучали главную осушительную систему отсека.

— Здесь тесно. Кто еще там лезет! — Свиридов высунул голову из-под трубы.

— Ничего, поместимся! — ответил я, устраиваясь рядом с Глобой, который был так увлечен своим делом, что, казалось, не заметил моего появления в трюме.

— Простите, товарищ командир! — осекся Свиридов, узнав меня. — Вам здесь тесно будет...

— Ничего. Обо мне не беспокойтесь. Как дела? Поддается изучению лодочка-то?

— Ну как же, товарищ командир. Лодка как лодка...

— А лейтенант сомневается. Говорит, что нам без посторонней помощи не удастся изучить ее...

— Что он, «Гуд морнинга» начитался? Какой лейтенант?

— Командир лодки. О каком «Гуд морнинге» вы говорите?

— Вы не видели, товарищ капитан третьего ранга? Это у них такая матросская газета! — заговорил Глоба, оторвавшись, наконец, от своего дела. — Вместо передовицы... портрет на всю страницу...

— Не портрет, а фотография во весь рост, — вмешался Свиридов, — голой... ну, почти голой девушки. А девушка очень красивая и, видать, порядочная... Почему она дает себя фотографировать?

— Не видел этой газеты. Девушка вам понравилась?

— Девушка, видать, хорошая, но... жалко ее. Почему ее в таком виде в газету?

— Вам тоже, Глоба, девушка понравилась?

— Хорошенько не рассмотрел. Так, глянул в кубрике, — лейтенант несколько замялся, — говорят: офицерам непристойно эту газету читать... Я, чтобы не смущать англичан, не стал интересоваться.

— Вы не ответили на вопрос. Девушка вам понравилась?

— Девушка? Свиридов прав, хорошая, — подтвердил лейтенант.

Глоба и Свиридов вылезли наверх. Когда я поднялся вслед за ними, в отсеке уже были другие люди. Каркоцкий и Мисник сидели на корточках в одном углу, «колдуя» над своими тетрадями, а Гудзь и Тельный — в другом.

— Смирно! — гаркнул Гудзь, первым заметив меня.

— Вольно! Пока над кораблем чужой флаг, эту команду подавать не надо, — предупредил я.

— Есть! — вытянулся Гудзь. — А когда поднимем наш флаг, товарищ командир?

— От нас зависит. Надо изучить корабль, овладеть управлением, принять его.

— Это ясно, но когда? Какой срок дается?

— Срок? Вот лейтенант Дэвис говорит, что на изучение лодки нужен год, не меньше.

Все рассмеялись.

— За две недели с потрохами изучим, — начал было Тельный, но, встретив по обыкновению суровый взгляд своего старшины, осекся.

— Две будет маловато. За три недели изучим, — поправил Каркоцкий матроса.

— Согласен, — сказал я. — Думаю, к концу мая надо принять лодку и поднять на ней наш флаг.

После отбоя я собрал подводников на пирсе, чтобы поделиться первыми впечатлениями о лодке и поговорить о наших планах по изучению корабля.

Большинство матросов, старшин и офицеров сходились во мнении, что ничего сложного для изучения на «Урсуле» нет и при очень небольшой помощи со стороны англичан можно изучить корабль в три-четыре недели.

— Сегодня девятое мая, — заключил я, выслушав все выступления. — До конца месяца остается двадцать два дня. Если сделать два выходных дня, останется двадцать рабочих суток. Думаю, нам вполне хватит этого срока.

На лицах большинства я увидел одобрение.

— Ставлю перед нашим боевым коллективом такую задачу: всему экипажу к концу месяца изучить устройство «Урсулы» и правила эксплуатации боевых механизмов и сдать экзамен с оценкой не ниже «хорошо» и «отлично», — продолжал я. — Думаю основным методом занятий останется самостоятельное изучение. Если, потребуется помощь, обращайтесь к механику, ко мне, к другим офицерам. Сегодня прибыл переводчик, через него можно использовать также и англичан. Они по условиям обязаны оказывать нам всевозможную помощь.

Вечером, встретив в салоне «Чейсера» лейтенанта Дэвиса, я рассказал ему о том, что мы, советские подводники, беремся изучить «Урсулу», принять ее и поднять на ней наш флаг за три недели.

Дэвис стоял в группе других офицеров. Услышав мои слова, он только рассмеялся.

— Я думаю, сэр командер, вы за это время успеете лишь уточнить действительный срок, необходимый для изучения подводной лодки... Стаканчик, виски?

— Посмотрим, мистер Дэвис. Может быть, вы и правы. Но вряд ли, — коротко ответил я.

— А я верю, что они поднимут флаг в конце мая, — мотнув в мою сторону головой, вдруг заявил высокий, сухопарый офицер с отвисшей нижней губой.

Присутствовавшие, как по команде, обратили на него удивленные лица.

— Они изучат и будут управлять твоей «Урсулой» даже раньше, чем в конце мая, — продолжал офицер, ткнув чрезвычайно длинным, тонким указательным пальцем в живот Дэвиса. — У них не матросы, а инженеры! Да, именно так! Каждый их матрос — это инженер, переодетый в морскую форму.

— Ну-у?..

— Не может быть!

— Зачем же это?

Нелепую новость сухопарый офицер, как видно, сочинил тут же., как говорят, не отходя от кассы.

— Вздор! — не выдержав, грубо оборвал я.

— Сэр командер, зачем так сердиться! — покровительственным тоном прервал меня Дэвис.

Я понял, что погорячился и в дальнейшем решил отделываться шутками.

— Я пошутил, хотел проверить, насколько храбр мистер командер, — через силу улыбаясь, я указал на сухопарого болтуна.

— Мистер командер, вы слишком жестоко шутите, — густым басом, как из пустой бочки, заговорил толстый капитан третьего ранга. — Вы же знаете, какой славой пользуются ваши люди? Их даже немцы боятся. Где же этому бедняге не испугаться вашего окрика? — он показал на офицера, губа которого кривилась в искусственной улыбке.

Офицеры рассмеялись.

— Может быть, и правда среди ваших матросов есть инженеры? Что же в этом особенного? — снова вступил в разговор Дэвис.

— Нет, мистер Дэвис, инженеров у нас нет. Правда, наши матросы все без исключения имеют либо среднее, либо незаконченное среднее образование. И никого мы не обманываем. Свой союзнический долг выполняем честно. Если бы мы считали нужным иметь на корабле инженеров, мы бы это сделали открыто, не переодевая их в форму матросов, старшин или во что-либо другое.

— Командер немножко выпил и решил пошутить, вот и все! — примирительно засмеялся толстяк. — Мы же поняли...

— Все мы шутим. Надо же развлекаться в свободное от службы время. Я же тоже шучу, правда? — в тон толстяку ответил я.

Наши подводники действительно изучили устройство «Урсулы» раньше установленного срока. 27 мая все старшины и офицеры экипажа доложили, что задача выполнена, личный состав знает и подводную лодку, и механизмы, и правила их эксплуатации.

На следующий день с утра комиссия в составе Трипольского, флагманского механика Балахничева, лейтенанта Дэвиса и меня приступила к приемке индивидуальных экзаменов от членов нашего экипажа. Требования предъявлялись самые суровые. Экзаменуемый не только рассказывал устройство того или иного механизма, наизусть вычерчивая его на бумаге и называя цифровые данные, но был обязан пустить и остановить его, устранять дефекты и мелкие повреждения.

Подводники с честью выдержали экзамены. День подъема на лодке нашего военно-морского флага приблизился. Одновременно с нами успешно подготовились к этому знаменательному событию и экипажи остальных лодок нашего дивизиона.

Вечером, после ужина, я, как обычно, спустился в матросский кубрик, который располагался на один этаж ниже офицерского коридора. Возбужденные матросы тут же обступили меня. Лица их были озабочены.

— Что случилось? У вас такой вид, словно ждете глубинной бомбежки? — осведомился я, переводя взгляд с одного матроса на другого.

— Лупят, товарищ командир, плетью, — шепнул Тельный, озираясь на английских матросов, копошившихся в отдаленном углу кубрика.

— Кто лупит? Кого? — несколько растерянно переспросил я.

— Матроса Блекхилла лупят...

— Двадцать плетей дали...

— Это у них такая мера есть, дисциплинарная...

— Тяжело бедняге...

Возбужденные матросы наперебой объясняли мне о только что происшедшем наказании провинившегося английского матроса.

— Как им не стыдно? Культурный народ! — понизив голос, чтобы англичане не могли услышать, рассуждали подводники.

— Здесь и наказывали?

— Нет, товарищ командир, — пояснил кок Щекин, — это сочувствующие. Там лежит побитый Блекхилл. Лупить уже кончили.

— И здорово били?

— Ой, здорово! Со всех сторон били...

— За что же, не знаете?

— Шапку, говорят, что ли, не снял при разговоре с офицером.

— Он, этот Блекхилл Валька, хороший товарищ. Всегда нам помогает, если что нужно. И вот... влип...

— Его так и зовут: Валька?

— Нет, это мы так прозвали. Его как-то по-мудреному кличут, так мы по-своему...

Мы долго еще говорили о необычном для наших матросов событии. Наконец подводники несколько успокоились, и я смог перейти к рассказу о событиях.

Обычно я просматривал свежие английские газеты, получаемые в офицерском салоне, выписывал из них наиболее интересные события и вечером рассказывал о них матросам и старшинам.

Наши войска наступали по всему фронту. Шли бои за столицу Белоруссии Минск, в Чехословакии, на Карпатах, за Прибалтику. Всюду фашисты отступали под могучим натиском Советской Армии и Военно-Морского Флота. Разгром фашистской Германии и, следовательно, конец войны приближался. Все это радовало сердца закаленных в боях подводников, но в то же время в глубине души каждый из них беспокоился за свое дальнейшее участие в разгроме врага. Каждый побаивался, как бы

не задержаться с приемкой корабля, не опоздать принять участие в последних, завершающих боях великой битвы народов с черными силами фашизма. Зная об этом, я свои беседы обычно заканчивал несколькими успокоительными фразами, что наш экипаж еще нанесет чувствительные удары по вражеским транспортам.

Однако на этот раз я не успел об этом сказать. В кубрик поспешно вошел Фисанович и, поманив меня в сторону, накинулся на меня:

— Ты почему не отпускаешь людей на вечер? Там все остальные собрались, ждут, а вы тут...

Мы увлеклись разговором и забыли, что в восемь часов вечера в портовом клубе начинался вечер самодеятельности, в котором принимали участие и английские и наши матросы.

— Да, товарищи, — спохватился я, — завтра утром закончим. А сейчас на вечер! Быстро! —

Вслед за Фисановичем в кубрик влетела большая группа английских матросов. Они тоже пришли за нашими подводниками. Заметив офицеров, матросы снимали свои бескозырки, сжимали их в левой руке и вытягивались по команде «смирно».

В помещении остались мы с Фисановичем. А с пирса уже слышалась знакомая мелодия «Широка страна моя родная...». Эту песню должны были исполнить на вечере в общем хоре наши и английские матросы. И теперь, идя в клуб, они лишний раз репетировали ее.

— Пойдем в клуб, — предложил Фисанович.

— Дэвис сказал, что этого нельзя делать. На матросские вечера у них офицеры не ходят.

— Их офицеры и в кубрик не ходят. Ты же не подчиняешься этому правилу. Правило все равно нарушено.

— Там можно обойтись и без... Впрочем, пойдем! — решил я. — Очень уж интересно, как наши матросы будут английские народные танцы исполнять, а они — наши.

Но в коридоре нас встретил Трипольский и тут же осведомился, куда мы спешим. Услышав наше объяснение, он, не вынимая изо рта трубки, приказал:

— Соберите командиров лодок и приходите ко мне в каюту. Обсудим план на завтра. Нечего устанавливать свои порядки. Раз у англичан офицерам нельзя веселиться с матросами — значит, нельзя. Мы у них в гостях, а не наоборот.

На следующее утро, несмотря на то, что вечер самодеятельности кончился поздно и отбой был дан с большим опозданием, задолго до официальной побудки в кубрике все были

на ногах. Матросы брились, чистили и гладили обмундирование, — готовились к подъему военно-морского флага. В этот день рождались пять советских кораблей: линкор и четыре подводные лодки. Все они были не самой современной конструкции, но мы понимали, что в руках умелых советских моряков каждый из этих кораблей представлял грозную силу.

Появление этих кораблей в составе нашего Северного флота могло повлиять на соотношение сил на этом театре войны на море в нашу пользу. Корабли, переданные нам англичанами, были завоеваны кровью наших доблестных войск, громивших гитлеровцев под Москвой и Сталинградом, под Корсунь-Шевченковским и на Курской дуге, освободивших Крым и дравшихся под Яссами и Кишиневом.

К моему приходу все уже были готовы к отправлению на рейд — к месту торжественной церемонии подъема флага. Матросы в нетерпении слонялись по кубрику, боясь даже присесть, чтобы не помять наглаженные брюки.

— Почему так рано? — делая вид, что не понимаю причины волнения, спросил я, приняв рапорт от дежурного по команде. — Чай пили?

— Так точно, товарищ капитан третьего ранга, уже пили!

— Вы, наверное, им спать не дали! — указал я на часть кубрика, где поднимались со своих коек заспанные англичане.

— Да... видать, немного помешали, товарищ капитан третьего ранга. Но... они понимают, — сверлил меня веселыми глазами Трапезников. — Конечно, волнуемся малость.

Внешний вид подводников был образцовым: аккуратно подстрижены, причесаны, побриты, обмундирование выглажено, туфли начищены до лакового блеска.

Мы пришли на пристань намного раньше буксира, который, должен был доставить наши экипажи на линейный корабль, одиноко стоявший на обширном рейде.

Стояла «шотландская» погода. Слабой пеленой туманной дымки неприветливо прикрывался весь Фёрт-оф-Форт. Моросил дождик. Такая погода обычно дурно влияет на настроение людей, но сегодня она была бессильна. Люди словно не замечали хмурую стихию. Они шутили, веселились, торжествовали.

На линкоре нас встретили моряки-надводники. Они с неменьшим волнением ждали знаменательного события.

Одна за другой выходили из Док-Ярда подводные лодки и направлялись на рейд к месту стоянки линкора. Их вели английские команды экипажей. Две из них — «Санфиш» и «Урсула» — ошвартовались к правому борту линкора, а две других — «Унброкен» и «Унисон» — к левому.

Наши экипажи были выстроены на кормовых надстройках подводных лодок. Английские команды заняли носовую часть палуб.

На церемонию передачи кораблей прибыли из Лондона наш посол и глава советской миссии в Англии. Вместе с ними на палубе появились английские адмиралы.

Загремел джаз. Нас уверили, что военного духового оркестра на островах нет. И гимн обеих держав исполнял обычный джаз-оркестр.

Стройные ряды моряков замерли. Под звуки английского гимна на кораблях плавно начали спускаться флаги.

Вслед за минутной паузой раздались волнующие звуки нашего гимна, и советские военно-морские флаги, освещенные выглянувшим из облаков солнцем, гордо развеваясь по ветру, поползли вверх.

После окончания торжественного церемониала английские экипажи пересели на буксиры и отправились в порт.

День уже был на исходе, когда подводные лодки получили разрешение от командира отряда идти к месту своей стоянки в Док-Ярде, расстояние до которого не превышало трех миль.

У внешнего причала Док-Ярда первой ошвартовалась подводная лодка «Санфиш», второй «Урсула». Затем одна за другой ошвартовались и остальные корабли.

Берег заполнился народом. Грузные полисмены прохаживались вдоль набережной, поглядывая на рабочий люд, приветствующий советских моряков.

Я сошел с мостика на палубу и увидел Свиридова, созерцавшего развевающийся по ветру кормовой флаг.

— Свой! И насколько теплее под ним. Словно и не чувствуешь ни тумана, ни дождя... — взволнованно сказал он.

Вечером я решил вернуться на лодку проверить несение дежурной службы. Дежурный главстаршина Терлецкий оглушил меня рапортом такой звучности, которой я не слыхал от него и на Черном море. За время наших переездов он соскучился по службе и теперь «отводил душу».

На верхней палубе все было в безукоризненном порядке. Спустившись же в центральный пост, я натолкнулся на необычную картину. Не успел вахтенный скомандовать «смирно», как из-под разобранного компаса выбрался измазанный человек. Я не сразу узнал его под толстым слоем машинного масла и грязи.

Матрос ловко вытянулся и, застыв, слушал, как я принимаю рапорт.

— Вольно! — рокочущим басом скомандовал вахтенный.

Свободные от нарядов люди уже давно должны были быть в клубе. Наконец-то я нашел повод, чтобы придраться и к вахтенному и к сопровождавшему меня главстаршине.

— Непорядок, — с притворной строгостью сказал я.

— Так точно, непорядок, — уныло согласился Терлецкий, но где-то в уголках его губ скользнула улыбка.

— Что вы делали тут так поздно? — спросил я матроса.

— Виноват, — растерянно сказал он, — проверить хотел контакты...

Опустив руки по швам, он начал пространно объяснять, что хотел только проверить, в порядке ли компас.

— Минут десять осталось, товарищ капитан третьего ранга, — засуетился он.

Для того чтобы собрать компас, нужно было несколько часов.

В дизельном отсеке я лицом к лицу столкнулся с Каркоцким.

Несколько мгновений мы молча смотрели друг на друга: от парторга я не ожидал нарушения корабельной дисциплины. Лицо у него было грязным, как и у остальных матросов, руки вымазаны соляром.

— Виноват, товарищ капитан третьего ранга. Матросы хотели, проверить, все ли в порядке, ну и...

— Оставили нам все в грязи, — вмешался матрос Мисник, о котором в команде не без основания говорили, что из него и слова не выдавишь. — А разве машина такое обращение терпит?

— Сами поглядите, — пришел в себя обрадованный поддержкой Каркоцкий, — можно ли, чтобы в дизельном было такое...

И жестом, исполненным презрения, Каркоцкий показал на ведра с грязью, счищенной с машин.

Годы жестокой войны выработали в каждом подводнике чувство личной ответственности за порученный участок работы, и в некоторых случаях, оберегая людей, это благородное чувство приходилось сдерживать.

— Сегодня праздничный день, вы разве забыли, старшина? И потом... вообще требуется отдых, люди же не автоматы, — стыдил я Каркоцкого в присутствии подчиненных.

— Отдохнем, товарищ командир, в процессе работы! — как бы невольно вырвалась у Мисника старая «малюточная» поговорка.

Тут же он испугался своей невоздержанности и весь сжался, словно приготовившись к обороне.

— Однако, Мисник возмужал.

— И даже немного подразболтался, — добавил Каркоцкий, сверкнув глазами на своего подчиненного.

— Ну, вы уж слишком...

— Нет, товарищ командир, он перерождается, становится болтлив. Я бы его на губу посадил, да стыдно перед англичанами... Вот приедем домой...

Я приказал Терлецкому собрать в центральный пост всех, кто находится на лодке. За исключением дежурного и дневальных по кубрикам на «Чейсере», весь экипаж оказался в сборе.

— Товарищи, я не хочу вас ругать за ваш трудовой порыв, — сказал я, — но поймите, что сегодня наш корабельный праздник. Кроме того, нам просто надо отдохнуть. Завтра с утра выходим в море. Дней отдыха не будет... А сейчас быстро в кубрик! — скомандовал я. — Переодеться — и в клуб на танцы! Советские подводники лучше всех работают, лучше всех воюют и лучше всех танцуют и веселятся — так ведь?

В сопровождении дежурного по кораблю я вышел на пирс вслед за матросами и старшинами. К подводной лодке подходили лейтенанты Дэвис и Лейкок.

— Мы вас хотим пригласить в офицерский клуб, — начал Лейкок.

— Очень благодарен за внимание, но сегодня не могу, — возразил я, — в другой раз.

— Почему?

— Иду в клуб со своими подводниками.

— В клуб? С матросами?

— Да.

— Это же неприлично! — переглянулись офицеры.

— Но, мистер Лейкок, матросы мои боевые товарищи. У нас сегодня общий корабельный праздник, и мы его будем праздновать вместе. Думаю, это будет прилично и весело!

Состязания

После поднятия советского военно-морского флага наши подводные лодки были перебазированы в порт Данди и на время прохождения курса боевой подготовки вошли в состав интернациональной флотилии.

Нас, советских офицеров, расквартировали с офицерами других наций в фешенебельной гостинице «Мейфильд» в двух километрах от Док-Ярда. Остальной личный состав был размещен в матросских казармах в самом порту.

В состав интернациональной флотилии входили, кроме английских, подводные лодки Голландии, Норвегии, Свободной Франции, Дании и Польши.

Появление советских подводных лодок в составе соединений было большим событием. Матросы всех судов флотилии приветливо встретили нас. Офицеры вели себя несколько сдержаннее, но чувствовалось, что и они рады познакомиться с нами и работать бок о бок для победы над общим врагом-цивилизации — германским фашизмом.

Вечером, в день нашего прибытия в Данди, командир флотилии устроил в «Мейфильде» коктейль-партию в честь советских подводников.

Здесь мы познакомились с руководящими офицерами флотилии и установили с ними деловые контакты.

Мне пришлось особенно много беседовать с механиком соединения, пожилым, но молодцеватым и крепким командером Вульфом. Он знал одно русское слово «молодец» и, разговаривая по-английски, часто его употреблял к месту и не к месту.

— Думаю, вы к зиме вернетесь в Мурманск, — заявил Вульф, когда мы коснулись деловой темы разговора. — Мы вам окажем помощь, какую только сможем...

— Вы нам окажете плохую помощь, если мы только к зиме будем готовы, — возразил я. — Надо раньше! Война же...

— Молодец, — отчеканил Вулъф по-русски. — Раньше, я думаю, трудно будет, но... мы поможем. Может быть, вы и сможете пройти курс боевой подготовки раньше. Если бы это сказал не русский офицер, я бы не поверил, но вам я верю. Не понимаю только: как вы можете бить немцев? Как вы их побеждаете? Это же уму непостижимо... Когда вы думаете начать выходить в море?

— Через два-три дня, если вы дадите обеспечение, конечно.

— Молодец! — повторил Вульф. — Вот почему вы бьете фашистов. Вы много работаете, не ленитесь, не теряете времени.

Молодец! Вы знаете, мне уже шестьдесят лет, и я видел жизнь. Кто много работает, тот всегда побеждает. А кто много отдыхает... у того дела плохи...

От Вульфа и другие английские офицеры узнали о цангах планах.

— Прежде чем выйти в море, надо изучить условия навигации в нашем районе. Очень сложная минная обстановка. Плавание по реке и в прибрежной полосе тоже имеет свои особенности, — высказал свое мнение и командир флотилии. — Изучение всего этого потребует немало времени. Я думаю, не меньше чем полмесяца.

— Мы не имеем времени, — очень решительно сказал Трипольский. — Кое-что мои офицеры уже знают, кое-что доизучат, а для обеспечения безопасности плавания в районах боевой подготовки мы будем просить, чтобы английские командиры лодок пока оставались на кораблях.

— Наши командиры в вашем распоряжении, — любезно согласился командир флотилии. — Но доверяете ли вы нам?

— Как же не верить союзникам? Какое мы имеем право сомневаться в вашей честности? — удивился Трипольский.

— А мне почему-то казалось, что вы, русские, хотите все сами делать.

— Напрасно. Мы очень благодарны за помощь и не отказываемся от нее.

— Молодец! — снова громко воскликнул Вульф.

— Вы говорите по-русски? — Трипольский оживленно обернулся в сторону краснощекого механика флотилии.

— Только одно слово знает по-русски, — пояснил я, — но весьма широко им пользуется...

— Он на каждом языке знает по одному слову и умудряется, пользуясь ими, разговаривать на всех языках, — подхватил командир флотилии.

Вульф оказался в центре всеобщего внимания. Каждый считал своим долгом бросить по адресу своего добродушного товарища какую-нибудь шутку.

Через три дня наши подводные лодки действительно начали боевую подготовку в море.

«Урсула», получившая новое название — «В-4», в течение двух дней была приведена в порядок и одной из первых выходила в море. На лодке еще оставались англичане, заканчивающие сдачу отдельных механизмов, и командир корабля лейтенант Дэвис, который теперь выполнял роль лоцмана. Без него нам трудно было бы ориентироваться в минированных водах Великобритании.

Стояла ясная, солнечная погода. Над утопавшим в зелени городом Данди метеорами носились в разных направлениях многочисленные группы самолетов. Корабли один за другим покидали обширный рейд. На реке Тэй, на которой стоит город, было не меньшее оживление, чем в воздухе. В общем гуле моторов мы незаметно снялись со швартовых, дали ход обеими машинами и направились вниз по реке. До выхода в море нам надо было пройти около десяти миль. Однако едва «В-4» отошла от пирса, как укладывавший швартовые концы матрос уронил пеньковый канат за борт. Оброненный конец намотался на винт лодки, и правую машину пришлось тут же остановить.

— Придется возвратиться, — покачал головой лейтенант Дэвис.

— Нет, — решительно возразил я, — винт очистят матросы.

— Не смогут. Мы идем на торпедные стрельбы. Задание ответственное.

— У нас есть водолазы, которые в боевых условиях занимались очисткой винта даже от стальных тросов.

— Ну, как хотите, мистер Иосселиани, вы упрямы...

— Как осел, — подхватил я.

— Я не то хотел сказать... Мы оба рассмеялись.

Дойдя до удобного места, «В-4» застопорила ход и, свернув с фарватера в сторону, чтобы не мешать движению судов, стала на якорь.

— Фомагина с водолазным прибором на мостик!

— Может быть, пошлем моего старшину? Мои люди лучше знают подводную аппаратуру, — предложил обеспокоенный Дэвис.

— Я в своих людях уверен.

— Но, мистер Иосселиани, если кто-нибудь утонет из-за... нашего с вами упрямства.

— Моряка, который утонет в таких простых условиях, не жаль, — по-русски вставил молчаливый Глоба, внимательно слушавший наш разговор.

Все на мостике рассмеялись. Дэвис заинтересовался словами моего помощника, и мне пришлось перевести их на английский язык.

— Ваш помощник стоит вас, — безнадежно махнул рукой лейтенант Дэвис.

Фомагин быстро надел на себя легководолазное снаряжение, привычным движением привязал стальные резаки, с ходу прыгнул в воду и тут же исчез в мутных волнах реки.

Вскоре он поднялся на борт и доложил, что винт полностью очищен от пенькового троса.

Мы снялись с якоря и полным ходом поспешили в район боевой подготовки. Другие лодки заняли назначенные им позиции и уже выполняли упражнения по плану.

Эскортный корабль «Лок Монтитх», служивший учебной мишенью, галсировал между условными точками в море, и подводные лодки поочередно выходили по нему в атаку.

Мы доложили семафором командиру дивизиона Трипольскому о причинах задержки и начали боевую подготовку со второго упражнения.

«Лок Монтитх» дал нам сигнал о начале упражнения с выпуском учебных торпед.

Атака завершилась успешно. Торпеды прошли точно под кораблем-целью и на заданной дистанции всплыли. Их подобрал буксирик, специально снаряженный для этой цели.

Еще четыре раза мы выходили в атаку по «Лок Монтнтху». Выполнив план боевой подготовки, получили разрешение направиться в базу.

Не успели мы ошвартоваться, как увидели на пирсе Трипольского. «Лок Монтитх» вернулся раньше нас, и комдив теперь встречал провинившуюся «В-4». Еще издали он погрозил мне пальцем. Как только лодка ошвартовалась, к борту подошел водолазный бот с одетым в скафандр водолазом.

— Зачем это? — удивился я.

— Я сообщил семафором, чтобы осмотрели винты корабля, — разъяснил лейтенант Дэвис.

Водолаз был спущен. Он доложил, что никаких ненормальностей ему не удалось обнаружить.

На следующий день нам предстояли дружеские состязания.

Дело было в том, что накануне в офицерском салоне в «Мейфильде» командир флотилии вызвал на борьбу Трипольского. При этом он предложил необычную для нас борьбу не то японского, не то индийского происхождения. Противники легли головами друг к другу и, упершись плечами, соединяли руки. Затем, подняв ногу, закладывали ее за ногу противника и старались перетянуть соперника через себя. Побежденный в конце борьбы должен был оказаться верхом на своем победителе. Трипольский был ростом выше англичанина и намного массивнее его. Но, несмотря на это, он несколько раз был побежден и кубарем перелетал через худого, но жилистого командира флотилии.

— Нет, мистер Трипольский, только завтра вы будете иметь шансы на выигрыш. Будем играть в футбол...

— Это же английского происхождения игра, — развел руками комдив. — Почему же мы имеем больше шансов?

— Наши офицеры плохо играют...

Комдив принял вызов командира флотилии, и мы начали готовиться к матчу. Самое ,главное было усвоить правила игры. С футболом был знаком у нас только физрук дивизиона лейтенант Падчин. Он составил чертеж с размещением игроков на футбольном поле, написал на бумаге правила игры и вручил каждому из нас. Закончив служебные дела, поздно вечером я закрылся у себя в каюте и начал готовиться к предстоящему матчу.

Но ко мне пришел матрос Архипов, бывший рабочий тульского завода, потомственный оружейник. Он принес английские газеты и сказал, что меня хочет видеть какой-то американский офицер.

Через минуту я увидел красивого молодого лейтенанта американского флота. Он был щегольски одет, чисто выбрит и распространял вокруг себя пряный запах кэпстена[14].

— Лейтенант Гильтон, господин капитан третьего ранга! — доложил вошедший.

Мы познакомились.

— Я имею удовольствие доложить вам, — заговорил американец, — что завтра на стадионе старший по чину на рейде, контр-адмирал американского флот та, назначил состязание по боксу. Взявшему первое место будет вручен приз. Боксеров выставляют корабли союзных держав, пользующиеся гостеприимством в этом порту. Как организатор, я должен знать, будет ли выставлен от русских боксер. Наша единственная цель — показать населению города, на что способны моряки флагов и наций.

С боксом у нас на корабле дело, признаться, обстояло плохо. Я мысленно перебирал матросов и старшин своего корабля. Хорошие, крепкие ребята, занимаются спортом, но боксеров нет. А ведь для участия в состязаниях надо знать все тонкости.

Словом, пришлось объяснить американцу, что как легкоатлеты, борцы, гиревики мод матросы могли бы участвовать в состязании, но по боксу специалистов нет.

— Очень сожалею, — учтиво ответил американец и удалился.

— Жаль, что у нас нет боксеров. Опозорились в чужом порту, — досадливо сказал я Архипову, как только ушел лейтенант Гильтон.

— Как же, боксеры у нас есть, да только нетренированные... Нельзя без тренировки выступать.

— Кто же?

— Вот Иван Откушенный. Наверное, и еще есть...

Иваном Откушенным на корабле прозвали торпедиста

Грачева. В дни Севастопольской обороны он воевал на сухопутном фронте. В одной из рукопашных схваток фашист откусил ему половину левого уха.

— Ну, какой он боксер? Дал откусить свое ухо какому-то негодяю...

— Ведь против него дрались восемь человек, — горячо запротестовал Архипов. — Он всех уничтожил. Ну, а одни из них, когда Ваня его прижал, хвать за ухо... Ну, и откусил. Что с него спросишь!

Я приказал вызвать Грачева. Вид у него был совсем не спортивный.

— Не умею я. Так, баловался, — неуверенно сказал матрос, загадочно блеснув при этом своими небольшими карими глазами. — Вот Алеша немножко может...

— Архипов? — переспросил я.

— Но его тоже, по-моему, нельзя выпустить: побьют, осрамит нас. — Грачев критически посмотрел на дверь, в которую только что вышел его друг.

На другой день рассыльный старшего на рейде принес несколько пригласительных билетов на состязание. Я роздал их свободным от вахты. Люди начали готовиться к увольнению с корабля: гладить брюки, фланелевки, бушлаты, чистить ботинки.

Остался один билет и у меня. Я спросил Архипова, не хочет ли он пойти посмотреть бокс.

— Товарищ капитан третьего ранга, — замялся матрос, — я немного занят сегодня... За мной комсомольский должок: надо написать передовую в стенгазету. Работенки часов на пять. Это же не узлы и маты вязать, а посложнее малость...

— Знаю, что сложнее и что легче. Мне тоже сегодня предстоит тяжелое испытание. Мы будем играть в футбол с английскими офицерами.

— Как? Кто с кем, товарищ командир?

— Наши офицеры будут играть против английских. Я участвую...

— Так вы же не тренированы, товарищ командир, как же можно? Кем же вы сами играете, можно узнать?

— Кем? — я глянул в свою шпаргалку. — Этим... хаубегом...

— Хавбеком, — поправил матрос и едва сдержался, чтобы не рассмеяться. — А раньше вы играли в футбол когда-нибудь?

— Нет, пожалуй, это единственный вид спорта, которым я никогда не интересовался. По-моему, и остальные офицеры... большинство из них никогда не играло.

— Интересно! — Архипов растерянно смотрел на меня. — Как же вы будете играть? Они же вам забьют не меньше ста голов.

— Ну сто, может быть, и не забьют...

— Это все равно, но выиграют, конечно, они. Товарищ командир, мне можно прийти посмотреть на ваш футбол?

— Вам?.. Нет, пожалуй, вы занимайтесь своей стенгазетой. Там и без вас будет много зрителей. А после обеда пойдем на стадион смотреть бокс. Я думаю, там будет интересней...

Архипов нехотя пошел в матросский кубрик, а я направился на стадион Мейфильда, где был назначен сбор футбольных команд офицерского состава флотилии.

Командир флотилии назначил себя вратарем английской команды. Трипольскому тоже волей-неволей пришлось получить такой же, высокий спортивный пост.

Все заняли свои места, и игра началась. Первые же минуты показали, что как футболисты мы и англичане стоили друг друга, — недаром облепившие ограду стадиона мальчишки усердно смеялись и то и дело скандировали что-то.

Подобно моим товарищам, я носился по полю за мячом, с размаху натыкался на кого-то, падал, вскакивал и снова падал. Мяч сравнительно часто бил меня то по голове, то по рукам, но ногой я ни разу так и не смог его достать.

— Не бегай по всему полю! — время от времени напоминал мне Паластров, игравший центром нападения. — Иди на свое место!

И действительно я часто забывал о том, что было написано в шпаргалке Падчина, входил в азарт и носился за мячом. Один раз я даже влетел вслед за ним в свои ворота, сбив с ног растерявшегося Трипольского.

— Спокойней! — не на шутку рассердился комдив. — Что ты носишься? Да и глаза у тебя вытаращены, как у Ивана Грозного после убийства сына!

В конце концов я устал бегать, получать толчки и удары и начал подумывать, как бы улизнуть с поля. Но неожиданно объявили окончание матча. Оказалось, что у судьи остановились часы, и мы играли лишних полчаса.

— Счет пятнадцать к семи в пользу русских! — торжественно провозгласил судивший игру англичанин.

После матча обе команды долго разглядывали полученные синяки и кровоподтеки.

— Поздравляю вас, командер Трипольский, — объявил командир флотилии, — вы блестяще отбивали мячи!

— Это не я, — смеялся комдив, — мяч сам ударялся об меня и отскакивал. Я его ни разу так и не смог поймать руками, а ногами... не помню. В этой свалке разве увидишь?

— Вот кто лучше всех играл, — командир флотилии нашел

меня глазами, — он очень вам помог выиграть.

— Да я же ни разу не ударил в мяч, мистер...

— Это неважно! — перебил меня англичанин. — У вас был такой страшный вид, что наши офицеры, как зайцы, бегали от вас.

— Он и своих пугал не меньше, — вмешался Паластров, рассматривая свою поврежденную в игре ногу. — По-моему, меня искалечил именно он...

За воротами меня встретил матрос Архипов. Он удивленно смотрел на меня. Вид у меня был неважный.

— Ну как? Проиграли? — решился он, наконец, спросить.

— Выиграли.

— Не может быть!

— Что за неверие в свое начальство? — шутливо пожурил я матроса. — Пойду помоюсь, оденусь, приведу себя в порядок. Пообедаем и пойдемте на стадион, понятно?

— Так точно, товарищ командир! — живо ответил матрос и вприпрыжку поспешил к своим друзьям сообщить необычайную новость: наши выиграли футбольный матч.

После обеда часть офицеров и группа матросов и старшин пошли по приглашению американцев смотреть состязания по боксу.

У входа на стадион нас встретила группа девушек. Они собирали пожертвования в пользу жителей, пострадавших от фашистских бомбардировок. Мы вручили им некоторую сумму, прошли на свои места и тут же убедились, что опоздали. Начался уже последний раунд. Произошла какая-то ошибка: американский лейтенант пригласил нас на два часа позже, чем следовало.

Мы увидели встречу двух последних боксеров — американца и голландца. Прозвучал удар гонга, соперники, как полагается, пожали друг другу руки — и бой начался. Американец сравнительно быстро начал одолевать противника. Бой закончился его победой. Судья высоко поднял руку победителя.

На ринг петушком выскочил лейтенант Гильтон и крикнул в микрофон:

— Победителем состязаний по боксу объявляю американского моряка! Эта победа тем знаменательнее, что здесь, как видите, нет профессионалов-боксеров.

Я переводил речь Гильтона своим матросам.

— Если Джим Оули, сегодняшний победитель, — продолжал американец, — раньше дрался на спортивных встречах в Америке, то теперь он простой воин-моряк, любящий спорт, как и все американские моряки.

— А остальные будто спорт не любят! — проворчал Архипов.

— Спорт и мы любим, а все-таки с боксом-то у нас на корабле

плоховато.

А Гильтон между тем продолжал:

— В состязаниях принимали участие моряки всех союзных кораблей, находящихся в настоящее время в порту. Только русские не выставили своих боксеров, несмотря на наше приглашение.

Лейтенант-американец откашлялся:

— Прежде чем вручить победителю денежный приз, я объявляю еще раз: не желает ли кто-нибудь из публики оспаривать приз победителя? Если есть такой, то прошу на ринг!

Я перевел эти слова Архипову. Он вдруг встрепенулся и, глядя мне в глаза, умоляюще сказал:

— Товарищ капитан третьего ранга, разрешите?

— Что разрешить?

— Разрешите драться с американцем?

— Так вы же не боксер?

— Конечно, не профессиональный боксер, но кое-что в этом деле кумекаю... У нас в Туле при заводском клубе был кружок, я занимался... Прошу рàзрешения, товарищ капитан третьего ранга.

— А не подведете? — нерешительно спросил я. — Помните, здесь дело идет о чести флага.

— Знаю, товарищ капитан третьего ранга. Позвольте?

— Подведет, товарищ командир, наверняка подведет, — взволнованно вмешался Иван Откушенный. — Не тренировался он. Нельзя так идти, Алексей!

— Ты за собой следи, — метнул в его сторону злой взгляд Архипов, — а то дал какому-то шалопаю ухо съесть...

Архипов передал мне на хранение свой комсомольский билет и побежал на ринг.

Лейтенант Гильтон объявил, что один из русских матросов изъявил желание участвовать в финальном состязании с победителем. В его голосе и в жесте, которым он указал на Архипова, отчетливо прозвучала ирония. По трибунам пронесся гул. Архипов рядом с рослым американцем выглядел маленьким и очень юным.

Американец начал бой в быстром темпе. Он наскакивал на своего низкорослого и робкого на вид противника и с первых же минут стал его заметно одолевать. Удары американца заставляли Архипова переходить к обороне.. Сам он наносил редкие и явно слабые удары.

— Ну что он полез?.. Зачем полез против профессионала драться? — ерзал на месте Грачев.

— Подожди! Алешка ведь ловкий. Он еще покажет этому верзиле!.. — не очень настойчиво возражали ему матросы. Видно

было, что и они сильно переживают за Архипова.

— Спокойнее, товарищи, спокойнее! — то и дело говорил я матросам, тщетно стараясь скрыть собственное волнение.

В публике то тут, то там раздавался смех. Смеялись над Архиповым.

Мы чувствовали себя неважно.

Первый раунд кончился. Удар гонга... Наш Алеша уселся на стул. Его обмахивали полотенцем, предлагали воду. И он, как настоящий боксер-профессионал, не пил, а только полоскал рот.

Во втором раунде американец нанес Архипову такой сильный удар, что тот бессильно обвис на канате.

Мы вздрогнули. Что это? Конец боя? Позор?

— Алеша! — стремительно вскочил с места Грачев. — Товарищ командир, разрешите я пойду...

— Садись, сумасшедший! — матросы силой усадили Грачева на место.

— Русские волнуются, — между тем объявил в микрофон лейтенант Гильтон. — У них, видимо, есть для этого основания...

Смех на стадионе усилился. Смеялись, глядя в нашу сторону, почти все присутствующие. Я раскаивался, что отпустил Архипова на ринг.

Однако до поражения не дошло.

Архипов пришел в себя и устремился в атаку. Нам показалось, что с каждой минутой в нем прибавлялись силы. Он наносил противнику удар за ударом. Ответные удары приходились по воздуху. Снова смеялись зрители, но теперь уже не над Архиповым, а над долговязым американцем, тратившим свои силы понапрасну. Архипов дрался все энергичнее.

Вдруг зрители застыли в немом оцепенении. Все увидели растянувшегося на ковре американца. Судья стал считать секунды. Удар пришелся точно. Нокаут! Американец с ковра не поднялся. К нему подбежал доктор.

Судья-американец с деланной улыбкой поднял вверх руку победителя. Стадион гулко зааплодировал. Победителю был вручен пакет с двадцатью фунтами английских стерлингов. Усталый, но с торжествующей улыбкой, Архипов пробирался к нам через ряды зрителей. Все смотрели на него с любопытством.

Мы горячо поздравили товарища и пошли к выходу со стадиона.

Больше, всех ликовал Грачев. Он без стеснения целовал своего друга и беспрестанно твердил, что все время был совершенно уверен в его победе. Мы не возражали.

За нами потянулась целая толпа. Архипов нес пакет в руках и вдруг увидел девушек, собиравших деньги в пользу мирных

граждан, чьи жилища были уничтожены фашистами.

— А зачем они мне, английские фунты, товарищ командир? — вслух раздумывал Архипов. — Мне они ни к чему.

Он знаками подозвал девушек и вручил им пакет с деньгами.

Толпа, идущая со стадиона, проводила нас криками одобрения.

Тому, кто никогда не покидал пределов родной страны, может показаться, что пребывание на чужбине и разнообразие впечатлений и событий отвлекают от мыслей о доме. Такое мнение ошибочно. В матросских кубриках, в офицерских каютах и в отсеках подводной лодки только и говорили о предстоящем возвращении на Родину.

Наконец долгожданный день настал. Личный состав советских подводных лодок, боевая техника и корабли были в полной готовности к отходу в море, в путь, на Родину. На берегу нас провожало командование флотилии.

— Молодец! — вместе с другими английскими моряками обходя советских офицеров, сказал мне Вульф. — Молодец! Желаю благополучно добраться домой и иметь боевые успехи на «Урсуле».

— Спасибо, мистер Вульф! Мои люди и я очень благодарны вам. Вы никогда не считались с временем, помогали нам с доброй душой и охотно.

24 июля 1944 года наши подводные лодки, построившись в кильватерную колонну, начали спускаться по реке Тэй к выходу в Северное море, а на следующий день с восходом солнца втянулись в военно-морскую базу королевского флота Лервик на Шетлендских островах.

По плану перехода из Лервика мы должны были двигаться одиночными кораблями, следуя друг за другом с интервалом в одни сутки.

Первой ушла подводная лодка «В-1», которой командовал Фисанович. После торжественных проводов нас пригласил на обед командир военно-морской базы.

На обеде не было ни одной женщины. Наши хозяева вели себя довольно непринужденно.

Начальник штаба базы оказался ирландцем. Рыжеватый и резкий, как все истые ирландцы, он быстро напился, вспомнил о старинной распре ирландцев с англичанами и совсем недвусмысленно пожалел о том, что немцы так и не оккупировали островов.

— Скажите, — неожиданно обратился он ко мне, — разве вы забудете когда-нибудь о том, что делали на вашей родине фашистские оккупанты?

Смущенный его излишней откровенностью, я замялся. Ирландец ответил за меня:

— Никогда!.. Эти люди сделали с моей родиной то, что фашисты проделывали на оккупированной ими территории России, — продолжал он. — Но англичане опередили немцев. Гитлер учился у них...

Желая отвлечь внимание собравшихся от грозившей перейти всякие границы ссоры, я подошел к радиоприемнику и начал настраивать его.

Позывные Москвы заставили меня задержать регулятор. Было время обычной передачи «Последних известий».

— «Декрет Краевой Рады Народовой о создании Польского комитета Национального освобождения», — раздался знакомый голос московского диктора. Мы вслушались:

— «Накануне решающих боев за изгнание из Польши немецких захватчиков Краевая Рада Народова создает Польский комитет Национального освобождения как временную исполнительную власть для руководства освободительной борьбой народа, для обеспечения его независимости и восстановления Польского государства».

Далее радио передало состав Польского комитета. Сообщение это, как только я перевел его, произвело на англичан большое впечатление.

— Не понимаю, — развел руками командир базы, — зачем комитет, когда есть правительство? Ведь из-за Польши Великобритания вступила в войну...

— Очевидно, раз польское правительство сидит в Лондоне, — ехидно вставил присмиревший было ирландец, — а Польшей надо управлять из Варшавы, то явилась надобность и в таком комитете.

Командир базы яростно воззрился на своего непокладистого начальника штаба, и мы, чувствуя, что назревает новый скандал, поспешили откланяться.

На следующий день ушла в море подводная лодка, на которой находился Трипольский. Еще через день покинула Лервик и наша «В-4».

Перед нашим отходом к борту подбежал высокий худощавый пожилой мужчина.

— Я Биголь! — бесцеремонно сунул он мне свою жилистую руку.

— А я Иосселиани, — с ноткой недоумения в голосе ответил я.

— Меня знают все русские моряки! — продолжал рекомендоваться Биголь.

Я вопросительно глянул на Паластрова. Тот пожал плечами.

— Вы были в России или?..

— Нет, мистер Иоу... Иоу...

— Иосселиани, — пояснил Паластров.

— Я ходил с конвоем в Мурманск. Я случайно в Лервике. Я не англичанин, а американец. Я ходил с очень интересным конвоем и... познакомился со всеми вашими моряками в Мурманске.

— У нас ведь моряки есть и на других морях, не только на Баренцевом море...

— Осенью сорок второго года я шел на военном корабле в Россию в составе большого конвоя под командованием Уйнделла. Командный пункт был на борту нашего корабля, и я мог наблюдать за всем, что делалось в пути следования судов. — Биголь говорил быстро, словно боясь, что мы перестанем его слушать. — В Россию мы везли товары, нужные вам для ведения войны, а из России привозили нужные нам товары. Это неважно, я не то хочу сказать. Конвой был союзным. В его состав входили английские, американские и ваши русские транспорты. В Норвежском море на нас напали немецкие подводные лодки. Им удалось потопить два каких-то судна и повредить ваш транспорт. Повреждение было настолько серьезным, что, по мнению Уйнделла, всякая борьба за спасение судна была бы бессмыслицей. Но ваши соотечественники сразу приступили к ремонту. Уйнделл, как командир конвоя, приказал русскому капитану покинуть тонущий транспорт и пересадить команду на борт флагманского корабля. На это предложение русский капитан ответил, что не может покинуть свой корабль.

— Правильно сделал, — вскользь отметил Паластров.

— Интересно! Я не слышал об этом случае, — подбодрил я рассказчика.

— Такой ответ нам показался безумным, — продолжал возбужденный Биголь. — Все мы были уверены, что в окружении немецких подводников, один в открытом море, сильно поврежденный русский транспорт бесцельно погибнет. Но... нам ничего не оставалось делать, как пожелать успехов безумному капитану...

— Погиб транспорт? — не выдержал кто-то из наших офицеров.

— После нападения немецких подводных лодок наш конвой увеличил ход, и русский транспорт быстро скрылся за горизонтом. — Биголь в возбуждении пропустил вопрос мимо ушей. — Мы считали, что с русским транспортом все кончено. Однако через сутки, когда наш конвой уже взял курс на Мурманск, командеру доложили, что русский транспорт догнал

конвой и просит разрешения занять свое место....

— Вот молодец!

— Да, мои друзья, отремонтировался и догнал нас, — американец говорил все быстрее, комкая слова, и понимать его становилось все труднее. Догнал нас и подчеркнуто вежливо спросил разрешения снова занять свое место в конвое. Русский капитан даже доложил, что он имел артиллерийский бой с немецкой подводной лодкой и отогнал ее. Пораженный геройством русских, Уйнделл приказал поднять русским союзникам сигнал: «Восхищен вашим мужеством!» Этот же сигнал подняли и все другие корабли.

— Товарищ командир, получено разрешение на выход в море! — доложил вахтенный офицер.

— Тот же русский транспорт нам преподнес другой подарок...

— Какой же? — второпях спросил я.

— Еще через сутки, когда наш конвой входил в Мурманский залив, на нас налетела немецкая авиация. На носу одного из «Либерти» взорвалась бомба и начался пожар. Уйнделл приказал покинуть корабль. Мы быстро ушли с него. С русского транспорта, видя, что корабль покинут, немедленно выслали шлюпки с людьми. Они подошли к кораблю и приступили к тушению пожара. И что же вы думаете, мистер Иоус... Иоус?..

— Потушили пожар?

— Да, потушили. Затем предложили нашим морякам вернуться на спасенное судно. Нам ничего не оставалось, как благодарить храбрецов и вернуться. Помню, как на приеме, который устроил в тот же день Уйнделл по случаю благополучного прихода в Мурманск, этот веселый парень, капитан русского транспорта, знакомился с каждым...

— Вы с ним тоже познакомились? — вставил я.

— Да, я потом познакомился со всеми вашими моряками. Я же был на приеме у командующего флотом, но я плохо запоминаю русские фамилии...

— Это я уже заметил...

— Лица людей зато хорошо запоминаю. Вы, мистер Иоус... по-моему, были тогда на приеме.

— Нет, не был.

— Товарищ капитан третьего ранга, командир базы идет!

На пирс проводить нас пришла большая группа английских офицеров во главе с командиром военно-морской базы.

Нам не пришлось дослушать рассказ Отвея Биголя. Мы даже не поняли, чего он от нас добивался. Разведя руками в знак того, что не имею ни секунды свободного времени, я вынужден был повернуться к нему спиной.

Словно для того, чтобы туманная Шотландия навсегда осталась в моей памяти такой, какой ее принято изображать, необычно густой туман лежал на море. В ста метрах берег уже стал не виден.

Подводная лодка обогнула южный мыс острова Брессей, и сигнальщик, который давно ничего не видел в густом, как молоко, тумане, доложил мне, с явным удовольствием соблюдая установленную форму рапорта:

— Товарищ командир, шотландские берега скрылись.

Голос его при этом дрогнул.

Огонь в океане

Советский Северный флот встретил нас трудовыми буднями.

Здесь все было подчинено одной великой цели — победе над германским фашизмом, разгрому гитлеровской военной машины.

На заводах и верфях, в мастерских и учреждениях, на кооаблях и на вспомогательных судах — всюду люди работали с утра до вечера и с вечера до утра, без отдыха и без устали.

Много и настойчиво трудились и подводники.

Советские подводники никогда не разделяли точку зрения, будто бы вследствие большого развития средств противолодочной борьбы подводная опасность в какой-то степени миновала и ее нужно отодвинуть на второй план. Исходя из тщательного анализа боевых действий на водных просторах мира, мы считали, что хорошо подготовленная к боевым действиям подводная лодка, как и в прошлые годы, оставалась грозным оружием не только против торгового судоходства, но и против военных кораблей врага.

Долгие месяцы изо дня в день настойчиво проводились упражнения в маневрировании кораблем, в применении оружия, в использовании механизмов. Мы, бывшие черноморцы, кроме того, должны были пройти специальное обучение для действий в северных водах и сдать соответствующие экзамены.

— Ну, черноморцы, — объявил нам после экзаменов Трипольский, — вы превзошли мои ожидания... Теперь я вижу, что вы приехали не в трусиках со своего курортного моря и готовы воевать и в наших северных условиях.

Подводники повеселели.

— Курс на базу! — скомандовал после небольшой паузы Трипольский, вытирая потное лицо. — Хватит вас мучить. В базе примите запасы, отдохните немного, заступите в боевую готовность и... айда воевать!

Личному составу лодки было дано два дня отдыха.

На Северном флоте в те дни начались бои за Печенгу. Было очевидно, что война близится к концу, и те, кто не бывал в походах, стремились во что бы то ни стало попасть на уходящие в море подводные лодки. Ко мне многие обращались с просьбой взять их с собой в очередной поход, но таких настырных, как матрос-экспедитор Паша, я не видел.

С Пашей у меня были особые отношения, и отказать ему для меня было трудно. Он был первым человеком, который сообщил, что мне и моему экипажу вручается советская подводная лодка новейшей конструкции взамен устаревшей английской.

Во второй половине Великой Отечественной войны мои земляки, трудящиеся Сванетии, собрали средства на постройку подводной лодки и, когда корабль вступил в строй, обратились к Верховному главнокомандующему с просьбой передать командование этим кораблем мне.

Свою преданность Советской Родине сваны доказали в тяжелые дни вторжения гитлеровцев на Кавказ. Когда фашистские горно-альпийские части сделали попытку прорваться в Абхазию, на пути их встали отважные горцы.

Сотни лучших сынов сванского народа боролись с захватчиками.

Фронт отодвинулся от гор Сванетии, и те, кто уже не способен был носить оружие, решили вложить свою посильную лепту в оборону страны.

Подводная лодка получила наименование «Советская Сванетия», и мы уходили на ней в свой первый боевой поход.

— Разрешите, товарищ командир! — просунулась в дверь вихрастая голова матроса.

— Войди, Паша. — Я отложил в сторону книгу, которую читал, и привстал с диванчика. — Чем могу быть полезен?

— Хочу вас попросить... выручить меня, — мялся матрос.

— Взять в море, что ли?

— Да, взять, иначе... прямо хоть пропадай!..

— Ну, почему-так? — возразил я. — Если все, кто не ходит в море, пропадут, как же тогда воевать?

— Я матросом считаюсь, форму ношу, а в море не пускают... Письма все разношу. Что это за матрос? Выручите, товарищ командир...

— Не спится в базе? — отговаривал я. — Разве на берегу плохо? Бомб нет, мин тоже. Шагай себе на здоровье по деревянным тротуарам, разноси письма.

— Я же ни разу не был в море, товарищ командир... Я же немножко... фотокорреспондент... Фотографирую немножко... Хочу заснять ночной взрыв торпеды и потопление транспорта... Мечтаю.

— Не всем ходить, — настаивал я, — кто-нибудь и на берегу должен оставаться. Потом, учти, война кончается... Погибать сейчас особенно досадно... Потопим транспорт, нас, конечно, станут преследовать. Кто знает, чем кончится поединок. Подумай ещё раз и потом приди ко мне.

— Есть, товарищ командир! — обрадовался матрос. — Когда разрешите зайти?

— Не раньше, чем завтра, — рассмеялся я. — Имей в виду, я

еще ничего не обещал.

Назавтра Паша пришел ранним утром, и мне пришлось уступить. По моему ходатайству командование разрешило взять его в качестве помощника кока. Эта специальность ему подходила. Одновременно он должен был помочь выпускать боевой листок.

Вечером, накануне ухода в море, в клубе бригады для нас давался концерт. Однако, к моему удивлению, перед началом концерта в клубе из числа наших людей оказалось немногим более десяти человек. В кубрике тоже их не было. Я пошел на подводную лодку, ошвартованную у пирса в полумиле от клуба.

Спустившись в центральный пост, встретился со старшиной группы электриков. В рабочей форме с переносной электролампой в руках он, видимо, куда-то спешил.

Позади него возился с механизмами усатый Костенко.

— Почему не идете на концерт?

— На концерт я усих погнав, — ответил старшина-украинец.

— А сами почему здесь?

— Я проверяю, днем не успев... механизмы... Старшина долго и упорно доказывал, что ему нельзя идти на концерт, что необходима проверка перед боевым походом.

Пришлось выпроводить людей с подводной лодки. Однако попасть в клуб им не пришлось. На пирсе меня встретили командир бригады контр-адмирал Иван Александрович Колышкин и капитан первого ранга Трипольский. Они объявили, что обстановка изменилась и подводная лодка должна выйти в море ранее намеченного срока.

— Это к лучшему, Ярослав Константинович, раньше кончим войну, — контр-адмирал улыбнулся, показав при этом свои белоснежные зубы.

О Колышкине среди моряков ходили легенды. Первым из подводников-североморцев он был награжден Золотой Звездой Героя Советского Союза. Коренной волжанин, сын крестьянина, он начал трудовую жизнь мальчиком в кожевенной лавчонке. Потом сбежал от хозяина на Волгу и поступил на нефтяную баржу. Зимой, когда баржа стояла в затоне, будущий прославленный подводник жадно учился. По комсомольскому набору попал на флот. Годы, проведенные на Севере, сделали его знатоком этого сурового края. Не было случая, чтобы вновь назначенного командира подводной лодки не опекал во время его первого боевого выхода контр-адмирал.

Строгий начальник, Иван Александрович всегда являлся желанным и приятным собеседником для матросов, старшин и офицеров, которые видели в нем не только командира, но и

воспитателя и друга.

Вместе с Колышкиным и Трипольским я был вызван к командующему флотом адмиралу Головко для получения особых указаний.

Когда после непродолжительной беседы с адмиралом вернулись на пирс, Глоба доложил о готовности корабля к выходу.

Колышкин и Трипольский обошли все отсеки, накоротке поговорили с матросами и старшинами. Затем экипаж был собран во втором отсеке, и Колышкин обратился с речью.

— Ваш выход совпадает, — говорил он, — с днем, когда столица нашей Родины Москва будет салютовать доблестным войскам Карельского фронта, кораблям и частям Северного флота, овладевшим сегодня старинной русской крепостью Печенга. Вы будете добивать бегущего врага. Киркенес еще не взят нашими войсками. Его начнут штурмовать, пока вы будете на боевой позиции. Не выпускать ни одного живого фашиста из баз — вот ваша задача. Нарушать вражеские коммуникации! Топить все корабли врага!.. Желаю успехов! Ждем вас с победой!

— По местам стоять, со швартовов сниматься! — скомандовал я, как только сошли на пирс Колышкин, Трипольский и сопровождавшие их офицеры штаба.

Мой помощник Глоба, теперь уже капитан-лейтенант, подал команду на руль:

— Право на борт!

Подводная лодка, дрогнув, начала разворачиваться. Заработали дизели, и мы двинулись в Баренцево море.

Баренцево море сурово. Постоянные штормы, холод и плохая видимость требуют от моряков большого напряжения и выносливости. И тем не менее трудно передать словами то ощущение, которое охватило меня, когда мы вышли на широкие просторы этого грозного моря. Я стоял на мостике и, не отрываясь, смотрел на свинцово-черные злые волны, разбивающиеся о нашу лодку.

Из центрального поста сообщили, что радисты принимают приказ Верховного главнокомандующего об освобождении Печенгской области.

Я представил себе московский салют, разноцветные ракеты, прорезающие вечернее небо, возбужденные победой толпы людей на шумных улицах столицы, и мне вдруг показалось, что ликующий грохот салюта донесся сюда, на Крайний Север, и как бы провожает нашу лодку в бой.

Текст приказа Верховного главнокомандования был передан по отсекам подводной лодки. Весь наш экипаж с радостью узнал

об освобождении последнего участка родной земли.

— Ну что, Володя Трапезников, — шутливо обратился я к матросу, — кто из нас прав? Говорил я, что мы еще успеем до конца войны совершить боевой поход? Помните?

— Помню, конечно — заулыбался матрос. — Вы еще сказали, что утопим транспорты...

— А как же? Зачем же мы идем, на позицию в такую даль? Или вы хотите сказать: «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь?» Я вам отвечу: «А когда перепрыгнешь, незачем и гоп кричать»...

— Вовремя надо прыгать, а не кричать!

Все в отсеке с интересом прислушивались к нашей шутливой перебранке.

Боевая позиция, на которую шла лодка, была у мыса Нордкап — самой северной оконечности континента Европы. Вражеские суда не могли обойти этот район. Они старались, где это было возможно, проходить внутри фьордов, в шхерных районах, узкостях, затруднявших действия наших подводных лодок. Наиболее опасные места фашистские суда проходили ночью и в непосредственной близости от берега.

Высокие скалистые берега служили хорошей маскировкой для кораблей. На темном фоне, особенно если луна светила со стороны берега, очень трудно было заметить даже большие транспорты и корабли.

Первый день маневрирования не дал результата. Мы не обнаружили ни транспортов, ни других каких-либо судов фашистов. Не было видно признаков жизни и на суше. Побережье словно вымерло. Почти над самым перископом хмуро нависали крутые, девственные скалы Нордкапа и Мехавнкапа, немногочисленные ложбины которых заросли скудным мхоподобным кустарником.

За день подводного маневрирования нам удалось просмотреть и изучить всю береговую черту района позиции.

С наступлением темноты мы, как обычно, всплыли в надводное положение и продолжили поиск над водой.

Вахтенный офицер, два сигнальщика и я, не отрываясь ни на секунду, «шарили» своими «ночниками» по мглистому горизонту. Однако на визуальное обнаружение вражеских судов было мало шансов. Видимость никак не превышала полутора десятков кабельтовых, а временами была меньшей. Это означало, что мы практически не были в состоянии контролировать даже одной трети отведенного нам района боевой позиции. В этих условиях основной надеждой снова; как и некогда на Черном море, оставались приборы корабельного «слухача» — Ивана Бордока.

Бордок за время пребывания за границей не только не отстал

от современного уровня подготовки, но и сумел улучшить и усовершенствовать методы своей работы. Он целыми днями просиживал в гидроакустической рубке еще не принятой от англичан подводной лодки, для тренировки слуха прослушивал малейшие шумы от кораблей в базе.

Англичане подозревали, что он готовится на мировой конкурс гидроакустиков для завоевания какой-то крупной денежной премии.

Такое старательное и добросовестное отношение к делу не замедлило принести свои плоды.

Было четыре часа сорок семь минут, когда из центрального поста доложили: «По истинному пеленгу двадцать семь шум винтов большого судна, восемьдесят семь оборотов в минуту. Идет влево!»

На двадцать четвертой минуте стал заметен силуэт одинокого танкера, шедшего, судя по дыму, густо валившему и трубы, форсированным ходом.

Я скомандовал ложиться на боевой курс. Лодка выпустила двухторпедный залп с дистанции около пяти кабельтовых.

Но тщетны были надежды подводников, ожидавших взрыва. Секунды шли одна за другой... Прошла минута, вторая, а взрывов нет.

Подводная лодка уже лежала на параллельном курсе. Противник, видимо, так и не знал о том, что по нему только что были выпущены торпеды.

Промах! Торпеды прошли мимо...

— Оба полный вперед! — злобно, до боли сжав зубы, подал я новую команду.

Подводная лодка понеслась в повторную атаку.

В шесть часов двадцать минут мы снова сумели занять позицию и выпустили двухторпедный залп из носовых, надводных торпедных аппаратов.

Дистанция залпа была не более пяти кабельтовых, но, увы!.. Торпеды опять прошли мимо цели. На этот раз мне удалось пронаблюдать след их движения. Они прошли по носу танкера.

Стало ясно, что скорость противника была гораздо меньшей, чем мы полагали. Четыре боевых торпеды были израсходованы бесплодно...

Я снова скомандовал: «Лево на борт!» — и подводная лодка еще раз попыталась выйти в атаку. У нас оставались две невыпущенные торпеды.

К сожалению, момент был упущен: со своей скоростью лодка не могла догнать противника и занять позицию для залпа.

Танкер, как мне показалось, уже обнаружил присутствие

советской подводной лодки и увеличил ход.

В этих условиях приходилось надеяться только на какое-нибудь изменение обстановки. Более всего я рассчитывал на то, что танкер за мысом Нордкин повернет в сторону берега, направляясь за Лафьорд.

Двенадцать последующих минут мы и танкер ожесточенно соревновались в скоростях. Танкер довел свою скорость до предельной.

Надежды на то, что он изменит курс, рухнули. Враг прошел мыс Нордкин, не повернув в сторону берега.

Тем не менее лодка продолжала преследование. Где-то еще теплилась надежда на то, что танкер должен, наконец, изменить курс.

Вдруг все присутствующие на мостике заметили, что дистанция между лодкой и танкером начинает сокращаться.

Противник явно уменьшил ход. Такие действий врага ничем не могли быть оправданы, но факт был налицо.

Спустя некоторое время танкер начал поворачиваться в сторону берега.

Я тут же скомандовал: «Право руля!» — и лодка немедленно легла на боевой курс для атаки противника. Через две минуты был дан залп с дистанции трех кабельтовых.

За все двадцать восемь боевых соприкосновений с противником, в которых мне приходилось участвовать в дни Великой Отечественной войны, ни одна торпеда из сорока двух, выпущенных по моей команде «пли!», не приносила столько волнений, сколько принесла эта последняя боевая торпеда. До предела взволнованные, ждали результатов атаки и остальные подводники...

Над танкером поднялся громадный водяной столб, увлекший за собой всю кормовую часть судна. Судно окуталось густым дымом, и через мгновение его не стало видно.

Подводная лодка уже легла на курс отхода и дала полный ход, когда раздался новый сильный взрыв. Нас изрядно тряхнуло. Там, где стоял танкер, мы увидели огненный столб высотой более ста метров. Стало светло как днем.

Потопление танкера, хотя и ценой трехкратного выхода в атаку и выпуска всех шести торпед, имеющихся в аппаратах, полностью оправдало наш экипаж — ведь важен конечный результат. Победителей не судят.

Лодка на полном ходу мчалась курсом на север. Надо было отойти подальше от берега, погрузиться на большую глубину и перезарядить торпедные аппараты.

На мостик вышел Паша с перекинутым через плечо

фотоаппаратом.

— Ну как, Паша, успел сфотографировать что-нибудь? — спросил я.

— Нет, — огорченно ответил матрос. — Меня прогнали с мостика... мешал.

— Кто прогнал?

— Старший помощник. Говорит: «И без тебя тут хватает раззяв... Ходишь, — говорит, — как медуза по мостику». Конечно, я еще... не могу быстро бегать, я не совсем подводник, не привык еще.

— Ну, ничего, — успокоил я матроса, — в следующий раз прикажу, чтобы тебе дали возможность сфотографировать ночной торпедный взрыв. Сегодня взрыв был какой-то... невыразительный. Ты бы все равно не успел его снять.

— Да он и в другой раз не снимет, — вмешался Глеба.

— Почему?

— Да здесь же позировать никто не будет, а работать быстро он не может. Как медуза ползает...

— Нет, товарищ капитан-лейтенант, с аппаратом я работаю быстро.

— Ну, вот посмотрим, как ты работаешь, — прервал я спор. — Завтра или послезавтра еще кого-нибудь встретим, атакуем, а ты снимай.

На вторые сутки мы действительно встретились с немецко-фашистским конвоем.

Накануне вечером была получена радиограмма от командования о том, что из Бек-Фьорда вышел конвой в составе пяти транспортов, трех эскадренных миноносцев и нескольких мелких судов.

Расчеты показали, что он должен подойти к нашей позиции около пяти часов утра.

Мы начали готовиться к бою...

Ночь была темная. Большая зыбь мешала работе гидроакустика. Северо-восток, откуда мы ожидали появления противника, затянут мглистым туманом. Видимость упала до нескольких кабельтовых.

Ранним утром неожиданно мимо самого носа нашей лодки пронесся на полном ходу эскадренный миноносец врага. Попутными волнами лодку подбросило, как шлюпку. С кораблей нас не могли заметить: мы находились со стороны берега, на фоне высоких гор.

Стало ясно, что мы не сумели своевременно обнаружить конвой. Справа на нас надвигалась лавина кораблей. Четыре транспорта в сомкнутом строю следовали один за другим. Вслед

за ними шло много мелких судов. Эскадренный миноносец, жертвой которого мы чуть было не стали, следовал головным и, насколько мне удалось пронаблюдать, шел зигзагообразно большим ходом.

— Оба полный назад! — скомандовал я вслед за объявлением боевой тревоги.

Я относительно спокойно смог рассмотреть надвигающиеся корабли. Впереди шел транспорт пассажирского типа водоизмещением в десять — двенадцать тысяч тонн. Его плохо затемненные иллюминаторы на близком расстоянии светились тремя рядами над поверхностью моря.

— Аппараты, пли! — пронеслась по лодке команда, когда форштевень первого транспорта достиг линии прицеливания.

Торпеды понеслись по курсу подводной лодки.

Одна из них взорвалась у борта первого транспорта, в районе фок-мачты. Пламя пожара мгновенно окутало корабль. Потом он переломился, поднявшись средней частью вверх.

Новый взрыв. Это вторая торпеда попала в другой транспорт — третий в строю вражеских судов. Взрыв оказался еще более сильным. Горящие обломки судна, описывая большие траектории, с высоты падали в воду. Через несколько минут судно почти в вертикальном положении ушло под воду.

Два последующих взрыва торпед, достигших цели, образовали новый яркий фейерверк. Зарево от взрывов было настолько велико, что подводная лодка капитана третьего ранга Каланина, находившаяся в двадцати двух милях от мыса Нордкин, едва не решила сыграть «срочное погружение», чтобы не быть замеченной береговым наблюдением. Другая наша соседка, лодка капитана третьего ранга Колосова, находящаяся в семнадцати милях от нас, тоже увидела зарево. В ее вахтенном журнале было записано: «По пеленгу 240 градусов две шапки пламени на горизонте».

Не мудрено, что нас тут же обнаружили. Многочисленное охранение конвоя (точное количество нам так и не удалось установить) начало выходить на нас в атаку. Как докладывал сигнальщик, головной миноносец открыл по лодке артиллерийский огонь. Проверить правильность доклада я не успел. Подводная лодка на заднем ходу мчалась к берегу и каждую минуту могла налететь на камни.

— Все вниз! Срочное погружение!

Через несколько минут мы были на глубине пятидесяти пяти метров.

— Слева сорок шесть, шум винтов, приближается! — послышался голос Бордока.

Я подал команду на уклонение, но в этот момент, словно упреждая наши действия, мы услышали взрывы первой серии глубинных бомб, ложившихся по левому борту подводной лодки.

Подводники, хорошо знавшие цену бомбовому преследованию, казалось, были относительно спокойны. Только Паша не на шутку взволновался. Широко раскрыв глаза, он озирался по сторонам, словно просил помощи.

— Что, трухнул немножко? — тихо посочувствовал ему Поедайло. — Ничего, это бывало и со мной... Потом проходит. Бомбы далеко падают... Вот рыбу жалко.

— Какую рыбу?

— Как какую? Они же ее глушат, треску-то.

— А-а-а!.. — разочарованно мотнул головой Паша. — Черт с ней, с рыбой!

Новая серия бомб.

— Ближе!.. — вырвалось у Паши.

— А-а, вот наш фотокорреспондент. — Я сделал вид, что только сейчас заметил матроса. — Застрял в центральном?

— Вы почему не в своем отсеке? — опомнился Глоба.

— Меня... меня не пустили, — оторопел Паша. — Мешаешь, — говорят...

Бомбы, очевидно почти одновременно брошенные с двух кораблей, немного тряхнули корпус подводной лодки.

— Расстояние до бомбящих миноносцев превышает десять кабельтовых, — доложил Бордок. — По курсовому сто три и сорок левого борта удаляются быстро! Других шумов не прослушиваю!

— Видишь, даже удаляется, — возобновил я прерванный разговор с матросом Пашей. — Так как твой снимок? Взрывы были хорошие!

— А-ай! — махнул рукой матрос. — Уронил аппарат за борт.

— Он же на ремне был?

— Торпеды взорвались так здорово, что... я не помню, что я сделал... а только аппарат вместе с футляром и ремнем упал за борт. А мне захотелось бежать, но...

— Ничего, ничего, это бывает по первому разу, — снова вмешался Поедайло, наклонившийся над журналом записи событий. — Потом проходит...

Кто-то прыснул. Вероятно, рассмеялись бы и остальные, но новые и довольно близкие разрывы заставили нас усилить наблюдение за действиями врага.

— Охотники! Приблизились неожиданно справа! Сейчас отвернули, удаляются по корме! — сообщил Бордок.

— Это они из Мехавнс-Фьорда вышли, здесь у них база, — вслух рассуждал я. — Пошли в сторону кормы. Значит, они тоже

бомбят наугад и считают нас где-то сзади.

Четыре часа длилось преследование. Мы отделались несколькими выбитыми электрическими лампочками — обычными жертвами глубинных бомб.

Оторвавшись от врага, с наступлением утра всплыли в надводное положение и первое, что увидели, — это густой слой нефти, разлитый на поверхности моря. Это было все, что осталось от транспортов.

Так закончился последний поход нашей лодки в дни Великой Отечественной войны.

Уходим в море

После окончания войны прошло много лет. Как-то перед выходом в море я заскочил к себе в каюту, чтобы бегло просмотреть накопившуюся корреспонденцию.

Была горячая пора боевой подготовки. Большая часть подводных лодок соединения занималась зачетными торпедными стрельбами.

Едва я успел сесть за стол, как в каюту осторожно, но довольно настойчиво постучали.

Вошел лейтенант в новеньком обмундировании и по-юношески звонким голосом доложил:

— Товарищ капитан первого ранга, лейтенант Василий Федорчук представляется по случаю назначения на должность штурмана подводной лодки «Окунь» вверенного вам соединения.

Что-то, в скуластом, обветренном лице молодо-FO лейтенанта мне показалось знакомым, но я никак не мог припомнить, где же я встречал этого человека.

Как бы отвечая на мой внимательный и довольно бесцеремонный взгляд, лейтенант полушепотом подсказал:

— Васю... помните?

— Вася! — воскликнул я и схватил лейтенанта за плечи. — Рад видеть тебя таким орлом!.. Рассказывай, рассказывай немедленно все о себе! Как ты... учился? Где был с тех пор?..

— После ухода вашего,., нашего экипажа, — запинаясь, начал лейтенант, — на второй же день прибыл новый экипаж. Меня снова приютили, и я ходил с ними в походы... Однажды меня встретил адмирал Болтунов. Он спросил: кто я и откуда. Потом приказал отправить меня в Нахимовское училище. Окончил его. Потом приняли в Высшее военно-морское училище, и вот... лейтенант... прислан в ваше распоряжение.

— А почему ни разу не давал о себе знать? И не стыдно?! Остальные «малюточники» все пишут, хоть изредка, но пишут.

— Я очень хотел, товарищ капитан первого ранга, но стеснялся. Думал: и без меня у вас много дел... Зачем же мешать? Об остальных я тоже кое-что знаю. Вот у меня газета сохранилась, — лейтенант вытащил из кармана и протянул мне тщательно оберегаемую газету. — Здесь Указ Президиума Верховного Совета СССР... Вот: «За высокие трудовые показатели награжден... Фомагин Иван Григорьевич»...

— Знаю! Я поздравлял его и получил от него ответ. А о других товарищах ничего не знаешь?

— Еще я читал: Костя-электрик — Герой Социалистического

Труда. Слышал, что Гудзь и Терлецкий стали офицерами.

— Газеты не регулярно читаете, товарищ лейтенант!

— Да, конечно, некогда... учеба, требования большие.

— Да, требования правильные. Садитесь! — Я жестом указал лейтенанту на диван и прибрал со стола бумаги, которые так и не успел просмотреть. — После того как отгремели последние орудия на фронте, большая часть наших «малюточников» демобилизовалась. Расставаясь, мы договорились: работать на мирном фронте по-боевому и друг друга не забывать. И надо сказать, что договор выполняется вполне удовлетворительно. На трудовом фронте отличились многие: Николай Зуб, Константин Щекин... Трапезников с женой. Помнишь, Тинико?

— Так точно помню! Я слышал, они поженились?

— Да. И выращивают, обильные урожаи. Наш «слухач» Иван Бордок выдвинут на должность секретаря райкома партии в Днепропетровске. Каркоцкий посвятил себя благородному делу воспитания подводников. Отмечен наградой. А Мисник? Помнишь Ивана Харитоновича Мисника? Директор совхоза.

— Здорово!

— Так и все остальные. Вадим Поедайло со своей Оксаной в колхозе под Одессой. Пишут, что в этом году будут участвовать в сельскохозяйственной выставке.

— Молодцы! — искренне радовался Федорчук.

— Только нашей с вами работы пока что, не видно.

— Да, конечно... Не так видно, — неуверенно подтвердил лейтенант.

— И не надо, чтобы ее было видно. — Закончив укладывать бумаги, я начал прохаживаться по каюте. — Наша с вами задача: совершенствовать оружие, осваивать опыт минувших войн, овладевать новым оружием, новыми приемами его применения в бою.

— Да, если будет война...

— Если не будет... — перебил я. — Но нам с вами надо быть готовым к ней в любую минуту.

— Товарищ капитан первого ранга, разрешите доложить! — в дверях появился оперативный дежурный соединения. — Все корабли подняли сигналы о готовности к выходу! Время без десяти семь.

Приняв доклад, я тут же отпустил дежурного офицера и снова обратился к молодому штурману:

— Идите на подводную лодку. Через десять минут выходим в море.

Покинув базу, подводные лодки выстроились в кильватерную колонну и, покачиваясь на пологой волне, направились в районы

боевой подготовки.

Послесловие

Ранним утром на легковых автомобилях мы подъехали к аэродрому города Кутаиси.

Небо было ясным, светло-голубым. С гор, увенчанных снеговыми шапками, тянуло ветерком. Он был напоен прохладой и ароматом. День обещал быть погожим. О том, что нам придется пережидать на аэродроме ненастье, не могло быть и речи.

В зале было многолюдно. Большинство пассажиров, судя по их одежде, были альпинистами, подобно нам, собравшимся лететь в глубины Кавказского хребта. Многие из них собирались в город Местию — центр советской Сванетии.

Я подошел к окошечку «Справочного бюро», чтобы на всякий случай осведомиться, будет ли сегодня самолет на Местию. Белокурая девушка ответила мне, что сведения о состоянии погоды будут получены от высокогорных метеостанций через час, и только тогда, станет известным, полетит ли самолет.

— Уже социализм давно построили. Во всем успехи. Каких больных вылечиваем! Можно сказать, из могилы людей поднимаем. А самолеты у нас, в Кутаиси, летают только в хорошую погоду. Нет погоды — сиди и жди! Это, наверное, потому, что авиацией руководит мой друг Гвито, — пошутил один из моих родственников, Гоги. Он служил главным врачом в санатории железнодорожников в Цхалтубо, и все знали его как большого шутника и весельчака.

— Лечить больных нетрудно: посадил в водичку, она и лечит, а врач только анкетки заполняет. Летать в горах много труднее, — услышали мы позади себя. Обернувшись, увидели красивого грузина в форме летчика гражданской авиации.

— Здравствуй, Гвито! Ты, оказывается, подслушиваешь наш разговор с девушкой! — Гоги протянул руку начальнику аэропорта.

— Девушка здесь ни при чем. Она и не разговаривала с тобой. Ты один хулил меня, — продолжал шутить Гвито.

— Она знает, что начальство нельзя вслух ругать. Прошу познакомиться, — Гоги на минутку сделал серьезное лицо. — Это мой друг начальник аэропорта, которого я только что хвалил... А это Ярослав Иосселиани. Он говорит на сванском, грузинском, русском, немецком и английском языках. И на всех этих языках может тебя выругать, если ты не отправишь сегодня всех нас на самолете в Сванетию.

— Гоги неисправим, — пожав мне руку, произнес начальник аэропорта. — Говорят, он даже на похоронах шутит...

— Эта дама, — продолжал Гоги, — жена Ярослава — Галина Павловна Иосселиани. Она говорит только по-русски. Ты ее можешь не бояться; если она и будет ругать тебя, ты можешь притвориться, что не понимаешь по-русски...

— Товарищи, — объявил Гвито, когда знакомства закончились, — самолеты сегодня полетят на Местию, но... пассажиров много, и очередь ваша, как мне кажется, не из первых. Всех сегодня не сможем отправить. Полетят два самолета. Они сделают четыре-пять рейсов. За каждый рейс перевезут по двенадцать человек. А здесь, вы видите...

— В два раза больше, — подсчитал я.

Пока мы разговаривали с начальником аэропорта, к лам начали подходить пассажиры, и вскоре вокруг нас образовалось плотное кольцо людей, вооруженных ледорубами, рюкзаками и разными другими альпинистскими приспособлениями.

— Ба-а!.. Ярослав! — вдруг закричал на весь зал узкоплечий, невысокий человек с копной светлых взъерошенных волос и с огромным рюкзаком за спиной. Я узнал сврего давнего приятеля Ефима Ратнева.

Мы впервые встретились с Ефимом в 1930 году на дорогах Сванетии. С тех пор все свои отпуска он путешествовал по полюбившейся ему стране и исколесил ее вдоль и поперек. Он знал о Сванетии и сванах буквально все: историю, обычаи, нравы, культуру и даже немного язык.

— Опять в Сванетию?

— А как же! Хорошо тебе, ты плаваешь по морям, тебе воздуха хватает, а я ведь научный работник, все время в лаборатории...

— Наверное, уж в сотый раз едешь?

— Нет, меньше ста раз, но... не на много... Поняв из нашего разговора, что я сван, один за другим стали втягиваться в разговор многочисленные пассажиры, интересовавшиеся прошлым моей страны. Они попросили, чтобы, используя свободное время, я непременно рассказал им о Сванетии. Однако мне удалось их убедить, что Ефим знаком .со Сванетией не хуже, чем я. После долгих уговоров Ефим согласился кое-что рассказать.

Ефим говорил, как опытный экскурсовод: немного книжно, но обстоятельно и вразумительно. Это выглядело картинно: невысокий, узкоплечий человек стоял посреди зала и, жестикулируя, рассказывал. Пассажиры, рассевшись по диванам и стоя в некотором отдалении, очень внимательно слушали его импровизированную лекцию.

— За этими снежными перевалами, куда, как мы все

надеемся, начальник аэропорта нас скоро отправит, — Ефим указал рукой на горы, — в котловине между Главным Кавказским и Сванским хребтами расположена крохотная страна Сванетия. До самой Октябрьской революции мир почти ничего не знал о Сванетии. Точно так же и сваны почти ничего не знали о цивилизации. Огражденные со всех сторон непроходимыми ущельями и перевалами, доступными лишь в определенные месяцы года, сваны тысячелетиями жили оторванными от всего остального мира...

Я вместе с другими пассажирами слушал рассказ о моей родине. И этот рассказ, и то, что считанные часы оставались до встречи со страной моих отцов, и то, что мне предстояло близкое свидание с родными и знакомыми, — все это настроило меня на какой-то особый лад, заставило задуматься о своем маленьком народе и о себе.

В детстве я и мои сверстники не имели представления о колесе, и я испугался, впервые увидев телегу. Обыкновенное колесо, с которым дети знакомятся еще до того, как научатся самостоятельно ходить, показалось мне чудом. Не знали я и мои сверстники и почти ничего из того, что детям многих поколений казалось обычным, повседневным: современного жилья, книжки и карандаша, мощеных улиц, печки с дымоходом, лампы и многого другого.

В человеческом прогрессе есть определенная последовательность. Сначала люди узнавали могущество пара, затем электричества, радио, телевидения.

К моему народу цивилизация пришла ошеломляюще внезапно. Великий Октябрь распахнул для нас двери в мир, в Широкие страны, к вершинам человеческой цивилизации и культуры.

Жизнь властно позвала нас вперед. И не я один, но и многие другие сваны, откликаясь на ее зов, овладевали культурой, знаниями, техникой, проходя для этого за самое короткое время путь, для которого человечеству понадобились столетия.

И в том, что я, уроженец затерянного в непроходимых горах селения Лахири, овладел высотами современной культуры, оказался в курсе новейших технических и военных проблем, приобрел опыт руководства людьми и получил некоторую известность как участник минувшей войны — во всем этом я отнюдь не вижу своей исключительности или исключительности своего народа. Мой жизненный путь, как и жизненный путь многих моих сверстников, для меня верное доказательство того, что возможности освобожденного от гнета человека безграничны и что, когда окончательно порвутся цепи колониализма, так

называемые «отсталые народы» выдвинут множество талантливых людей, которые по праву займут свое место в рядах первооткрывателей, прославятся во всех областях культуры, науки и техники.

Обо всем этом я думал, собираясь навестить родные края и вслушиваясь в рассказ страстного альпиниста Ефима Ратнева, пока к начальнику аэропорта не подошла девушка в летной форме и не вручила ему какую-то бумажку. Начальник громко объявил:

— Товарищи пассажиры, летящие на Местию! Через двадцать минут самолеты вылетят по маршруту. Первых двенадцать пассажиров прошу оформить билеты!

Пассажиры задвигались, зашумели.

В первом же самолете они уступили места для меня и моей семьи. Мне было неловко принимать эту жертву. Я знал, что ожидания всем надоели. Но мне сказали:

— Это ваша родина, и вас, наверное, ждут. А мы можем немного подождать.

Перелет до Местии занимает всего около сорока минут, но лететь приходится на большой высоте над ледниками, сменяющимися глубокими ущельями. Сама Местия расположена в небольшой Ингурской долине, и садиться приходится на очень маленький аэродром.

Два небольших самолета типа «АИР-8» один за другим поднялись в воздух. Они долго кружили над Кутаиси, набирая необходимую высоту для перелета через хребет.

Наш самолет первым взял курс на север.

Из окна нашим глазам открылась величественная картина. Земля казалась как бы измятой. Зелень лесов, покрывающих горы, слилась в один мохнатый изумрудный ковер.

Снежные вершины приближались. Солнце щедро играло на ледниках. Слепило глаза.

Напротив меня сидел отец. Я смотрел на его морщинистое лицо, на слезящиеся не то от солнца, не то от нахлынувших на него воспоминаний глаза и думал, что он очень постарел.

— Вот, Яро, — обратился он ко мне, указывая в окошко, — видишь тропу? Это она ведет на Латпарский перевал.

Я долго старался рассмотреть ее, но не смог.

— Вы счастливые. Даже не можете узнать тропинку, на которой в старые времена погибло так много наших земляков! — раздумчиво вымолвил отец.

В разговоре мы не заметили, как самолет перелетел через очередной хребет. Далеко внизу стало вырисовываться большое ущелье. Вскоре перед нами предстали бесподобные в своем роде

сванские башни. Показалась Местия.

— Бальский перевал! — воскликнул. отец. — Видишь шоссейную дорогу и... автомашины?

Но я уже плохо слушал отца, ощущая радостное волнение, охватывающее, вероятно, всякого, кто возвращается к месту своего детства после длительного отсутствия.

Хотя и долго не удавалось мне побывать в родной Сванетии после того, как в 1922 году мы спустились с гор и поселились в Дали, но я никогда не порывал связи со своими мужественными, трудолюбивыми земляками.

Во время Великой Отечественной войны после каждого возвращения из боевых походов меня ожидали письма из Лахири, Ажары, со всех концов маленькой горной страны. Нельзя было без волнения читать эти письма, где иногда в наивной форме каждый старался воодушевить меня на самоотверженную борьбу против иноземных захватчиков. Вспоминается одно из таких писем, написанное стариком Абгалом Гелани из села Лабскалд:

«Мне уже так много лет, что никто не помнит, когда я родился, да и сам я не знаю, сколько прошло с тех пор лет. Но если бы я был на твоей лодке, которая может плавать под водой, то пробрался бы по рекам к врагу и взорвал заводы, где враги делают порох, а без пороха они не смогут воевать. Только, когда будешь завод с порохом взрывать, смотри, будь осторожней, сам можешь погибнуть...»

Село Лабскалд расположено на высоте 2 500 метров над уровнем моря, если можно так выразиться, на мансардах Кавказа. Естественно, что Абгал Гелани, проживший всю свою жизнь в горах и никогда не видевший моря, имел своеобразное представление о подводном плавании.

Письмо было написано четким, старательным почерком. Очевидно, один из многочисленных правнуков-школьников помогал старому Абгалу справиться с этой сложной для него задачей.

Некоторые из таких писем я читал команде лодки и видел, как светлели лица отважных моряков, как глубоко они понимали порой наивные слова.

Я был единственным свином, командовавшим подводной лодкой. Поэтому земляки непомерно высоко оценивали мои скромные заслуги перед Родиной. И именно поэтому во второй половине войны, когда мне было присвоено звание Героя Советского Союза, трудящиеся Сванетии собрали деньги на постройку подводной лодки и обратились к Верховному главнокомандующему с просьбой передать командование кораблем, построенным на их средства, мне.

Свой патриотизм сваны доказали и в тяжелые дни гитлеровского вторжения на Кавказ. Фашистские горно-альпийские дивизии двинулись через перевалы, пытаясь прорваться к побережью Черного моря, в плодородную Абхазию, но тут-то на их пути встали отважные горцы, с молоком матери впитавшие ненависть к поработителям.

Сотни лучших сынов Сванетии плечом к плечу с братскими соседними народами Абхазии, Осетии и Грузии самоотверженно боролись с фашистами. Вскоре фронт отодвинулся от границ Сванетии, и те, кто уже не способен был применять оружие в непосредственной борьбе с врагом, решили вложить свою лепту хотя бы в строительство подводной лодки.

В 1946 году мои земляки снова оказали мне высокую честь, избрав депутатом Верховного Совета СССР.

И теперь, подлетая к местийскому аэропорту, я знал, что земляки окажут мне душевный, братский прием.

О нашем прибытии в Местии никому не было известно. Мы спокойно приземлились и пешком пошли в город.

Местия была верна себе. Вокруг все так же грозно взлетали в небо гордые башни. Но очень много было и нового. Древние постройки резко контрастировали с вполне современными зданиями, радиомачтами, столбами телеграфа и электросети.

Видимо, из аэропорта кто-то позвонил по телефону о нашем прибытии, и на площади собралось много людей.

Впереди встречающих был плотный широколицый мужчина. Это был секретарь райкома партии Чкадуа Сосо. Он первым обнял меня и поздравил с прибытием в родной край. За ним приблизился незнакомый мне здоровенный человек с симпатичным, приветливым лицом.

— Предисполкома. Чхетиани Сандро, — отрекомендовал его Чкадуа.

После этого порядок нарушился. Толпа приблизилась к нам, и мы растворились в ней.

Нас встречали по старым обычаям. Перебивая друг друга, нас обнимали и целовали совершенно незнакомые люди,

— Сынок, — передо мной выросла седовласая, сутулая женщина, чем-то напоминавшая покойную Хошадеде, — твоя жена христианка или нет?

— Что? — я несколько оторопел от неожиданного вопроса. — Она русская... А что? Почему вы спрашиваете?

— Православная, христианка! Не видишь: белокурая? — прозвучал из толпы женский голос.

Старуха проворно подошла к Галине Павловне и начала ее нещадно обнимать и целовать.

— Суеверий еще много, — оправдался за старуху секретарь райкома. — Есть у нас еще пережитки... Считают, что женой свана может быть только женщина православной веры.

— А что делать, если она атеистка? — вставил мой зять Шалико.

Когда, наконец, было покончено с объятиями и поцелуями, нас провели к центру площади, к зданию клуба. Только здесь народные обычаи уступили место современным речам и приветствиям.

— Яро, прошу познакомиться с сыновьями нашего национального героя Сирбисто Навериани, — взял меня за локоть Сосо Чкадуа, — Фербен и Эраст, оба аспиранты Тбилисского университета, а Ньюто здесь работает.

Передо мной стояли три стройных брата. Они живо напоминали первого большевика Сванетии Сирбисто Навериани, трагически погибшего от руки врагов народа.

— От души счастлив увидеть вас такими орлами! — Я обнял смущенных братьев.

Это знакомство взволновало меня. Я припомнил свою единственную встречу с Сирбисто и коротко, поведал о ней его сыновьям. Они слушали меня, опустив глаза, жадно. Можно было без труда определить, что память об отце священна для этих славных, еще не старых людей.

Только вечером мы смогли продолжать свой путь в Лахири. Нам дали легковую машину, и трудный путь, который преодолевала когда-то наша семья, шагавшая за утомленным мулом, в великом страхе перед бандитами, теперь мы совершили в самых комфортабельных условиях.

Машина мчалась по шоссе, проложенному вдоль Ингура. Вскоре мы достигли селения Жамуж.

Здесь наша семья когда-то прощалась с односельчанами, большинство из которых считало нас обреченными. Теперь нас встречали почти все жители Жамужа и Лахири. Дальнейший путь до Лахири мы прошли пешком рядом с друзьями и родственниками.

Не узнал я родного дома.

Стоял он какой-то мрачный, маленький.

Я направился было к знакомой двери, но несколько рук одновременно меня остановили:

— Теперь здесь скотина живет. Вот сюда!

В конце двора виднелся вполне современный деревянный дом с террасой.

Мой дядя Андеад широким жестом приглашал нас в дом.

Первое, что мне бросилось в глаза, — была лампочка,

свесившаяся с потолка. Приятно взволновали меня стулья, никелированные кровати, печь.

Мои дяди со своими семьями жили по-новому.

Воспользовавшись тем, что женщины накрывали на стол, я направился в старый дом.

Около стены, где была наша кровать, стояла корова. Она вытянула морду навстречу мне и замычала. Я подошел, похлопал ее по теплой шее и тихонько вышел, стараясь поскорее побороть вновь нахлынувшее на меня волнение.

В новом доме, несмотря на его довольно большие размеры, стало тесно от многочисленных родственников и гостей.

Нас усадили за длинные ряды столов. Напротив меня оказался старик с подслеповатыми, слезящимися глазами и седой бородой. Одет он был совсем не так, как одеваются сваны-старики. На нем был новый костюм, очевидно купленный в одном из магазинов Местии. Костюм мешковато сидел на нем.

Мне показались знакомыми черты лица старика. Я старался воскресить в памяти те времена, когда видел его. Он сам помог мне:

— Помнишь, Коция, я тебе говорил, что пропали бы мы, если бы не эртоба? Помнишь? — обратился он к моему отцу, пригубив вино из деревянной чарки. Говорил старик очень громко: вероятно, слышал он уже неважно.

Теупанэ, старый милый Теупанэ сидел со мной рядом в новом костюме!

— Ты, Яро, много не воображай о себе, — сказал он, заметив мою улыбку и не отгадав, что за ней скрывается. — Мои внуки такие же ученые люди, как и ты.

Я узнал, что один из внуков Теупанэ стал инженером и работал в Сванетии, а другой — преподавателем средней школы.

Невдалеке от меня сидел тоже уже немолодой человек с веселыми серыми глазами. Это был дядя Аббесалом, работавший в Лахири директором школы. Его верный друг по боевым делам в революционные дни дядя Ефрем геройски погиб в Великой Отечественной войне под Москвой. Он был комиссаром дивизии.

Не довелось мне увидеть дорогих сердцу бабушку Хошадеде и дедушку Гиго. Они умерли задолго до моего возвращения в родные места.

Не было и моего двоюродного брата Ермолая, не захотевшего пойти вместе со мной в школу и оставшегося дома пасти стадо. Не знаю, сумел ли он приучить своих животных к звуку трубы, которую я ему прислал, как и обещал, из Гагры. Ермолай с оружием в руках встал на защиту родного края от фашистских захватчиков и отдал свою жизнь за наше общее дело.

notes

Примечания

1

Черный понедельник — религиозный праздник у сванов.

2

Хабед — воспламеняющийся от искры подсушенный гриб, растущий на березе, трут.

З

Гудра — мешок из козьей шкуры, шерстью наружу.

4

Хурджин — мешок из домотканого материала.

5

Деавон — дьявол, злой дух.

6

Симарэ — человек.

7

Рас шоби? — Что делаешь?

8

Взять паруса на рифы — уменьшить площадь парусов.

9

Кабельтов — одна десятая часть морской мили (185 метров).

10

Форштевень — самая передняя часть судна.

Комингс — в данном случае порог.

12

Пузырь в среднюю — команда частично продуть балласты из маневренной систерны.

13

Игра слов: лайф по-английски означает жизнь.

14

Кэпстен — сорт табака.